

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М.П.Абрамова

Ранние аланы
Северного Кавказа
III-V вв. н.э.

Москва 1997

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

АБРАМОВА М.П.

Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М., 1997 - 165 с.

Монография посвящена дискуссионной проблеме, связанной с путями формирования аланской культуры Северного Кавказа. Общеизвестно, что северокавказские аланы, предки современных осетин, ведут свое происхождение от кочевых сарматских племен, однако конкретные пути этого процесса до сих пор не исследованы. В монографии впервые использованы все известные к середине 90-х годов материалы погребальных памятников III-V вв., открытых в центральных районах Северного Кавказа, а также данные антропологии, лингвистики и топонимики, и представлена одна из возможных трактовок этих материалов.

Для историков, археологов, этнологов и всех интересующихся древней историей Северного Кавказа.

Книга напечатана при содействии фирмы "ЛЕНТОН ЛТД"

Печатается по постановлению Ученого совета Института археологии Российской Академии наук

Рецензенты:

доктор исторических наук В.И.Козенкова,
доктор исторических наук Л.Т.Яблонский.

ISBN 5-201-14349-0

© М.П.Абрамова, 1997

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY**

M.P.Abramova

**THE EARLY ALANS
OF THE NORTH CAUCASUS
3rd-5th CENTURIES A.D.**

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Погребальные памятники центральных районов Северного Кавказа III-V вв.н.э.....	9
Глава 2. Некоторые особенности погребального обряда.....	97
Глава 3. Характеристика погребального инвентаря.....	108
Глава 4. Вопросы локализации алан в III-V вв.....	137
Заключение.....	155
Литература.....	159
Архивные материалы.....	164
Список сокращений.....	165

Введение

Период III-V вв. является, пожалуй, наименее изученным в истории древнего населения Северного Кавказа. А между тем этот период связан с обширными перемещениями многочисленных племен, что существенно изменило жизнь оседлого населения разных районов, в том числе и Северного Кавказа. Это время, которое вместило в себя такое важное событие, как окончание многовекового господства в Предкавказье ираноязычных племен скифов и сарматов, включая кочевников алан, закончившегося с появлением здесь сначала гуннов, а затем и многочисленных волн тюркоязычных кочевников.

Как же отразились все эти события на судьбах оседлого населения Северного Кавказа? Какие изменения произошли в их духовной и материальной культуре, которые могли бы конкретно подтвердить факт появления на Кавказе новых этнических элементов? Эти вопросы будут рассмотрены на материалах погребальных памятников центральных районов Северного Кавказа - от бассейна Верхней Кубани на западе до бассейна Сунжи, притока Терека, на востоке.

С изучением этих материалов связано решение еще одной очень важной проблемы - проблемы сложения аланской культуры Северного Кавказа. Как проходило формирование этой культуры, какие признаки следует признать решающими при выделении памятников этой культуры, можно ли считать, что это было стабильное население, заселявшее центральные районы Северного Кавказа в IV-V вв. и позже, или для каждого из более узких периодов (V-VI вв., конец VI-VII вв. и т.д.) следует выделять свои признаки и свои ареалы - все эти вопросы не имеют еще своего решения. Фактически мы знаем о позднем периоде истории северокавказских алан значительно больше (благодаря работам В.А.Кузнецова), чем о раннем периоде этой культуры, времени ее становления. Материалы III-V вв. должны в какой-то степени прояснить хотя бы некоторые из поставленных вопросов.

Этот период не подвергался специальным исследованиям, хотя и затрагивался многими авторами, высказывавшими различные точки зрения по поводу этнической принадлежности населения, оставившего тот или иной археологический памятник. Все эти точки зрения будут рассмотрены в соответствующих разделах работы.

Что касается проблемы аланской культуры Северного Кавказа в целом, то изучение связанных с ней многочисленных археологических материалов было впервые проведено

В.А.Кузнецовым [Кузнецов В.А., 1962], который, используя музейные и архивные материалы, выделил на территории центральных районов Северного Кавказа большую группу памятников, по своим хронологическим рамкам соответствовавших периоду существования на Кавказе археологической культуры алан, известных по письменным источникам. Все рассмотренные В.А.Кузнецовым погребальные памятники были разделены им на две группы. В первую входили катакомбные погребения, которые не имели на Кавказе местных корней и не были известны здесь до сарматского периода. Эта группа погребений была связана В.А.Кузнецовым с ираноязычными аланами сарматского происхождения. Она была распространена по всей территории центральных районов Северного Кавказа, включая бассейн Верхней Кубани на западе и бассейн Сунжи на востоке.

Ко второй группе памятников В.А.Кузнецов отнес все остальные типы погребальных сооружений - грунтовые ямы, каменные гробницы, каменные ящики и подземные склепы, связываемые с местным населением Северного Кавказа, так как все они были известны на Кавказе с древности. Все эти памятники были разделены на три локальные группы: западную (бассейн Верхней Кубани до течения Малки на востоке), центральную (территория Кабардино-Балкарии) и восточную (горные районы Северной Осетии и Чечено-Ингушетия). Все эти памятники также были отнесены В.А.Кузнецовым к аланской культуре Северного Кавказа. Почти полное отсутствие катакомбных могильников в бассейне Верхней Кубани (кроме Байтал-Чапкана) позволило В.А.Кузнецову сделать заключение о том, что западный вариант аланской культуры (памятники бассейна Верхней Кубани) связан с адыгским этническим массивом [Кузнецов В.А., 1962, с.74].

Поскольку при характеристике локальных групп использовались материалы тысячелетнего периода (IV-XIII вв.), локальные различия не прослеживались достаточно четко (так, подземные склепы были характерны для всех групп памятников), хотя в целом эти особенности были намечены: преобладание каменных гробниц в западной группе, склепов в центральной и каменных ящиков в восточной [Кузнецов В.А., 1962, с.43-105].

Заключение об аланской принадлежности не только катакомб, но и других типов погребальных сооружений разделялось многими археологами. Так, в частности, Т.М.Ми-

наева связывала с аланами погребения Верхней Кубани в каменных гробницах - Узун-Кол, Гиляч и др. [Минаева Т.М., 1951а; 1960].

Следующий этап в изучении аланской культуры Северного Кавказа относится к началу 70-х годов, когда И.М.Чеченов, рассматривая средневековые городища Кабардино-Балкарии, пришел к выводу о том, что все раннесредневековые городища центральных районов Северного Кавказа можно разделить на две своеобразные группы. В первую, наиболее многочисленную, группу входили городища с земляными оборонительными сооружениями. Такие городища были характерны для большей части Кабардино-Балкарии и для более восточных районов - Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Ко второй группе относились городища с каменными оборонительными сооружениями. Они локализовались в северо-западной части предгорной зоны Кабардино-Балкарии и были характерными для территории Прикубанья и Кавминвод [Чеченов И.М., 1971, с.205, 206].

В то же самое время Т.М.Минаева, занимаясь изучением истории алан Верхнего Прикубанья, пришла к выводу об обитании на Кубани в эпоху раннего средневековья большой группы алан, утверждая, что получившие здесь широкое распространение скальные погребения, многие из которых по некоторым особенностям близки к катакомбам, должны быть связаны с аланами [Минаева Т.М., 1971].

Мнения обоих авторов разделил и В.А.Кузнецов, который предложил новое локальное деление аланской культуры Северного Кавказа. Отказавшись от своей прежней точки зрения, по которой к числу аланских относились и местные типы погребальных сооружений, В.А.Кузнецов связал их с местным населением Северного Кавказа. По новой его гипотезе к аланам относились

только катакомбные погребения (и земляные и скальные). В результате памятники аланской культуры были разделены на две локальные группы - восточную (городища с земляными оборонительными сооружениями и земляные катакомбы) и западную (городища с каменными оборонительными сооружениями и скальные катакомбы). Западная локальная группа включала бассейн Верхней Кубани до течения Малки на востоке, восточная - от течения Малки на западе до бассейна Аргуна на востоке [Кузнецов В.А., 1973].

Спорность подобного локального деления, при котором сопоставляются признаки, характерные в основном для разных периодов (скальные погребения распространились лишь в поздний период аланской культуры), уже отмечалась [Абрамова М.П., 1978, с.73, 74]. Следует также добавить, что сведение в одной карте признаков, бытовавших в течение тысячелетия, не дает какого-либо представления о развитии культуры в ее динамике. Опубликованная в работе В.А.Кузнецова карта [Кузнецов В.А., 1973, с.61, рис.1] создает впечатление, что катакомбный обряд погребения был распространен в течение всего тысячелетия по всей территории центральных районов Северного Кавказа, оставаясь характерным признаком всех северокавказских алан.

Представляется, что более достоверную картину может выявить только картографирование каких-либо признаков (в данном случае типов погребальных сооружений) по более узким хронологическим периодам, что и будет сделано в настоящей работе.

Исследуемая территория охватывает центральные районы Северного Кавказа - от бассейна Верхней Кубани на западе до течения Аргуна, притока Сунжи, на востоке (рис.1). В зональном отношении это в основном область предгорий и горные районы,

Рис.1. Памятники III-V вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа.

а - курганы; *б* - катакомбы грунтовых могильников; *в* - подбой; *г* - каменные ящики; *д* - каменные гробницы; *е* - каменные подземные склепы; *ж* - грунтовые ямы; *з* - грунтовые ямы с использованием камня; *и* - обряд неизвестен

1 - Братское; 2 - Октябрьский; 3 - Виноградная; 4 - Гвардейская; 5 - Пседах; 6 - Грозный; 7 - Алды; 8 - Алхан-Юрт; 9 Алхан-Кала; 10 - Сюр-Корт; 11 - Черноречье; 12 - Петропавловская; 13 - Чири-Юрт; 14 - Владикавказ; 15 - Зилги; 16 - Беслан; 17 - Брут; 18 - Алхасте; 19 - Али-Юрт; 20 - Мартан-Чу; 21 - Буденновская слобода; 22 - Директорская горка; 23 - Замковый; 24 - Георгиевское плато; 25 - Лермонтовская скала-1; 26 - Лермонтовская скала-2; 27 - Мокрая Балка; 28 - Березовский; 29 - Кисловодское озеро-1; 30 - Кисловодское озеро-2; 31 - Острый мыс; 32 - санаторий Наркомтяжпрома; 33 - Клин-яр; 34 - Высокогорный; 35 - Корсунский; 36 - Байтал-Чапкан; 37 - Тамгадик; 38 - Адюх; 39 - Усть-Джегута; 40 - Красногорская; 41 - Хумара; 42 - Инал-балка; 43 - Пятая шахта; 44 - Шестая шахта; 45 - Коста Хетагурова; 46 - Шубшурук; 47 - Карачаевск; 48 - Каменномост; 49 - Кызыл-кала; 50 - Гиляч; 51 - Амгата; 52 - Джамагат; 53 - Индыш; 54 - Мара; 55 - Кляян-Кала; 56 - Учкулан; 57 - Хурзук; 58 - Узун-Кол; 59 - Куутум; 60 - Хабаз; 61 - Гунделен; 62 - Гижгид-1; 63 - Гижгид-2; 64 - Былым-1; 65 - Былым-2; 66 - Тырнауз-1; 67 - Тырнауз-2; 68 - Тырнауз-3; 69 - Вольный Аул; 70 - Донифарс; 71 - Лизгор; 72 - Задалиск; 73 - Кумбулта; 74 - Верхняя Рутха; 75 - Нижняя Рутха; 76 - Галпат; 77 - Камунта; 78 - Далагкау; 79 - Саниба; 80 - Чми-1; 81 - Чми-2; 82 - Кишпек; 83 - Терезе; 84 - Учкёкен-Терезе

поскольку более северные равнинные районы (к северу от течения Среднего Терека и Малки) практически не имеют известных памятников рассматриваемого периода (III-V вв.н.э.), во всяком случае с IV в., за исключением отдельных разрозненных погребений кочевников и группы погребений грунтовых могильников, известных в районе Кисловодска.

Если обратиться к памятникам предшествующего периода (I - начало III в.н.э.), то известные могильники этого времени располагались в предгорно-равнинной зоне. Материалы сарматского времени позволили выделить две локальные группы памятников: восточную, охватывающую районы Затеречья, в основном территорию терско-сунженского междуречья, и западную - Кабардино-Пятигорье. Восточная группа по погребальному обряду и материальной культуре характеризовалась устойчивостью местных традиций (господство грунтовых ям и прежних форм материальной культуры). Западная группа, наоборот, дала совершенно новые типы погребальных сооружений - грунтовые могильники с катакомбным обрядом погребения и с культурой, которая характеризуется неустойчивостью признаков - многообразием типов катакомб, форм керамики и т.д. Возникшие во II в. до н.э., эти могильники просуществовали до II - начала III в. н.э.

В то же самое время, когда прекратили свое существование катакомбные могильники Кабардино-Пятигорья, то есть во II-III вв., катакомбный обряд стал распространяться в более восточных районах - в Затеречье, что позволило сделать вывод о переселении в эти более периферийные районы оседлого населения Предкавказья, в частности, Кабарды, и связать это перемещение населения с усилением активизации кочевых аланских племен в западных районах Центрального Предкавказья. Часть населения из района Кисловодска могла переселиться ближе к горам, в верховья Кубани, о чем свидетельствуют материалы Хумаринского могильника [Абрамова М.П., 1993].

Таким образом, события первых веков нашей эры, в первую очередь усиление активизации кочевых аланских племен, привели к тому, что группы оседлого ираноязычного населения Центрального Предкавказья были вынуждены переселиться на юг, ближе к горам, а возможно, и в горные районы, занятые местными северокавказскими племенами. В каждом из районов в зависимости от разных причин - физико-географических, демографических и других - культура расселившегося населения получала свою окраску, приобретала свои, присущие лишь ей особенности.

Глава 1.

Погребальные памятники центральных районов Северного Кавказа III-V вв. н.э.

Рассмотрение особенностей культуры населения центральных районов Северного Кавказа III-V вв. н.э. будет проводиться по отдельным районам. В первую очередь это район Затеречья, занимавший основную территорию выделенной нами ранее восточной локальной группы памятников. К западной группе пока предположительно отнесем области, расположенные к западу от Терека, ограниченные на западе бассейном Верхней Кубани, а на севере районом Кисловодска. Памятники западной группы рассматриваются по четырем районам: Кисловодск и его окрестности, Верхняя Кубань, Кабардино-Балкария, горные районы Северной Осетии.

Археологические материалы позволяют выделить два хронологических периода, разделенных нашествием гуннов: III-IV вв. (в основном вторая половина III - IV вв.), то есть догуннский период, и период V в. (включая сюда и некоторые материалы VI в., так как их не всегда удается отделить от материалов V в.). Несмотря на то, что в работе в ряде случаев уточняется хронология отдельных памятников, необходимо отметить, что в целом это не является нашей задачей. Главное - это выделить два хронологических пласта, разделенных нашествием гуннов, и дать общую их характеристику применительно к территории Северного Кавказа.

Однако вначале будут перечислены все памятники обоих периодов, материалы которых использовались в этой работе. Описание их будет дано по отдельным районам.

Восточная группа (район Затеречья)

Памятники восточной группы представлены катакомбными могильниками. Катакомбный обряд погребения начинает распространяться здесь со II-III вв. н.э. (за исключением грунтового Нижне-Джугатского могильника, расположенного на правом берегу Терека в районе г. Майского, ранние катакомбы которого датируются II в. до н.э.).

Ко II - началу III вв. относится грунтовая катакомба, исследованная в 1898 г. В.И. Долбежовым в могильнике у селения Пседах. Еще раньше, в 1888 г. А.А. Бобринский проводил здесь раскопки курганных групп, содержащих погребения в катакомбах. Позже исследованиями Е.И. Крупнова, М.И. Артамонова, А.П. Круглова, Р.М. Мунчаева и других был открыт целый ряд могильников, курганных и грунтовых, содержащих погребения в катакомбах. Основное число извест-

ных в настоящее время катакомбных могильников расположено на правом берегу Среднего Терека, по обоим берегам Сунжи, в нижнем ее течении, и в правобережных районах Северной Осетии (могильники Беслана и Зилги). Рассмотрим эти могильники.

1. **Братское.** Курганный могильник находится в 2-3 км к западу от селения Братское Наурского района республики Ингушетии. Могильник, состоявший из около 50 курганных насыпей, находится на правом берегу Терека. Курганы имели различные размеры: высота от 0,6 до 5,9 м, диаметр от 18 до 70 м. В 1963 г. Р.М. Мунчаев раскопал здесь пять курганов, содержащих по одному катакомбному погребению. Катакомбы имели узкие и длинные входные ямы, ориентированные с востока на запад, и камеры, расположенные перпендикулярно к ним. Входная яма соединялась с камерой при помощи узкого и длинного входного отверстия (рис. 2, 1, 6, 13). В стенах двух камер были сделаны ниши-столики, на дне сохранились остатки камышовой подстилки.

Все катакомбы были ограблены. Размеры камер позволяют говорить о том, что здесь были, по-видимому, индивидуальные захоронения. Сохранившийся в могилах инвентарь (глиняные сосуды, серебряные пряжки и фибула, золотые сережки со вставками из сердолика и граната - рис. 2, 2-5, 7-12, 14, 15) позволяет датировать эти курганы III в. н.э. [Мунчаев Р.М., 1965, с.179-183; Амброз А.К., 1971, ч. I, с.100].

2. **Октябрьский.** Курганный могильник, насчитывавший 48 курганных насыпей, расположен на правом берегу Терека, в Моздокском районе Северной Осетии, несколько западнее Братского могильника. В 1971 г. М.П. Абрамова раскопала здесь шесть курганов, содержащих основные катакомбные погребения, по своему устройству идентичные братским катакомбам (рис. 3, 1; 4, 1, 13) и имевшие ту же ориентировку - широтную у входных ям и меридиональную у камер. Все катакомбы были ограблены, в одной камере найдены кости двух человек, в остальных были, по-видимому, индивидуальные захоронения. В камерах найдены глиняные сосуды, железные и костяные наконечники стрел, бронзовые, покрытые золотой фольгой бляхи конской узды с тисненым рельефным орнаментом, бронзовые пряжки и др.

(рис. 3; 4). Погребения датируются IV в.н.э. [Абрамова М.П., 1975, с.213-227].

3. Виноградная. Курганный могильник у станицы Виноградная Моздокского района Северной Осетии (правый берег Терека) состоит из большого количества едва заметных насыпей. В 1982 г. экспедиция под руководством В.Л.Ростунова раскопала здесь пять курганов с катакомбами тех же типов, что и в могильниках у Братского и Октябрьского, и с той же ориентировкой (рис.5, 1, 5, 13). В трех катакомбах на дне был слой золы и углей, в трех - тлен от камышовой подстилки. Камеры содержали по одному костяку, ориентировка (южная) восстановлена лишь для одного погребенного, поскольку все могилы были ограблены, а положение костей нарушено. В могилах сохранился немногочисленный инвентарь - керамика, бронзовые пряжки и браслет, железные ножи и др. (рис.5, 2-4, 6-12, 14-18). Форма пряжек позволяет датировать эти курганы IV в. н.э. [Габуев Т.А., 1985, с.197-203].

Все эти могильники расположены по правому коренному берегу Терека. Между ними также находятся курганные группы, однако раскопкам они не подвергались. Такие могильники имеются и к востоку от Братского, возможно, они также содержали катакомбы III-IV вв.

4. Гвардейское. Селение Гвардейское расположено на правом берегу Терека к востоку от Братского. В окрестностях Гвардейского имеется несколько курганных групп, которые тянутся с запада на восток по второй и третьей террасам. В обвалах берега видны следы катакомб под курганными насыпями. В.Б.Виноградов и В.И.Марковин предполагают наличие там катакомб сармато-аланского времени [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966, с.124].

5. Пседах. Селение Пседах расположено к югу от Моздока, в Малгобекском районе республики Ингушетии. Могильник №3 у сел. Пседах содержит подкурганные катакомбы [Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1976, с.115; Мамаев Х.М., 1986, с.65], которые, возможно, относятся к рассматриваемому периоду.

Обширные курганные могильники с катакомбным обрядом погребения были обследованы в конце XIX в. А.А.Бобринским на Нижней Сунже, в окрестностях Грозного. А.А.Бобринский отмечал, что по дороге из Грозного во Владикавказ находятся тысячи курганных насыпей. В 1888 г. А.А.Бобринский раскапывал курганы в окрестностях Грозного.

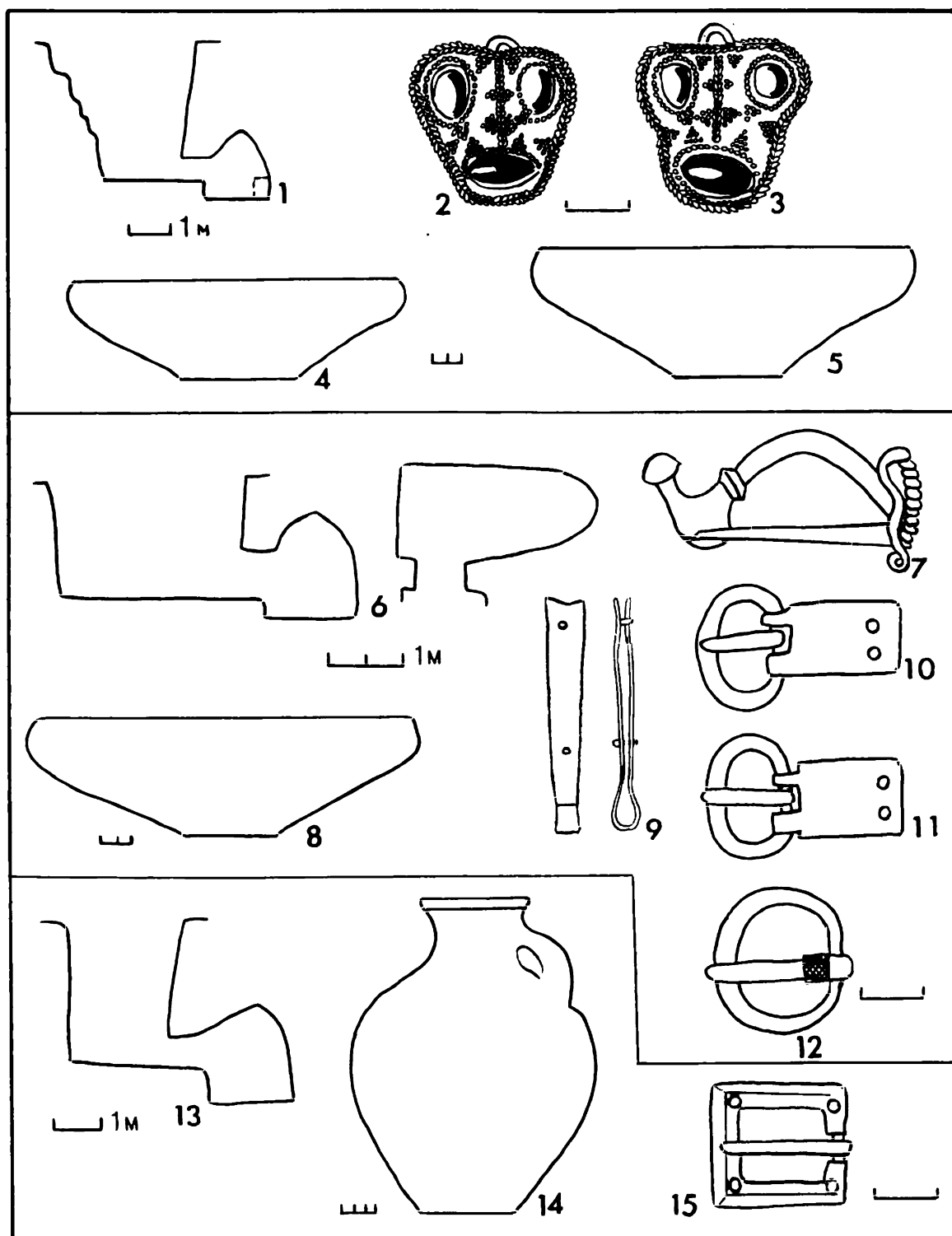
6. Грозный. В окрестностях Грозного А.А.Бобринский исследовал три кургана, со-

державших погребения в катакомбах. Катакомбы по своему устройству близки катакомбам Среднего Терека, отличаясь от них своей ориентировкой: входные ямы были ориентированы с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток, камеры были расположены перпендикулярно к длинной оси входных ям. Две катакомбы были ограблены, в одной сохранилось два скелета с северо-западной ориентировкой. В могилах найдены глиняные сосуды (рис.7, 17, 18), железные ножи, бусы и изделия из бронзы - зеркало, пряжки, фибулы (в собрании А.А.Бобринского, хранящемся в ГИМе, находки из Грозного и Алды смешаны - рис.6, 1-13) [ОАК за 1888, с.CCLXXII-CCLXXIII; Отчет А.А.Бобринского за 1888г., с.186-188].

7. Алды. Селение Алды находится к югу от Грозного. Здесь был расположен обширный могильник, в котором А.А.Бобринский раскопал в 1888 г. 11 курганов, по устройству и ориентировке аналогичных курганам Грозного. Катакомбы содержали по 1-2 скелета, имевших западную или северо-западную ориентировку. В могилах найдены глиняные сосуды (рис.6, 14-16; 7, 1-16, 19), железные и бронзовые предметы (рис.6, 1-13) [ОАК за 1888, с.CCLXXII-CCLXXV; Отчет А.А.Бобринского за 1888 г., с.191-200].

8. Алхан-Юрт. Селение Алхан-Юрт находится южнее Грозного, на правом берегу Сунжи. А.А.Бобринский отмечал, что около Алхан-Юрта "курганов, прилежавших один к другому, более, нежели где-либо", он насчитал здесь более 5 тысяч курганов, но предполагал, что их было гораздо больше [ОАК за 1888, с.CCLV]. Многие крупные курганы имели квадратные ровики. В 1888 г. А.А.Бобринский раскопал здесь четыре кургана. Они также содержали по одной катакомбе. По своему устройству эти катакомбы были близки катакомбам Грозного и Алды, однако имели несколько отличную от них ориентировку: входные ямы были ориентированы с севера на юг; входы в камеры, имевшие широтную ориентировку, находились в северных стенах входных ям.

9. Алхан-Кала. Селение Алхан-Кала расположено в 12 км от Грозного на левом берегу Сунжи, напротив Алхан-Юрта. Здесь находится известное крупное раннесредневековое Алхан-Калинское городище и обширный курганный могильник. В 1937 и 1938 гг. Северокавказская экспедиция ИИМК под руководством М.И.Артамонова и А.П.Круглова раскопала здесь девять курганов. Устройство и ориентировка подкурганных катакомб такие же, как и в курганах Алхан-Юрта. Обычно могильники Алхан-Кала

Рис.2. Братское, курганы 1, 3, 4 (по Р.М.Мунчаеву)

1-5 - курган 1; 6-12 - курган 3; 13-15 - курган 4

2, 3 - золото; 7, 9-11, 15 - серебро; 12 - бронза; 4, 5, 8, 14 - глина

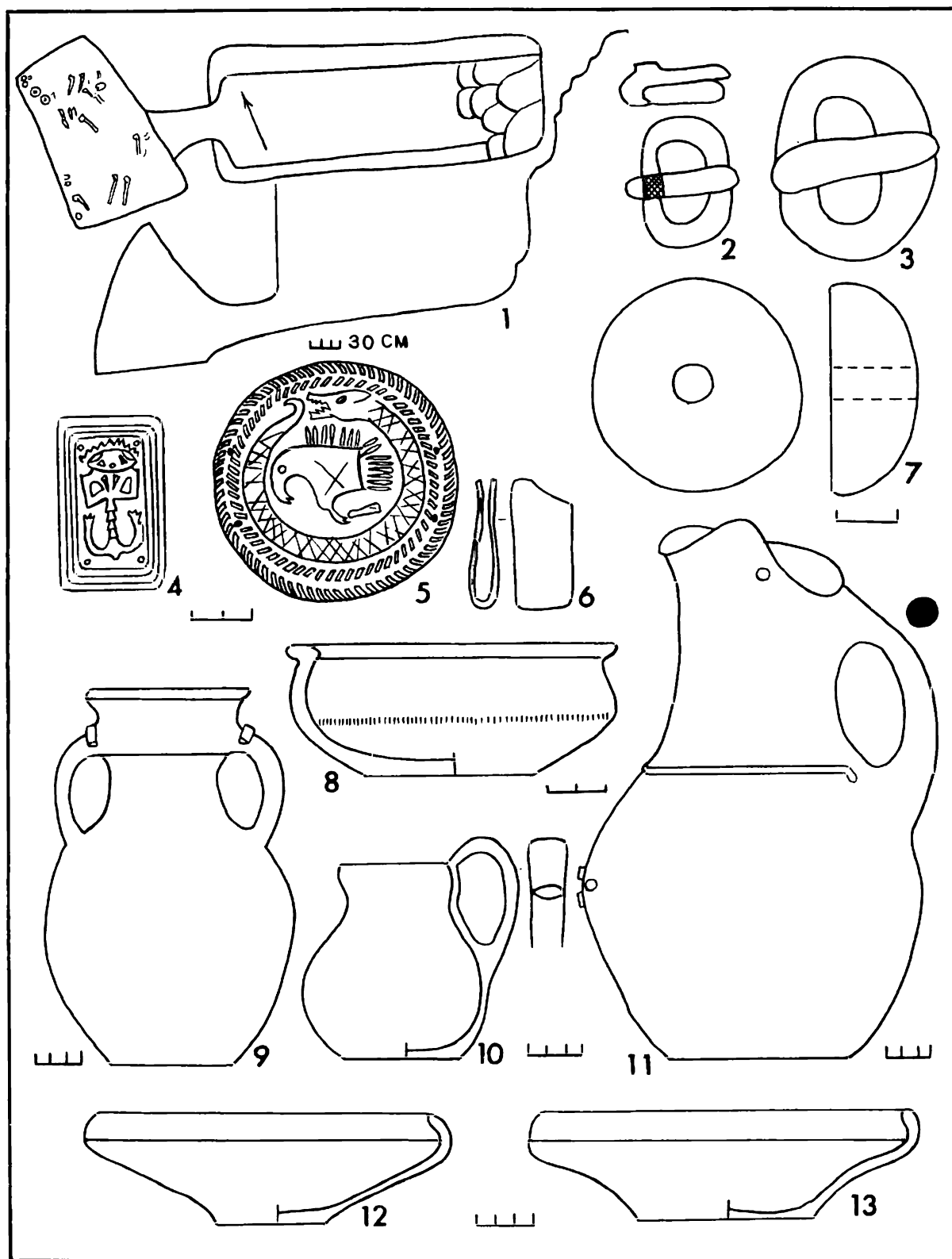

Рис.3. Октябрьский, курган 6

2, 6 - бронза; 3 - железо; 4, 5 - бронза, золото; 7 - янтарь; 8-13 - глина

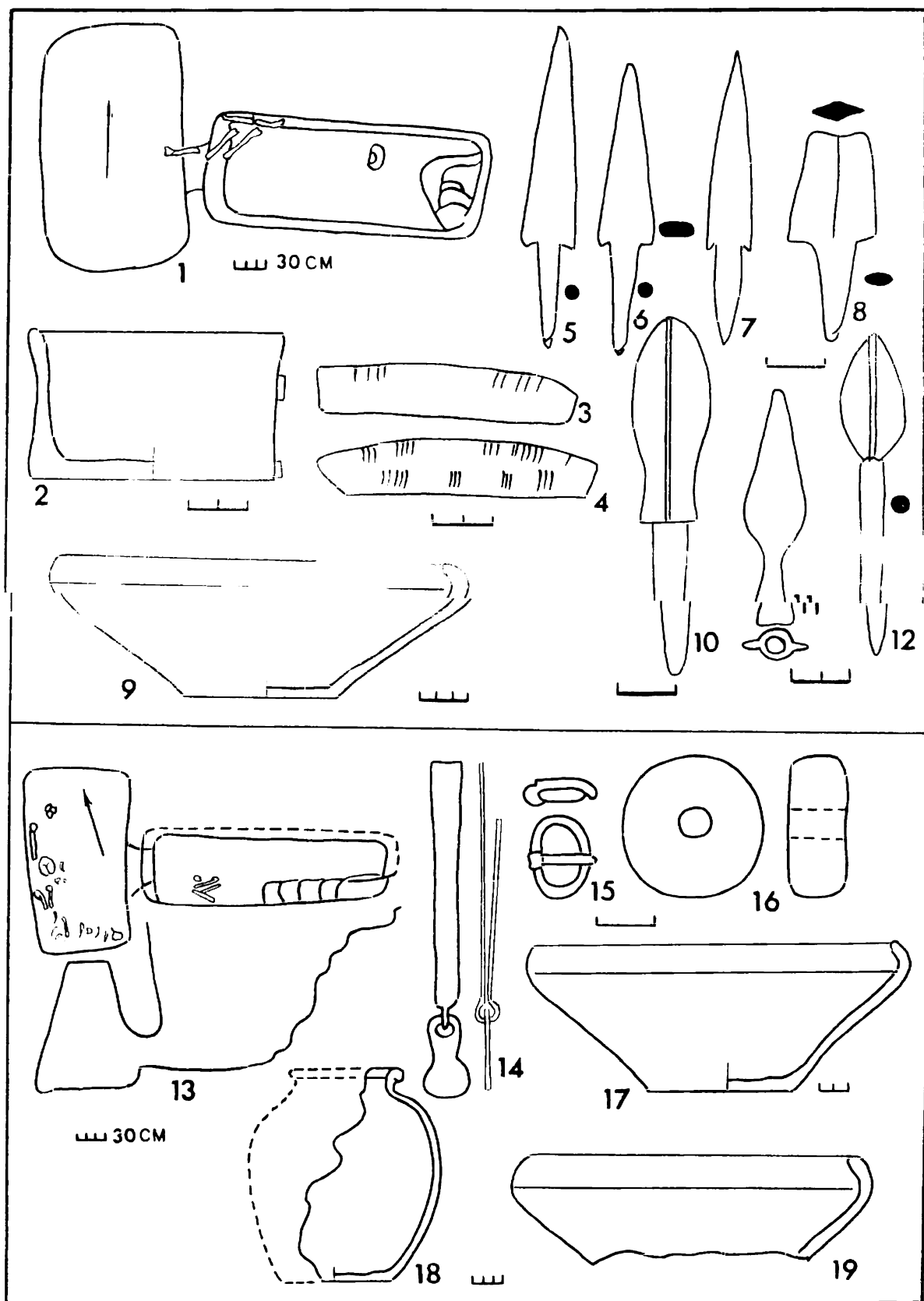
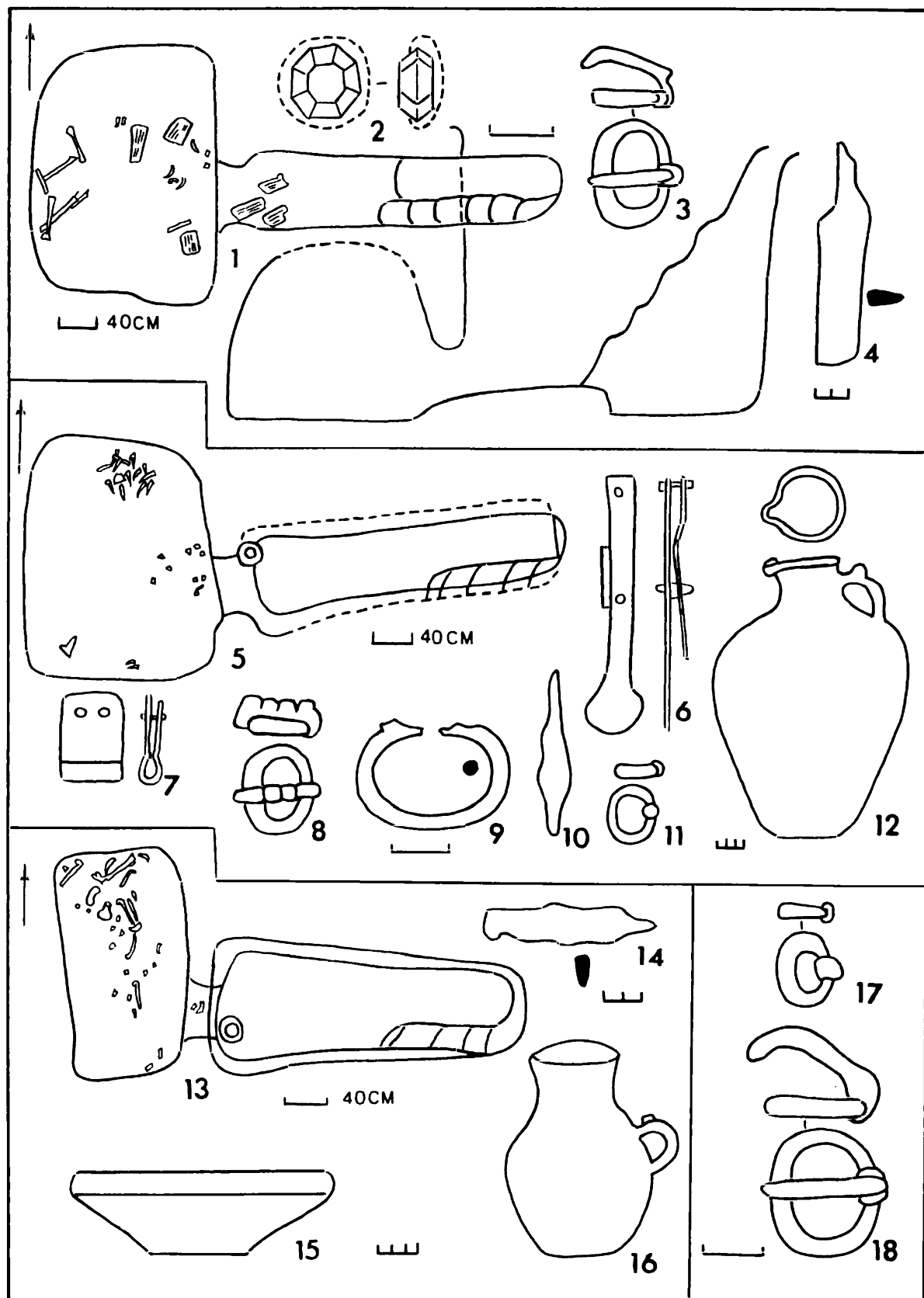

Рис.4. Октябрьский, курганы 2 и 5

1-12 - курган 2; 13-19 - курган 5

2, 9, 17-19 - глина; 3-8 - кость; 10-12 - железо; 14, 15 - бронза; 16 - медь

Рис.5. Виноградная, курганы 1-4 (по Т.А.Габуеву)

1-4 - курган 1; 5-12 - курган 2; 13-16 - курган 4; 17, 18 - курган 3

2 - бронза, стекло; 3, 6-9, 11, 17, 18 - бронза; 4, 10, 14 - железо; 12, 15, 16 - глина

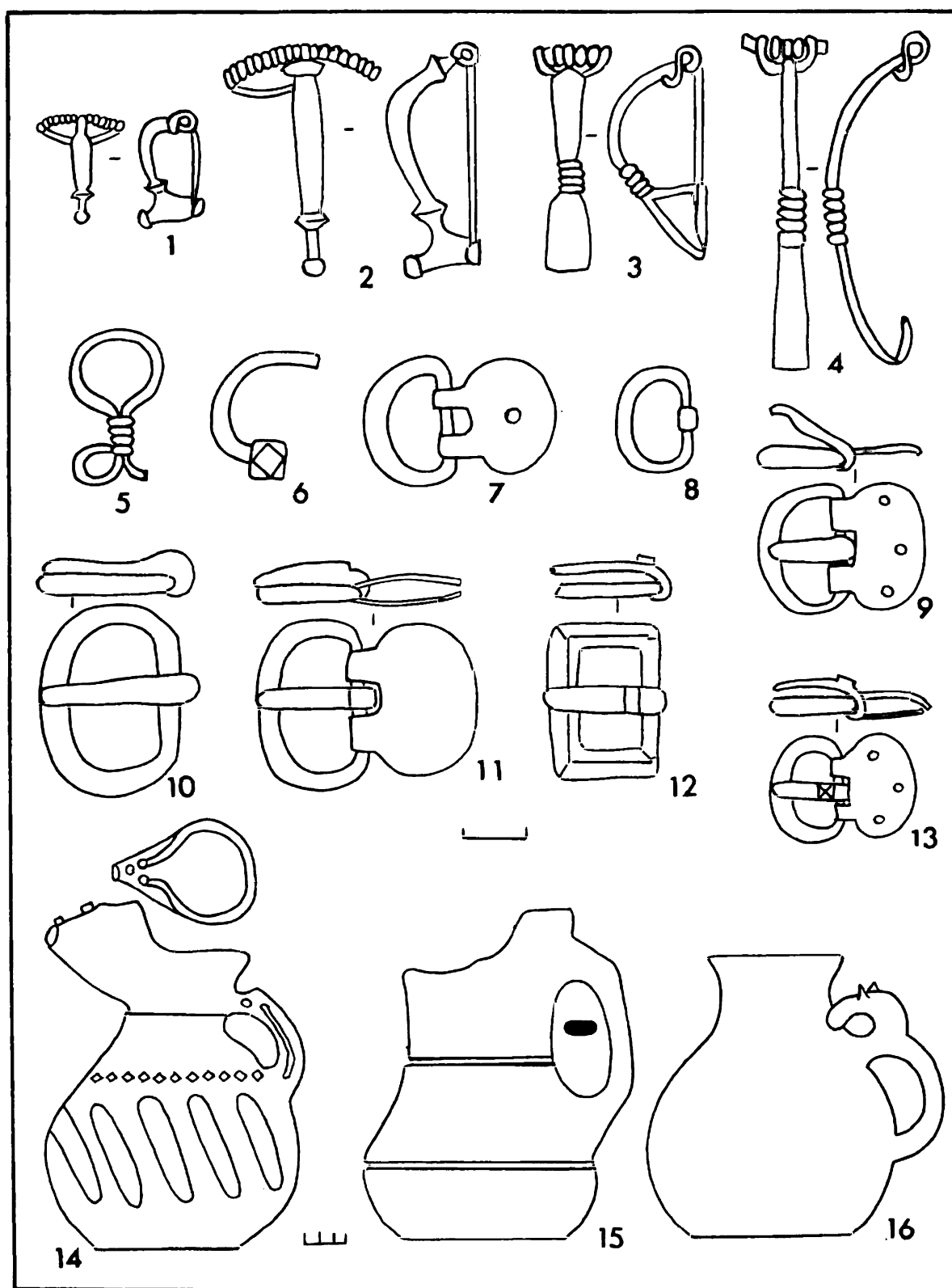

Рис.6. Грозный и Алды

1-13 - Грозный и Алды; 14-16 - Алды

1-13 - бронза; 14-16 - глина

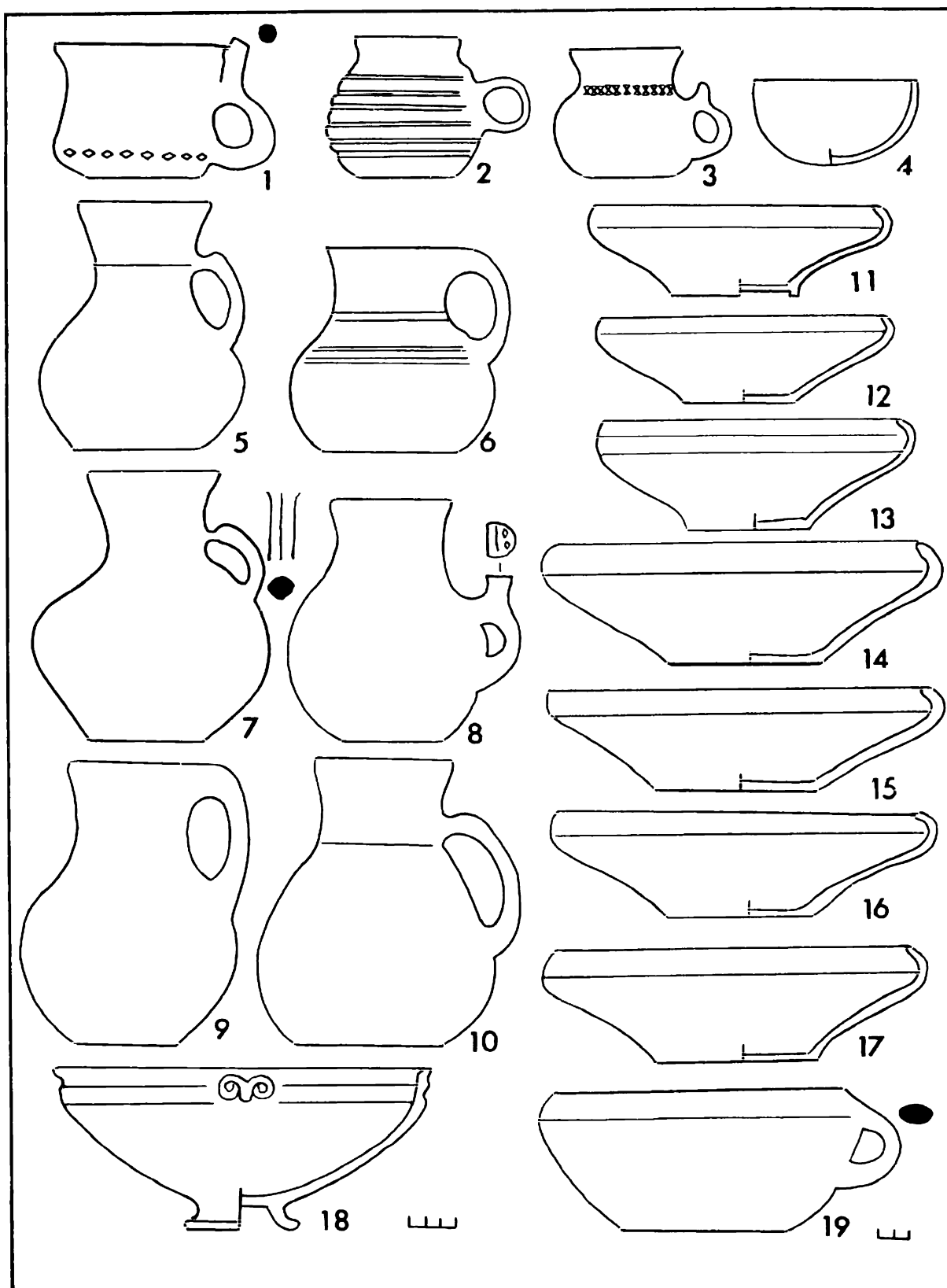

Рис.7. Грозный и Алды (продолжение)
 1-16, 19 - Алды; 17, 18 - Грозный
 1-19 - глина

и Алхан-Юрт рассматриваются как один памятник (Алхан-Кала).

Материалы из катакомб этих курганов были проанализированы Л.Г.Нечаевой, которая датировала их II-VI вв. [Нечаева Л.Г., 1956, с.7]. Позже В.Б.Виноградов выделил среди катакомб Алхан-Калы две наиболее ранние (рис.8, 1-18) и отнес их ко II-IV вв. [Виноградов В.Б., 1963, с.72-74].

Хронологии катакомбных могильников Чечено-Ингушетии, в том числе алдынских и алханкалинских катакомб, посвящена специальная статья Х.М.Мамаева. Датируя катакомбы Алды III-IV вв.н.э., Х.М.Мамаев считает, что верхняя их дата заходит в гуннское время, ссылаясь при этом на форму некоторых бронзовых пряжек и орнамент сосудов, найденных в Алды [Мамаев Х.М., 1986, с.47]. Однако в коллекцию А.А.Бобринского из Алды входят не только вещи, найденные в курганах, но и купленные им у местных жителей, поэтому связь этих изделий с подкурганными катакомбами не совсем ясна [подробнее об этом см.: Абрамова М.П., 1995а, с.71, 72]. Что касается Алхан-Калинского могильника, то Х.М.Мамаев отнес верхнюю дату этих катакомб к первой половине V в. [Мамаев Х.М., 1986, с.53], что вполне допустимо, однако наиболее вероятной датой катакомб Алхан-Калы и других могильников Среднего Терека и Нижней Сунжи, как представляется, был период III-IV вв.

В отличие от правобережья Среднего Терека, где до настоящего времени известны лишь подкурганные катакомбные могильники, сунженская группа памятников представлена как курганными, так и грунтовыми могильниками. Последние также сосредоточены в основном в окрестностях Грозного.

10. Сюр-Корт. Могильник Сюр-Корт находится на юго-восточной окраине Грозного. Здесь, по данным В.Б.Виноградова и В.И.Марковина, в 1963 г. была найдена катакомба с инвентарем (миской и пряжкой) середины I тыс. н.э. [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966, с.118]. Данных о погребальном обряде нет.

11. Черноречье. Могильник расположен на юго-западной окраине пос. Черноречье (Заводской район Грозного). Первые сведения о нем опубликовал Х.М.Мамаев [Мамаев Х.М., 1986, с.55]. Позже в результате новостроечных работ здесь было открыто несколько катакомб грунтового могильника с инвентарем середины I тыс. н.э. [Бурков С.Б. Отчет за 1989 г.; Виноградов В.Б., Савенко С.Н., 1991], а точнее, как представ-

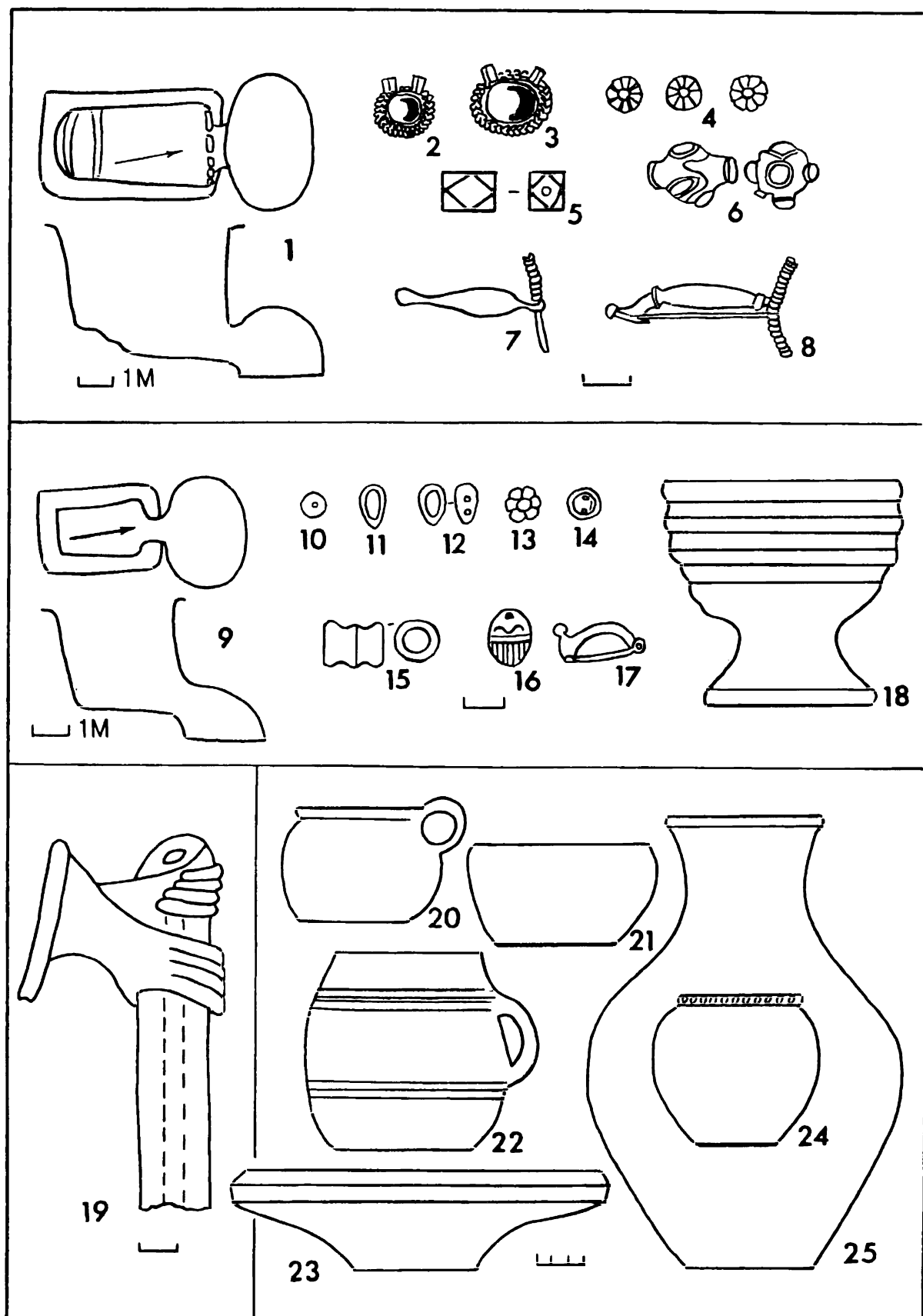
ляется, III - первой половины IV вв. (рис.9; 10).

12. Петропавловская. Станица Петропавловская расположена на левом берегу Сунжи, ниже Грозного. Имеются сведения о наличии здесь грунтового катакомбного могильника рассматриваемого периода [Мамаев Х.М., 1986, с.55]. Данных о погребальном обряде нет.

Все эти перечисленные могильники, курганные и грунтовые, составляют компактную группу на Нижней Сунже, в окрестностях Грозного (рис.1). По данным Х.М.Мамаева, катакомбные могильники были известны в это время и в более восточных районах. Он называет три грунтовых могильника с катакомбным обрядом погребения.

13. Чири-Юрт. Селение Чири-Юрт расположено на правом берегу р. Аргун. Здесь в карьере было разрушено погребение, содержавшее керамику (кувшин и миски) середины I тыс. н.э. [Мамаев Х.М., 1986, с.55]. Как представляется, наиболее показательным является наличие здесь глиняных мисок с загнутым внутрь краем (рис.11, 2, 3), характерных для катакомбных погребений Затеречья III-IV вв. и, возможно, V в. В более позднее время эти миски, как правило, не встречаются в катакомбах восточных районов Северного Кавказа - на территории Чечни и Дагестана, несмотря на то, что они являются типичной принадлежностью поздних слоев раннесредневековых городищ Северного Дагестана [Магомедов М.Г., 1983, с.121]. Они редки в катакомбах Змейского могильника X-XII вв. в Северной Осетии, однако хорошо представлены в слоях синхронного могильнику Змейского средневекового селища [Деопик В.Б., 1961, с.46, 47, рис.8]. По-видимому, миски в данном регионе могут служить хронологическим показателем для погребений первой половины I тыс. н.э., и хотя этот вывод нуждается в дальнейшей проверке, представляется, что наличие мисок в инвентаре катакомбы Чири-Юрта позволяет отнести ее к рассматриваемому периоду.

Более спорной кажется датировка двух других могильников Ахкинчу-Барзоевского и Урус-Мартановского I, возникновение которых Х.М.Мамаев относит к середине I тыс. н.э. [Мамаев Х.М., 1986, с.65, 66]. Ранняя дата Ахкинчу-Барзоевского могильника основана на форме лишь одного сосуда, достаточно невыразительного. В основном же этот могильник содержит поздние материалы, датируемые VIII в. [Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1979, с.71; Мамаев Х.М., 1986,

Рис.8. Алхан-Кала, Алхан-Юрт

1-18 - Алхан-Кала (по В.Б.Виноградову): 1-8 - курган 3; 9-18 - курган 4; 19 - Алхан-Юрт; 20-25 - Алхан-Кала (по Х.М.Мамаеву)
 2-4, 6, 10-14 - золото; 5, 15 - стекло; 7, 8 - бронза; 16 - египетский фаянс; 17 - серебро; 18-25 - глина

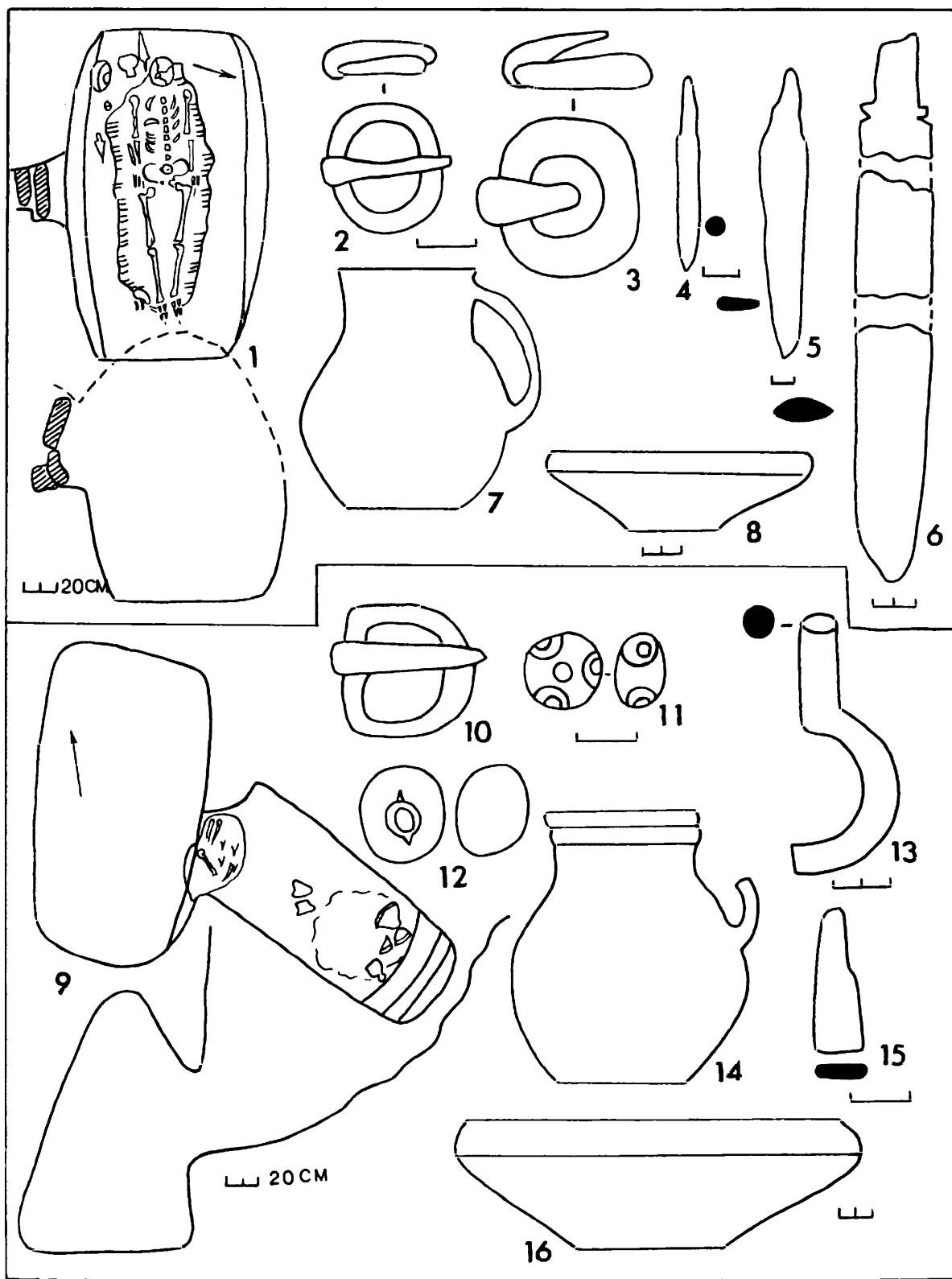
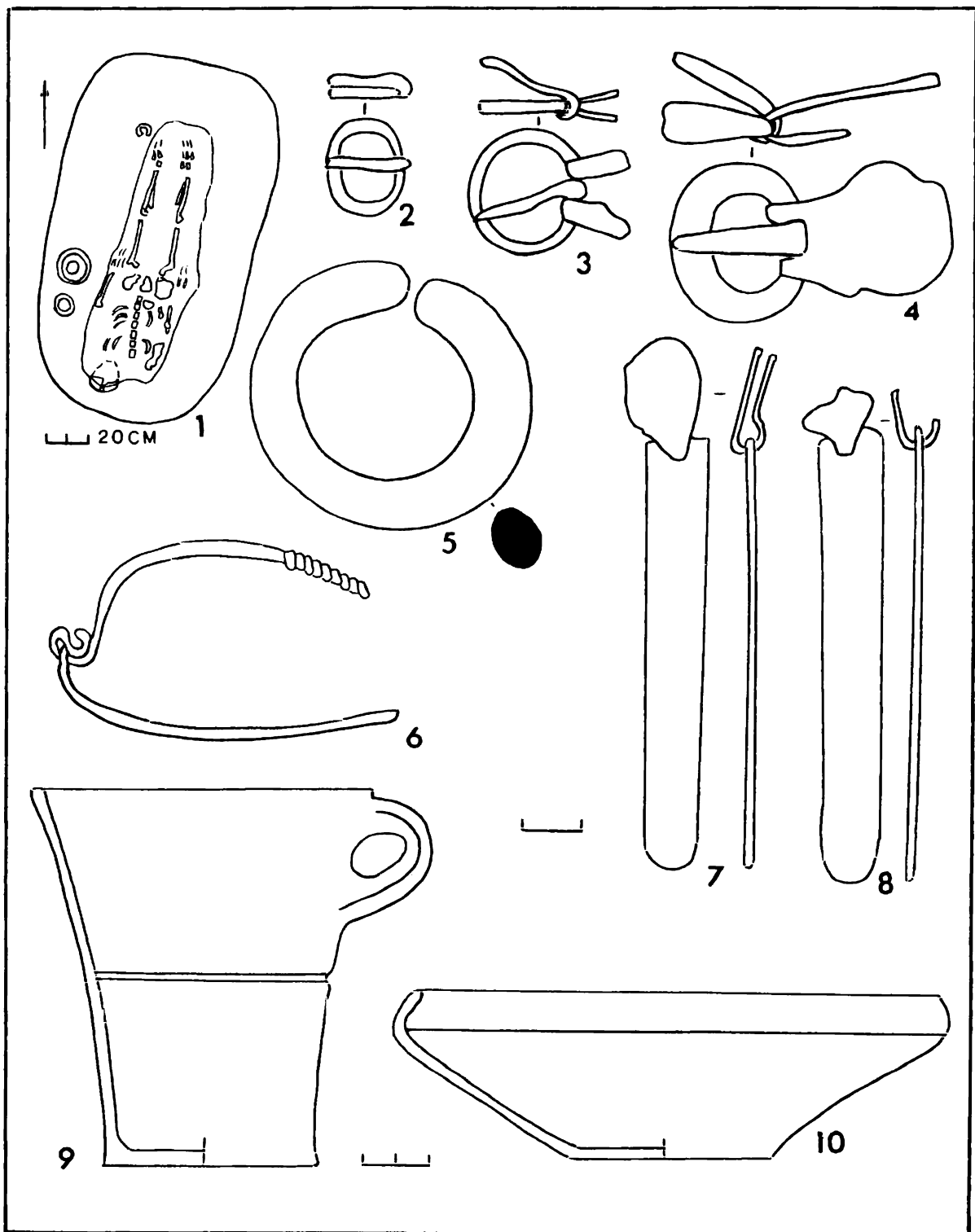

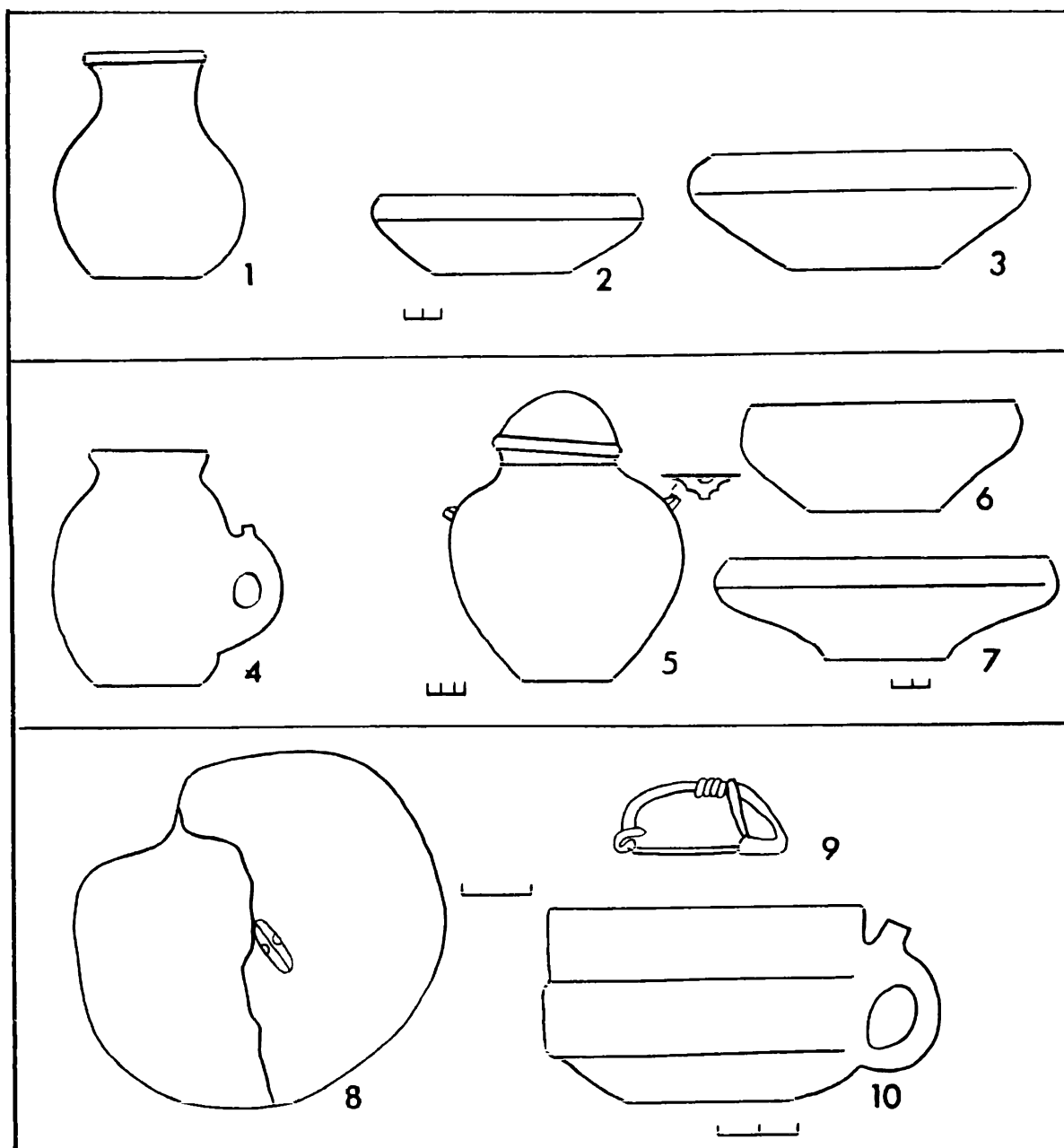
Рис.9. Черноречье, погребения 1 и 3 (по С.Б.Буркову, В.Б.Виноградову, С.Н.Савенко)

1-8 - погребение 1; 9-16 - погребение 3

2, 10 - бронза; 3-6, 15 - железо; 11, 12 - стекло; 7, 8, 13, 14, 16 - глина

Рис.10. Черноречье, погребение 5 (по С.Б.Буркову, В.Б.Виноградову, С.Н.Савенко)
 2, 3, 6-8 - бронза; 4, 5 - железо; 9, 10 - глина

Рис.11. Чири-Юрт, Владикавказ, Беслан

1-3 - Чири-Юрт (по Х.М.Мамаеву); 4-7 - Владикавказ (по В.А.Кузнецову); 8-10 - Беслан (по В.А.Кузнецову)

1-7, 10 - глина; 8, 9 - бронза

с.65]. Не представляется обоснованной и ранняя дата Урус-Мартановского I могильника. Поэтому, скорее всего, оба эти памятника следует исключить из числа катакомбных могильников III-V вв.

Следующая компактная группа катакомбных могильников расположена в юго-западной части терско-сунженского междуречья, на территории восточных районов Северной Осетии - в районе Беслана, Зилги и Владикавказа.

14. Владикавказ (Орджоникидзе). На территории Владикавказа, на правом берегу Терека рядом с карьером кирпичного завода расположено Орджоникидзевское городище. Рядом с ним находятся несколько грунтовых катакомбных могильников. К югу от городища имеются могильники VII и VIII-IX вв., к северу от городища обнаружены разрушенные катакомбы более раннего могильника. Из их инвентаря сохранилось лишь не-

сколько сосудов: миска с загнутым внутрь краем, кувшин со стилизованной зооморфной ручкой и сосуд с крышкой (рис.11, 4-7) [Кузнецов В.А., 1980, с.64-66]. Подобные миски и кувшины характерны для памятников III-IV вв. терско-сунженского междуречья. Близкий по форме кувшин с крышкой (рис.13, 12) найден в алхастинской катакомбе III в.н.э.

15. Зилги. На юго-восточной окраине селения Зилги, в 1,5 км к северо-западу от г. Беслан (правобережье Терека), находится хорошо известное Зилгинское городище. Обследовавший это городище В.А.Кузнецов зафиксировал наличие рядом с ним курганный могилиника и, по-видимому, грунтового, содержавшего погребения в катакомбах [Кузнецов В.А., 1986, с.77, 79, 97, 98]. Позже разрушенные катакомбы, происходившие, возможно, из грунтового могилиника, были обнаружены при раскопках городища И.А.Аржанцевой под культурным слоем на холме V [Аржанцева И.А., 1987, с.124, 125].

16. Беслан. В районе г. Беслана находится крупный могилиник, разрушенный бесланским кирпичным заводом. По предположению В.А.Кузнецова, этот могилиник мог быть оставлен жителями Зилгинского городища. В.А.Кузнецов опубликовал некоторые материалы из разрушенных катакомб этого могилиника (рис.11, 8-10), которые могут быть датированы III-IV вв. н.э. [Кузнецов В.А., 1986, с.98, 99]. В 1988 г. Ф.С.Дзуцев доследовал здесь три частично разрушенные карьером катакомбы [Дзуцев Ф.С. Отчет за 1988 г.], материалы которых синхронны материалам, опубликованным В.А.Кузнецовым. Первоначально Бесланский катакомбный могилиник был известен как грунтовой. Однако позже Ф.С.Дзуцев, исследуя участки, подготовленные к работам карьера, зафиксировал наличие вокруг некоторых катакомб ровиков, что предполагало существование над этими катакомбами курганных насыпей. Насыпи курганов были видны и на современной поверхности, незатронутой работами карьера [Дзуцев Ф.С. Отчет за 1990 г., рис.1]. Ф.С.Дзуцев считает возможным рассматривать весь этот катакомбный могилиник как курганный, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения, так как подкурганные катакомбы могли здесь сочетаться с грунтовыми.

Подвергающийся систематическим раскопкам Бесланский могилиник является в настоящее время наиболее информативным среди всех рассмотренных выше памятников этого круга, однако, к сожалению, какие-либо, хотя бы предварительные, информа-

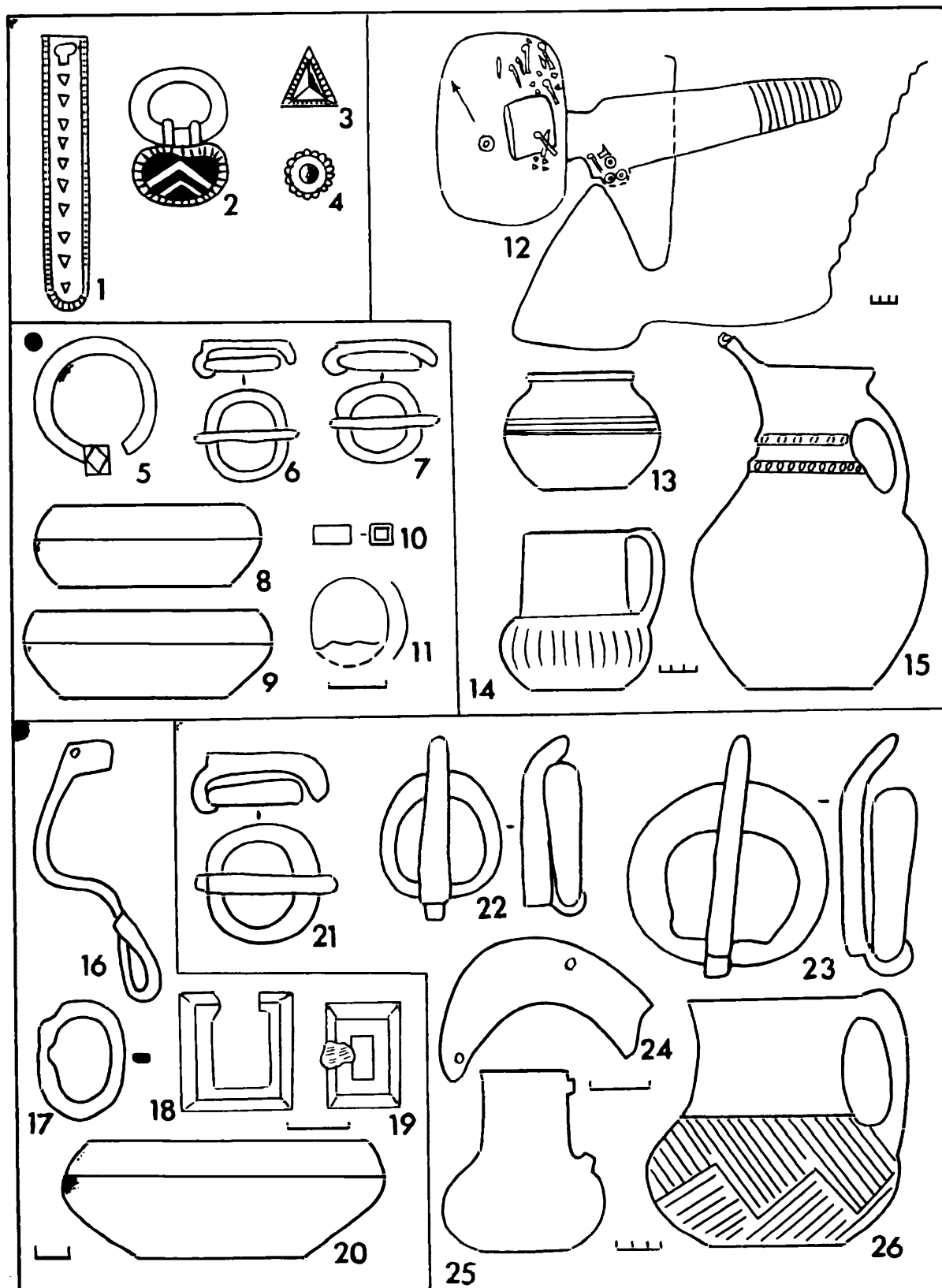
ции о раскопках этого могилиника отсутствуют.

17. Брут. Селение Брут расположено в 8 км к северо-западу от с. Зилги. Здесь имеется обширное городище, а также курганный и грунтовой могилиники, содержавшие катакомбные погребения, близкие по устройству. В 1956 г. С.С.Куссаева доследовала здесь одну ограбленную катакомбу в разрушенном кургане. В катакомбе были найдены золотые украшения, в том числе пряжка с овальным щитком и ячейками для вставок, а также наконечник ремня (рис.12, 1-4) с вставками из красного стекла [Куссаева С.С., 1957, с.184-187]. В 1969 г. М.П.Абрамова раскопала здесь два ограбленных кургана и пять катакомб грунтового могилиника. Все катакомбы были близки по форме (камеры были направлены перпендикулярно к длинной оси входной ямы) и по ориентировке (входные ямы имели направление, близкое к меридиональному, камеры - к широтному). В некоторых катакомбах найдены деформированные черепа.

Материалы этих погребений, главным образом пряжки, (рис.12, 5-26) позволяют отнести их к V в. [Абрамова М.П., 1975, с.227-231], что, было вначале поддержано и А.К.Амброзом [Амброз А.К., 1971, ч.1, с.106, сн.19]. Позже, однако, он переменял свою точку зрения и отнес ряд комплексов этого могилиника (одно грунтовое погребение и одно подкурганное) к VI-VII вв. [Амброз А.К., 1989, с.40, 41]. Вскрытый участок грунтового могилиника, погребения которого расположены правильными рядами, относятся к одному хронологическому периоду. Предложенная дата подкурганных катакомб подтверждается и раскопками других исследователей, - помимо С.С.Куссаевой, раскопки курганов Брута проводил и Т.А.Габуев, открывший здесь достаточно выразительный материал для хронологии этого памятника [Габуев Т.А., 1994; Отчет за 1989 г.; Отчет за 1991 г.]. В любом случае наличие здесь грунтовых и подкурганных катакомб V в. не вызывает сомнений.

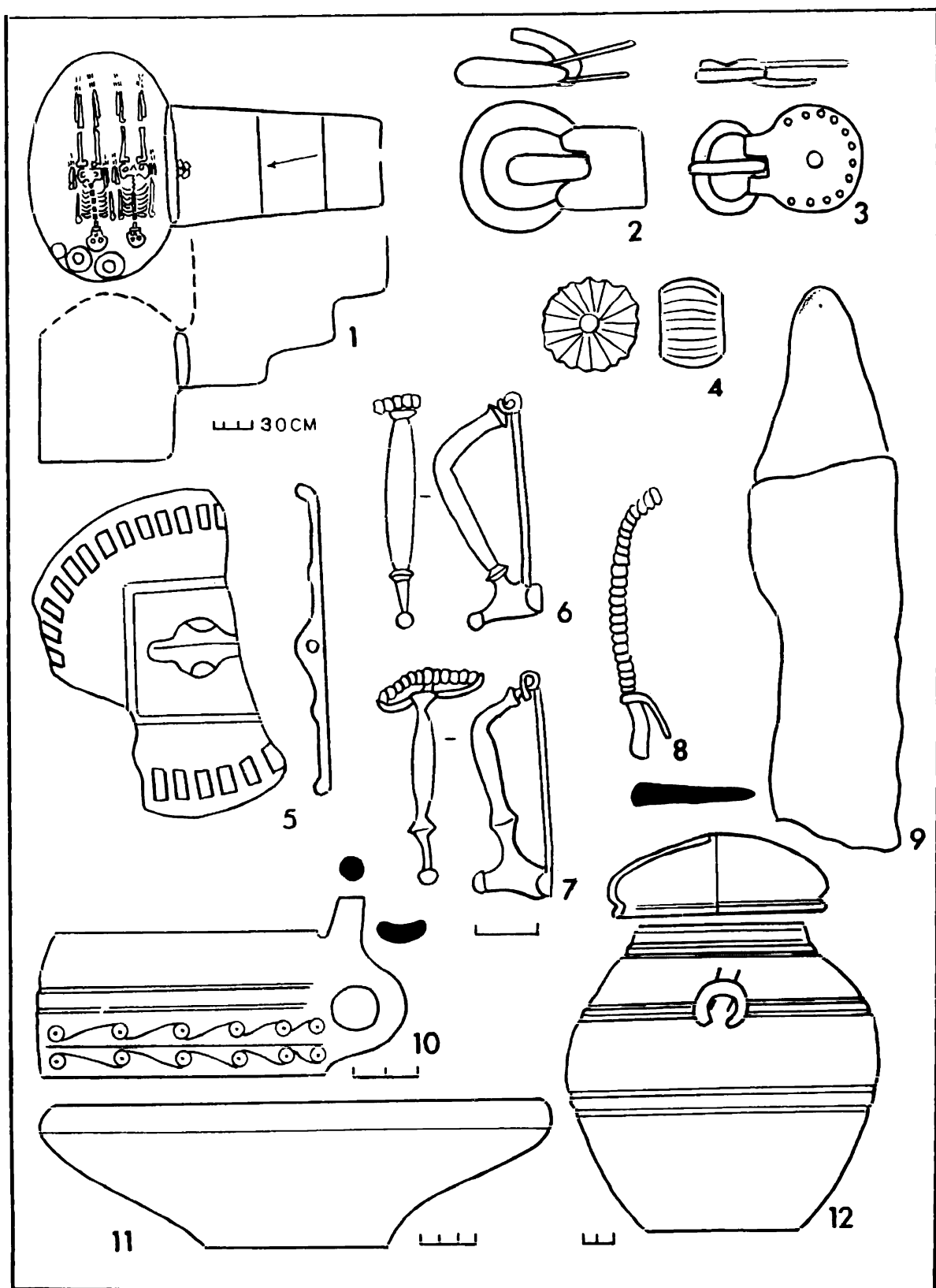
Три последние памятника Затеречья расположены к востоку от Владикавказа, в правобережных районах Сунжи.

18. Алхасте. Селение Алхасте расположено на левом берегу р. Ассы. В 1937 г. Е.И.Крупнов обнаружил здесь одну грунтовую катакомбу, которую он датировал II-III вв. н.э. [Крупнов Е.И., 1941, с.183-186]. Входная яма имела меридиональную ориентировку, камера - широтную (рис.13, 1). В камере было парное захоронение с западной ориентировкой. Найденный при погребен-

Рис.12. Брут

1-4 - курган, доследованный С.С.Куссаевой (по А.К.Амброзу); 5-26 - раскопки М.П.Абрамовой: 5-11, 16-20 - грунтовой могильник (5-11 - погребение 2; 16-20 - погребение 1; 21-26 - погребение 6), 12-15 - курган 1
1-4 - золото; 5-7, 10, 11, 16, 21 - бронза; 17-19, 22-24 - серебро; 8, 9, 13-15, 20, 25, 26 - глина

Рис.13. Алхасте

2, 9 - железо; 3, 5 - бронза; 4 - египетский фаянс; 6, 7 - серебро; 8 - железо, бронза; 10-12 - глина

ных инвентарь, в том числе зеркало, две фибулы и пряжка (рис.13, 2-12), позволяет датировать эту катакомбу не ранее второй половины III в. н.э.

19. Али-Юрт. В селении Али-Юрт, расположенном к западу от Алхасте, в 1970 и 1971 гг. экспедиция В.Б.Виноградова доследовала шесть разрушенных катакомб с немногочисленным инвентарем (рис.14, 1-4). В частности, в двух катакомбах найдено по одной миске [Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1974, с.223-226]. Тот факт, что одна из мисок (рис.14, 2) близка по форме мискам из катакомб Брута V в., а также стратиграфические наблюдения позволили Х.М.Мамаеву датировать три погребения этого могильника (№№1, 4, 6) V-VI вв. [Мамаев Х.М., 1986, с.57]. Эту дату можно принять условно, так как определение хронологических рамок могильника требует его дальнейших раскопок.

Все катакомбы этого могильника были ограблены. Лишь в одной из них (погребение 4) сохранились кости двух человек, которые позволили восстановить северо-западную ориентировку погребенных. В двух катакомбах (№№1 и 4) найдены деформированные черепа.

20. Мартан-Чу. Грунтовой могильник Мартан-Чуйский 2-й расположен у селения Мартан-Чу (Грушевое) в Урус-Мартановском районе Чеченской республики. Раскопки проводились в 1976, 1977 гг. В.Б.Виноградовым, В.А.Петренко и С.Н.Савенко. Было открыто восемь катакомб т-образной формы (рис 14, 5). Входы в камеры были заложены каменными плитами. В стенах некоторых катакомб имелись ниши. Камеры содержали от 1 до 4 погребенных, лежавших на спине. Среди ориентировок преобладала восточная (с отклонениями). Катакомбы датируются V-VIII вв. [Виноградов В.Б., Савенко С.Н., 1978, с.111, 112].

Х.М.Мамаев выделяет в раннюю группу три погребения этого могильника (№№2, 3, 5 - рис.14, 6-15), датируя их второй половиной V - первой половиной VI в. [Мамаев Х.М., 1986, с.55, 56]. В погребении 3 найден деформированный череп. Здесь же обнаружены остатки напутственной пищи вместе с железным ножом.

По устному сообщению С.Н.Савенко, на территории Затеречья, в правобережных районах Сунжи, открыт еще ряд катакомбных могильников, относящихся к V в. (и позже), однако материалы их еще не опубликованы.

Таковы погребальные памятники восточной группы - районов Затеречья, охваты-

вающих в основном территорию терско-сунженского междуречья. Особенностью этих памятников в рассматриваемый период является господство катакомбного обряда погребения: других типов погребальных сооружений, относящихся к рассматриваемому периоду, здесь не найдено. Южные горные районы (от Терека до Аргуна) недостаточно исследованы в археологическом отношении. Известные здесь археологические памятники относятся к эпохе средневековья [Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1979]. Памятники III-V вв. здесь пока не известны.

Большая часть рассмотренных катакомб этого региона может быть датирована III-IV вв., причем к IV в. относятся преимущественно катакомбы Среднего Терека. Все известные катакомбы остальных, более южных могильников датируются в целом всем III в. н.э. По-видимому, среди многочисленных катакомб Зилги и Беслана можно будет со временем выделить более раннюю (вторая половина II - первая половина III в.) и более позднюю группы, однако это требует первоначальной публикации всех материалов.

Что касается памятников V в., то за исключением могильника у сел. Брут, определенно содержащего материалы V в., но не имевшего инвентаря более раннего времени, они отсутствуют на территории терско-сунженского междуречья: все имеющиеся здесь могильники III-IV вв. не содержат материалов более позднего времени. Это позволяет предположить, что основная масса рассмотренных могильников терско-сунженского междуречья прекратила свое существование в конце IV в. во время гуннского нашествия, хотя катакомбный обряд погребения продолжал существовать в других районах Затеречья и в более позднее время.

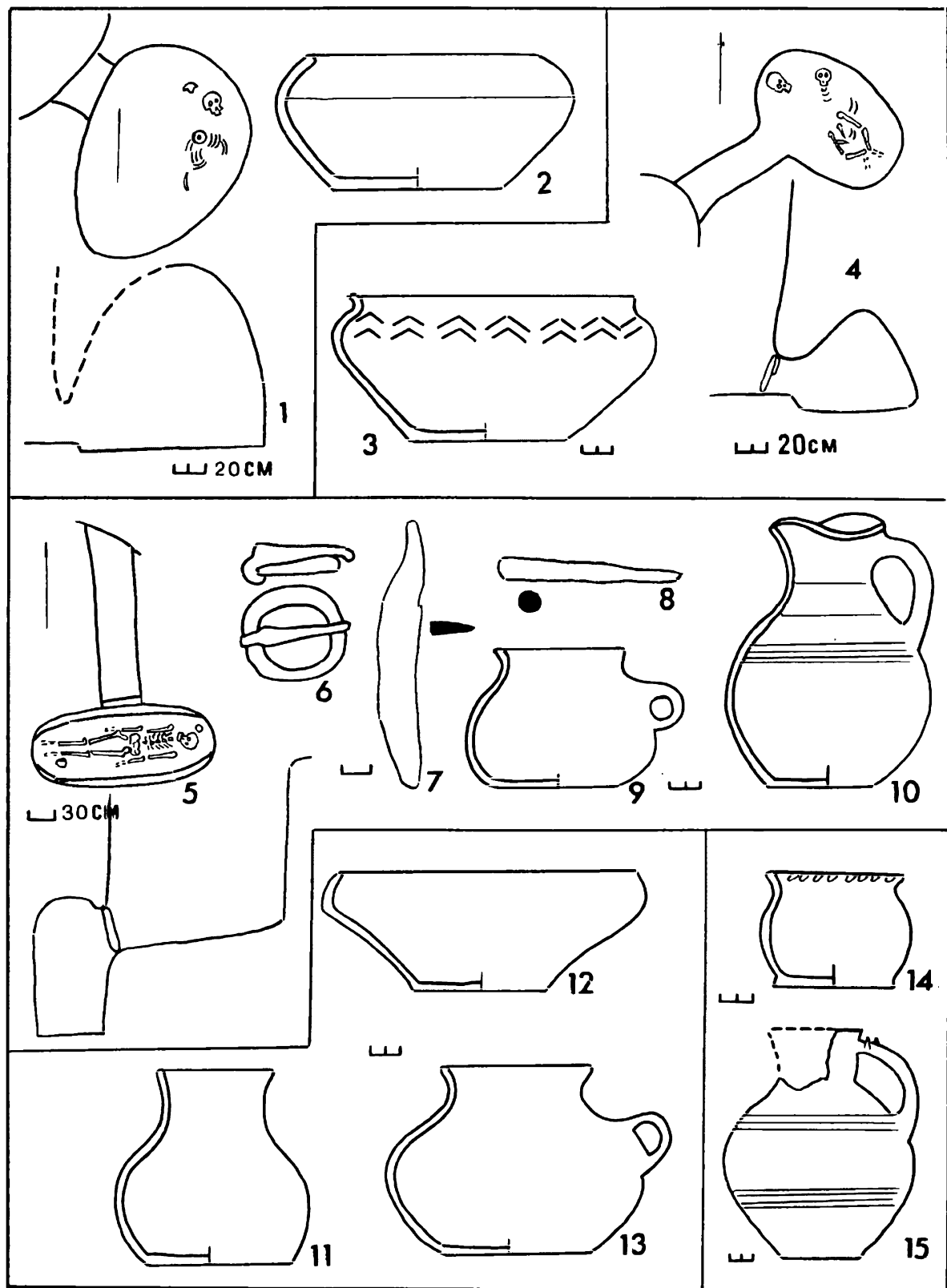
Западная группа

Памятники западной группы будут рассмотрены по 4 районам.

Кисловодск и его окрестности

В районе Кисловодска благодаря работам Н.М.Егорова, Н.Н.Михайлова, А.П.Рунича и других известно большое число грунтовых могильников, в которых господствовал катакомбный обряд погребения. К сожалению, лишь единичные из этих памятников подвергались систематическим раскопкам. В большей части могильников исследовано лишь по несколько погребений, что затрудняет выяснение общей картины развития особенностей культуры населения этого региона.

Рассмотрим эти памятники.

Рис.14. Али-Юрт, Мартан-Чу

1-4 - Али-Юрт (по Р.А.Даутовой, Х.М.Мамаеву): 1, 2 - погребение 1; 3, 4 - погребение 4; 5-15 - Мартан-Чу (по Х.М.Мамаеву): 5-10 - погребение 3; 11-13 - погребение 2; 14, 15 - погребение 5
2, 3, 9-15 - глина; 6 - бронза; 7, 8 - железо

1 (21)* Буденновская слобода. В 1940 г. близ Буденновской слободы г. Кисловодска Н.М.Егоров доследовал две разрушенные катакомбы грунтового могильника. Данных о погребальном обряде нет. Полную публикацию материалов этих катакомб (в них найдены фибулы, пряжки, удила с большими кольцами и пластинчатыми зажимами, глиняные сосуды и др. - рис.15) представил В.А.Кузнецов, он же сообщил о наличии в одной из катакомб двух деформированных черепов, датировав эти материалы III в. [Кузнецов В.А., 1990]. Более точную дату этих катакомб (вторая половина III в.) предложил А.К.Амброз [Амброз А.К., 1989, с.25], с чем, по-видимому, следует согласиться.

2 (22). Директорская горка. Холм, получивший название "Директорская горка", расположен на юго-западной окраине Кисловодска, на левом берегу р. Аликоновки. В 1968 г. на этом холме Н.Н.Михайлов доследовал три погребения. С материалами этих погребений меня познакомил А.П.Рунич. Две катакомбы с перпендикулярными к камере входными ямами (рис.16, 1) были полностью ограблены. Камеры их были ориентированы с северо-востока на юго-запад. Одна катакомба была, по-видимому, двухкамерной: вторая камера, параллельная первой, содержала захоронение коня. Третье погребение имело неясную конструкцию. Либо это была грунтовая яма, либо камера катакомбы с непрослеженной входной ямой (рис.16, 2). Могила была ориентирована с северо-запада на юго-восток и содержала индивидуальное захоронение: погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад. В могиле были найдены два сосуда (кувшин и миска), две бронзовые фибулы, булава, зеркало с центральной петлей и привеска (рис.16, 3-9). Погребение можно датировать III в. н.э., возможно, второй его половиной.

Необходимо отметить, что в 1977 г. М.П.Абрамова заложила на этом холме разведочный раскоп в поисках могильника первых веков нашей эры. Было открыто шесть погребений в катакомбах второй половины VII - первой половины VIII в. [Абрамова М.П., 1982, с.135-148]. Камеры катакомб были ориентированы с северо-востока на юго-запад, то есть они имели ту же ориентировку, что и две ограбленные катакомбы из раскопок Н.Н.Михайлова. Возможно поэтому, что они относятся к более позднему времени, чем погребение с инвентарем.

3 (23). Замковый могильник. Могильник расположен на юго-западной окраине Кисловодска. В 1974 г. А.П.Рунич раскопал здесь три катакомбы. Овальные в плане камеры были ориентированы с севера на юг (рис.17, 1, 10). У катакомбы 1 камера была расположена параллельно входной яме, соединяясь с ней при помощи узкого входного отверстия. По-видимому, такое же устройство имела и катакомба 3; у катакомбы 2 прослежена только камера. В катакомбе 3 найден деформированный череп. В могилах обнаружены глиняные сосуды, железная пряжка, прогнутая подвязная фибула и др. (рис.17, 2-9, 11-14). А.П.Рунич датировал эти катакомбы IV-V вв. [Рунич А.П. Отчет за 1974 г., с.10]. В 1981 г. на этом могильнике одну катакомбу раскопал Я.Б.Березин, который датировал ее II-III вв. [Березин Я.Б., 1983, с.109], однако, скорее всего, эта катакомба, судя по ее инвентарю (наконечнику ремня и пряжке), также относится к середине I тыс. н.э.

4 (24). Георгиевское плато. Могильник, обнаруженный в 1963 г. при строительстве санатория им.Орджоникидзе, находится в курортной зоне Кисловодска, на северо-западном склоне Георгиевского плато. Было разрушено 5-6 катакомб с камерами овальной в плане формы, ориентированными с востока на запад. Детали погребального обряда прослежены в двух катакомбах: погребенные лежали на слое угля и имели западную или юго-западную ориентировку. При погребенных найдены глиняные сосуды, бронзовые клепаные котлы, калачевидные серьги, пряжки с хоботковым язычком, браслеты, бусы и др. (рис.18) [Рунич А.П., 1969, с.105-107]. Характер инвентаря позволяет говорить о том, что нижней датой могильника можно считать V в.

5 (25). Лермонтовская скала-1. Могильник №1 у Лермонтовской скалы находится в 4 км к юго-западу от Кисловодска. В 1962 г. при проведении дороги здесь было вскрыто шесть катакомб, доследование которых проводил А.П.Рунич. Камеры имели овальную в плане форму и были ориентированы с севера на юг (рис.19, 1). В стенах трех катакомб имелись ниши, в двух катакомбах обнаружена подстилка из угля. Камеры содержали индивидуальные или парные захоронения с южной ориентировкой. Некоторые погребенные имели деформированные черепа. В могилах найдены глиняные сосуды, калачевидная серьга, фибулы, в том числе одна двупластинчатая, золотая бляшка со вставками из альмандина, серебряная пластина с чешуйчатым орнаментом, серебря-

* цифра в скобках означает номер по карте на рис.1

ная пряжка (рис. 19, 2-10, 12-26) и др. [Рунич А.П. Отчеты за 1962 и 1963 гг.]. Г.Е.Афанасьев и А.П.Рунич датируют этот могильник V-VI вв. [Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1970, с.222-227].

6 (26). Лермонтовская скала-2. Могильник №2 у Лермонтовской скалы расположен юго-восточнее Кисловодска, на правом берегу р.Ольховки, севернее Лермонтовской скалы. Раскопки могильника в 1968, 1972 и 1973 гг. проводил А.П.Рунич. Здесь были открыты катакомбные погребения раннесредневекового времени, два из них (№№10 и 11) можно отнести к рассматриваемому периоду. Обе катакомбы имели однотипное устройство: овальные в плане камеры имели близкую к меридиональной ориентировку, входные ямы были расположены перпендикулярно к камерам (рис.20, 1; 22, 1). В стене камеры катакомбы 10 имелась ниша, в которой стояло два сосуда. В камерах было погребено по два и три человека, имевших южную ориентировку [Рунич А.П. Отчет за 1972г., с.8, 9; Отчет за 1973г., с.1, 2]. В катакомбе 10 черепа погребенных были деформированы. В могилах сохранился многочисленный инвентарь: глиняные и стеклянные сосуды, бронзовые котлы, оружие, фибулы, пряжки, зеркала и др. (рис.20-23). Материалы катакомбы 10 были опубликованы А.П.Руничем, который датировал их IV-V вв. [Рунич А.П., 1976, с.256-266]. Позже материалы обеих катакомб были рассмотрены А.К.Амброзом, который предложил отнести катакомбу 11 к V в., тогда как катакомба 10, по мнению А.К.Амброза, содержала захоронения двух периодов - V и VII вв. [Амброз А.К., 1989, с.37, 38]. Последнее заключение представляется спорным, наличие же в обеих катакомбах погребений V в. является достаточно хорошо обоснованным.

7 (27). Мокрая Балка. Могильник Мокрая Балка, расположенный в окрестностях Кисловодска, раскапывался в течение ряда лет А.П.Руничем, В.Б.Ковалевской, Г.Е.Афанасьевым. Это грунтовой могильник, содержащий погребения в однотипных катакомбах (камеры расположены перпендикулярно к длинным осям входных ям). Обработку материалов этого могильника проводил Г.Е.Афанасьев. Используя материалы 158 погребений, Г.Е.Афанасьев выделил несколько хронологических этапов и дал общую дату этого могильника - вторая половина V в. - первая половина VIII в. [Афанасьев Г.Е., 1976, с.14]. К раннему этапу (вторая половина V - первая половина VI в.) он отнес три катакомбы (№№1, 3, 4) по типам фибул, пряжек (рис.24, 4-7, 18-21) и характеру орнамента на сосудах [Афанасьев Г.Е., 1979а,

с.180-182; 1979б, с.43-45]. А.К.Амброз более склонен датировать эти катакомбы V в. [Амброз А.К., 1989, с.41]. По своему устройству эти катакомбы не отличались от остальных катакомб этого могильника. Они имели овальные в плане камеры, ориентированные с северо-запада на юго-восток (катакомбы 1 и 3) или с запада на восток (катакомба 4). Вход в камеру закрывался каменной плитой. В двух камерах имелись ниши, в которые ставились сосуды (рис.24, 1, 17). Камеры содержали индивидуальные или парные захоронения, погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток или запад. У некоторых из них были деформированные черепа.

К этому же периоду следует, по-видимому, отнести и погребение 123 из раскопок А.П.Рунича в 1975 г. Камера катакомбы, ориентированная с северо-востока на юго-запад, содержала захоронения трех человек, кости двух из них были сдвинуты в южный угол камеры, третий лежал на спине, головой на северо-восток. При нем найдено: длинный (88 см) железный меч с прямым перекрестием, украшенным вставками из сердолика и цветного стекла, медный клепаный котел с железной дужкой, бронзовая пряжка, железный нож и глиняные сосуды (рис.25).

8 (28). Березовка. Второй Березовский могильник расположен в окрестностях Кисловодска, на левом берегу р.Березовки. В 1958 г. А.П.Рунич исследовал здесь три катакомбы. Камеры имели овальную в плане форму и были ориентированы с севера на юг (рис.26, 1, 7), ориентировка погребенных северная или южная. На дне катакомбы 2 была угольная подстилка, в катакомбе 1 найден конский череп [Рунич А.П. Отчет за 1958 г., с.7, 8]. Могила содержала глиняные сосуды, стеклянный кубок, железный кинжал, бронзовые бесщитковые пряжки с язычком в виде хоботка (рис.26, 2-6, 8-10). В.А.Кузнецов относил эти погребения к V-VI вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.15].

9 (29). Кисловодское озеро-1. Могильник №1 у Кисловодского искусственного озера находится на правом берегу р.Аликоновки, в 20 м выше отстойника. В 1957 г. А.П.Рунич доследовал обнаруженные при разработке карьера 14 погребений. Среди них были погребения в каменных ящиках (более ранние) и в катакомбах (на стенах карьера сохранились остатки ниш). В некоторых случаях (погребения 7 и 8) тип могильного сооружения (грунтовая яма или катакомба) восстановить не удалось. В этих двух могилах и в катакомбах погребенные имели восточную ориентировку. Некоторые

черепя были деформированы [Рунич А.П. Отчет за 1957 г., с.1-8]. В разрушенных погребениях найден невыразительный материал, в основном керамика (рис.27, 1-3). Поэтому датировка могил затруднена. В.А.Кузнецов относил эти погребения к V-VI вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.15].

10 (30). Кисловодское озеро-2. Могильник №2 у Кисловодского озера расположен на противоположном берегу р.Аликоновки. Разрушенные погребения с инвентарем, который, как представляется, можно отнести к V в., были обнаружены в 1957 г. Рядом с разрозненными костями найдена рукоять "кинжала или сабли", украшенная золотом и цветными вставками, фибулы (одна двупластинчатая, другая прогнутая подвязная с узкой ножкой), овальнорамчатая пряжка с прямоугольным инкрустированным щитком, зеркала с центральной петлей, глиняные сосуды (рис.27, 4-7).

Данных о деталях погребального обряда нет. В одной из могил установлена восточная ориентировка погребенного. Доследовавший эти могилы А.П.Рунич считал, что здесь были грунтовые ямы [Рунич А.П. Отчет за 1957 г., с.10]. Однако возможно, что здесь было сочетание грунтовых ям и катакомб, поскольку первые нередко встречаются на многочисленных катакомбных могильниках Кисловодска. Восточная ориентировка, кстати, была характерна для катакомб могильника №1 у Кисловодского озера (см. выше).

11 (31). Острый мыс. Могильник Острый мыс расположен на левом берегу р.Подкумок, к северо-востоку от Кисловодска. В 1974 г. А.П.Рунич раскопал здесь 12 погребений, в их числе грунтовые ямы, катакомбы и подбои [Рунич А.П. Отчет за 1974 г., с.2, 3]. Некоторые из этих погребений можно предположительно отнести ко II-III вв. н.э. [Абрамова М.П., 1993, с.204], однако есть здесь и более поздние могилы. Погребение 1, совершенное в катакомбе, можно датировать V-VI вв. По устройству (рис.28, 1) и ориентировке камеры (северо-восток - юго-запад), а также по характеру инвентаря (длинный меч, клепаный котел, стеклянный и глиняные сосуды и др. (рис.28, 2-14; 29) это погребение составляет единую группу с другими подобными погребениями, открытыми в районе Кисловодска в могильниках Мокрая Балка, Лермонтовская скала (рис.22, 1; 25, 1) и др.

12 (32). Санаторий Наркомтяжпрома. По данным В.А.Кузнецова, в 1934 г. у санатория Наркомтяжпрома в Кисловодске были разрушены катакомбные погребения. Три сосуда из этих катакомб поступили в Пяти-

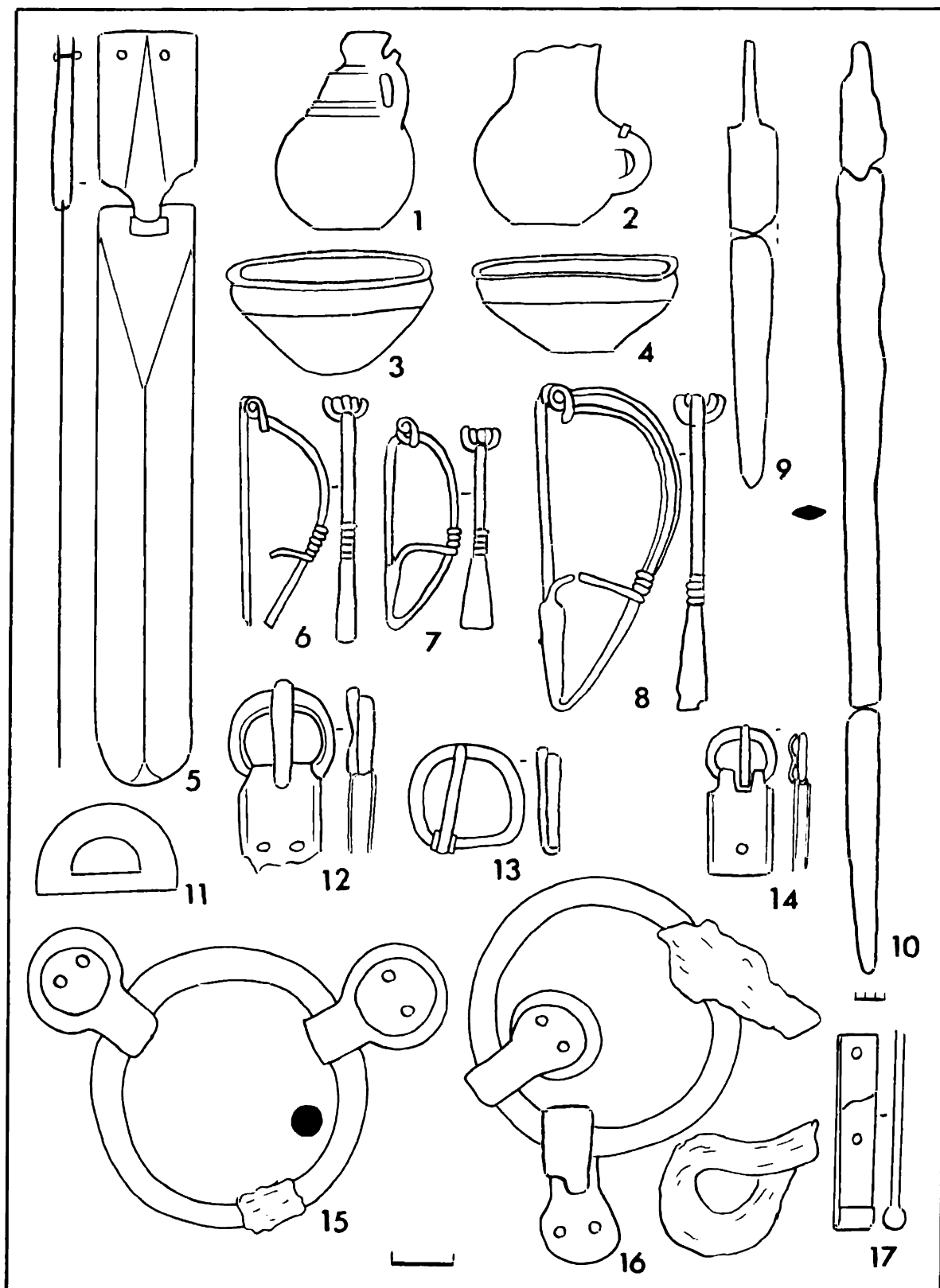
горский музей. В.А.Кузнецов датировал их V-VI вв., сообщив, что один из этих сосудов был датирован К.М.Скалон V в. [Кузнецов В.А., 1962, с.15]. К рассматриваемому периоду могильник относится условно.

13 (33). Клинь-яр. Урочище Клинь-яр находится в 4-х км к западу от Кисловодска. В 1968 г. А.П.Рунич раскопал здесь 11 погребений (9 катакомб и 2 грунтовые ямы), большая часть которых датировалась первыми веками нашей эры [Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969, с.118-120]. Из этих погребений к III в. относится, по-видимому, погребение 11. В грунтовой могиле найден скелет женщины, лежавший в вытянутом положении на спине, руки согнуты в локтях, ноги перекрещены в голених. Погребенная лежала головой на юго-запад. При ней найдены сильнопрофилированная фибула и подвеска с выемчатой эмалью (рис.30, 1-4).

В 80-х годах Клинь-ярский могильник исследовался В.С.Флеровым. По его данным, здесь имеются погребения II-IV и V-VIII вв., однако эти данные носят лишь предварительный характер [Флеров В.С., 1987, с.157; Флеров В.С., Нахапетян В.Е., 1988, с.144].

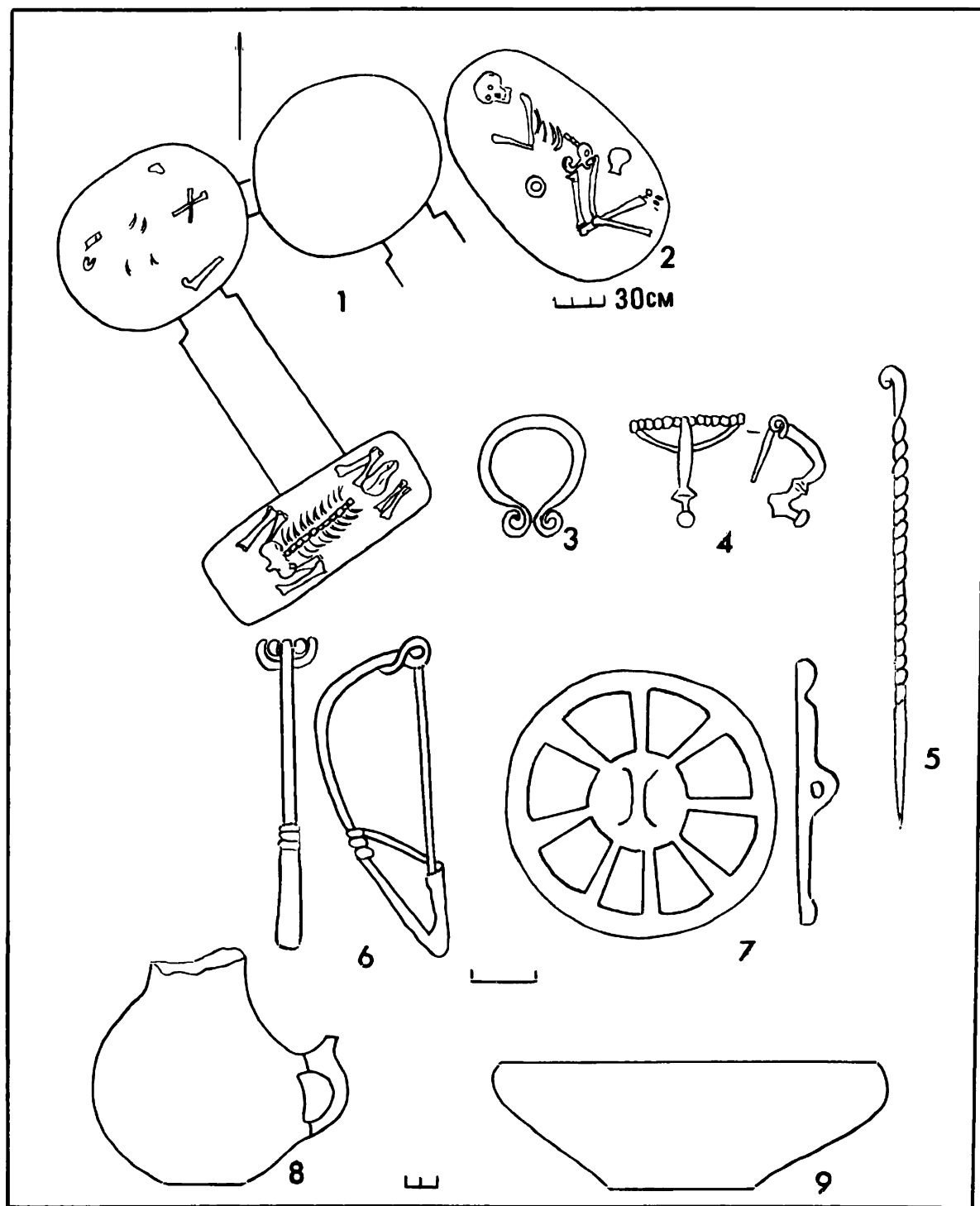
14 (34). Высокогорный-1. Могильник Высокогорный-1 расположен в 3,5 км к юго-востоку от Кисловодска, в ущелье р. Сухая Ольховка. Здесь при проведении грунтовой дороги в 1990 г. были задеты погребения, которые доследовал Я.Б.Березин. В 1990 и 1991 г. он раскопал здесь пять погребений, из них четыре были совершены в каменных ящиках. Найденный в могилах инвентарь позволил Я.Б.Березину датировать их III-V вв. [Березин Я.Б. Отчет за 1990 г., с.19, 20; Отчет за 1991 г., с.9-13].

15 (35). Корсунский склеп. В 1973 г. при проведении дороги у истоков р.Подкумок при впадении в нее речки Большая Корсунка было разрушено погребение в могиле из каменных плит. Могила доследовалась А.П.Руничем. Она была сделана из вертикально поставленных плит и ориентирована с севера на юг (рис.30, 5). По данным А.П.Рунича, она содержала скелет женщины, лежавшей в вытянутом положении, головой на север [Рунич А.П., 1979, с.234]. Восточная часть могилы была срыта, пострадали также южная стена и перекрытие могилы. А.П.Рунич полагал, что это был каменный склеп, вход в который находился в южной стене и был разрушен. Точных данных о наличии здесь входа нет. Возможно, это был не склеп, а каменный ящик (типа могил в Высокогорном). В погребении найдены фрагменты двух сосудов, зеркало, бусы, в том числе скарабей из египетского фаянса, и фрагмент бронзовой фибулы-броши (рис.30,

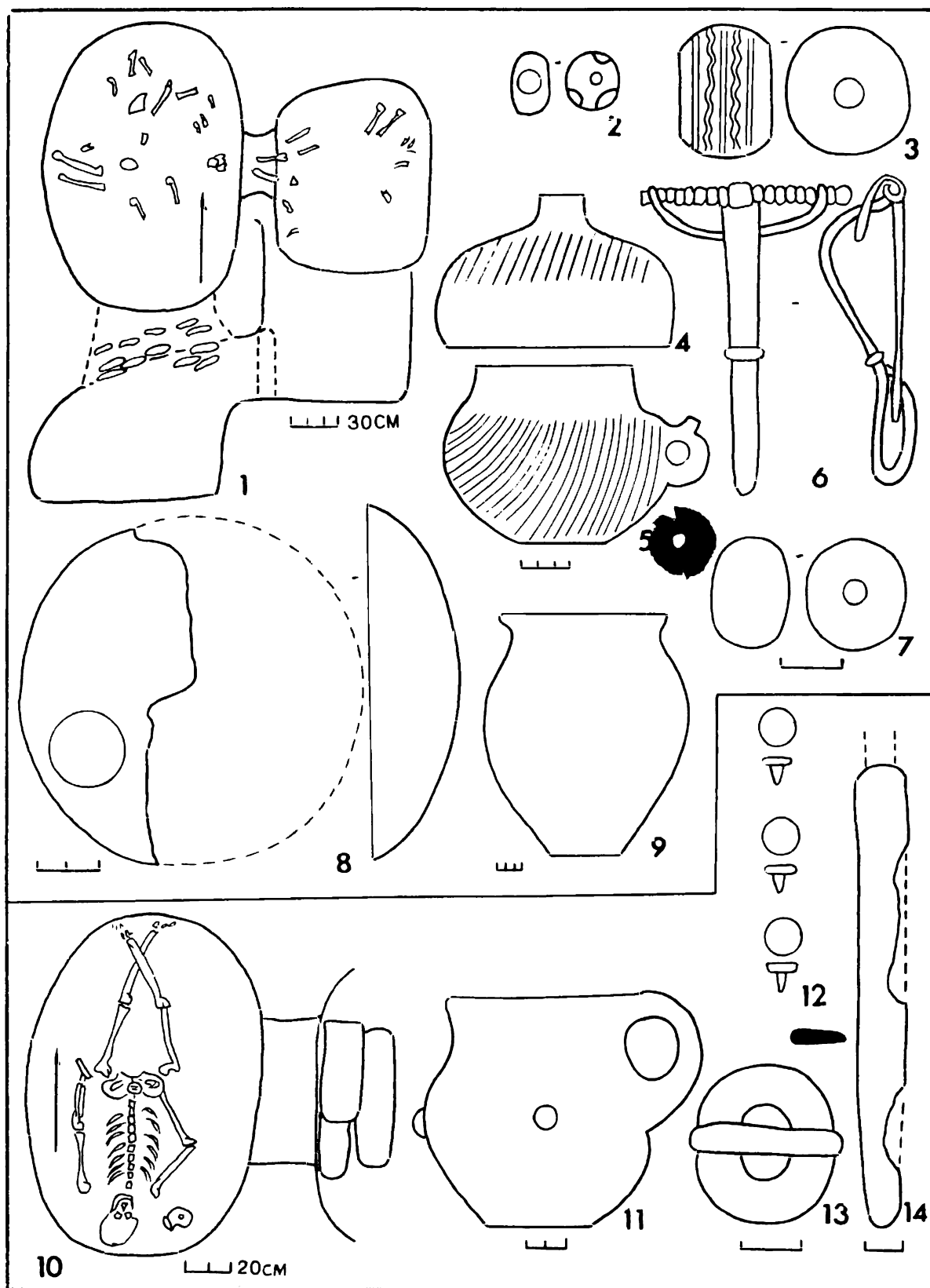

Рис.15. Буденновская слобода (по В.А.Кузнецову)

1-4 - глина; 5, 11, 12, 17 - серебро; 6-8, 13, 14 - бронза; 9, 10 - железо; 15, 16 - бронза, серебро, железо

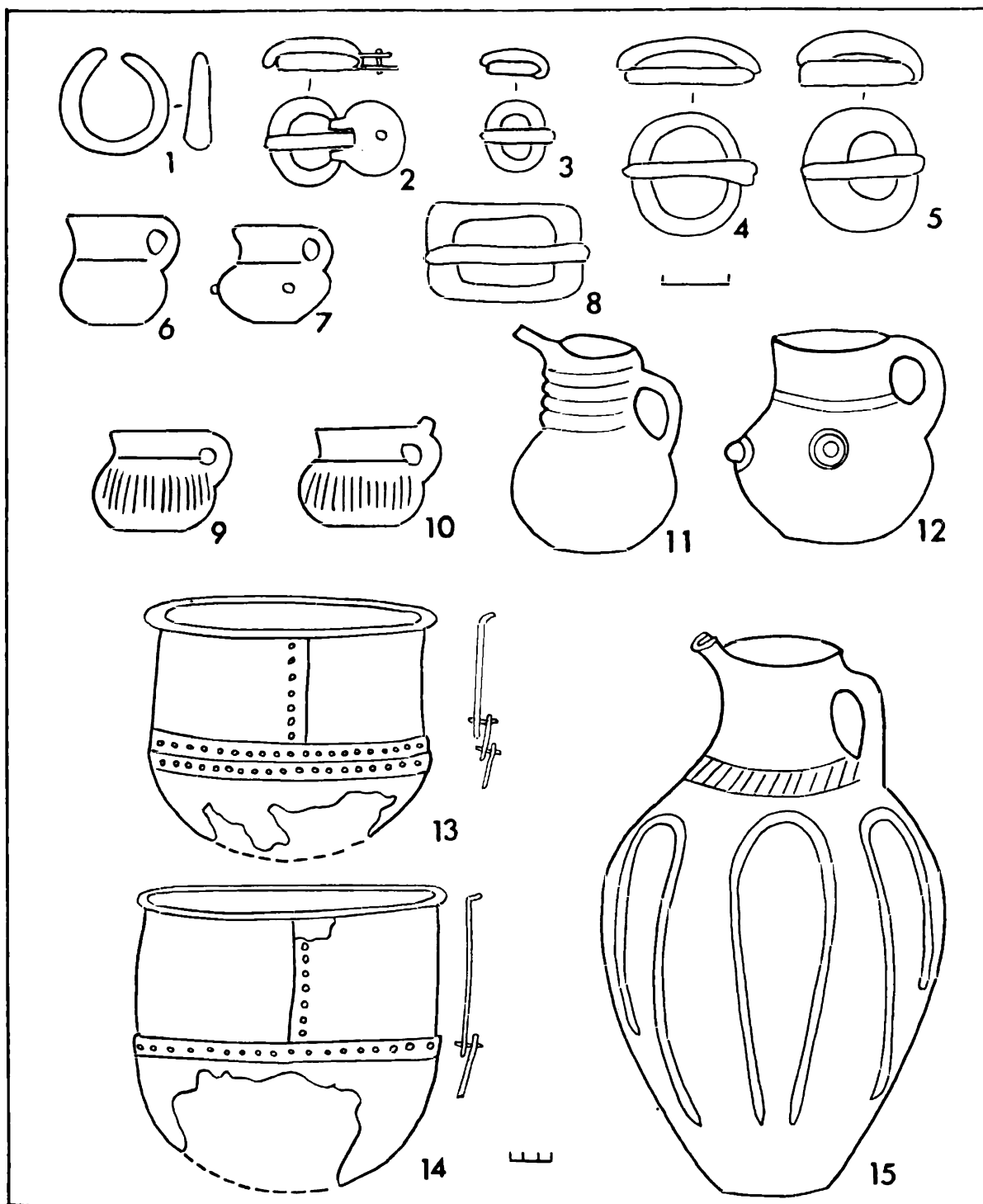
Рис.16. Директорская горка (по А.П.Руничу)
 3-7 - бронза; 8, 9 - глина

Рис.17. Замковый, погребения 1 и 3 (по А.П.Руничу)

1-9 - погребение 1; 10-14 - погребение 3

2, 3 - стекло; 4, 5, 9, 11 - глина; 6 - бронза; 7 - халцедон; 8, 13, 14 - железо; 12 - серебро

Рис.18. Георгиевское плато (по А.П.Руничу)

1, 2, 4, 13, 14 - бронза; 3 - серебро; 5, 8 - железо; 6, 7, 9-12, 15 - глина

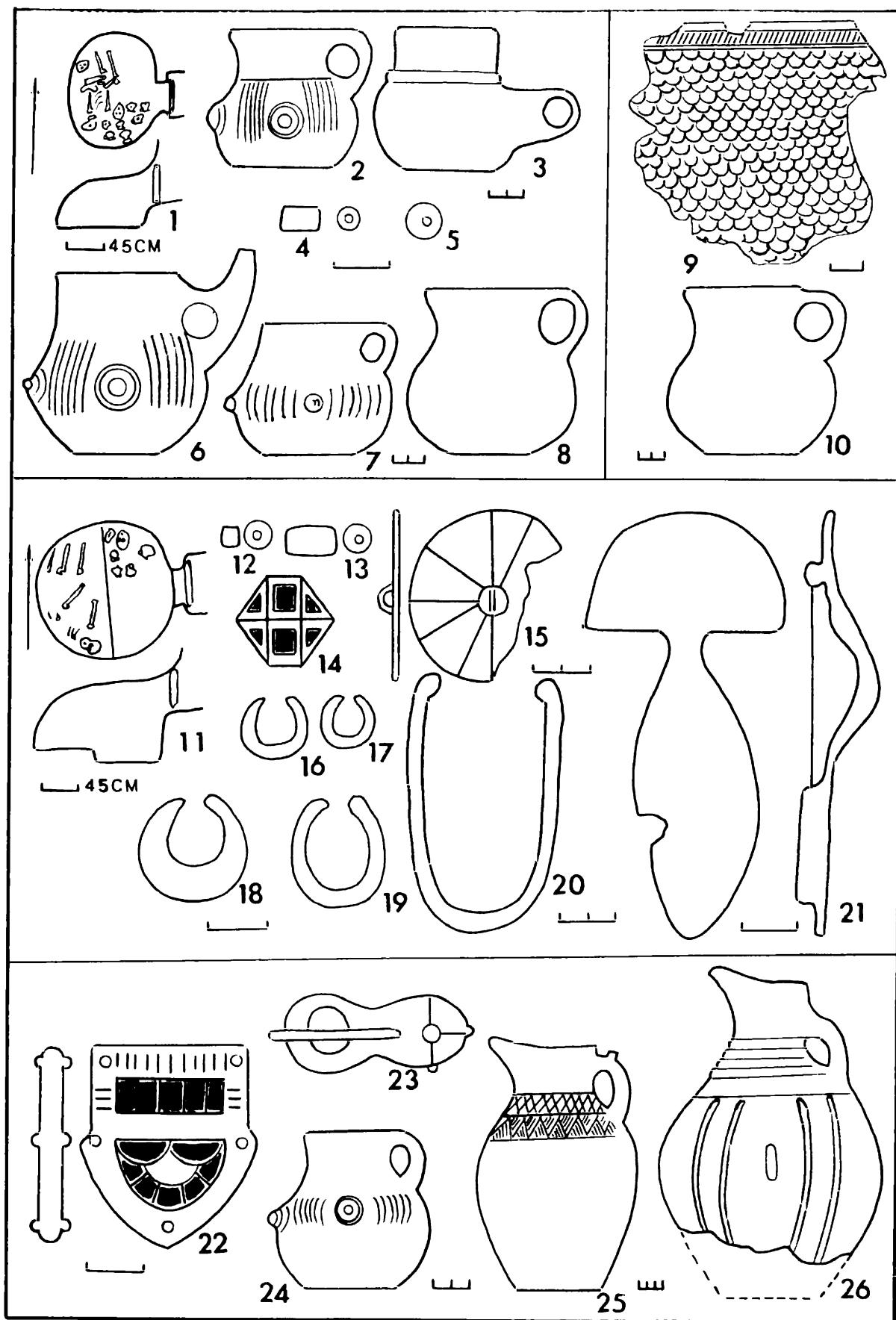
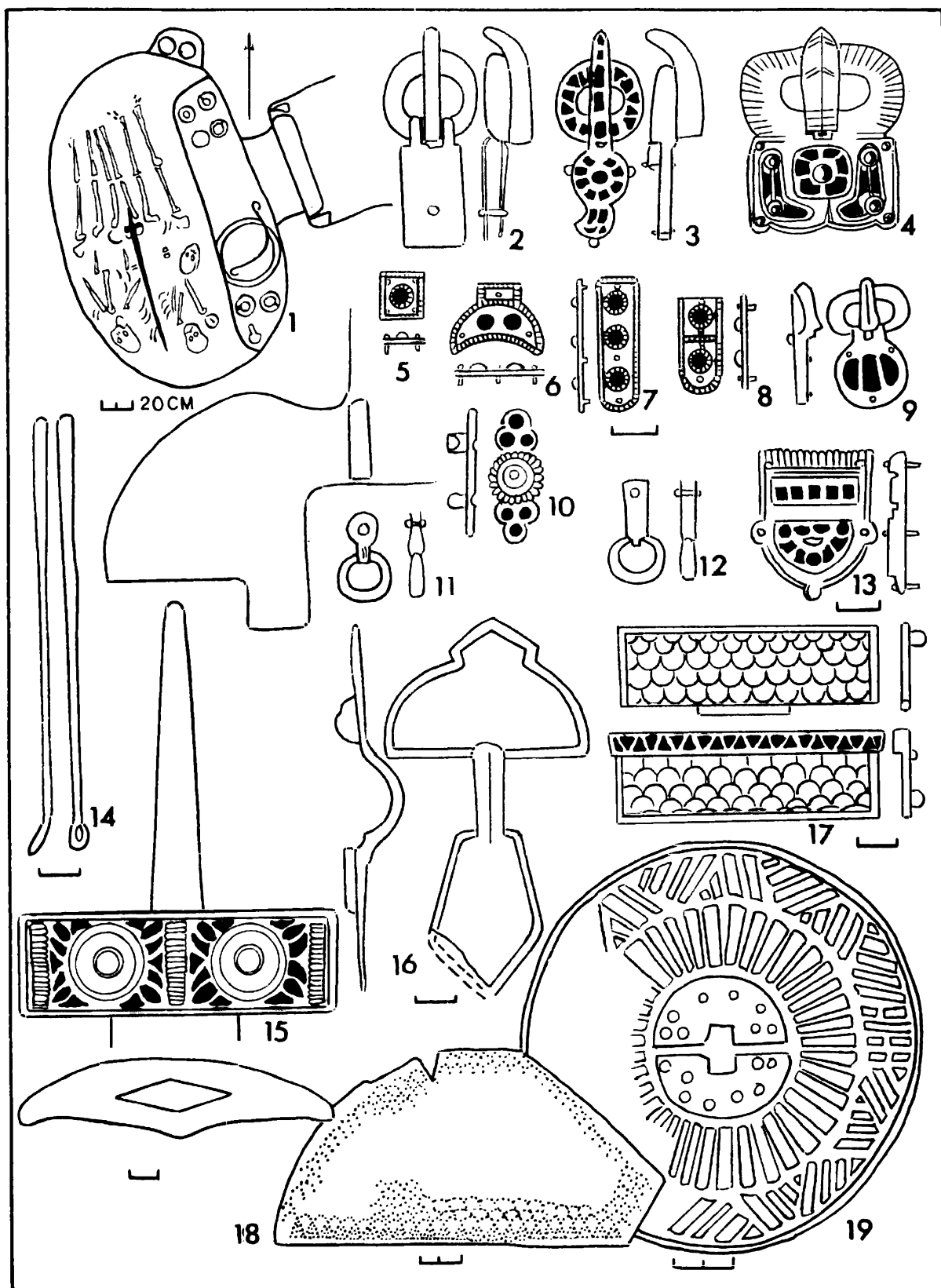

Рис.19. Лермонтовская скала-1, погребения 2, 3, 5, 6 (по Г.Е.Афанасьеву, А.П.Руничу)

1-8 - погребение 2; 9-10 - погребение 3; 11-21 - погребение 5; 22-26 - погребение 6
 2, 3, 6-8, 10, 24-26 - глина; 4, 5 - сердолик; 9, 15, 23 - серебро; 12, 13 - стекло; 14 - бронза,
 стекло; 16-18 - позолоченное серебро; 19-21 - бронза; 22 - золото, алмадин

Рис.20. Лермонтовская скала-2, погребение 10 (по А.П.Руничу)

2, 11, 12, 14, 16 - серебро; 3, 10, 17 - золото, альмандин; 4, 9 - серебро, золото, альмандин; 5-8, 13 - бронза, золото, альмандин, стекло; 15 - железо, бронза, стекло; 18 - позолоченное серебро; 19 - бронза

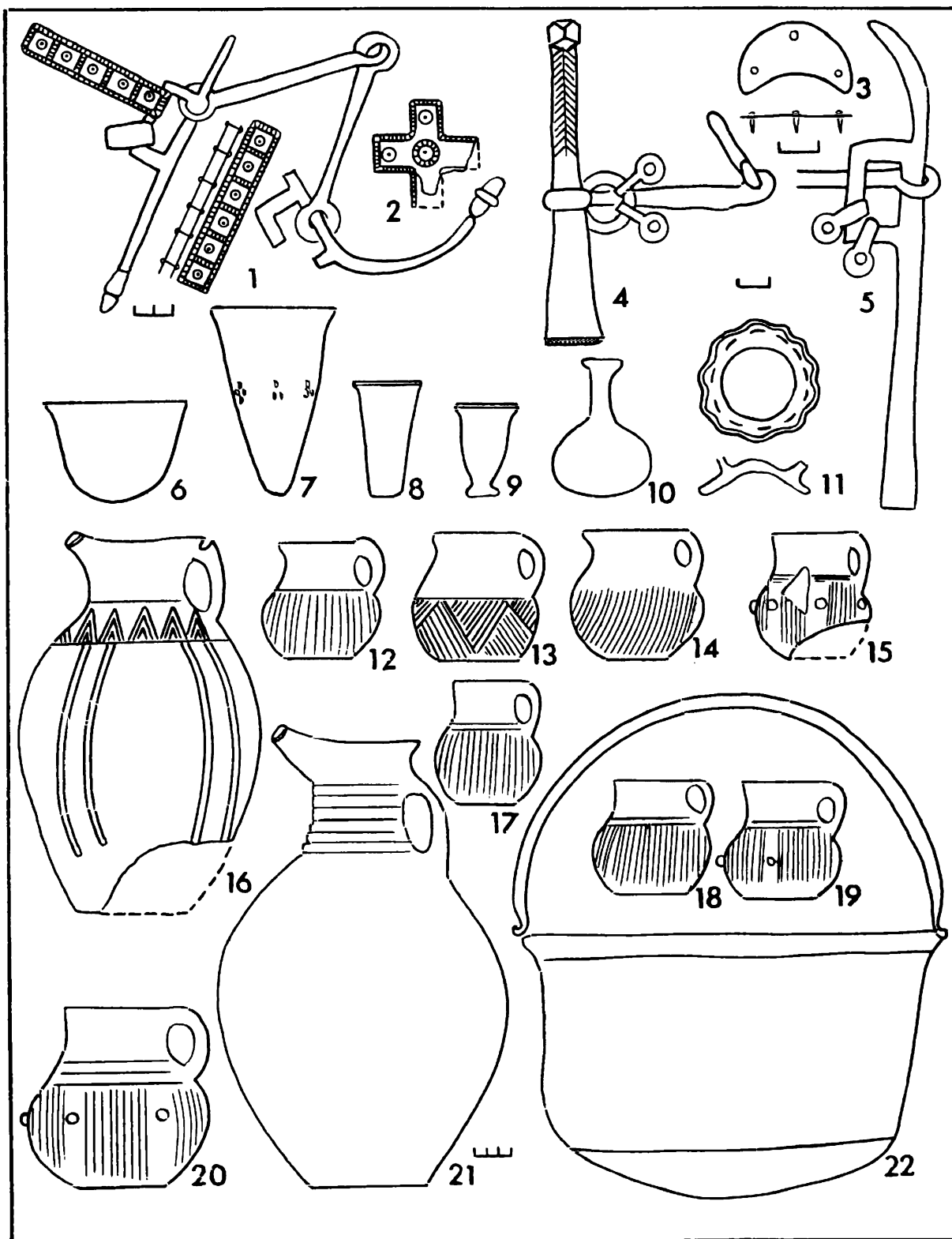

Рис.21. Лермонтовская скала-2, погребение 10 (продолжение)

1, 4, 5 - железо, бронза, золото; 2 - бронза, золото; 3 - бронза; 6-11 - стекло; 12-21 - глина; 22 - медь, железо

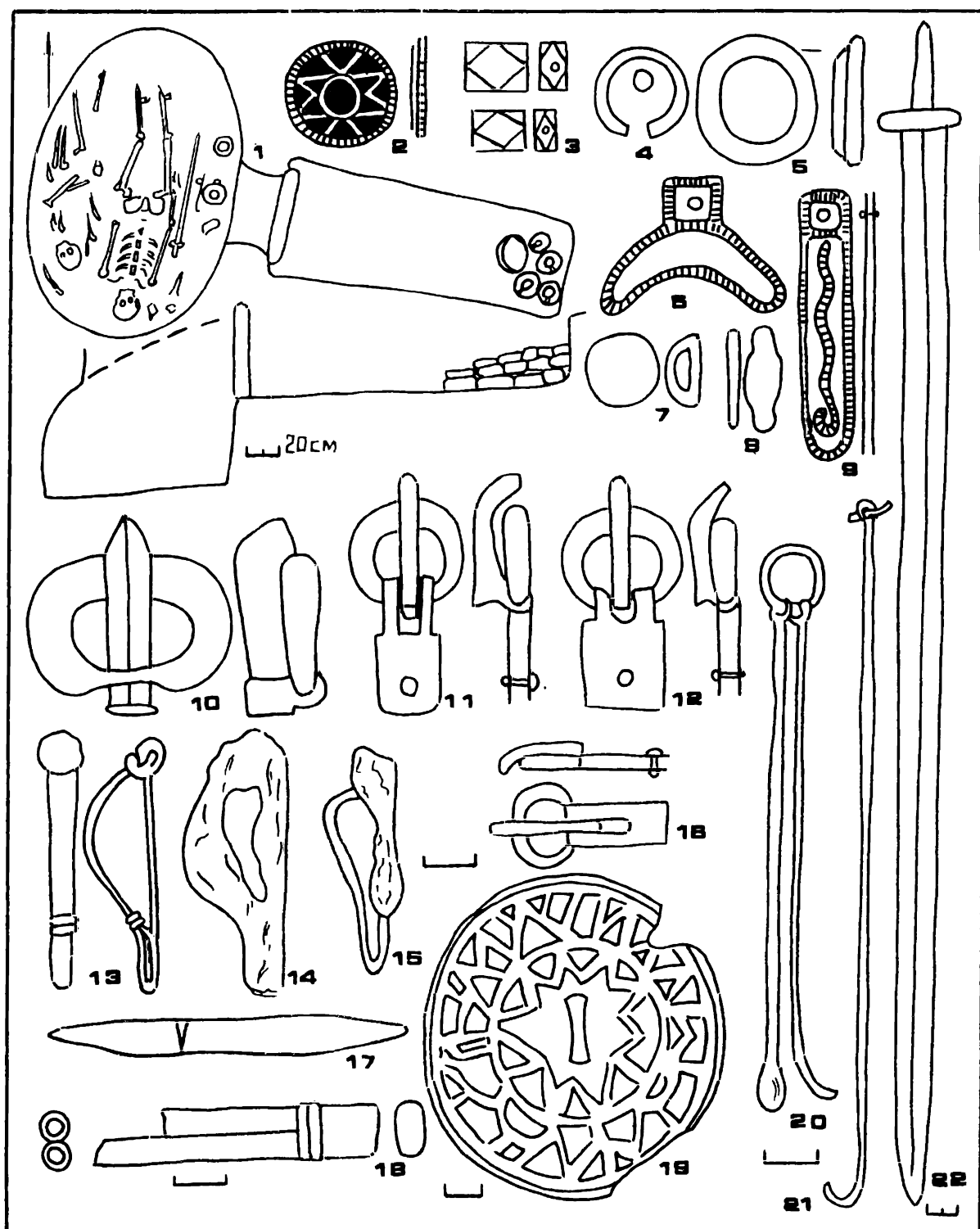

Рис.22. Лермонтовская скала-2, погребение 11 (по А.П.Руничу, А.К.Амброзу)

2 - бронза, стекло; 3 - альмандин; 4 - золото; 5 - "паста"; 6, 9-12, 20 - серебро; 7, 8, 13, 16, 18, 19 - бронза; 14, 17, 21, 22 - железо; 15 - бронза, железо

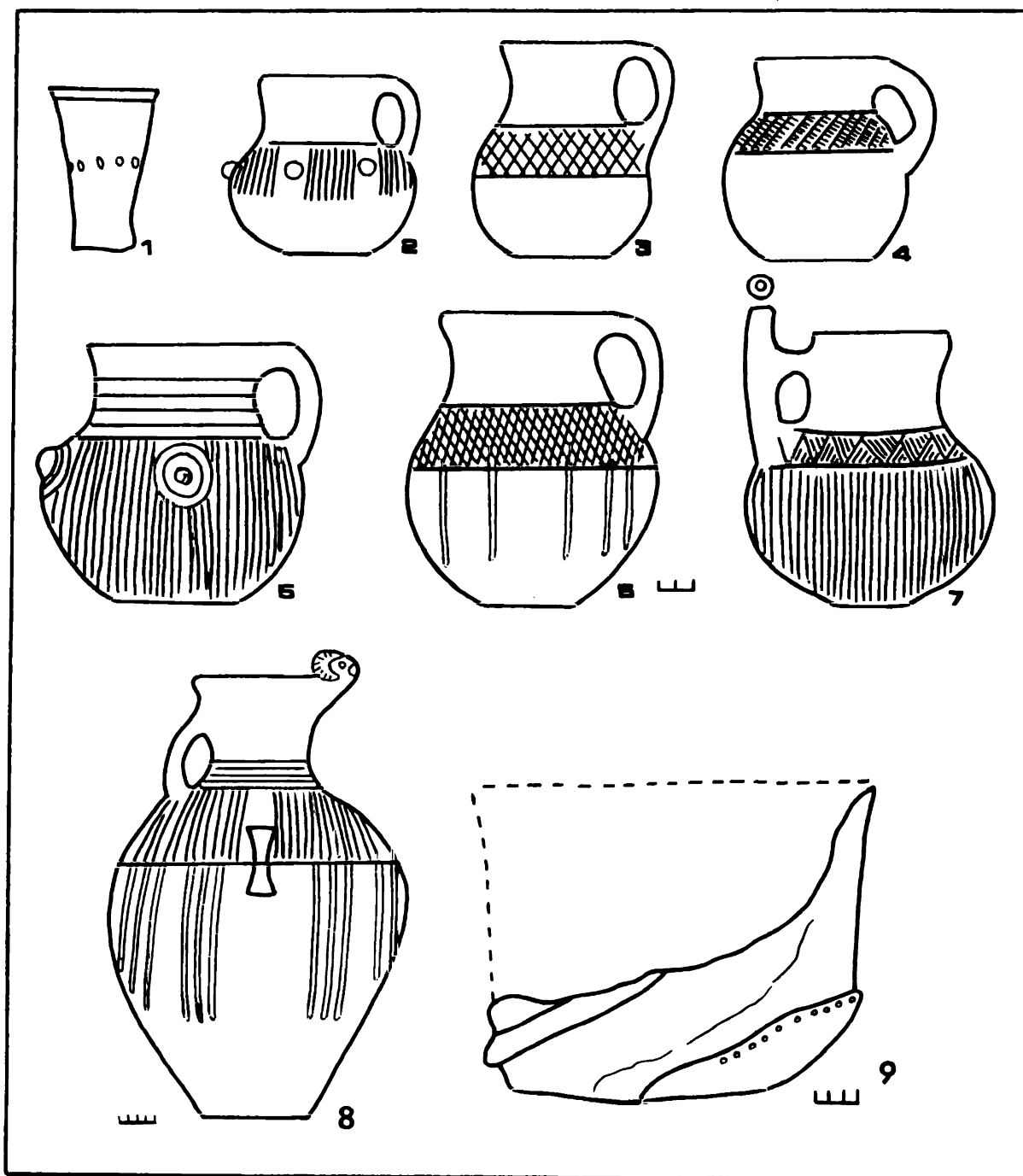

Рис.23. Лермонтовская скала-2, погребение 11 (продолжение)
 1 - стекло, 2-8 - глина; 9 - медь

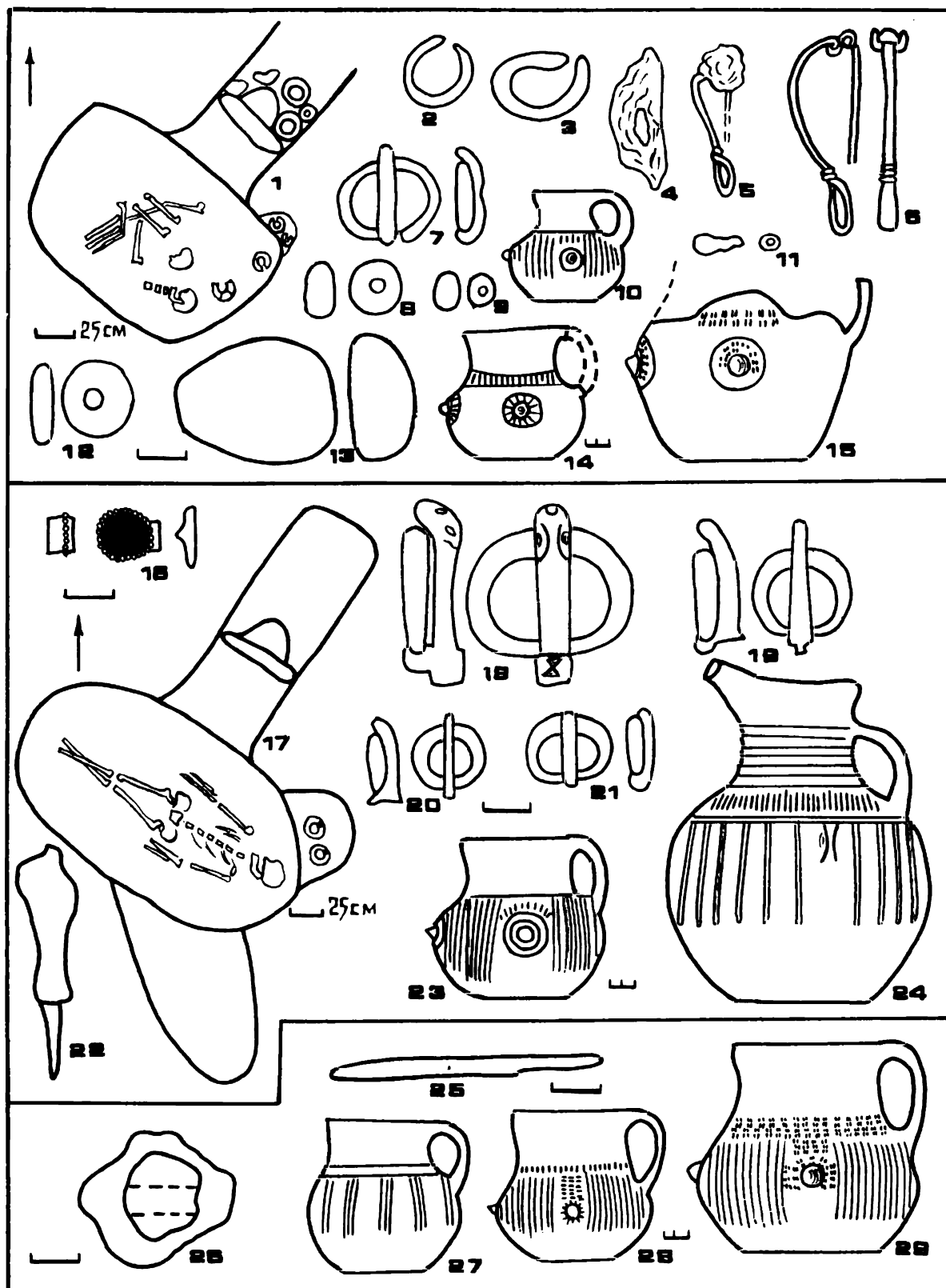

Рис.24. Мокрая Балка, погребения 1, 3, 4 (по Г.Е.Афанасьеву)

1-15 - погребение 1; 16-24 - погребение 3; 25-29 - погребение 4

2, 3, 6, 7, 19-21 - бронза; 5 - бронза, железо; 4, 22, 25, 26 - железо; 8, 9, 11 - стекло; 10, 14, 15, 23, 24, 27-29 - глина; 12 - янтарь; 13 - гагат; 16 - бронза, стекло; 18 - серебро

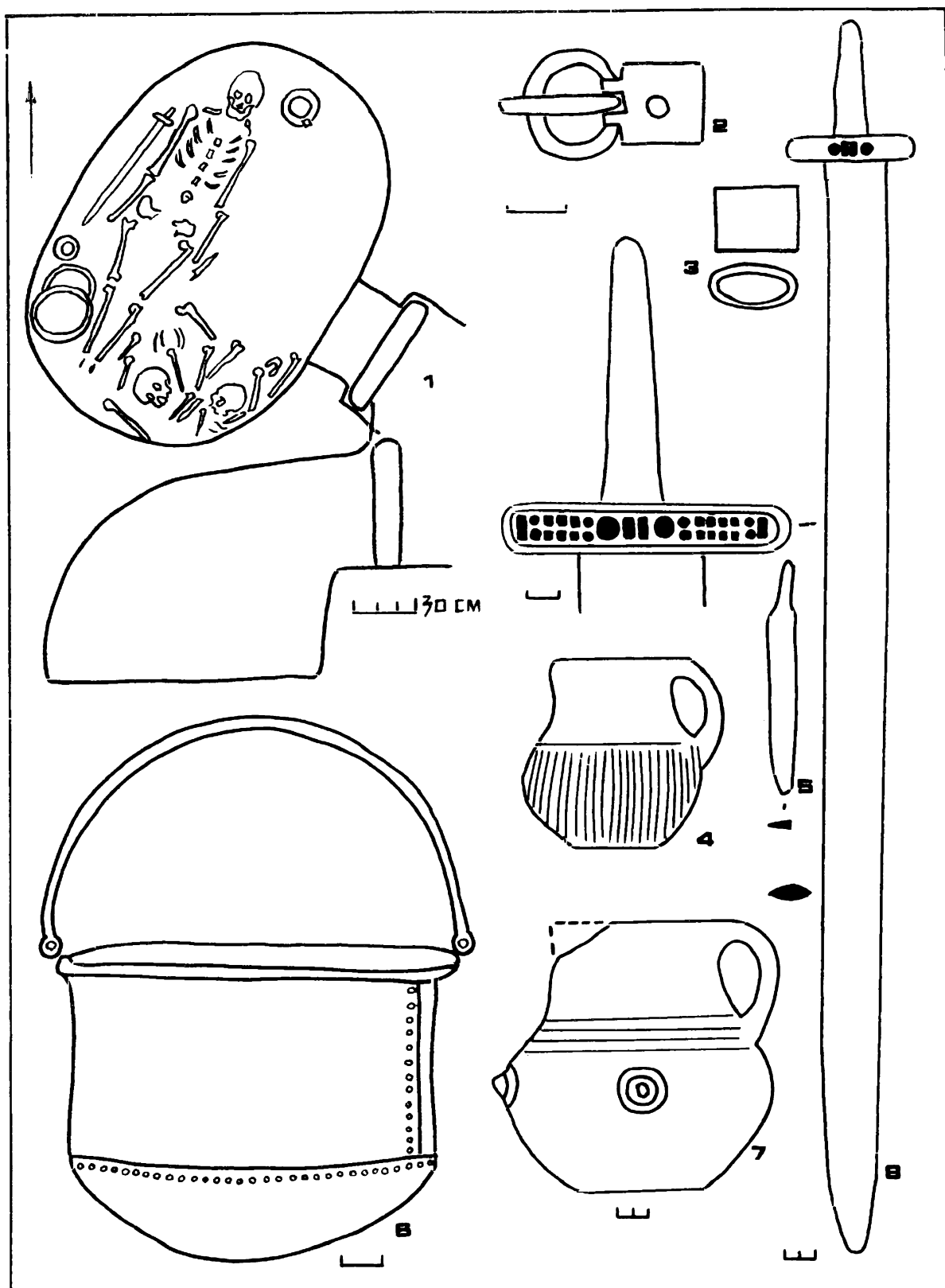
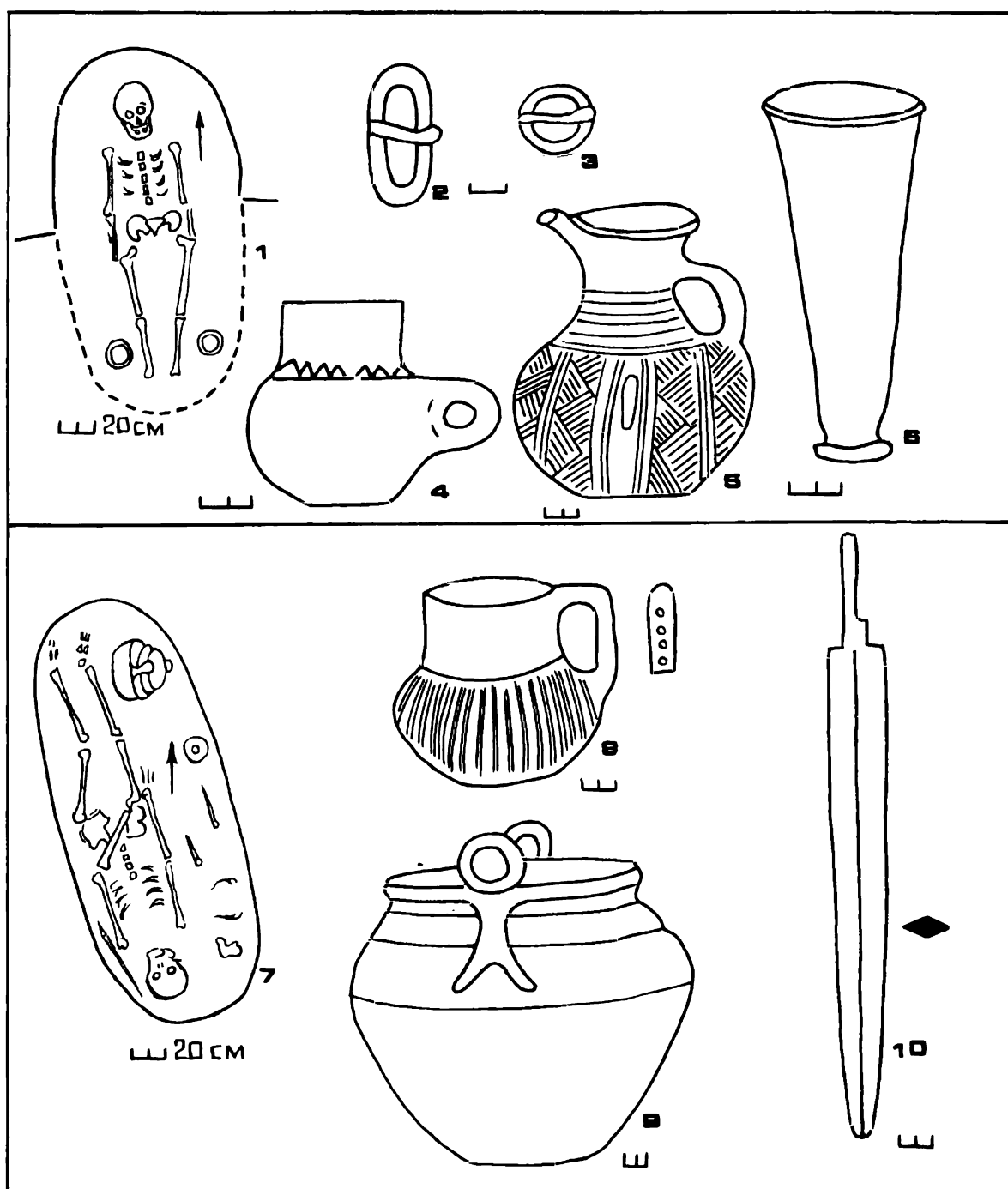
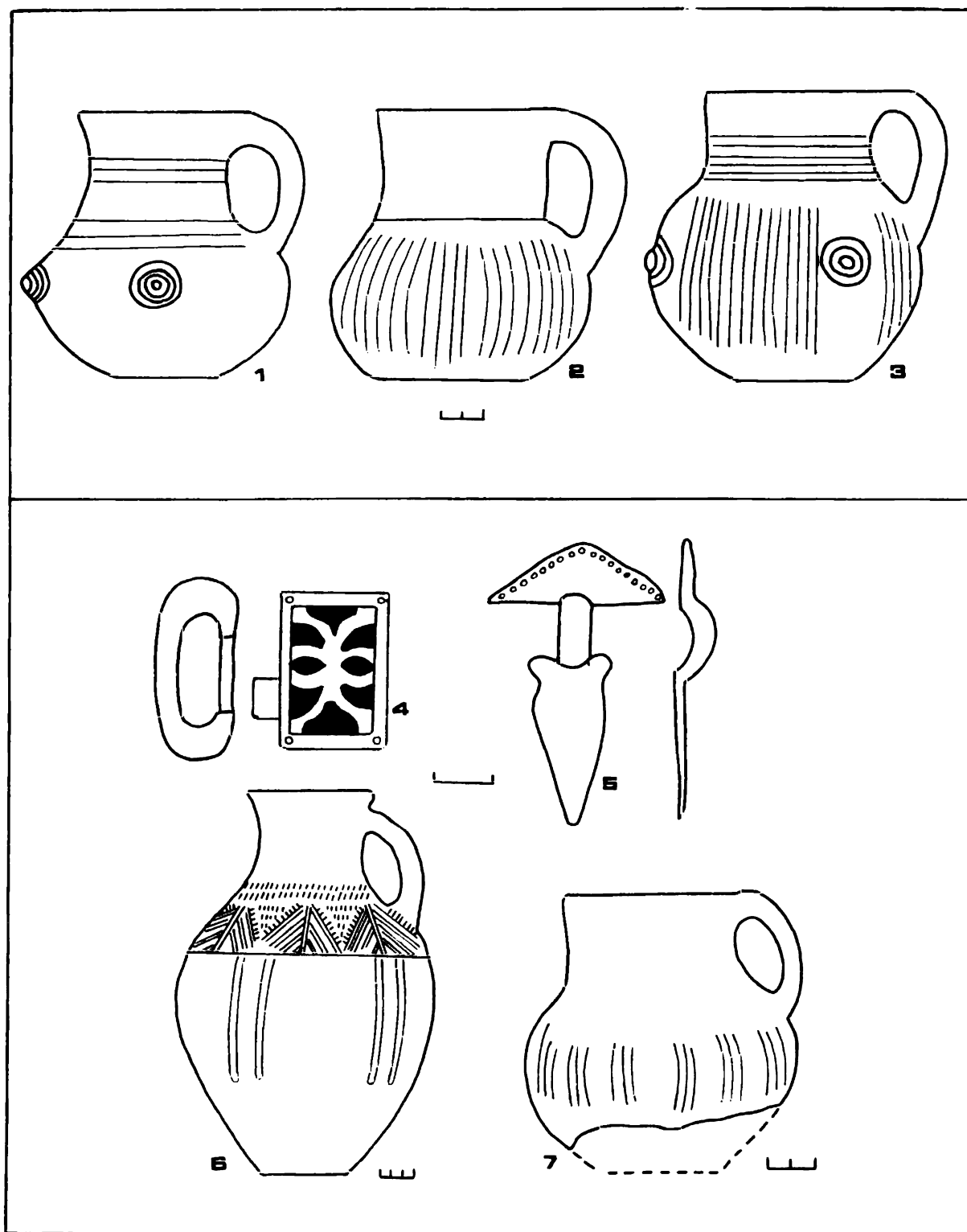

Рис.25. Мокрая Балка, погребение 123 (по А.П.Руничу)

2 - бронза; 3, 5 - железо; 4, 7 - глина; 6 - медь, железо; 8 - железо, бронза, стекло

Рис.26. Березовка, погребения 1 и 3 (по А.П.Руничу)
 1-6 - погребение 1; 7-10 - погребение 3
 2, 3 - бронза; 4, 5, 8, 9 - глина; 6 - стекло; 10 - железо

Рис.27. Кисловодское озеро-1, 2 (по А.П.Руничу)
 1-3 - Кисловодское озеро-1; 4-7 - Кисловодское озеро-2
 1-3, 6, 7 - глина; 4 - бронза, золото, стекло; 5 - бронза

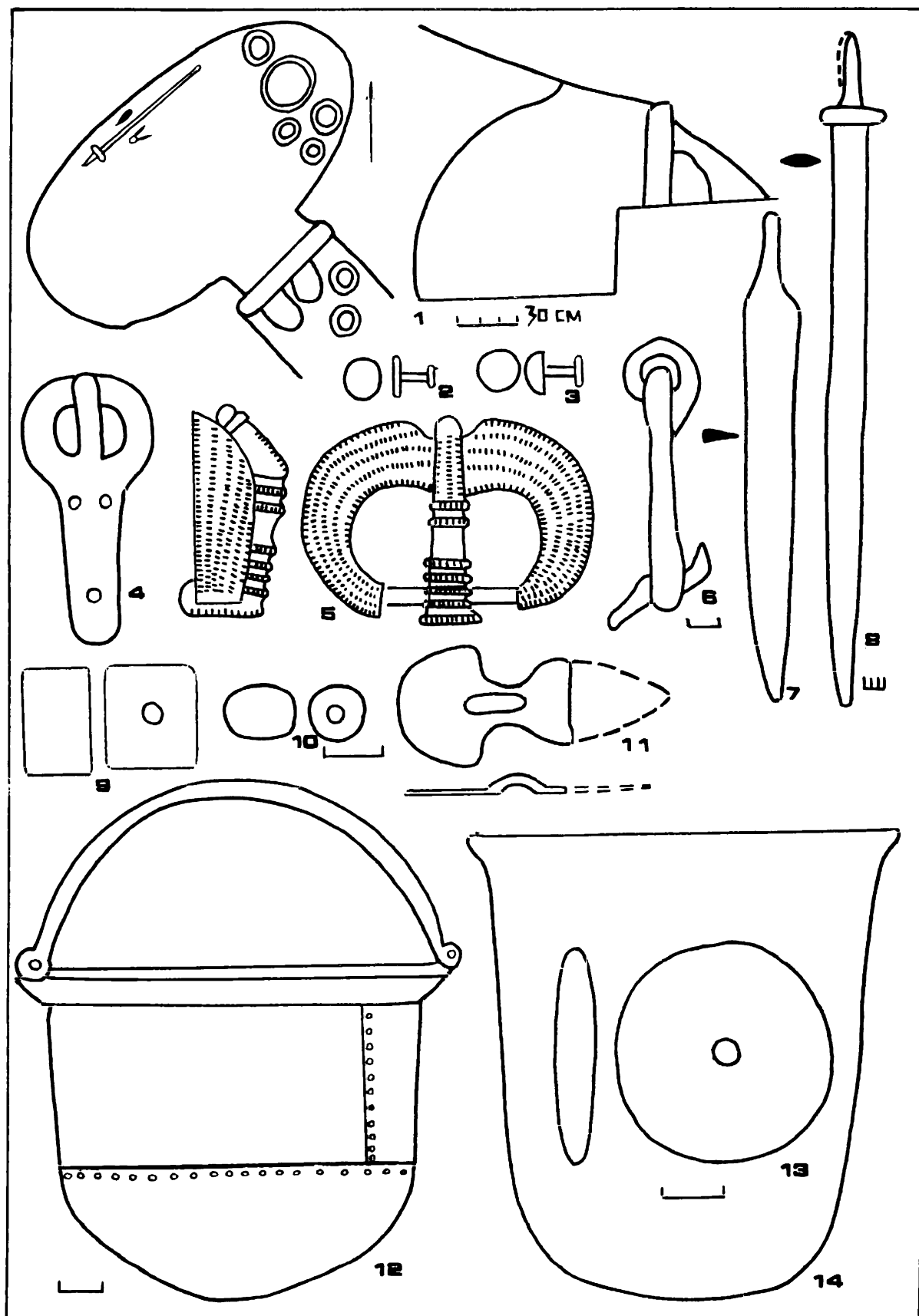

Рис.28. Острый мыс, погребение 1 (по А.П.Руничу)

2, 3, 5 - позолоченная бронза; 4 - железо, бронза; 6-8 железо; 9, 13 - гагат; 10 - стекло; 11 - бронза; 12 - медь, железо; 14 - стекло

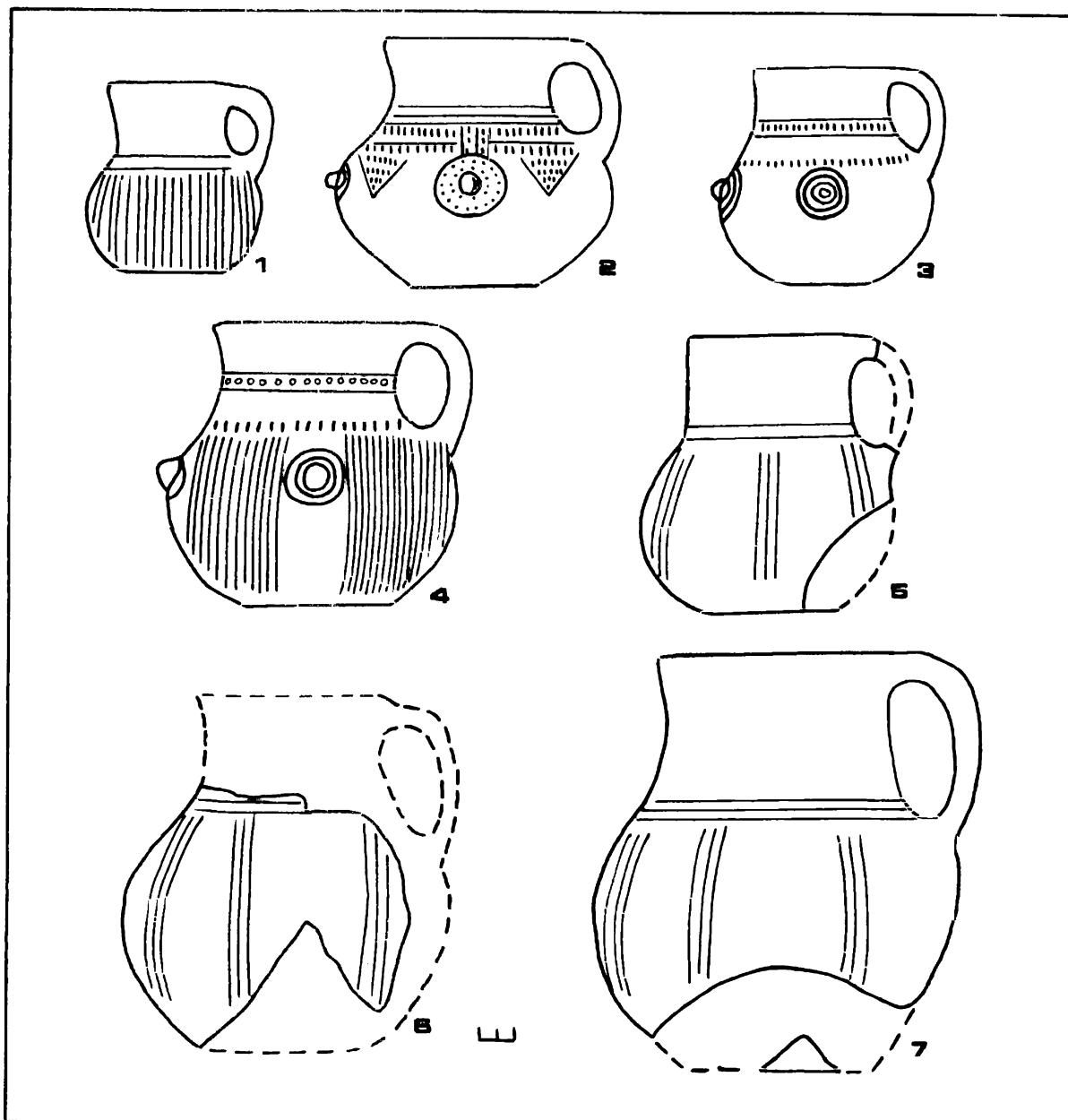

Рис.29. Острый мыс, погребение 1 (продолжение)

1-7 - глина

6-15). Оснований для точной датировки погребения нет. Лишь зеркало по своему орнаменту аналогично другим зеркалам, найденным в районе Кисловодска в могилах V в. (рис.22, 1), однако такие зеркала имеют широкую дату.

Таковы погребальные памятники района Кисловодска. Они представлены грунтовыми могильниками, в которых господствовал, как и в предшествующий период, катакомбный обряд погребения. В отличие от территории восточной локальной группы, где значительно преобладали погребения раннего периода (III-IV вв.), здесь ранние могилы единичны. Большая часть погребений датируется не ра-

нее V в., то есть относится ко времени после нашествия гуннов.

Таким образом, оба рассмотренных района (Затеречье и Кисловодск) характеризуются господством катакомбного обряда погребения, который был известен в той или иной степени на этих территориях и в предшествующий период. Совершенно иную картину мы наблюдаем на территории других районов, ограниченных бассейном Верхней Кубани на западе и течением Верхнего Терека на востоке. Здесь, по имеющимся данным, господствовали другие типы погребальных сооружений: каменные гробницы, каменные ящики, каменные подземные

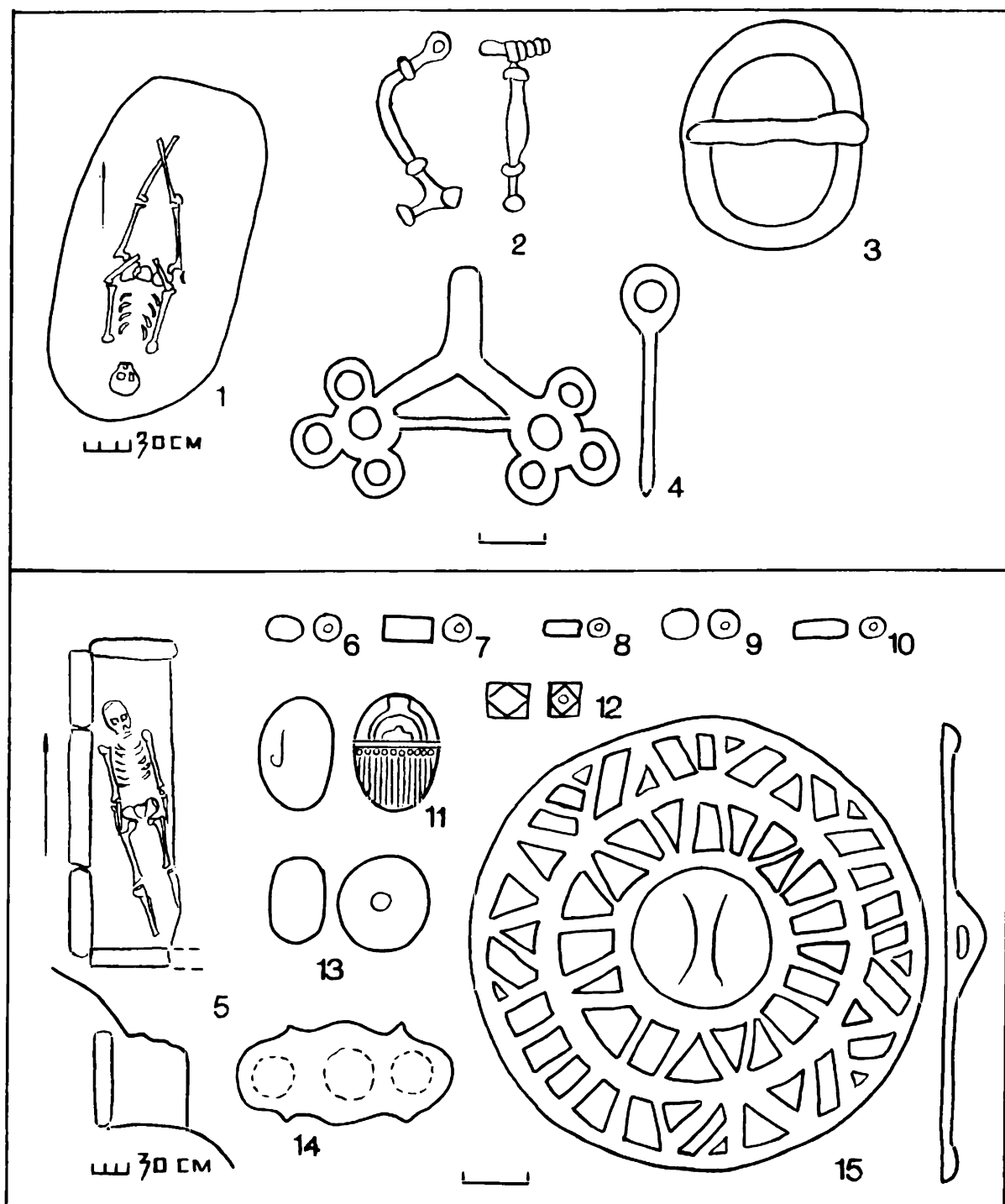

Рис.30. Клин-яр, Корсунский склеп (по А.П.Руничу)

1-4 - Клин-яр, погребение 11; 5-15 - Корсунский склеп

2, 14, 15 - бронза; 3 - железо; 4 - бронза, эмаль; 6-10, 12, 13 - стекло; 11 - египетский фаянс

склепы, грунтовые ямы - все они обычно связываются с погребальными традициями местного населения.

Бассейн Верхней Кубани

Применительно к рассматриваемому периоду (III-V вв.) и эпохе раннего средневековья памятники бассейна Верхней Кубани известны в значительно большей степени, чем памятники двух последних, более вос-

точных районов. Подробное описание истории изучения памятников Верхней Кубани дано в работе Т.М.Минаевой [Минаева Т.М., 1971, с.6-57], которая сама в течение многих лет, начиная с довоенных, а особенно в послевоенный период - с конца 40-х и в 50-х годах, проводила большие археологические работы по выявлению и изучению многочисленных памятников Верхней Кубани, в пер-

вую очередь тех из них, которые могут быть связаны с культурой северокавказских алан.

Среди других исследователей необходимо отметить В.М.Сысоева, который еще в конце XIX в. начал систематическое изучение памятников Верхней Кубани [Сысоев В.М., 1898: 1904; 1913]. Начиная с 50-х годов планомерным изучением археологических памятников Карачаево-Черкесии занималась Е.П.Алексеева, благодаря работам которой написана древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, где дана подробная характеристика и материалов интересующего нас времени [Алексеева Е.П., 1971, с.67-84]. Большой заслугой Е.П.Алексеевой является и составление археологической карты всех памятников, открытых на территории Карачаево-Черкесии, с общей характеристикой памятников каждого из периодов [Алексеева Е.П., 1992]. Большие археологические исследования на территории бассейна Верхней Кубани проводит и Х.Х.Биджиев [Биджиев Х.Х., 1982; 1983; 1993], интересы которого тяготеют к несколько более позднему периоду раннесредневековой эпохи.

Выделение памятников III-V вв. на Верхней Кубани проводится в основном по имеющимся в литературе данным. Оно затрудняется тем обстоятельством, что определенный круг памятников эпохи раннего средневековья получил в археологической литературе дату "V-VII вв." Позднее такое хронологическое определение подверглось критике, главным образом со стороны А.К.Амброза, долгие годы занимавшегося хронологией раннесредневековых древностей Восточной Европы. Он предложил ряд критериев для выделения материалов более узких хронологических периодов - IV в., V в., конца VI - VII вв. и т.д. [Амброз А.К., 1971], что позволило ему отделить материалы V в. от материалов VII в. и передатировать целый ряд известных ранее комплексов и могильников с общепризнанной датой (среди памятников Верхней Кубани это такие, в частности, могильники, как Байтал-Чапкан и Гиляч).

Однако проведенная А.К.Амброзом передатировка далеко не во всех случаях кажется достаточно обоснованной. Предлагаая список памятников Верхней Кубани III-V вв., мы постараемся по возможности дать обоснование их даты или хотя бы отметить степень ее обоснованности.

1 (36) . Байтал-Чапкан. Могильник расположен в местности Байтал-Чапкан, на правом берегу р. Малый Зеленчук, левого притока Кубани, на южном склоне горы Эльбурган. Впервые могильник был обнаружен в 1941 г. при строительстве шоссейной

дороги. Тогда же Т.М.Минаева раскопала здесь две могилы. Позже, в 1949 и 1953 гг. она продолжила раскопки этого могильника. Всего здесь было открыто 34 погребения.

Устройство могил довольно стандартное. Это были катакомбные погребения. Входные ямы имели вид колодца длиной от 1,5 до 3 м, глубиной 1,8-2,9 м. Ориентировка ям строго не выдерживалась, хотя преобладающей была широтная. Отклонения часто связаны с рельефом холма, хотя и не всегда. Вход в камеру обычно располагался в западной стене входной ямы. Входное отверстие, длиной до 0,5 м., закрывалось каменной плитой. Камеры были расположены перпендикулярно (или почти перпендикулярно) к длинной оси входной ямы (рис.31, 1; 33, 1, 7). Камеры имели в плане овальную или прямоугольную форму и куполообразный свод. При переходе в камеру имелась ступень высотой до 1,2 м. В стенах камер часто были ниши - одна или две, в которые помещались сосуды. Вдоль противоположной от входа стены камеры иногда устраивалась лежанка, на которой размещался погребенный. У погребенных господствовала южная ориентировка (иногда с отклонениями - ЮЮВ, ЮЗ). У некоторых мужских скелетов ноги были скрещены в голених. Многие погребенные имели деформированные черепа. На дне могил прослеживались остатки органической подстилки. В слое рядом с могилами встречались фрагменты грубых горшков, что можно связать с тризной. Во многих погребениях найдены кости (ребра) барана. Кроме того, на территории могильника обнаружено захоронение шкуры коня - найдены череп и кости нижних частей ног [Минаева Т.М., 1956, с.236-239, 259].

Погребения содержат довольно выразительный материал: керамику, бронзовые изделия - зеркала, пряжки, украшения, в том числе изделия с инкрустацией, фибулы и др. (рис.31-35), что позволило Т.М.Минаевой отнести этот могильник к V в. [Минаева Т.М., 1956, с.255, 256]. Эта дата получила общее признание. Позже А.К.Амброз, занимаясь уточнением хронологии раннесредневековых памятников, передатировал могильник Байтал-Чапкан: сначала он отнес его к VI-VII вв. [Амброз А.К., 1971, ч.1, с.106], а затем и к VII в. [Амброз А.К., 1989, с.29]. Однако, как отмечалось [Абрамова М.П., 1995а, с.69-70], представляется, что найденный в могилах инвентарь можно датировать V в. Не исключено, однако, что часть погребений относится и к VI в.

2 (37) . Тамгацик. Балка Тамгацик, в которой находятся поселение и могильник, расположена у аула Жако на правом берегу

р.Малый Зеленчук. Раскопки здесь проводила Е.П.Алексеева в 1952 и 1953 гг. Помимо раскопок поселения, было открыто пять погребений грунтового могильника [Алексеева Е.П. Отчеты за 1952 и 1953 гг.]. Наружных признаков могилы не имели. Погребения были совершены в грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами, залегавшими на глубине 1,2 м. Дно могил находилось на 0,2 м глубже перекрытий, таким образом плиты перекрытий были фактически на погребенных. Поэтому конструкция могил не совсем ясна. Судя по разрезам могил (рис.36, 5, 17), концы плит покоились на материке, следовательно это могли быть ямы с заплечиками; либо перекрытия укладывались на камни, имевшиеся ранее вдоль стен. Подтверждают это в некоторой степени наличие вертикально стоявшей плиты у ног погребенного в могиле 5 (рис.36, 16) и камень у стены в могиле 4. В этом случае могилы можно рассматривать как разновидности каменных гробниц.

Все могилы содержали индивидуальные захоронения. Погребенные лежали на слое глины толщиной 7-8 см, перекрывавшем дно, в вытянутом положении на спине. Руки были согнуты в локтях, кисти лежали на тазовых костях. У четырех погребенных (погребения 1-3, 5) ноги были перекрещены в голенях. Череп из погребения 4 был "несколько вытянут", - Е.П.Алексеева предполагала незначительную его деформацию [Алексеева Е.П. Отчет за 1953 г., с.7]. В ориентировке погребенных преобладало западное направление (3 сл.), имелись и отклонения - юго-запад и юг (по 1 сл.). В головах погребенных найдены кости коровы и угли. Среди инвентаря могил следует отметить железный кинжал, бронзовые пряжки, фибулы и зеркала, туалетные принадлежности, бусы, оселки и глиняные сосуды (рис.36, 2-4, 7-15, 18, 19) [Алексеева Е.П., 1955, с.73-79].

Дата погребений IV-V вв. (скорее, IV в.), исходя из типов пряжек, фибул, зеркал и керамики. А.К.Амброз относил погребение 4 к V в. [Амброз А.К., 1989, с.42] по наличию в нем четырнадцатигранной бусины из сердолика, полагая, что такие бусы были характерны именно для этого периода. Однако они хорошо известны в погребениях поздне-сарматской культуры II-IV вв. К III-IV вв. относится и "грибовидная" подвеска из янтаря, найденная в этом же погребении. В других погребениях этого могильника найдены пряжки (рис.36, 7, 18), имеющие все признаки пряжек IV в.

3 (38). Адлюх. Городище Адлюх расположено в 2-х км к югу от аула Инжиччукун на правом берегу р.Малый Зеленчук. Рас-

копки на городище VI-XII вв. проводила Т.М.Минаева в 1951, 1952 и 1954 гг. [Минаева Т.М., 1955]. В 1954 г. на третьей части городища она открыла три погребения, частично разрушенные более поздними сооружениями городища. Погребения были совершены, по-видимому, в каменных гробницах - могилах, стены которых были обложены неправильной формы камнями (или сложены из них). Такие камни упоминаются при описании погребения 2 [Минаева Т.М. Отчет за 1954 г., с.3-5], изображены они и на плане погребения 3 (рис.37, 5). Могилы были узкими и содержали индивидуальные захоронения. Ориентировка могил широтная, погребенных западная. Женщина из погребения 1 была положена в сильно скорченном положении на левом боку. Могилы 2 и 3 содержали, по данным Т.М.Минаевой, захоронения мужчин; у одного из них ноги были скрещены в голенях [Алексеева Е.П., 1976, с.48, 49]. В погребении 2 найдены железный меч и нож, бронзовая фибула, глиняный сосуд с зооморфной ручкой (рис.37, 3, 4) и фрагменты другого сосуда. Из погребения 1 происходит сосуд с зооморфной ручкой и зеркало с центральной петлей и рельефным орнаментом (рис.37, 1, 2).

Т.М.Минаева датировала эти погребения III-V вв.н.э. Форма сосудов и характер зооморфных ручек (наличие вертикального отростка с горизонтальным срезом в верхней части ручки), а также характер орнамента на зеркале указывают, скорее всего, на вторую половину III - IV вв. Не противоречит, как представляется, этой дате и бронзовая фибула, судя по рисунку, прогнутая, с циркульным орнаментом на треугольной ножке (рис.37, 4). Подобный орнамент характерен, в частности, для крестовидных фибул Абхазии, распространившихся там с IV в. [Гунба М.М., 1978, с.90].

4 (39). Усть-Джегута. Имеются отрывочные сведения о наличии в станице Усть-Джегутинской разрушенного грунтового могильника со сложенными из камня гробницами. Т.М.Минаева, публикуя материалы Узун-Кольского могильника (см. ниже №23), отмечала, что по характеру погребальных сооружений и по ритуалу погребения раннего периода могильника Узун-Кол, относящиеся к III-V вв., однородны с другими памятниками Верхней Кубани, в том числе и могильником, расположенным на месте станицы Усть-Джегутинской [Минаева Т.М., 1960, с.195].

Могильник, таким образом, состоял из каменных гробниц. Прочие особенности погребального обряда, как и характер инвентаря, остаются неизвестными.

5(40). Красногорская. По данным Т.М.Минаевой, на территории Красногорского сельсовета (Усть-Джегутинский район) в 1953 г. при добыче камня была открыта каменная гробница, стены которой были сложены из битого камня, а перекрытие составляла каменная плита. В могиле было захоронение человека, у правой руки которого стояли три сосуда, два из них кувшины с шаровидным туловом, украшенным елочным орнаментом, нанесенным лощиком. Ручка одного сосуда, по данным Т.М.Минаевой, имела "прямоугольный изгиб". Т.М.Минаева относил эти сосуды к IV-VII вв. [Минаева Т.М., 1971, с.62].

6(41). Хумара. Хумаринский могильник расположен на правом берегу р.Кубани рядом с известным Хумаринским городищем, за его пределами, на особом холме, возвышающемся у подножья цитадели. Холм, на котором Е.П.Алексеева в 1963 и 1964 гг. проводила раскопки поселения скифского времени, во II-IV вв. н.э. использовался под могильник. Погребения сарматского времени были открыты здесь Х.Х.Биджиевым в 1979 г., когда было исследовано три могилы [Биджиев Х.Х., 1983, с.55, 56]. В 1983-1985 гг. здесь проводила раскопки М.П.Абрамова. Ею было открыто 38 погребений. Среди них господствовали подбойные могилы, однокамерные или двухкамерные (рис.38, Л). В единичном числе найдены катакомбные могилы разных типов (по К.Ф.Смирнову: тип 1 - камера перпендикулярна к длинной оси входной ямы, тип 2 - камера и входная яма расположены по одной оси, тип 4 - камера параллельна входной яме, соединяясь с ней при помощи узкого отверстия). Последний тип катакомб, приближающийся по своему устройству к подбойным могилам, встречается на Хумаринском могильнике чаще других типов. Среди двухкамерных могил имеются такие, у которых одна камера сделана в виде подбоя, а другая - катакомбы (рис.38, 5).

Кроме того, здесь найдено пять могил других типов - две грунтовые ямы, два "каменных ящика" (стены могил обложены тонкими каменными плитами - рис.38, 4) и одна каменная гробница (рис.38, 3). Связаны эти могилы преимущественно с детскими захоронениями, лишь в одном случае было захоронение подростка. В одной из подбойных могил в камере был сооружен каменный ящик из стоявших на ребре плит и перекрытых плитами (рис.38, 2), внутри которого находилось погребение ребенка.

Большая часть погребений этого могильника относится ко II и III вв., включая вторую половину III в. [Абрамова М.П., 1990,

с.50, 51]. Второй половиной III в. датируются пять подбойных могил, в том числе одна двухкамерная, и одно разрушенное погребение в грунтовой яме. Погребения в могилах из камня имели невыразительный материал, позволяющий датировать их в пределах II-III вв.

В ряде погребений могильника (9, 15, 23, 27) найдены пряжки с округлыми или овальными щитками. Наличие таких пряжек позволяет говорить о возможной датировке этих погребений IV в. н.э. По данным М.М.Казанского, пряжки с овальными и почковидными щитками были широко распространены в римских некрополях IV в., а затем уже были заимствованы варварами различных территорий [Казанский М.М., 1994, с.240, 241]. Однако хумаринские пряжки значительно отличаются от римских образцов, щитки их имеют форму почти правильного круга, сделаны они в некоторых случаях достаточно небрежно и имеют несомненно местное производство. Не исключено поэтому и местное происхождение подобных пряжек с округлыми щитками на Северном Кавказе в III в.

Могила содержала индивидуальные, реже парные захоронения, лишь в двух могилах было по три и четыре скелета. Ориентировка камер широтная, что связано с направлением склона холма; в ориентировке погребенных преобладало восточное направление, реже встречалось западное.

На этом же могильнике найдено два погребения (№№37 и 38), отличавшиеся по своему устройству и инвентарю от других погребений. Могилы имели колоколовидную (расширяющуюся книзу) форму с покатыми стенками, так что они имели вид камеры с отверстием вверху (рис.38, 6). Могилы такой формы известны в Средней Азии, Б.А.Литвинский называет их "сводчатыми" ямами [Литвинский Б.А., 1972, с.57, 58]. Единичные могилы подобной формы известны среди погребений сарматов II в. н.э. в междуречье Волги и Дона. А.С.Скрипкин считает, что распространение их связано с передвижением определенных группировок среднеазиатских племен [Скрипкин А.С., 1984, с.100].

Оба погребения Хумаринского могильника были полностью ограблены. Среди сохранившегося инвентаря в погребении 37 найдены фрагменты сероглиняного лощеного кувшинчика, высотой 9 см, на широкой части тулова которого имеются конические налпы, окруженные концентрическими кругами, нанесенными лощиком и штампом. По тулову его проходит вертикальное рифление (рис.72, 10). В погребении 38 найден язычок от пряжки в виде хоботка с уступом. Обе эти находки датируются не ранее V в., что по-

зволяет отнести к этому времени погребения 37 и 38.

В одной из камер двухкамерного подбоя, полностью ограбленного (погребение 30), найдены фрагменты большого кувшина с желобчатой ручкой и с коническими налестками на тулове в сочетании с другими элементами орнамента, характерными для кувшинчика из погребения 37, что позволяет предполагать более позднюю дату и этого погребения.

7(42). Инал-балка. Инал-балка расположена к северо-западу от Хумаринского городища. По данным Е.П.Алексеевой, Х.Х.Биджиев в 1974 г. зафиксировал на северном склоне балки Инал подземные склепы IV-V вв. [Алексеева Е.П., 1992, с.113]. Раскопки не проводились, поэтому дата этого могильника ориентировочная.

Позже на южном склоне балки Инал Х.Х.Биджиев обнаружил и другие погребальные памятники, представленные сооружениями разных типов: каменными ящиками, гробницами, склепами и др. В одной из гробниц были найдены бусы, бронзовый браслет и фибулы, датируемые, по данным Х.Х.Биджиева, V-VII вв. [Биджиев Х.Х., 1982, с.63, 64; Алексеева Е.П., 1992, с.113].

8(43). Пятая шахта. Поселок Пятая шахта расположен в 500 м к югу от аула Хумара. В 1974 г. Х.Х.Биджиев и А.В.Гадло обнаружили здесь каменные ящики и склепы. Было исследовано одно погребение в каменном ящике, найдены бронзовый браслет и фибула. Дата погребения, по Х.Х.Биджиеву и А.В.Гадло, IV-VI вв. [Биджиев Х.Х., Гадло А.В., 1975, с.99].

9(44). Шестая шахта. Поселок Шестая шахта находится в 3 км к югу от аула Хумара, на правом берегу Кубани. В окрестностях этого поселка при земляных работах была разрушена могила, которую доследовал С.Д.Мастепанов. По его данным, это был каменный ящик, другие особенности погребального обряда неизвестны. Среди переданных С.Д.Мастепановым в Карачаево-Черкесский НИИ материалов этой могилы имеются пять сосудов (кувшин, миска и 3 кружки), длинный меч без перекрестья и навершия, бронзовый котел, бронзовые позолоченные тисненые бляшки с рельефным орнаментом в виде "зерни", различные бусы (рис.39).

Е.П.Алексеева датирует этот комплекс IV-V вв. [Алексеева Е.П., 1971, с.83], А.К.Амброз - V в. [Амброз А.К., 1989, с.42].

10(45). Коста Хетагурова. Селение Коста Хетагурова (бывшее Георгиевско-Осетинское) расположено на левом берегу Кубани. В окрестностях этого селения имеется

несколько могильников. Среди них - могильник с подземными каменными гробницами у горы Шоано. В 1896 г. В.М.Сысоев исследовал здесь три гробницы, находившиеся одна над другой. Верхняя гробница была ориентирована с северо-востока на юго-запад. В ней было найдено 5 скелетов, один из них с северо-восточной ориентировкой, кости остальных в беспорядке. Найдены фрагменты железных предметов, глазчатые бусы, три медных пуговицы и пряжка [Сысоев В.М., 1904, с.145].

В двух верстах к югу от этого селения В.М.Сысоев раскопал в 1895 г. две каменные гробницы. Стены гробниц были сложены из неправильных камней, дно материковое. Гробницы были ориентированы с северо-запада на юго-восток. Погребенные, имевшие деформированные черепа, были ориентированы головой на юго-восток. В могилах найдены горшок, бронзовая пряжка, браслет, гривна, фибула, ложка, ухвертка, привеска, несколько обломков бронзы со вставками из желтого стекла [Сысоев В.М., 1904, с.145, 146]. Т.М.Минаева среди находок из этих гробниц упоминает бронзовую ложечку-цедилку и фибулу с тремя птичьими головками, которые позволили ей отнести эти гробницы к V-VI вв. [Минаева Т.М., 1971, с.61]. Возможно, что эти гробницы выходят за рамки рассматриваемого периода, относясь к более позднему времени - не ранее VI в.

11(46). Шубшурук. В балке Шубшурук, расположенной в 1 км к востоку от аула Новый Карачай (правый берег Кубани), Т.М.Минаева в 1966 г. обнаружила каменную гробницу, стены которой были сложены из камней, перекрытие состояло из плит. Могила была ограблена. Т.М.Минаева не считала это погребение случайным, а предполагала наличие там могильника, отмечая, что на поверхности признаков могил нет [Минаева Т.М., 1971, с.61]. Ориентировка могилы не отмечена. Отчета Т.М.Минаевой за 1966 г. в архиве ИА РАН нет. Е.П.Алексеева датировала это погребение V в. [Алексеева Е.П., 1992, с.103].

12(47). Карачаевск. На территории г.Карачаевска на правом берегу р.Теберды Т.М.Минаева во время разведок 1939 г. зафиксировала могильник с подземными каменными гробницами, которые, по ее словам, были близки по своему устройству к гробницам могильника Узун-Кол [Минаева Т.М., 1971, с.61].

Прямоугольные могилы вырывались в грунте, в слое крупной гальки. По стенам они выкладывались битым камнем, перекрытия состояли из поперечных плит. В про-

дольных стенках устраивались ниши, в которых иногда стояли стеклянные и глиняные сосуды. Материковое дно перекрывалось тонкими каменными плитами. Т.М.Минаева насчитала здесь не менее нескольких десятков таких могил. По аналогии с другими подобными могильниками Верхней Кубани Т.М.Минаева датировала этот могильник, который она называла Тебердинским, IV-V вв. [Минаева Т.М., 1971, с.35].

13(48). Каменноост. Около аула Каменноост, расположенного на левом берегу Кубани, Х.Х.Биджиев обнаружил могильник, состоящий из каменных гробниц и каменных ящиков. По данным Х.Х.Биджиева, керамика (горшки и кувшины) из разрушенных погребений относится к IV-VII вв. [Биджиев Х.Х., 1982, с.63]. Из-за отсутствия хорошо датированных материалов этот могильник включается в группу рассматриваемых памятников условно.

14(49). Кызыл-Кала. В верховьях р.Джегуты, в окрестностях аула Кызыл-Кала Е.П.Алексеева в 1960 г. обнаружила могильник, погребения которого были обозначены на поверхности прямоугольными выкладками камней. Могилы у дна были обставлены мощными поставленными на ребро плитами, дополненными более мелкими камнями. Глубина могил 1,2-1,3 м, ориентировка - с юга на север. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на север. Найденный в могилах инвентарь (фрагменты сосудов, стеклянные бусы и др.) относятся, по данным Е.П.Алексеевой, к V-VII вв. [Алексеева Е.П., 1971, с.83; 1992, с.141, 142]. Из-за невыразительности инвентаря этот памятник относится к рассматриваемому периоду условно.

15(50). Гиляч. На р.Гиляч (левый приток Кубани) находится крупное раннесредневековое городище и несколько могильников, работы на которых проводила Т.М.Минаева. В 1939 и 1940 гг. она исследовала 30 могил [Минаева Т.М., 1951а], а в 1965 - шесть [Минаева Т.М., 1982].

Все могилы имели однотипное устройство: погребения совершались в узких прямоугольных грунтовых ямах, стенки которых были выложены камнями (рис.40, 1). Иногда в боковых стенах устраивались ниши. Сверху могилы перекрывались каменными плитами, щели между которыми закладывались мелкими камнями. По данным Т.М.Минаевой, могилы использовались как семейные склепы: они редко содержали индивидуальные захоронения, во многих могилах было по несколько погребенных, причем при каждом последующем захоронении кости погребенных ранее сдвигались в сторону. Иногда

раннее захоронение перекрывалось плитами, на которых размещался новый погребенный.

Т.М.Минаева раскапывала погребения трех могильников, расположенных в окрестностях городища, однако все они получили сквозную нумерацию (за исключением шести могил, открытых в 1965 г.). Материалы могильника позволили Т.М.Минаевой выделить два хронологических периода - ранний, к которому относятся погребения могильников 1 и 3, и поздний - могильник 2, датируемый IX-XI вв.

Погребения могильников 1 и 3 имеют очень много общих черт - сходная ориентировка могил (преимущественно восток - запад, реже с отклонениями - северо-восток - юго-запад, иногда северо-запад - юго-восток), наличие в большей части могил деформированных черепов, близкий характер инвентаря, среди которого Т.М.Минаева выделяет группу изделий с инкрустацией, позволивших ей отнести погребения раннего периода к кругу памятников IV-V вв., а точнее - ко второй половине IV - началу V в. [Минаева Т.М., 1951а, с.297]. Эта дата долгое время поддерживалась всеми археологами. Позже она была пересмотрена А.К.Амброзом, который датировал основную массу погребений этого могильника VII в., отнеся к V в. погребение 18, исходя из формы пряжки и удила [Амброз А.К., 1971, ч.1, с.106]. К V в. А.К.Амброз отнес и погребения 4 и 5, а, возможно, и погребение 2 из раскопок Т.М.Минаевой в 1965 г. [Амброз А.К., 1989, с.96].

По-видимому, действительно, хронологические рамки могильника Гиляч шире, чем представлялось ранее, однако наличие в нем погребений V в. (рис.40; 41; 42, 1-11) не вызывает сомнений.

16(51). Амгата. Амгатинский могильник расположен на левом берегу р.Теберды, в 7 км южнее аула Нижняя Теберда. В 1976 г. здесь проводил раскопки Г.Х.Текеев. Было открыто шесть могил, представлявших собой подземные гробницы, стены которых сложены из тесаных песчаниковых брусков. На дне покоились плиты, массивные каменные плиты использовались и в качестве перекрытия. Ориентировка могил различная: у трех погребений широтная, у двух меридиональная, у одного - с юго-запада на северо-восток. Костей в могилах не было, встречались угольки. Г.Х.Текеев предполагает наличие трупосожжений. В могилах найдены глиняные сосуды, бусы, фибулы, туалетные наборы, бронзовые пряжки, в одной могиле - поясной набор, стеклянный сосуд. Г.Х.Текеев датирует погребения V-VIII вв. [Текеев Г.Х., 1977, с.123, 124; Отчет за 1976 г.].

Наличие бляшек поясного набора позволяет говорить о том, что погребения могут относиться к более позднему времени, чем рассматриваемый период. На позднюю дату указывает, по-видимому, и кладка стен из тесаных брусков, что не характерно для более ранних гробниц, сооружавшихся из необработанного камня.

17 (52) . Джамагат. В селении Джамагат (правый берег р.Теберды) в 1978 г. Х.Х.Биджиев исследовал грунтовой могильник и поселение. На могильнике, состоявшем из грунтовых ям, было открыто 14 погребений, ориентированных с севера на юг. В большей части могил сохранились остатки гробов (в виде рамы), доски которых, по наблюдению Х.Х.Биджиева, имели пазы. Лишь в погребении 10 стены могил у дна были обложены камнями. Остатков дерева и человеческих костей в этой могиле найдено не было. В погребении 13 было захоронение трех коней с удилами и стремянами. В остальных могилах были индивидуальные захоронения. Погребенные лежали в вытянутом положении, головой на юг. У двух погребенных, как отмечает Х.Х.Биджиев, были деформированные черепа. Среди инвентаря найдены фибулы, серьги, браслеты, бусы, кинжалы, стеклянные сосуды и др. Х.Х.Биджиев отнес могилу с захоронениями коней к VI в., а остальные погребения датировал вначале IV-V вв., рассматривая их как памятники ранних тюрок [Биджиев Х.Х., 1979, с.40; Отчет за 1978 г.]. Позже этот могильник был датирован первой половиной VI в. [Биджиев Х.Х., Тоторкулов Н.Х., 1994, с.56]. Е.П.Алексеева относит могильник Джамагат к V-VII вв. [Алексеева Е.П., 1992, с.80].

18 (53) . Индыш. На р.Индыш известны могильники, состоявшие из наземных каменных гробниц с четырехугольными отверстиями в фасадной стене. Такое устройство характерно для наземных склепов. В 1898 г. В.М.Сысоев зафиксировал более ста подобных могил в верховьях р.Индыш. Существует мнение, что эти склепы датируются IV-VI вв. [Алексеева Е.П., 1971, с.82; 1992, с.140], однако точных данных для такого утверждения нет. Подобные могилы были открыты В.М.Сысоевым и в низовьях р.Индыш, где он провел раскопки трех склепов. Среди найденного в них инвентаря В.М.Сысоев упоминает медные бубенчики [ОАК за 1898 г., с.40], что указывает на более позднюю дату этих погребений.

19 (54) . Мара. Могильники, состоявшие из подземных каменных гробниц, известны в бассейне р.Мары. Некоторые из этих гробниц были разрушены при строительных работах. По данным Е.П.Алексеевой, в гроб-

ницах были найдены деформированные черепа и глиняные сосуды IV-VI вв., хранящиеся ныне в музеях Черкесска и Ставрополя [Алексеева Е.П., 1971, с.82; 1992, с.140].

20 (55) . Кльян-Кала. Могильник расположен на горе Кльян-Кала, находящейся в 8 км к северу от аула Карт-Джурт, на правом берегу Кубани. В 1896 г. здесь проводил раскопки В.М.Сысоев. Он отметил наличие более 30 подземных каменных гробниц, часть из которых выступала из земли. В.М.Сысоев раскопал одну гробницу, ориентированную с северо-запада на юго-восток. Стены были сложены из небольших необработанных плит, пол материковый. Перекрытие могилы состояло из толстых плит, положенных поперек. В углу гробницы найдены лежавшие в беспорядке человеческие кости, четыре кувшина с коническими выступами на тулове и зооморфными ручками (рис 42, 13-14), сердоликовая бусина, обломок бронзовой фибулы (рис 42, 12) [Сысоев В.М., 1904, с.155-156]. Е.П.Алексеева датирует могильник IV-VI вв. [Алексеева Е.П., 1992, с.97].

В.М.Сысоев отмечал, что такие же гробницы имеются и по левому берегу Кубани, в местности Кой-Боулар, против р.Кльян [Сысоев В.М., 1904, с.156]. Раскопки там не проводились.

21 (56) . Учкулан. Поселение и могильник на северо-восточной окраине аула Учкулан зафиксировал Х.Х.Биджиев. Могильник состоял из каменных ящиков, дата которых, по Х.Х.Биджиеву, IV-VII вв. [Биджиев Х.Х., 1982, с.63]. Обоснования даты нет.

22 (57) . Хурзук. Наличие поселения и могильника IV-VII вв. у аула Хурзук, в 4,5 км к югу от него, отмечено Х.Х.Биджиевым [Биджиев Х.Х., 1982, с.63]. Характер могильника и год исследования не указаны.

23 (58) . Узун-Кол. В устье р.Узун-Кол (левый приток р.Уллу-Кам) расположены поселение и могильник. Раскопки их проводила Т.М.Минаева в 1939, 1954 и 1958 гг. На могильнике ею были выделены две хронологические группы погребений, ранняя из которых датируется III-V вв. н.э., а поздняя - VI-VII вв.

Все могилы ранней группы устроены однотипно: это узкие прямоугольные ямы, содержавшие каменные гробницы, стены которых были сложены из битого камня (рис.43, 10, 13, 14), дно устилалось тонкими плитами, перекрытие состояло из массивных поперечных плит (от двух до шести), щели между которыми закладывались мелкими камнями. В ориентировке могил преобладало меридиональное направление (север-юг - 5 могил) с отклонениями: северо-восток - юго-запад (2 могилы), северо-запад - юго-

восток (1 могила). Во многих могилах имелись лежанки вдоль одной из длинных стен, в двух могилах в стене над лежанкой были устроены ниши. В большинстве могил было по два погребенных (мужчина и женщина или взрослый и подросток), имевших иногда противоположную ориентировку в одной могиле. Черепа многих погребенных были деформированы. Захоронения в могилах не были одновременными, при новом захоронении кости погребенного ранее сдвигались в сторону [Минаева Т.М., 1960, с.193-199].

В могилах найдены глиняные и стеклянные сосуды, зеркало, фибулы, серьги, привески, наконечник ремня со вставками из красного стекла, ложечка-цедилка и др. (рис.43, 1-9, 11, 12, 15-17). Найденный в погребениях инвентарь соответствует хронологическим рамкам рассматриваемого периода.

24 (59) . Куутум. В урочище Куутум у подножия Эльбруса Т.М.Минаева обнаружила поселение и могильник, состоявший из подземных каменных гробниц, которые на поверхности были отмечены четырехугольными каменными выкладками. Все могилы были перерыты и ограблены. Т.М.Минаева раскопала здесь три могилы. Все найденные черепа были деформированы. Данных о деталях погребального обряда и инвентаре нет. Т.М.Минаева считала, что этот памятник близок к могильнику Гиляч, и предлагала для него дату II-III вв. н.э. [Минаева Т.М., 1951б, с.230, 231]. Е.П.Алексеева датировала его III-V вв. н.э. [Алексеева Е.П., 1992, с.88, 89].

Таковы известные памятники бассейна Верхней Кубани III-V вв. Рассмотрение их показывает, что преобладающим типом погребальных сооружений здесь были каменные гробницы. Они найдены на большинстве рассмотренных памятников. Все остальные типы погребальных сооружений (каменные ящики, склепы, грунтовые ямы, подбой и катакомбы) встречаются здесь значительно реже.

Поскольку многие из отмеченных памятников относятся, как отмечалось, к исследуемому периоду условно из-за отсутствия четко датирующих материалов, мы при характеристике особенностей культуры этого региона, данной ниже, будем рассматривать только те могильники, дата которых более или менее определена. К их числу можно отнести 11 памятников (№№1-3, 6, 8, 9, 15, 17, 20, 23, 24). И в этом случае каменные гробницы преобладают, они найдены в шести могильниках - Адиюх, Хумара, Гиляч, Кляян-Кала, Узун-Кол, Куутум. За исключением Хумаринского могильника, где господ-

ствовали подбойные и катакомбные могилы, тогда как каменные гробницы представлены лишь одной могилой, на всех остальных отмеченных могильниках каменные гробницы были господствующим типом погребальных сооружений как в ранний, так и в поздний периоды.

Территория Кабардино-Балкарии

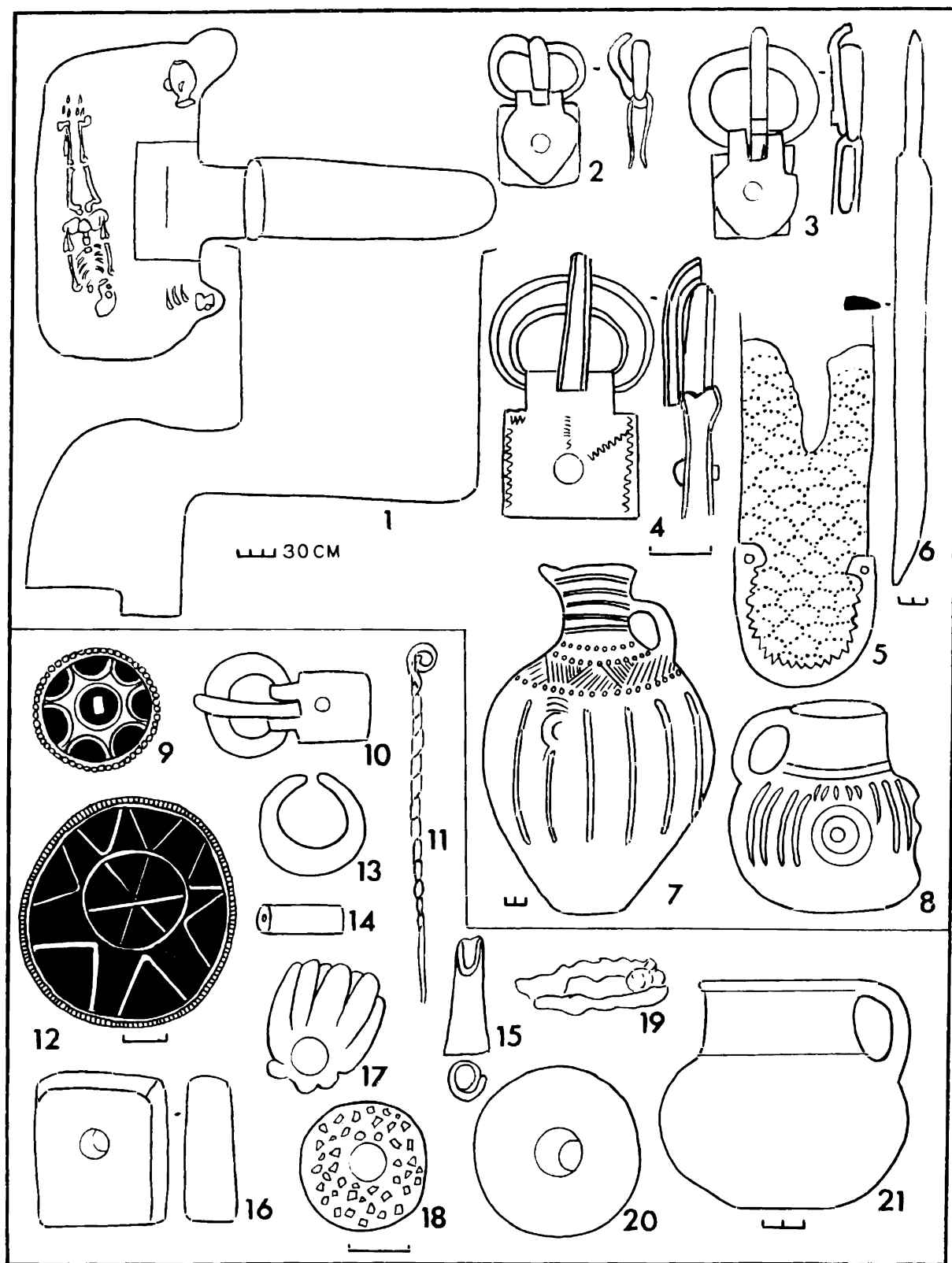
На территории Кабардино-Балкарии известные памятники рассматриваемого времени сосредоточены в основном в западных ее районах, преимущественно в верховьях р.Баксан (рис.1). По сравнению с территорией бассейна Верхней Кубани, где известно значительное число памятников этого периода, здесь они довольно немногочисленны, что объясняется, по-видимому, недостаточной изученностью этих районов. Некоторые из этих памятников открыты еще в конце XIX в., когда большие археологические изыскания здесь проводил В.Ф.Миллер. Раскопки ряда памятников были предприняты И.А.Владимировым и М.И.Ермоленко. В 50-х годах XX в. исследования памятников разных периодов, в том числе и раннесредневековых, проводили П.Г.Акритас, Е.П.Алексеева, а позже И.М.Чеченов, И.М.Мизиев и другие. Подробные сведения о всех открытых памятниках имеются в работе И.М.Чеченова [Чеченов И.М., 1969].

Планомерных раскопок раннесредневековых могильников не проводилось, в основном это отдельные, случайно открытые погребения.

1 (60) . Хабаз. Селение Хабаз расположено на левом берегу верховьев р.Малки. В 2-х км к северо-западу от села находится могильник, состоящий из подземных склепов. Первые сведения об этом могильнике сообщил М.И.Ермоленко, который обследовал здесь четыре ограбленных склепа и описал их устройство: склепы прямоугольной формы были сложены из грубо обработанных плит и имели перекрытия из плит. Дно также покрывалось плитами. Склепы устраивались в склоне горы, в передней стене имелось входное отверстие. Лишь в одной могиле сохранился скелет, имевший северо-западную ориентировку [Ермоленко М.И., 1913, с.4; Чеченов И.М., 1969, с.49, 50].

В 1966 г. И.М.Мизиев осмотрел здесь несколько разграбленных склепов. Выложенные из камня четырехугольные в плане склепы, примыкавшие к склону горы, имели в передней стене входное отверстие. Перекрытия склепов состояли из массивных глыб [Мизиев И.М. Отчет за 1966 г., с.19].

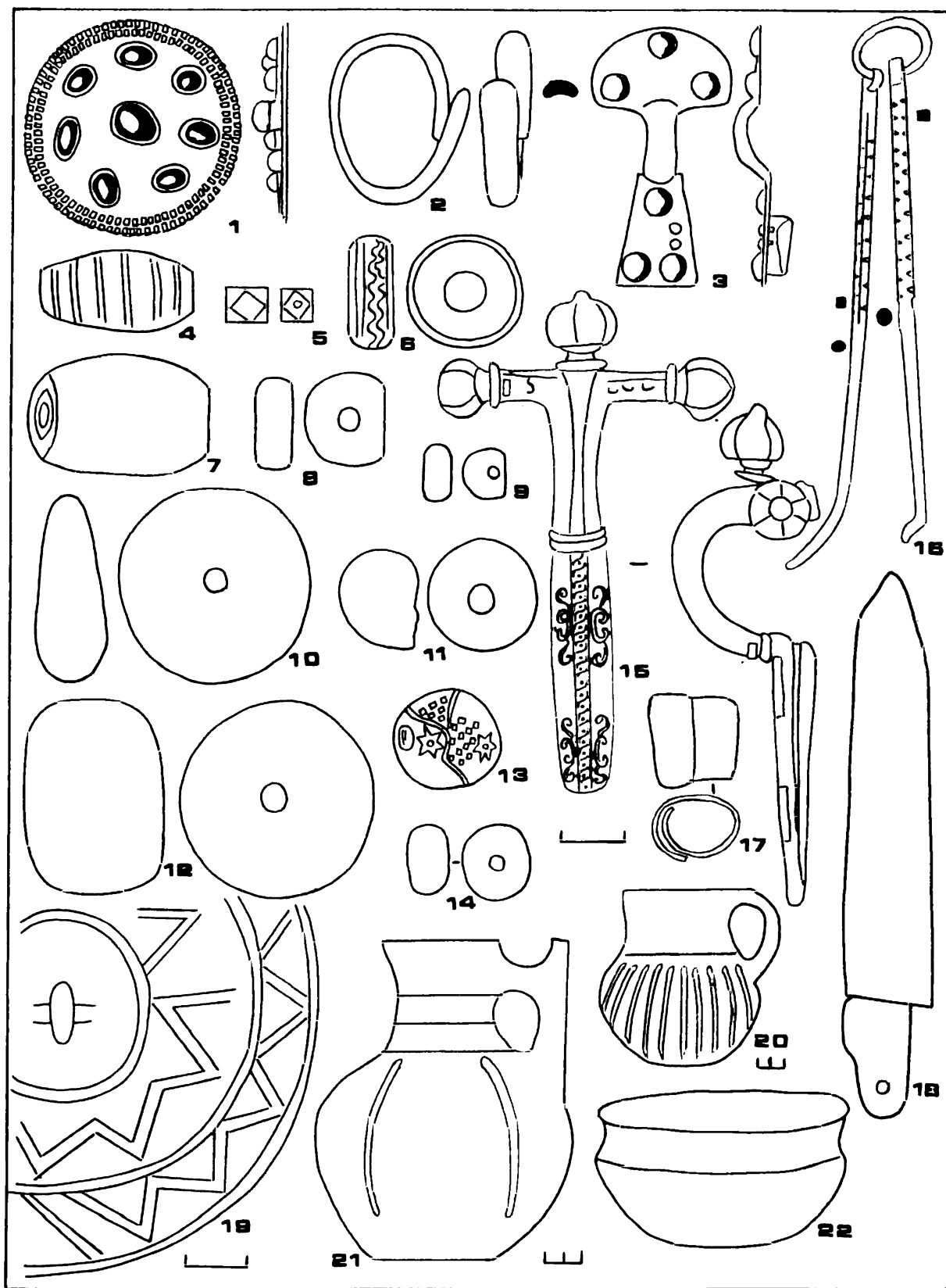
В 1981 г. во время строительных работ здесь было потревожено три склепа, инвентарь которых поступил в сектор археологии

Рис.31. Байтал-Чапкан, погребения 1, 17 (по Т.М.Минаевой)

1-8 - погребение 17; 9-21 - погребение 1

2-4, 10, 11, 15 - бронза; 5 - позолоченная бронза; 6, 19 - железо; 7, 8, 21 - глина; 9, 12 - бронза, стекло; 13 - серебро; 14 - камень; 16 - гагат; 17, 18 - стекло; 20 - халцедон

Рис.32. Байтал-Чапкан, погребение 24 (по Т.М.Минаевой, А.К.Амброзу)

1 - бронза, золото, сердолик; 2, 3, 15-17 - бронза; 4-6, 13, 14 - стекло; 7 - халцедон; 8, 10-12 - янтарь; 9 - сердолик; 18 - железо; 20-22 - глина

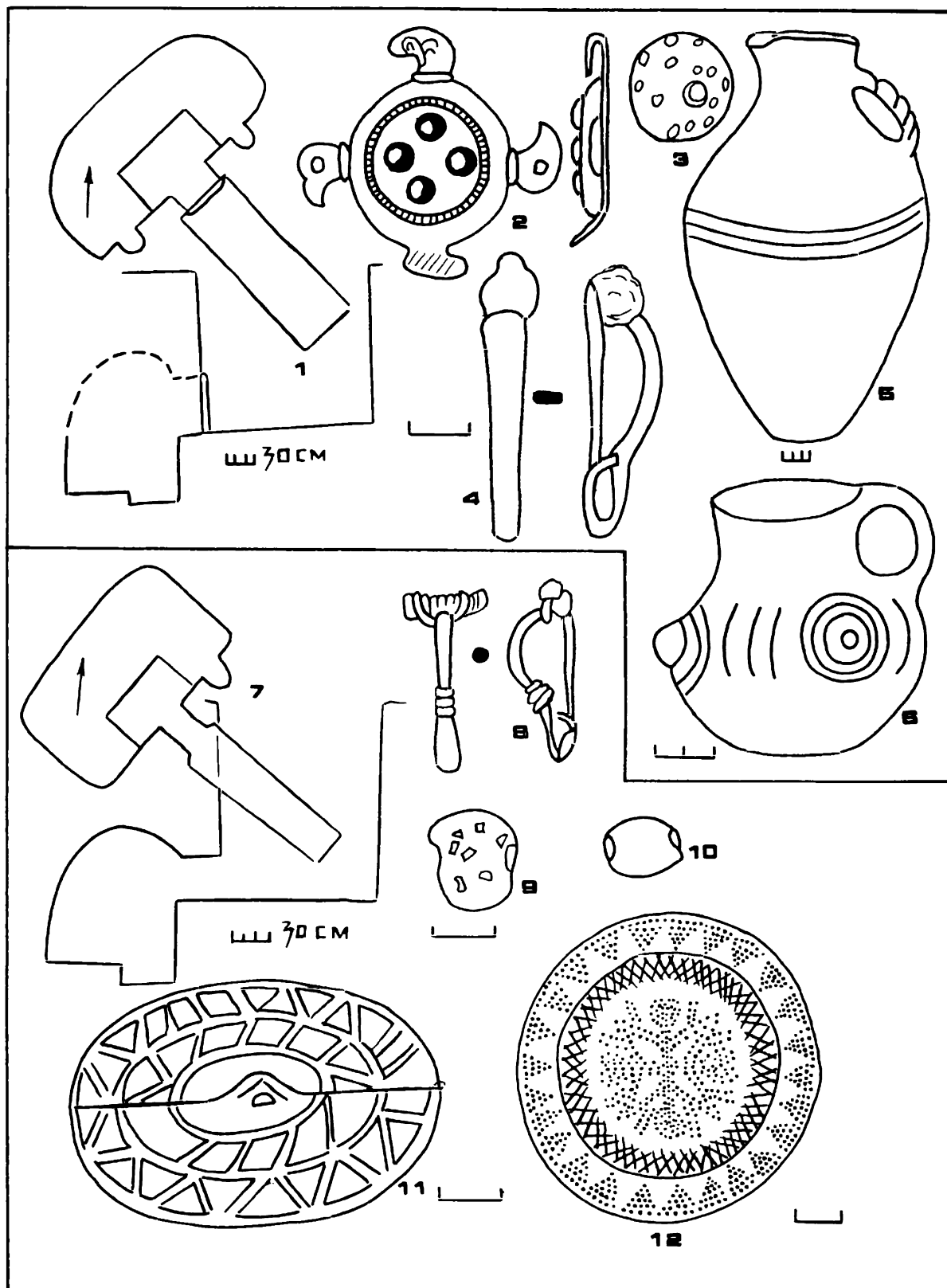

Рис.33. Байтал-Чапкан, погребения 9, 13 (по Т.М.Минаевой)

1-6 - погребение 9; 7-12 - погребение 13

2 - бронза, стекло; 3, 9, 10 - стекло; 4 - железо; 5, 6 - глина; 8, 11 - бронза; 12 - кожа

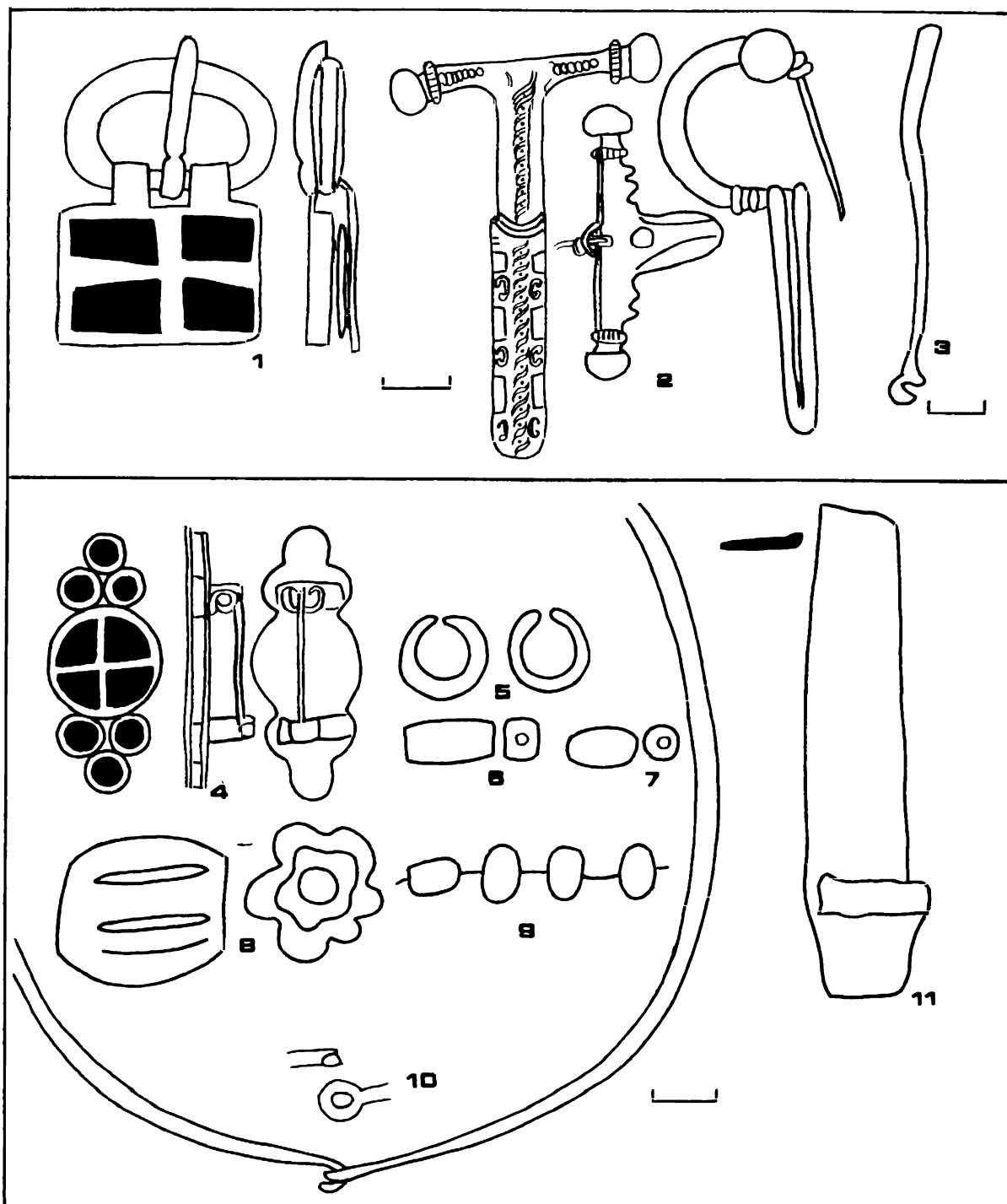
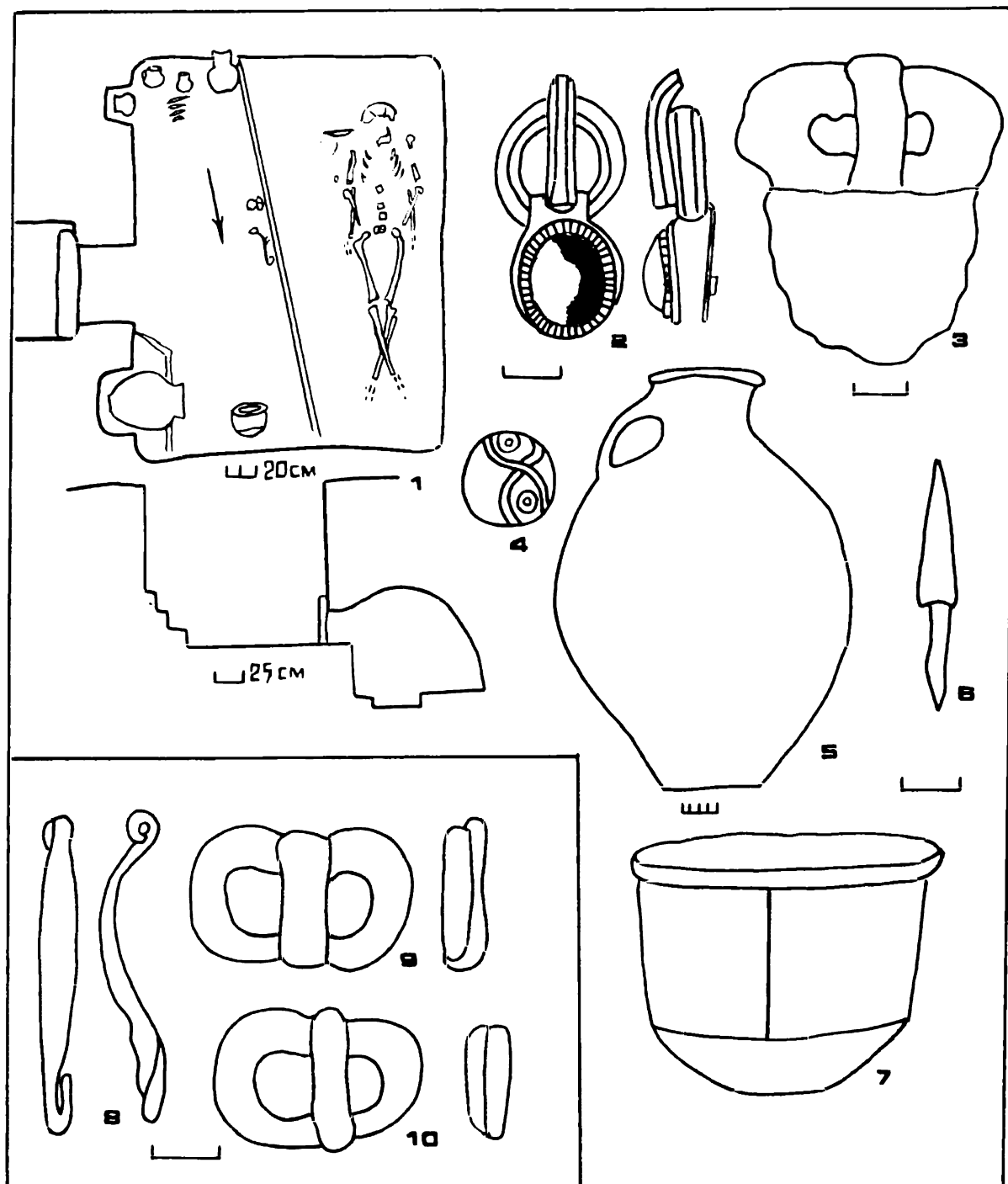

Рис.34. Байтал-Чапкан, погребения 20, 23 (по Т.М.Минаевой, А.К.Амброзу)

1-3 - погребение 20; 4-11 - погребение 23

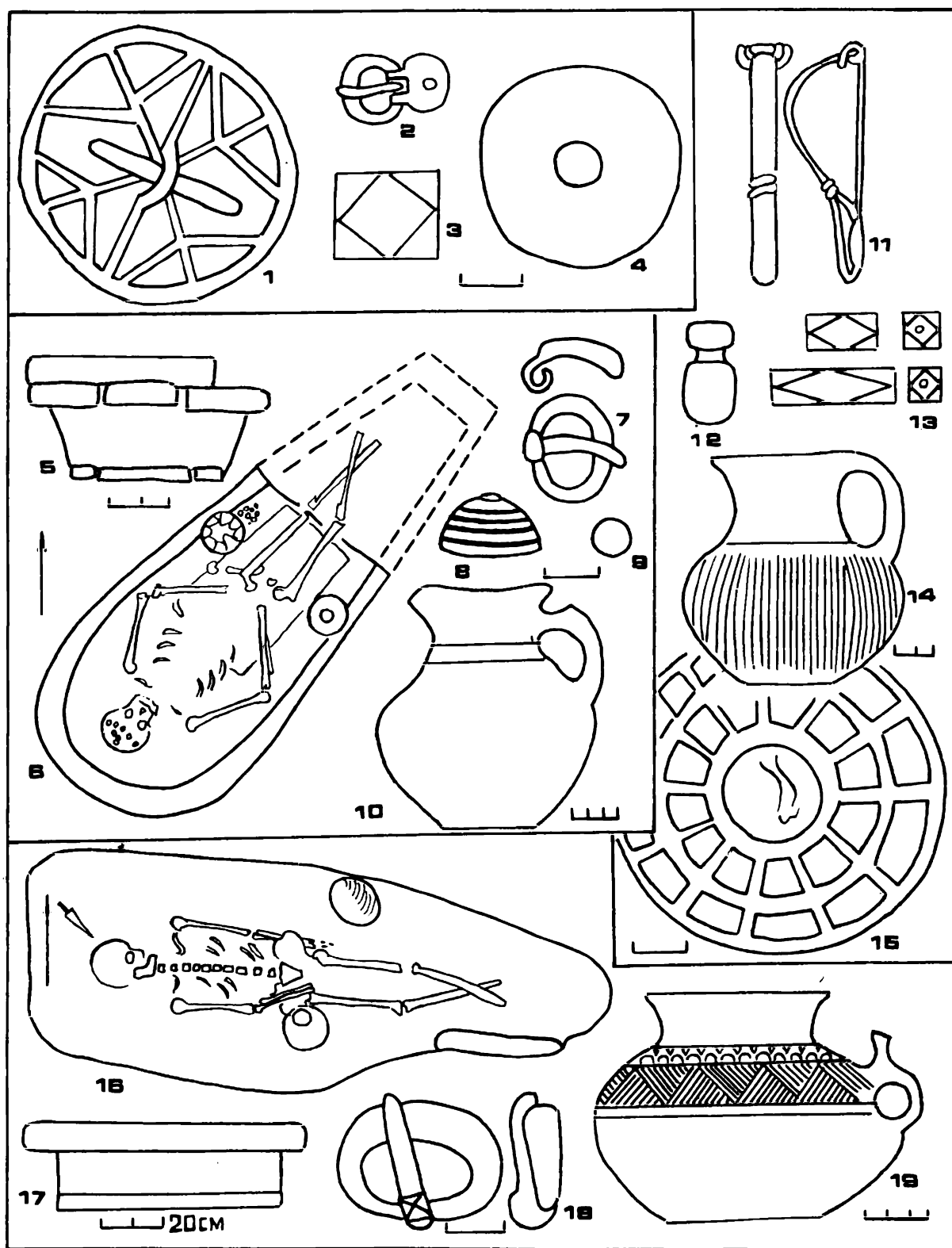
1, 4 - бронза, стекло; 2, 3, 5, 10 - бронза; 6-9 - стекло; 11 - железо

Рис.35. Байтал-Чапкан, погребения 29, 30 (по Т.М.Минаевой, А.К.Амброзу)

1-7 - погребение 29; 8-10 - погребение 30

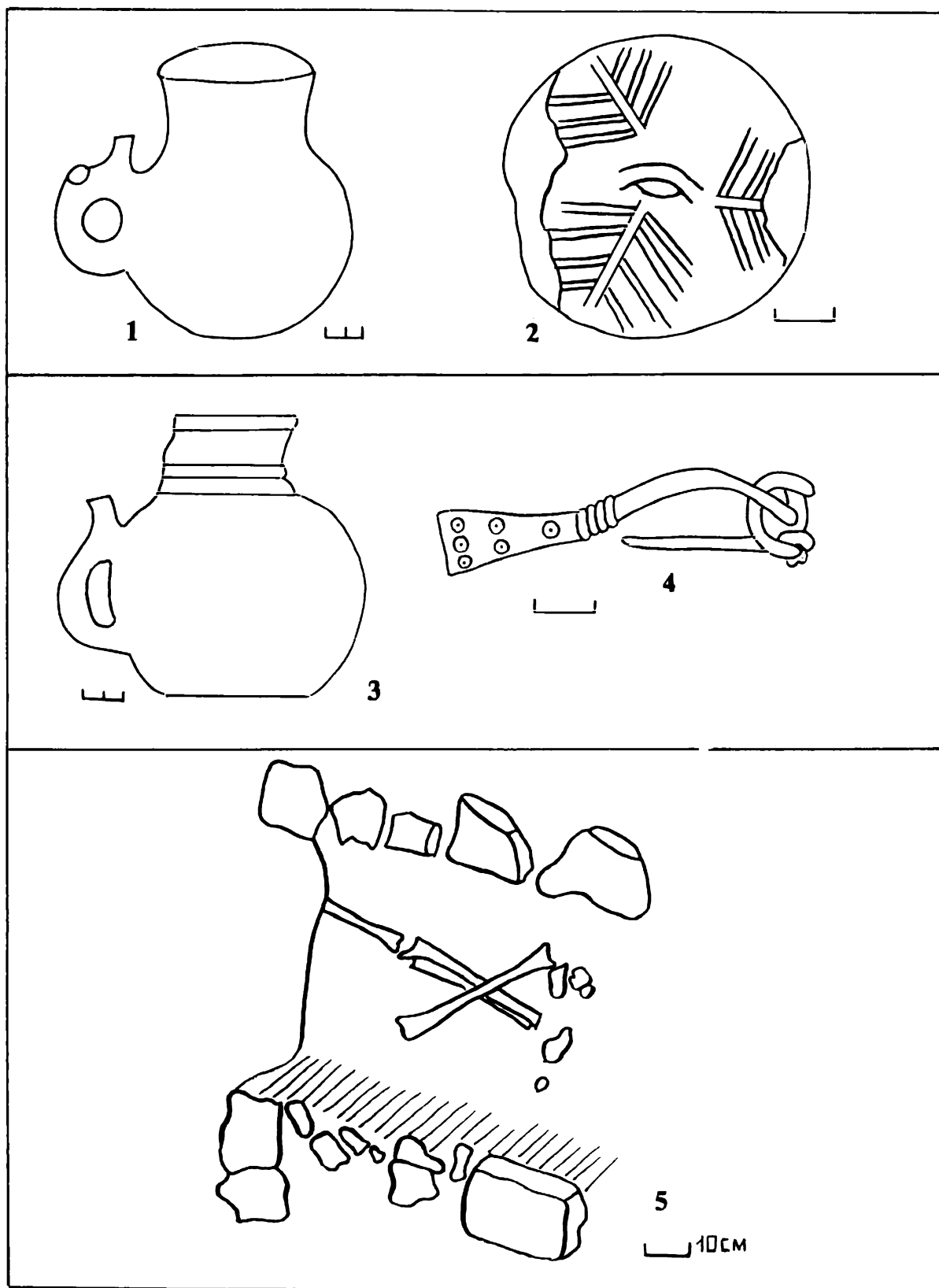
2 - бронза, сердолик; 3, 6, 8-10 - железо; 4 - стекло; 5 - глина; 7 - медь

Рис.36. Тамгадик, погребения 1, 2, 4, 5 (по Е.П.Алексеевой)

1-4 - погребение 1; 5-10 - погребение 2; 11-15 - погребение 4; 16-19 - погребение 5

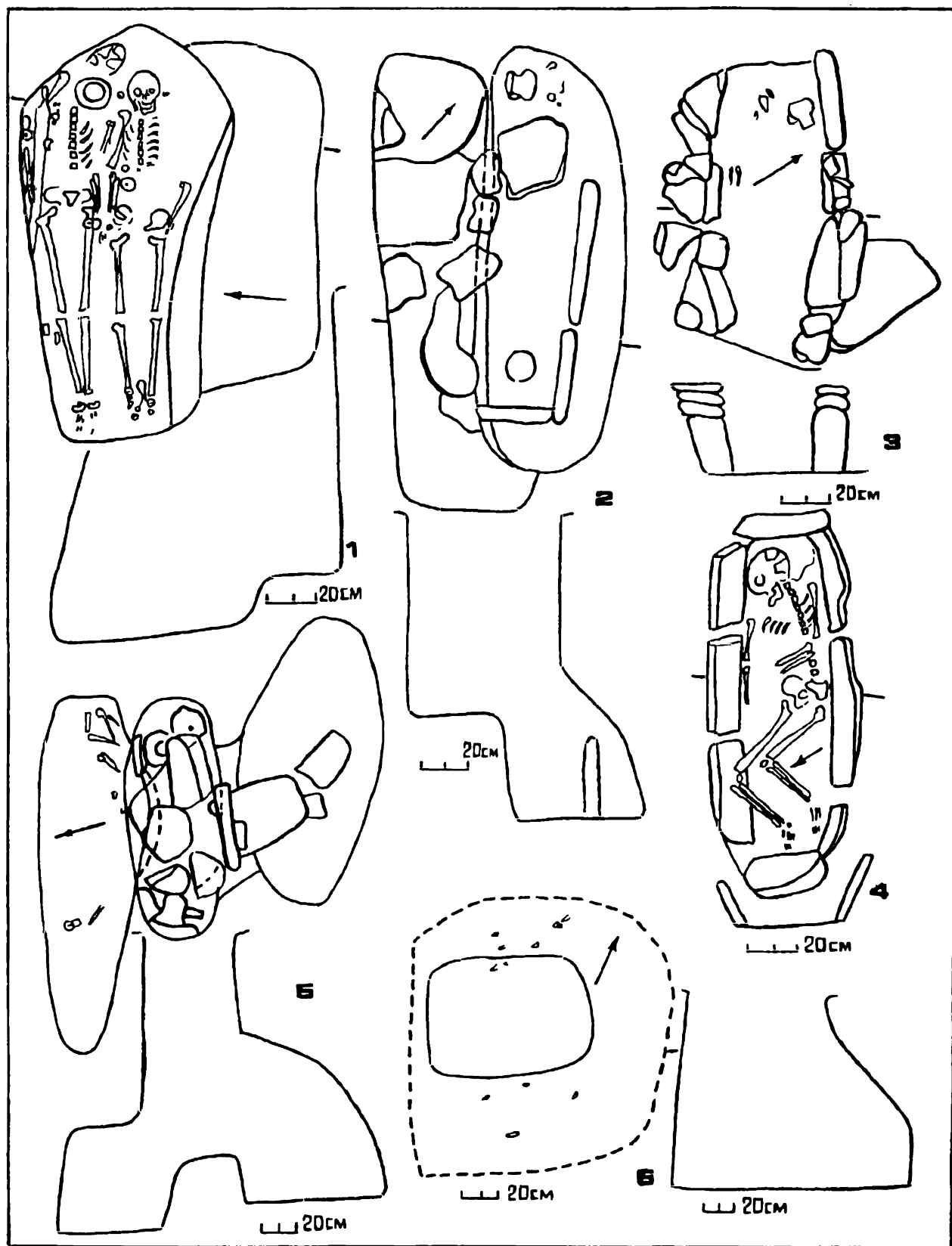
1, 7, 9, 11, 15, 18 - бронза; 2 - серебро; 3, 13 - сердолик; 4 - халцедон; 8 - стекло; 10, 14, 19 - глина; 12 - янтарь

Рис.37. Адых, погребения 1-3 (по Т.М.Минаевой)

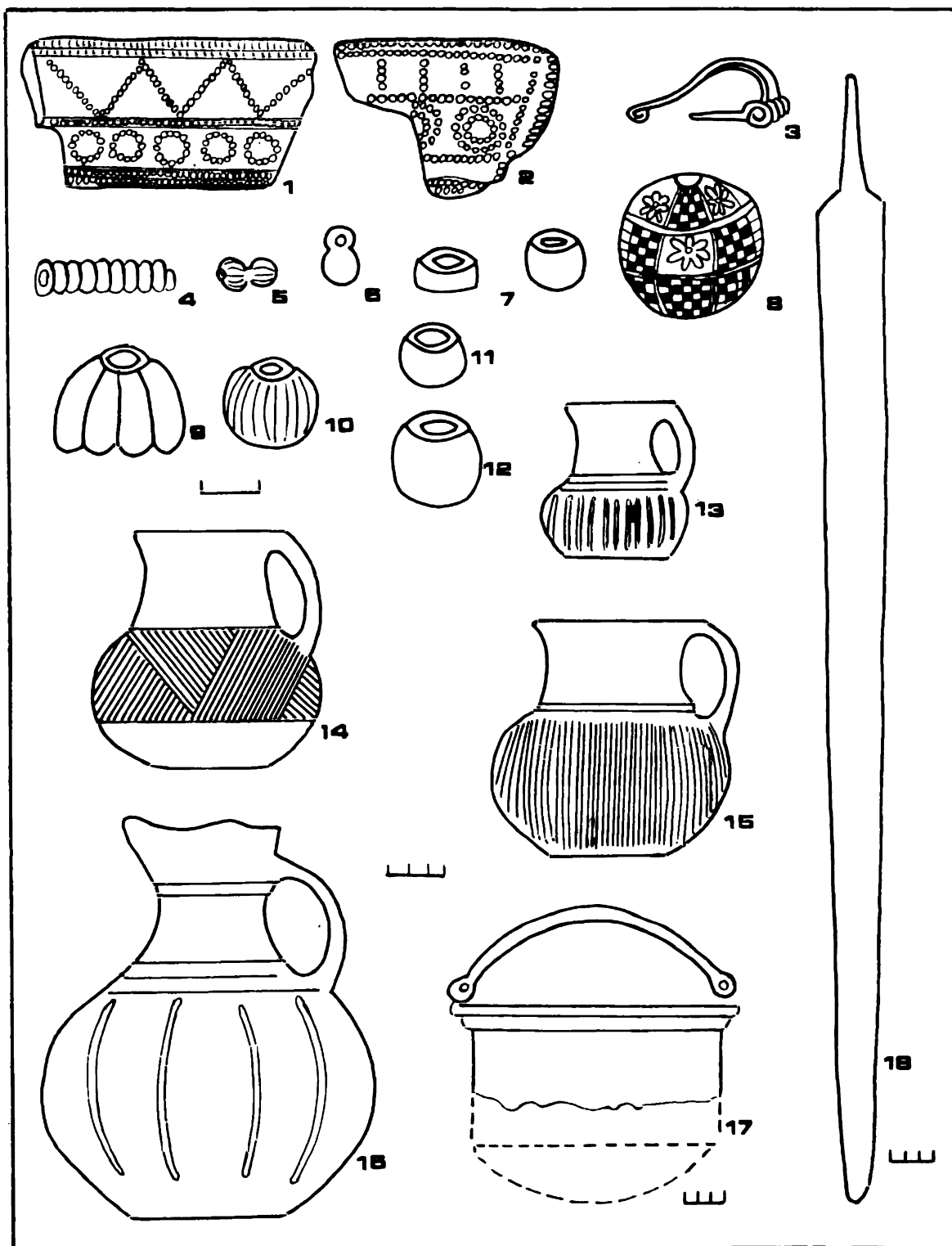
1, 2 - погребение 1; 3, 4 - погребение 2; 5 - погребение 3

1, 3 - глина; 2, 4 - бронза

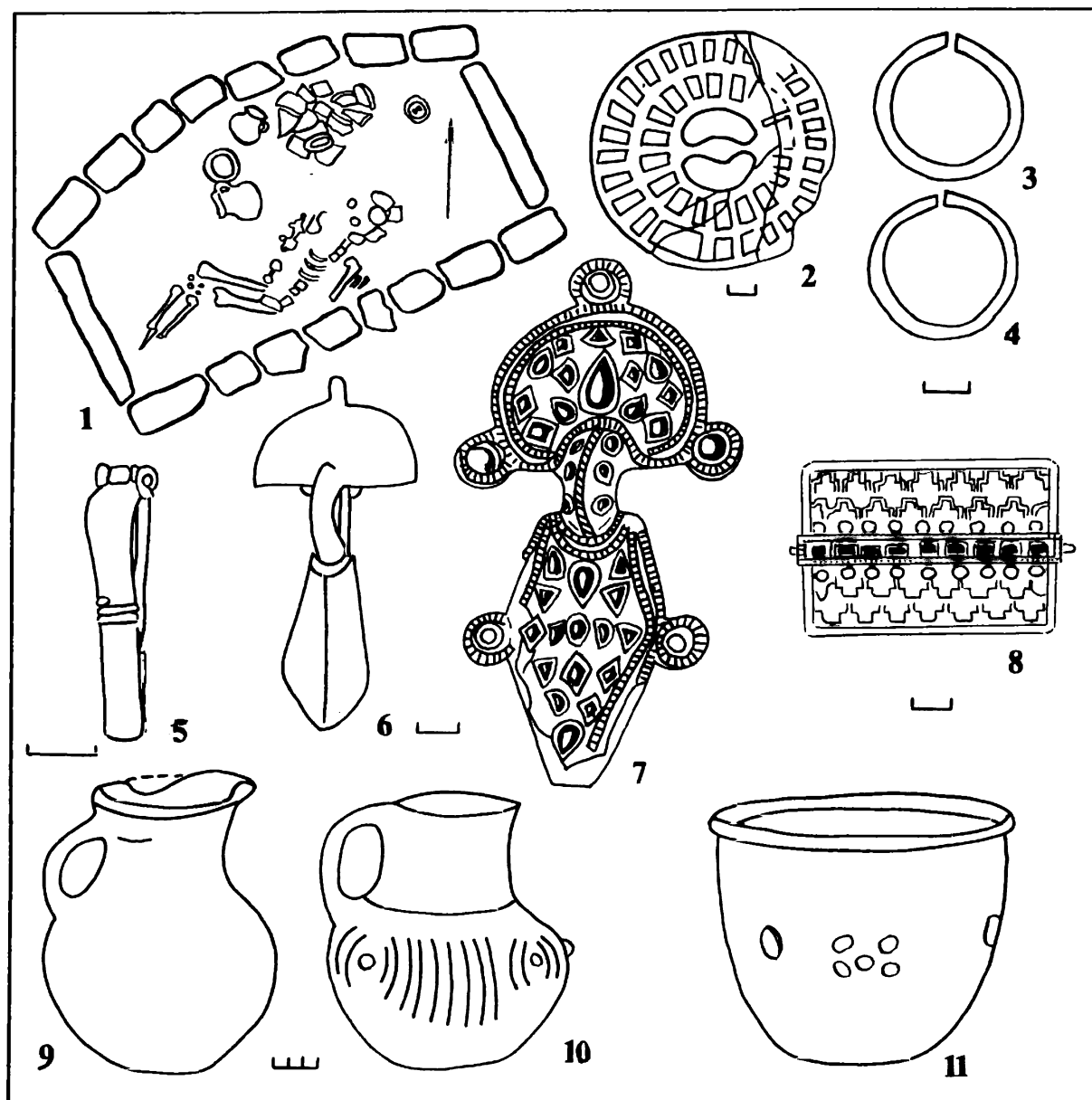
Рис.38. Хумара, планы погребений

1 - погребение 27; 2 - погребение 14; 3 - погребение 8; 4 - погребение 34; 5 - погребение 15;
6 - погребение 38

Рис.39. Шестая шахта (по Е.П.Алексеевой)

1, 2 - позолоченная бронза; 3 - бронза; 4-9, 11, 12 - стекло; 10 - египетский фаянс; 13-16 - глина; 17 - медь, железо; 18 - железо

Рис.40. Гиляч, погребение 5, 1965 г. (по Т.М.Минаевой)

2, 5, 6 - бронза; 3, 4 - золото; 7 - бронза, золото, драгоценные камни, стекло; 8 - золото, стекло; 9, 10 - глина; 11 - стекло

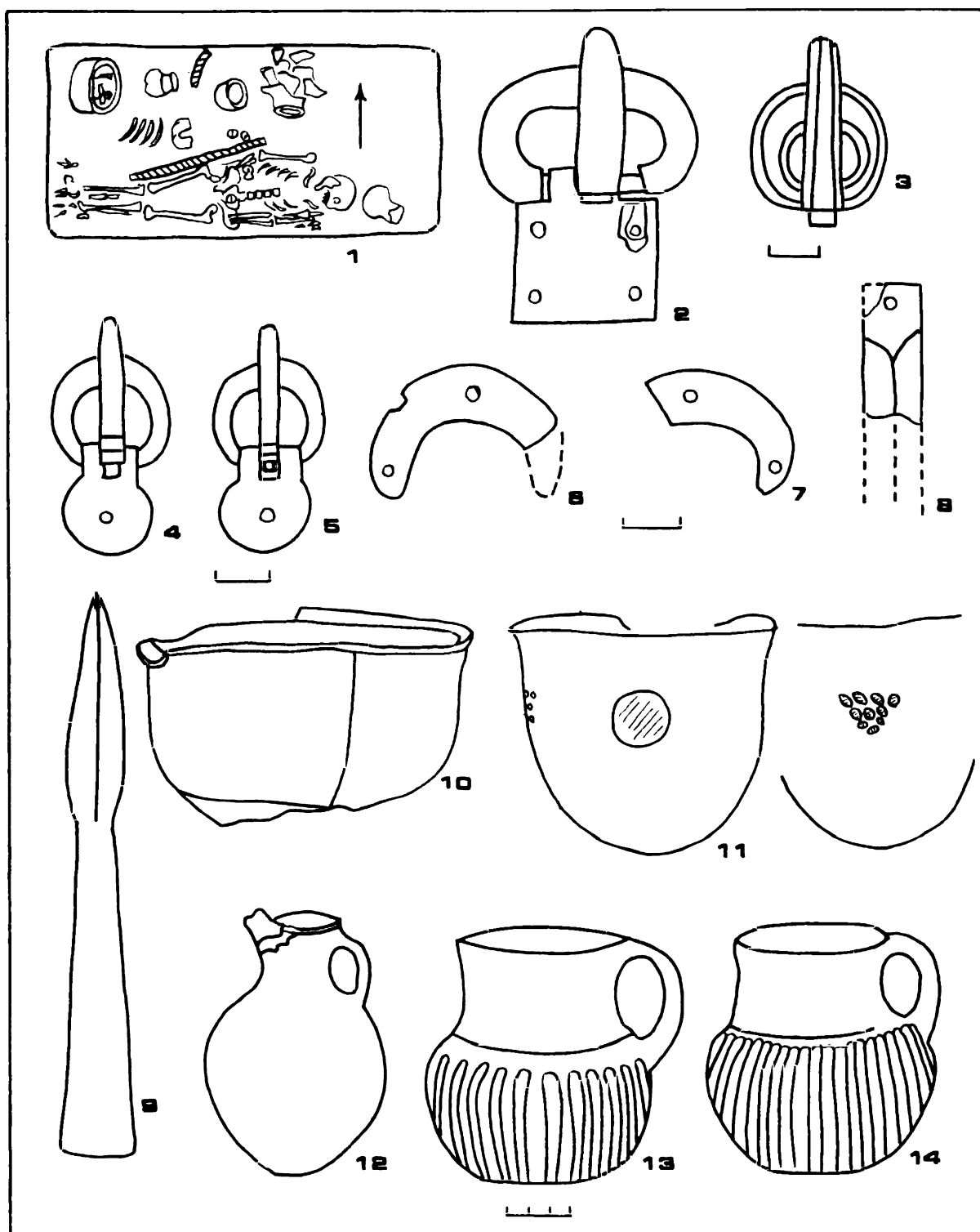
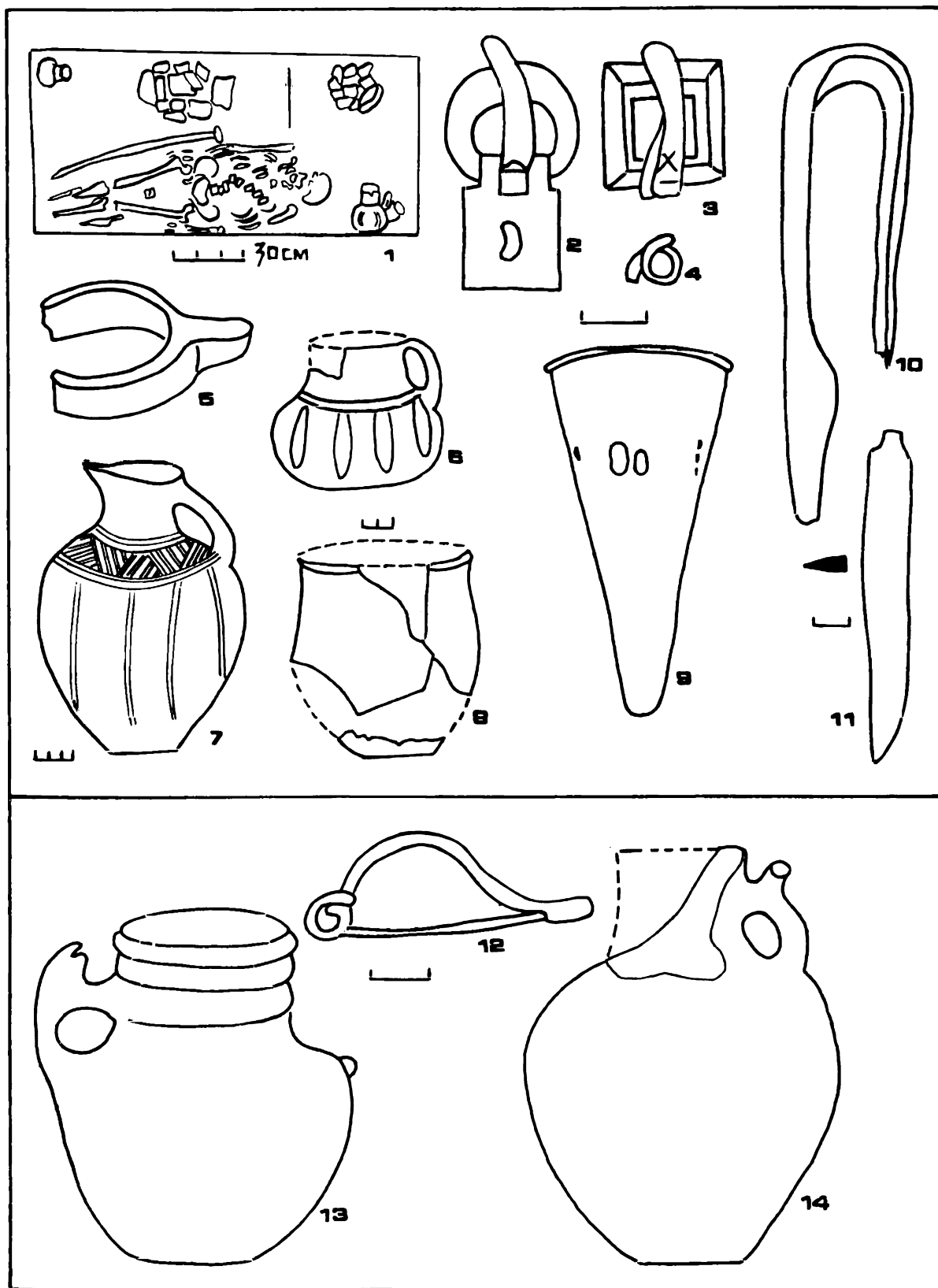

Рис.41. Гляч, погребение 4, 1965 г. (по Т.М.Минаевой)
 2-8 - бронза; 9 - железо; 10 - медь; 11 - стекло; 12-14 - глина

Рис.42. Гиляч, Кльян-Кала

1-11 - Гиляч, погребение 2, 1965 г. (по Т.М.Минаевой); 12-14 - Кльян-Кала (по В.М.Сысоеву)
2, 3, 12 - бронза; 4 - золото; 5, 10, 11 - железо; 6-8, 13, 14 - глина; 9 - стекло

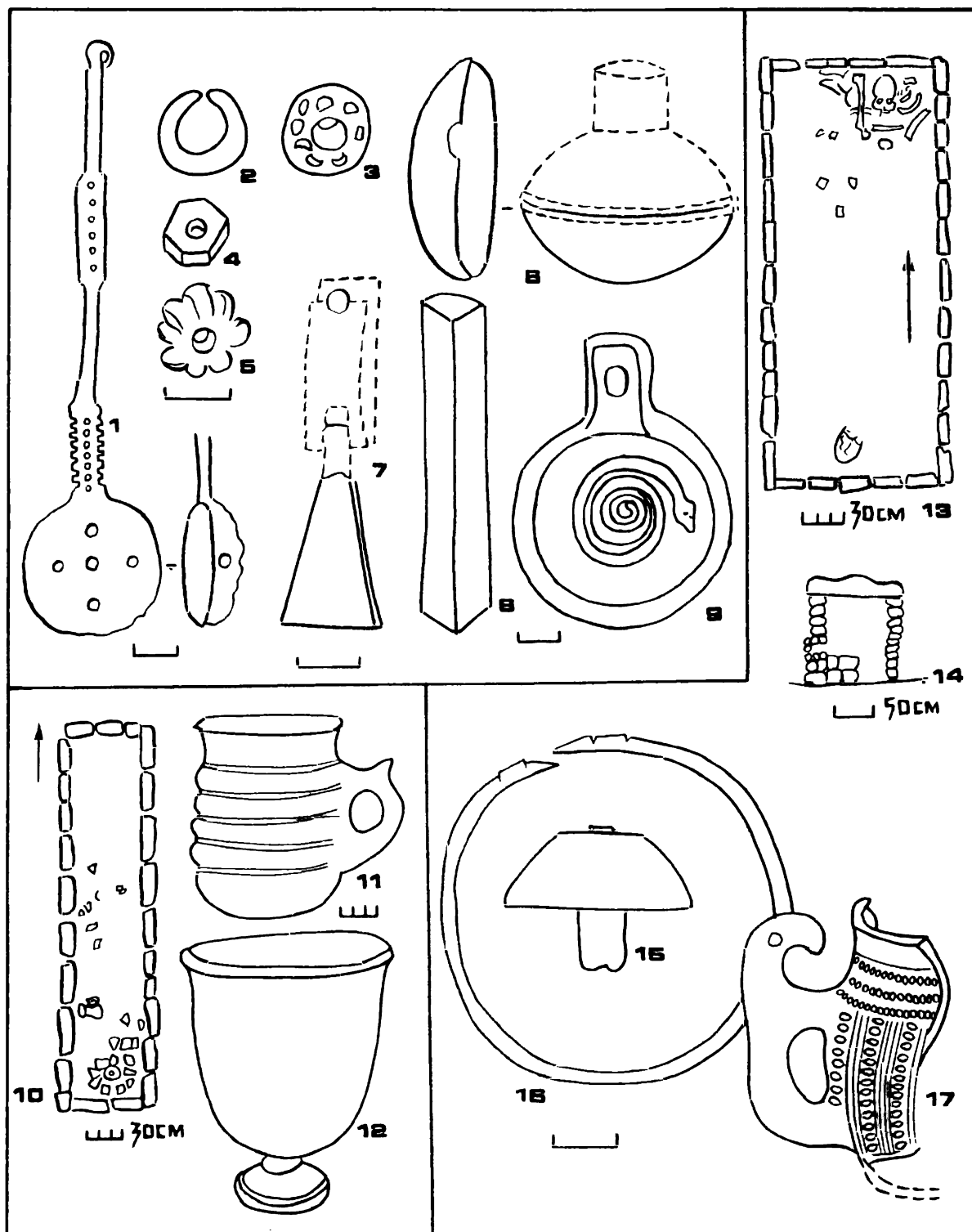

Рис.43. Узун-Кол, погребения 1-2, 4, 8 (по Т.М.Минаевой)

1-9 - погребения 1 и 2; 10-12 - погребение 8; 13-17 - погребение 4

1, 4, 6, 7, 9, 16 - бронза; 2 - золото; 3, 5, 12 - стекло; 8 - камень; 11, 17 - глина; 15 - железо, камень

КБИИФЭ. Данных об особенностях погребального обряда нет. Среди инвентаря имеются глиняные сосуды и три бронзовых котла (рис.44, 4-6, 10-12, 14, 15, 18-22) - два клепаных, а один литой на поддоне, относящийся к числу так называемых гуннских котлов. Кроме того, найдены стеклянные сосуды, бронзовые зеркала (рис.44, 1-3, 7-9), бусы, фрагменты железных предметов [Батчаев В.М., 1984, с.256-258; Чеченов И.М., 1987, с.41-54]. Бронзовый котел и стеклянные сосуды позволяют датировать эти склепы V в. Скорее всего можно согласиться с предлагаемой В.М.Батчаевым датой - вторая половина V в. [Батчаев В.М., 1984, с.258].

2(61). **Гунделен**. В районе селения Гунделен (бассейн р.Баксан), в урочище Жанбаза имеется, по данным И.М.Чеченова, могильник, состоящий из склепов. Сведений об особенностях погребального обряда нет. В 20-х годах в Кабардино-Балкарский краеведческий музей поступила коллекция находок из разрушенных склепов Гунделена - глиняные сосуды, бронзовые пряжки, инкрустированный браслет и др. [Чеченов И.М., 1969, с.56]. И.М.Чеченов считает, что гунделенские склепы синхронны хабазским [Чеченов И.М., 1987, с.52].

3(62). **Гижгид-1**. В урочище Гижгид (правый берег р.Гижгид, левого притока Баксана) имеются два могильника. Могильник Гижгид-1 состоит из каменных подземных склепов. В 1897 и 1898 гг. И.А.Владимиров раскопал здесь три склепа. Склеп, открытый в 1897 г., был сложен из плит так, что он несколько сужался кверху. Пол и перекрытие были также из плит. В передней стене склепа имелось входное отверстие. В склепе было погребено четыре человека, лежавших головами ко входу - на запад. Один череп был деформирован. В склепе найдены глиняные сосуды, браслеты, серьги, пряжки, привески, зеркала. Некоторые из этих вещей (привеска в виде кольца с семью птичьими головками, бубенчик) указывают на позднюю дату этого склепа [ОАК за 1897 г., с.45, 46, рис.126-130].

Два склепа, открытые И.А.Владимировым в 1898 г., имели иное устройство. Это были четырехугольные ямы, стены которых были обложены мелкими плитами, перекрытия состояли из более крупных плит. В гробницу вел покатый спуск. Входное отверстие, находившееся в восточной или западной стене склепа, закладывалось каменной плитой. В одном склепе было два скелета, в другом один. В стенах склепов имелись ниши [ОАК за 1898, с.51, 52; Чеченов И.М., 1969, с.54]. Среди находок упоминается ажурный нако-

лочник пояса, что также может говорить о поздней дате этих склепов. Е.И.Крупнов датировал их VI-IX вв. [Крупнов Е.И., 1946, с.8], но В.А.Кузнецов посчитал эту дату завышенной, предлагая для этих склепов более раннюю дату - V-VII вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.78]. Необходимо отметить, что ранний облик имеют и некоторые найденные в склепах сосуды (рис.45, 2, 5).

4(63). **Гижгид-2**. Второй могильник, состоящий из подземных склепов, расположен в 2-3 км к юго-востоку от урочища Гижгид. Здесь в 1965 г. при проведении дороги было разрушено 9 склепов. Доследование их проводил И.М.Чеченов. Склепы, прямоугольные в плане, были сложены из плит и имели сужающиеся кверху стены. В стенах многих склепов были устроены ниши. По словам местных жителей, скелеты (до 8-9 в склепе) лежали в вытянутом положении. Данных об ориентировке нет. Немногочисленный инвентарь (чернолощенные и красноглиняные сосуды, бронзовые изображения животных, железные ножи и др.) относится, по данным И.М.Чеченова, к IV-VI вв. [Чеченов И.М., 1969, с.54].

Из окрестностей селения Гижгид происходят коллекции вещей, найденные там в 1929 и 1930 гг. и поступившие в Кабардино-Балкарский краеведческий музей. Среди них имеются бронзовые пряжки, фибулы, зеркала, бляхи с инкрустацией (рис.45, 6-10). Эти находки опубликованы Т.М.Минаевой, которая отнесла их к кругу памятников IV-V вв. [Минаева Т.М., 1950, с.222, рис.24]. Принадлежавшую к этой коллекции двупластинчатую фибулу (рис.45, 10) А.К.Амброз считает местной и датирует ее V в. [Амброз А.К., 1966, с.83]. Данные о характере могильника, откуда происходят эти находки, отсутствуют.

5(64). **Былым-1**. Могильник, состоящий из подземных склепов, находится к северо-востоку от селения Былым (бывшее Озурово) в местности Кала-Кол, на правом берегу р.Баксан. Могильник впервые был обследован В.Ф.Миллером в 1883 г. В.Ф.Миллер назвал этот могильник "верхним" (в отличие от "нижнего" могильника Былым-2). Он раскопал здесь один склеп и дал его описание. Склепы устраивались в склоне горы, на поверхности местонахождения склепов обозначались тремя плитами. Под средней плитой находился узкий входной колодец, заложенный камнями. Вход в камеру закрывался двумя плитами. Камера, по словам В.Ф.Миллера, рылась сверху, стены ее обкладывались камнями и перекрывались плитами (рис.46, 5). В стенах склепов имелись ниши. В склепе было шесть скелетов, пять

из них лежали поперек и один вдоль склепа. Все черепа были деформированы. В.Ф.Миллер отмечал восточную и западную ориентировки погребенных. В склепе найдены железный меч, бронзовый браслет, зеркало, кольцо от серьги, бляшки от пояса, пряжки, глиняные и деревянные сосуды, стоявшие в нише и на полу склепа [Миллер В.Ф., 1888, с.87-89].

Среди инвентаря, собранного В.Ф.Миллером у местных жителей, который, по их словам, происходил из склепов (рис.46, 1-4), имеются и изделия из золота - брошь со стеклянной вставкой и пряжка с перегородчатой эмалью [Миллер В.Ф., 1888, с.90, табл.ХХ]. В склепах найден разновременный инвентарь, позволяющий датировать их в пределах IV-VIII вв. [Чеченов И.М., 1969, с.55].

6 (65) . Былым-2. Могильник находится на юго-западной окраине сел.Былым, при впадении р.Гестенги в р.Баксан. В.Ф.Миллер называл этот могильник "нижним". Здесь он зафиксировал два типа склеповых могил - подкурганные склепы и грунтовые подземные склепы. На этом могильнике В.Ф.Миллер раскопал один подземный склеп, в котором было найдено 5 деформированных черепов. Вещей в склепе не было, однако по своему устройству этот склеп идентичен, по данным В.Ф.Миллера, склепам "верхнего" могильника [Миллер В.Ф., 1888, с.88, 90].

В 1913 г. Г.А.Вертепов раскопал здесь один подкурганный склеп. Он был сложен из тесаных каменных плит, в стенах его имелись ниши, в западной стене было входное отверстие [ИАК, 1913, с.76, 77].

В 1955 г. на этом могильнике побывал П.Г.Акритас, который насчитал в окрестностях селения Былым до 900 разрушенных склепов [Акритас П.Г., 1957, с.407].

Наиболее ранние находки, в том числе и монеты, из разграбленных склепов относятся, по данным В.А.Кузнецова, к IV-V вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.77]. Можно считать, что к этому времени относится появление здесь подобных склепов. В 1969 г. Л.Г.Нечаева раскопала здесь три склепа, но все они датировались VII в. [Нечаева Л.Г. Отчет за 1969 г.].

7 (66) . Тырнауэ-1. Могильник, состоящий из подземных склепов, расположен в 5 км к западу от г.Тырнауэ (левый берег р.Баксан). В 1955 г. П.Г.Акритас доследовал здесь один подземный склеп, разрушенный бульдозером. Склеп, стены которого были сложены из лежавших плашмя плоских камней и перекрытый тремя массивными плитами, был ориентирован с севера на юг (рис.47, 1). Он содержал кости нескольких

человек, лежавших на дне, перекрытом каменными плитами. В склепе было возвышение (типа лежанки), на котором размещался инвентарь - бронзовые (зеркала, фибулы, браслеты, ложечки, серьги - рис.47, 2-4, 7-14; 48, 1,2) и железные (рис.48, 3) предметы, глиняные (рис.48, 4, 5), стеклянные и деревянные (блюдо и чашка) сосуды. П.Г.Акритас относил этот склеп ко второй половине I тыс. н.э. [Акритас П.Г., 1957, с.409-414]. В.А.Кузнецов и И.М.Чеченов датируют этот склеп V-VII вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.78, 79; Чеченов И.М., 1969, с.53]. Найденная в этом склепе фибула-брошь в форме цикады (рис.47, 3) имеет западное происхождение. Такие фибулы были характерны для погребений дунайских провинций, а также городов Северного Причерноморья, хотя они встречались и в варварских погребениях V-VI вв. [Амброз А.К., 1966, с.35]. Более характерны они, по-видимому, для памятников VI в. [Дмитриев А.В., 1982, с.101].

8 (67) . Тырнауэ-2. Могильник, состоявший из подземных склепов, находится к юго-западу от Тырнауэ, в районе заброшенного селения Нижний Баксан. В 1913 г. А.Вертепов раскопал здесь три склепа. Над ними были "едва заметные возвышения, обложенные камнями". Склепы содержали по 6-7 скелетов [ИАК, 1913, с.76, 77, 93, 94], некоторые черепа были деформированы [Чехович М.И., 1914, с.55, 56]. Найденный в склепах инвентарь (пряжки, булавки, зеркала, копоушки, бусы, сосуды) относится, по данным И.М.Чеченова, к IV-VI вв. [Чеченов И.М., 1969, с.53].

О склепах Тырнауэ, расположенных в урочище Мукулан, писал А.А.Иессен [Иессен А.А., 1941, с.25]. Он же опубликовал и некоторые материалы этих склепов (рис.48, 6-12), хранящиеся в Эрмитаже.

9 (68) . Тырнауэ-3. Могильник находится в 2-3-х км к северо-востоку от Тырнауэ, на левом берегу р.Баксан. В 1965 г. здесь было разрушено несколько подземных склепов, не имевших наземных признаков. Склепы были доследованы И.М.Мизиевым и О.Л.Опрышко. Данных о погребальном обряде нет. Инвентарь (бронзовые фигуры животных, булавки, стеклянные и янтарные бусы, глиняные сосуды, деревянная миска), поступивший в Кабардино-Балкарский краеведческий музей, относится, по данным И.М.Чеченова, к IV-VI вв. [Чеченов И.М., 1969, с.54].

10 (69) . Вольный Аул. Селение Вольный Аул находится на юго-восточной окраине Нальчика. В 1923 г. М.И.Ермоленко раскопал здесь несколько могил, которые, по данным В.А.Кузнецова, ссылавшегося на

архив А.А.Миллера, представляли собой подземные склепы с нишами [Кузнецов В.А., 1962, с.79]. Погребенные лежали на слое угля, головой на юго-запад. В.А.Кузнецов датировал эти склепы V-VI вв.

Материал одного склепа (рис.49), раскопанного М.И.Ермоленко 7-8 сентября 1923г., рассмотрен и опубликован А.К.Амброзом, который характеризовал его как типичный инвентарь погребений V в. [Амброз А.К., 1989, с.35]. К сожалению, детали погребального обряда почти не известны. В.Б.Виноградов при публикации ранних материалов из раскопок М.И.Ермоленко, ссылаясь на тот же архив А.А.Миллера, называл эти могилы каменными гробницами, уточняя, что здесь могли быть либо каменные ящики, либо склепы [Виноградов В.Б., 1967, с.140]. Точных данных о том, что здесь были склепы со входами, нет.

Погребения раннесредневекового периода (подземные склепы и каменные ящики) известны у селения Верхняя Балкария, на правом берегу р.Черек-Балкарский. Все погребения были ограблены, поэтому дату их уточнить нельзя. Подавляющее их большинство относится к позднему средневековью, однако считается, что некоторые из склепов датируются раннесредневековым временем [Чеченов И.М., 1969, с.68].

Погребения в каменных ящиках датируются И.М.Чеченовым V-IX вв., по аналогии с каменными ящиками, открытыми у сел.Зильги. Однако найденный в зильгинских могилах инвентарь, среди которого имеются привески в виде колец с семью птичьими головками, в виде фигурок всадников и др. [Чеченов И.М., 1969, с.69], относится, по-видимому, ко времени не ранее VII в. Что касается подземных склепов Верхней Балкарии, то более позднюю их дату (чем V в.) отмечал и И.М.Чеченов [Чеченов И.М., 1987, с.52]. Поэтому эти памятники учитываться не будут.

К раннему средневековью относятся и погребения, открытые у селения Верхний Чегем, на левом берегу р.Чегем. Здесь В.Ф.Миллер в 1883 г. открыл два могильника. Один из них, расположенный на р.Донгат, содержал могилы в виде каменных ящиков. Погребенные имели западную ориентировку и сопровождалась бедным инвентарем. Некоторые могилы были обозначены вертикальными плитами с изображениями крестов [Миллер В.Ф., 1888, с.84-86], что позволяет говорить о поздней дате могильника, хотя В.Ф.Миллер датировал его II-VIII вв. [Миллер В.Ф., 1888, с.120].

В 1959 г. Е.П.Алексеева раскопала здесь 10 погребений. Все погребения в каменных

ящиках были поздними - VIII-IX вв. [Алексеева Е.П., 1961, с.195].

К памятникам III-V вв. обычно относят еще два могильника, известные на территории Кабардино-Балкарии. Оба могильника грунтовые.

Нальчикский могильник, расположенный в 4-5 км к югу от Нальчика, был открыт в 1961 г., когда при дорожных работах было разрушено три катакомбы. В.Б.Виноградов датировал материалы этих катакомб III-IV вв. н.э. [Виноградов В.Б., 1967, с.136, рис. 5]. Однако представляется, что эти материалы надо датировать VIII-IX вв. [Абрамова М.П., 1995а, с.70], поскольку они находят ближайшие аналогии в комплексах этого времени, в частности, в катакомбах, открытых у селения Хулам [Чеченов И.М., 1987, с.105-115, рис.20, 19, 22, 1, 4].

К V-VI вв. Л.Г.Нечаева отнесла две катакомбы, открытые ею в 1969 г. на могильнике Былым, основываясь на форме фибулы из катакомбы 2 [Нечаева Л.Г., 1970, с.102], однако подобные фибулы известны в памятниках VII - первой половины VIII вв. [Афанасьев Г.Е., 1979, с.44, рис.1; Чеченов И.М., 1987, с.153, рис.23, 9].

Таким образом, погребения III-V вв. н.э., открытые на территории Кабардино-Балкарии, составляют более малочисленную и более однородную группу памятников, чем памятники Верхнего Прикубанья. Все рассмотренные могильники, сосредоточенные в бассейне Баксана и Малки, в верхнем их течении, содержали захоронения в подземных каменных склепах.

Малочисленность имеющихся у нас сведений не позволяет установить нижнюю дату бытования здесь этих склепов. Мы не имеем пока данных, которые позволили бы отнести их к раннему (догуннскому) периоду. С большей определенностью материалы указывают на V в., хотя совершенно не исключена возможность бытования их на этой территории и в IV в.

Горные районы Северной Осетии

Последняя группа памятников ограничена горной зоной - от бассейна Уруха до Терека в верхнем его течении. Раскопки этих памятников проводились преимущественно в конце XIX в., когда велась подготовка к V Археологическому съезду, проводимому в 1900 г. в Тифлисе. Многочисленные археологические материалы получены в результате раскопок В.И.Долбежева в 1886-1891 гг. Планомерное обследование северокавказских памятников, расположенных по преимуществу в центральных районах Северного Кавказа, проводила П.С.Уварова и другие исследователи - К.И.Ольшевский, А.А.Бобринский, В.Л.Тимофеев и другие.

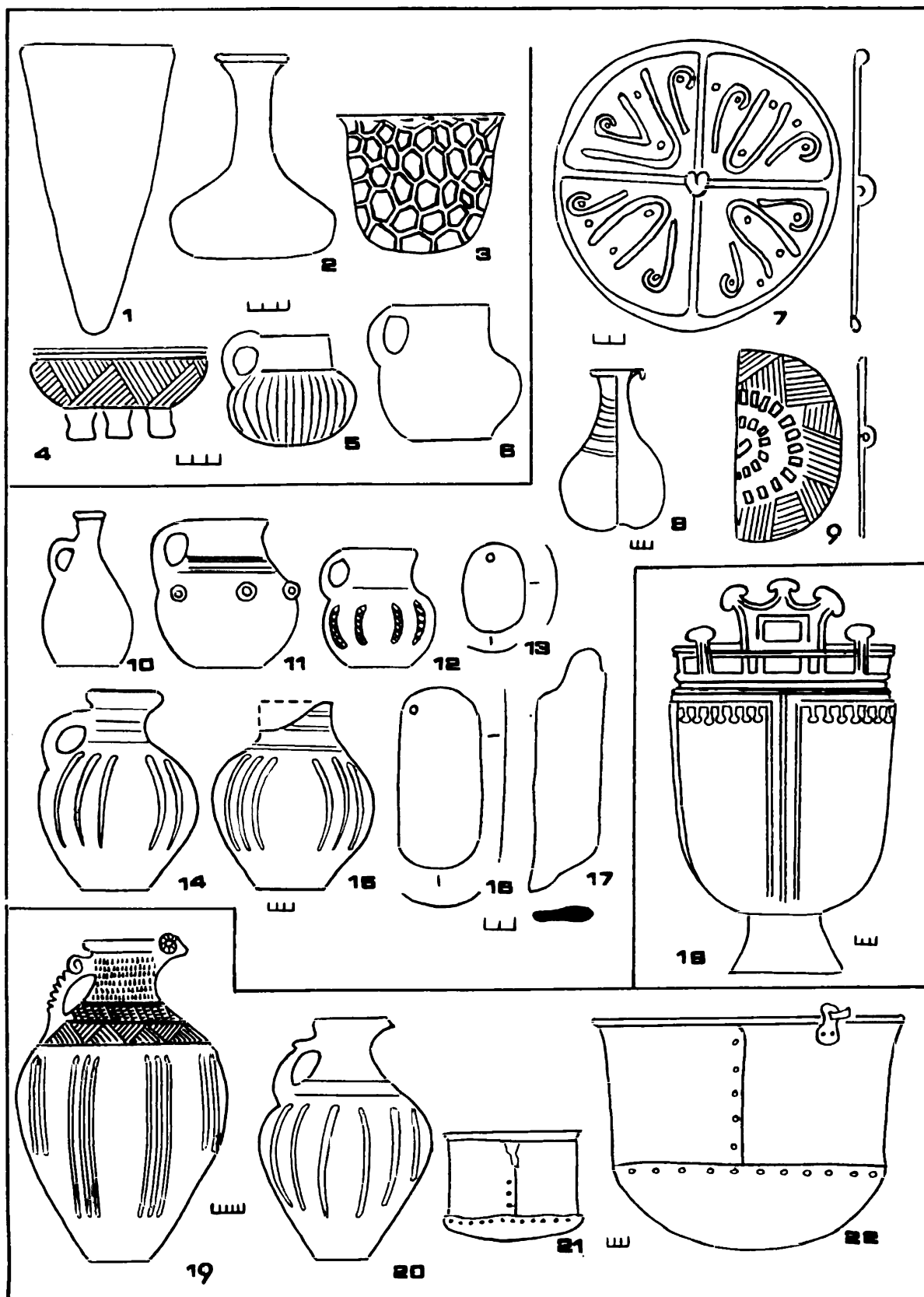
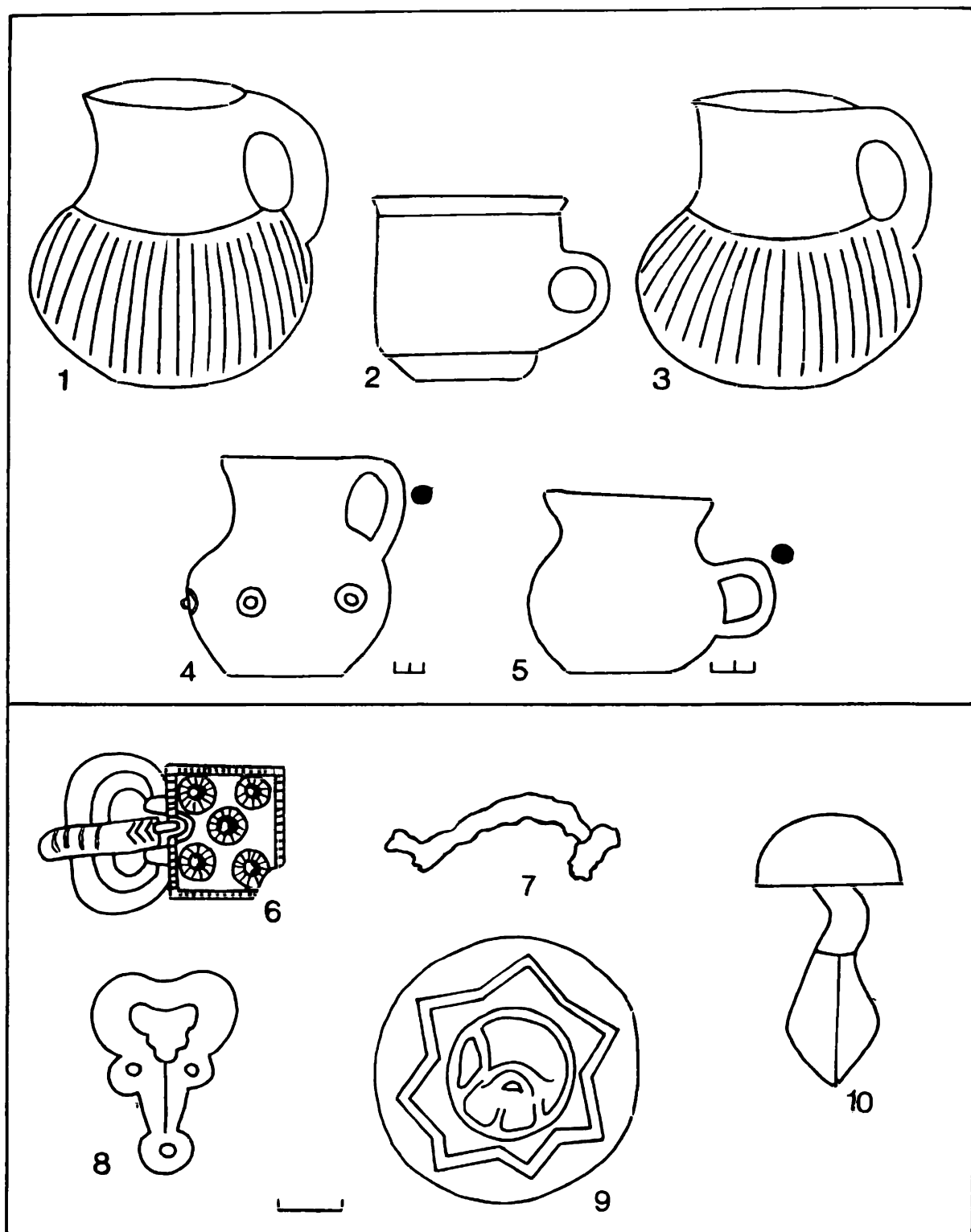

Рис.44. Хабаз (по В.М.Батчаеву, И.М.Чеченову)

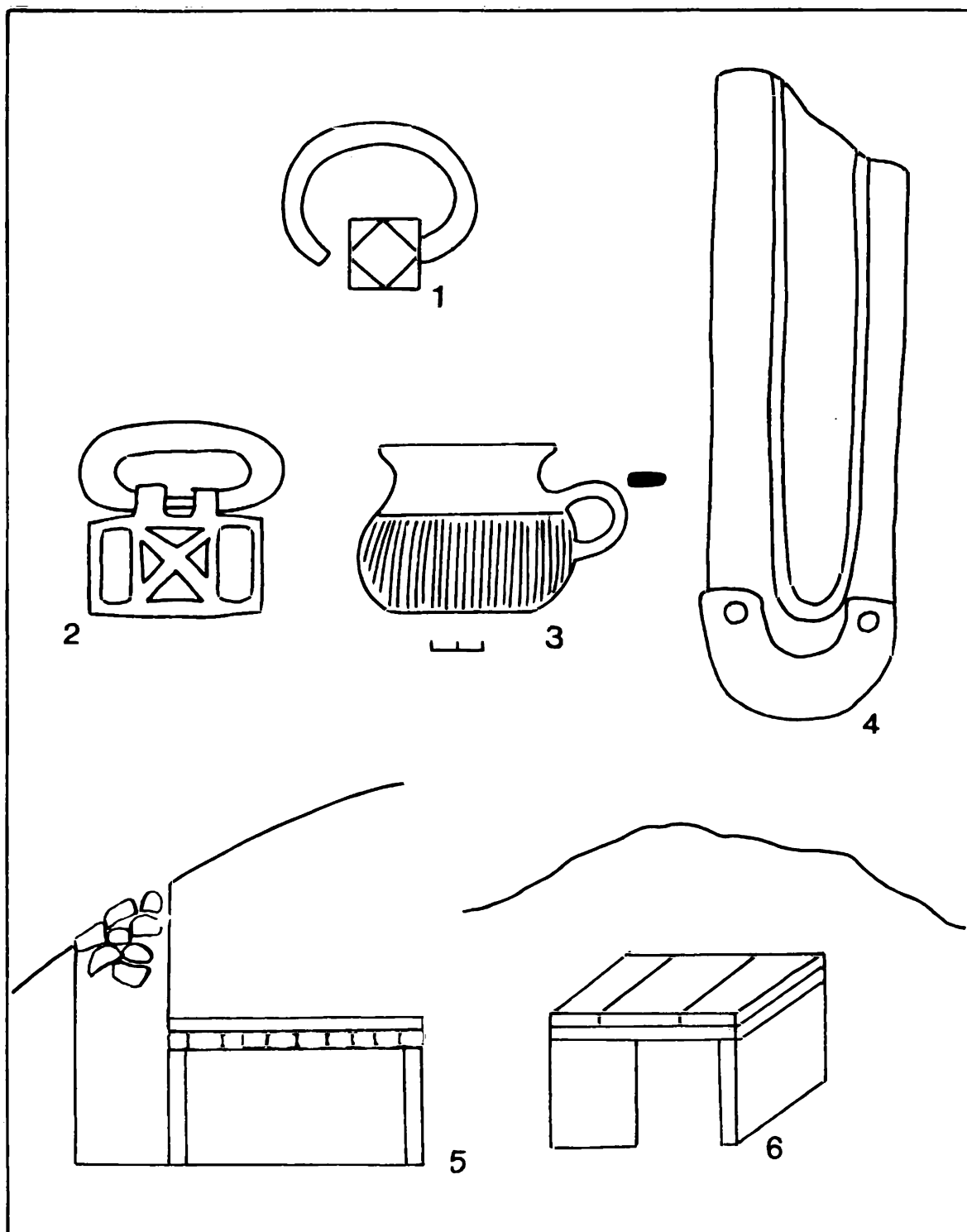
1-3, 8 - стекло; 4-6, 10-12, 14, 15, 19, 20 - глина; 7, 9, 13, 16, 18, 21, 22 - бронза; 17 - железо

Рис.45 Гижгид-1, 2

1-5 - Гижгид-1; 6-10 - Гижгид-2 (по Т.М.Минаевой)

1-5 - глина; 6 - бронза, позолоченное серебро, красные камни; 7 - железо; 8 - бронза, позолоченное серебро; 9, 10 - бронза

Рис.46. Былым-1 (по В.Ф.Миллеру)

1 - бронза; 2 - позолоченная бронза, эмаль; 3 - глина; 4 - дерево, бронза

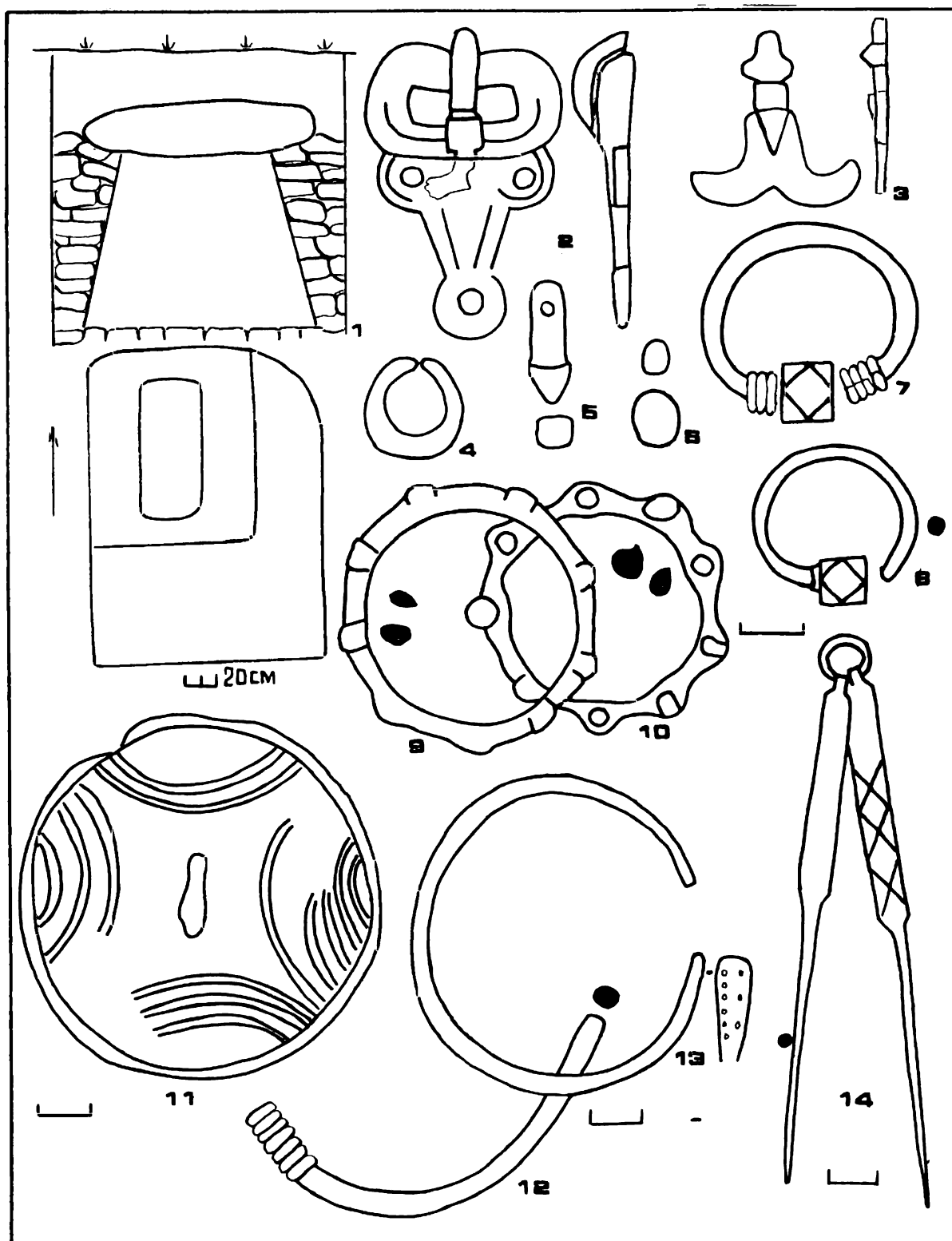
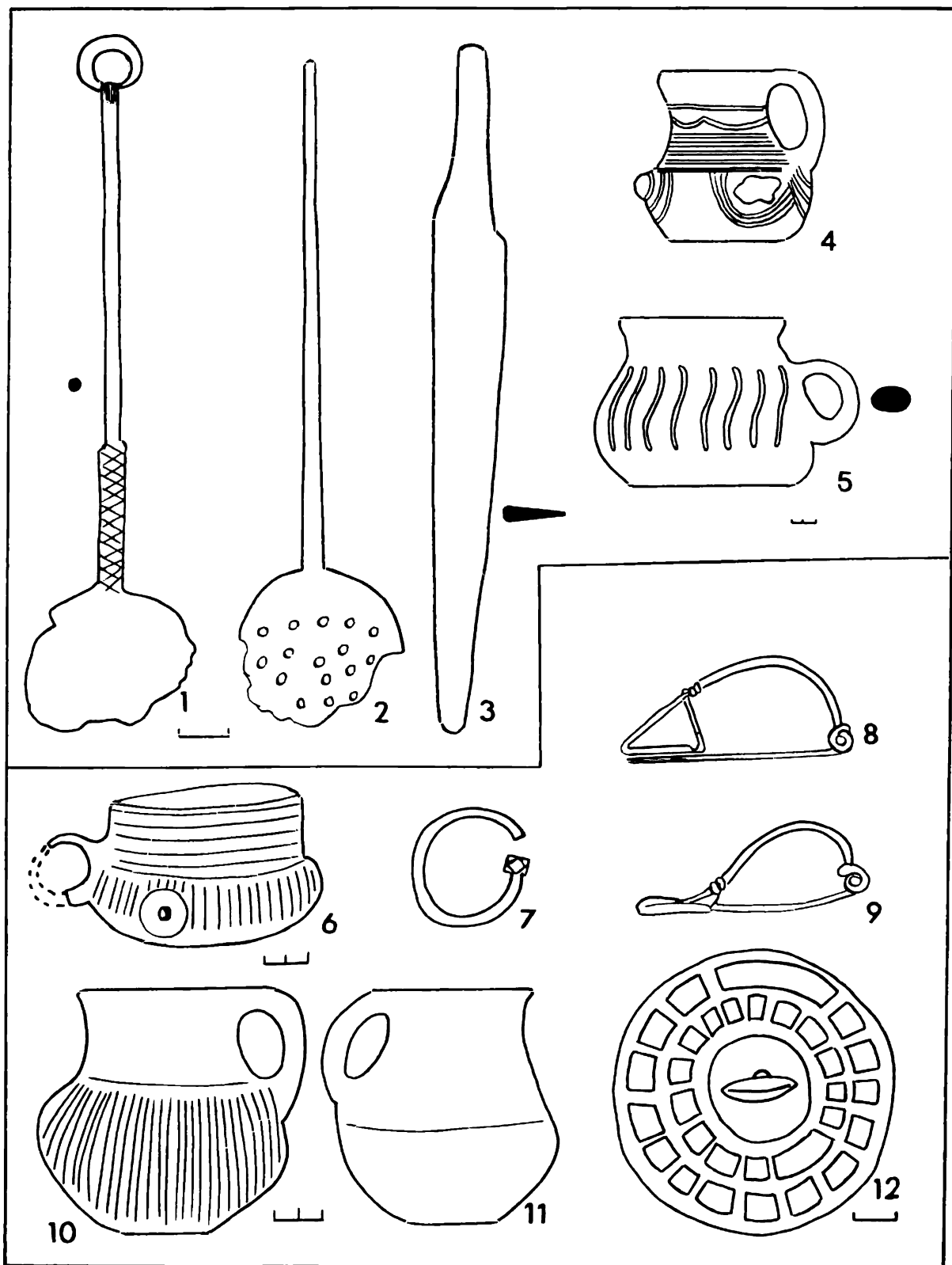

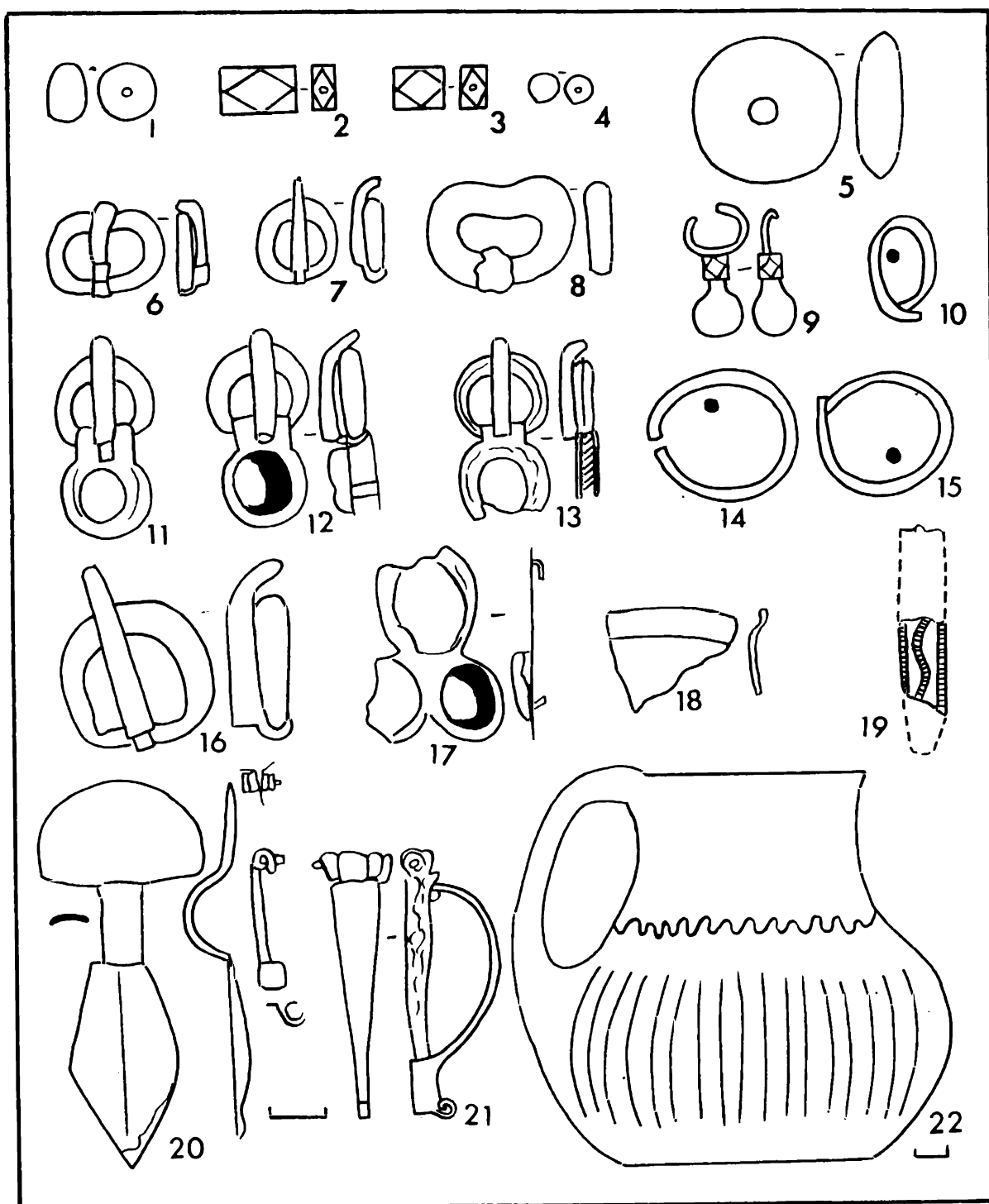
Рис.47. Тырныауз-1 (по П.Г.Акритасу, А.К.Амброзу)
2-4, 7-14 - бронза; 5 - гагат; 6 - сердолик

Рис.48. Тырнауз-1 (продолжение), Мукулан

1-5 - Тырнауз-1; 6-12 - Мукулан (по А.А.Иессену)

1, 2, 7-9, 12 - бронза; 3 - железо; 4, 6, 10, 11 - глина

Рис.49. Вольный Аул (по А.К.Амброзу)

1, 5 - янтарь; 2-4 - сердолик; 6, 7, 9-11, 13-16, 19, 20 - бронза; 8 - железо; 12, 17 - бронза, стекло; 18 - стекло; 21 - бронза, железо; 22 - глина

В большинстве случаев открытые здесь могильники располагались на довольно крутых склонах гор, подверженных оползням, поэтому многие погребения были нарушены. Часто исследователи отмечали наличие скоплений камней, человеческих костей, фрагментов сосудов и другого инвентаря. Поэтому данные об особенностях погребального обряда очень отрывочны и неполны. Комплексы почти во всех случаях восстановить нельзя, коллекции инвентаря смешаны и содержат часто материалы разных эпох. В более позднее время раскопок на большинстве этих памятников не проводилось. Поэтому составить четкое представление о типах погребальных сооружений и деталях погребального обряда памятников этого региона нельзя.

Рассмотрим эти памятники.

1(70). Донифарс. Селение Донифарс расположено на левом берегу р.Урух (Дигория). П.С.Уварова отмечала наличие в окрестностях этого селения трех могильников, причем все они имели один и тот же характер, содержа "общие склепы и каменные ящики" [Уварова П.С., 1900, с.204]. Нижний из этих могильников расположен в местности "Догуй-хунта". В.Л.Тимофеев раскопал здесь шесть могил. Могилы 1 и 2 представляли собой каменные ящики из плитняка, расположенные один над другим. Остальные могилы были, возможно, грунтовыми ямами, в могилах 3 и 5 сверху костей лежали плиты. В некоторых погребениях были угли и зола. В каждой могиле было по 2-3 (реже один) скелета, иногда лежавших друг на друге с противоположной ориентировкой (юг - север, юго-восток - северо-запад).

Найденный в могилах инвентарь относится, по данным П.С.Уваровой, к трем эпохам - к кобанской, раннесредневековой и средневековой [Уварова П.С., 1900, с.204-208]. В собрании П.С.Уваровой из Донифарса, хранящемся в ГИМе, имеются некоторые раннесредневековые материалы, однако большая часть находок, связанных с рассматриваемым периодом, происходит из коллекции В.И.Долбежева 1886 г. Это бронзовые фибулы и пряжки (рис.50, 1-8), а также серия глиняных сосудов (рис.50, 9-15), находящихся близкие аналогии в керамике памятников Затеречья III-IV вв. н.э. Поскольку в 1886 г. В.И.Долбежев раскопал в Донифарсе всего одну могилу позднего периода - с железной саблей и шестопером [ОАК за 1886, с.СХІХ], весь этот материал был, очевидно, приобретен В.И.Долбежевым у местных жителей, поэтому нельзя установить, с какими типами погребальных сооружений он был связан.

2(71). Лизгор. Селение Лизгор расположено на правом берегу Уруха. Здесь в 1886 г. проводил раскопки В.И.Долбежев. Могилы представляли собой каменные склепы. В.И.Долбежев называет их каменными ящиками, отмечая, что могилы устраивались в склоне горы, при этом в передней стене гробниц имелось входное отверстие, через которое вкладывался покойник. Сверху могилы были перекрыты огромными плитами или каменными глыбами.

В одном из склепов В.И.Долбежев обнаружил до 100 захоронений, но те из склепов, которые залегали ниже, содержали не более 10-12 погребенных, а иногда лишь 3-4 скелета взрослых и детей. Некоторые из погребенных имели деформированные черепа. Скелеты лежали в вытянутом положении с разной ориентировкой, среди которой преобладали северная, западная и северо-западная (есть и противоположные). В могилах найдено много вещей - изделия из бронзы, золота, серебра, железа, кости, стекла. Некоторые золотые украшения имели вставки из сердолика и других камней [ОАК за 1888, с.СХІХ-СХХІ].

Основной материал склепов относится к эпохе раннего средневековья. Наиболее ранние материалы - фибулы II, III и IV вв. [ГИМ, инв. № 25185; Амброз А.К., 1966, с.43, 53], а также пряжки, зеркала и глиняные сосуды (рис.51, 11-9). Есть некоторые материалы рассматриваемого периода (рис.51, 10) и в собрании Вырубова из Лизгора, хранящемся в ГИМе. Данных о погребальном обряде нет.

3(72). Задалиск. Селение Задалиск расположено на правом берегу Уруха. Могильный холм находится к северо-востоку от селения. Исследования здесь проводила П.С.Уварова, которая отмечала наличие двух рядов могил с двумя способами захоронения: верхний ряд, расположенный почти на уровне поверхности, состоял из каменных ящиков, сложенных из плит и имевших различную ориентировку - меридиональную и широтную. В могилах было много черепов и мало вещей. П.С.Уварова датировала погребения в каменных ящиках VII-IX вв. [Уварова П.С., 1900, с.194], В.А.Кузнецов относил их к XI-XII вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.92].

С поздней датой этих могил следует согласиться, однако нужно отметить, что среди материалов, происходящих из каменных ящиков, П.С.Уварова отмечала глиняный сосуд с ручкой в виде стилизованной фигуры животного, вытянутая морда которого плотно прилегает к горлу сосуда (рис.53, 9). Сосуды с ручками такого типа хорошо извест-

ны в памятниках центральных районов Северного Кавказа II-III вв. н.э. Этим же временем датируются две сильнопрофилированные фибулы (рис.52, 1), также, по данным П.С.Уваровой, происходящие из погребений в каменных ящиках [Уварова П.С., 1900, с.190].

Ниже каменных ящиков, как сообщает П.С.Уварова, находились могилы больших размеров с остатками бревен и кусочками угля, которые она называет "общими могилами". Могилы имели овальную форму и были обложены местным камнем. Следы дерева прослеживались и на дне могил под скелетами. Здесь, отмечала П.С.Уварова, были вещи более древнего вида, чем в каменных ящиках. Среди них имеются бронзовые фибулы, пряжки, зеркала и глиняные сосуды (рис.52, 2-4, 6-8, 13-15). П.С.Уварова датировала эти могилы IV-V вв. [Уварова П.С., 1900, с.194], а В.А.Кузнецов отнес их к IV-VI вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.92].

Кроме того, в верхней части этого холма П.С.Уварова обнаружила каменные склепы, сложенные из необработанного плитняка и имевшие перекрытия из плит. В передней стене склепы имели входное отверстие, в некоторых склепах были ниши. Склепы содержали коллективные захоронения. П.С.Уварова обследовала 4 склепа, в четвертом склепе черепа погребенных были деформированы. Здесь же были найдены двупластинчатые фибулы и прогнутая фибула с подвязным приемником, пряжки с хоботковым язычком, глиняные сосуды с сосцевидными налепами на тулове (рис.52, 5, 9-12, 16; 53, 4, 5). У одного из сосудов была стилизованная зооморфная ручка с вертикальным отростком в верхней части (рис.53, 3). П.С.Уварова считала, что склепы синхронны могилам с деревом нижнего яруса [Уварова П.С., 1900, с.194], с чем, по-видимому, можно согласиться.

4 (73). Кумбулта. Окрестности селения Кумбулта, расположенного на левом берегу Уруха, в верхнем его течении, богаты археологическими памятниками разных эпох. В 1888 г. здесь, на могильнике Хор-Гон, проводил раскопки В.И.Долбежев, который отметил, что могилы были разрушены оползнем, поэтому восстановить их устройство не удалось. Основываясь на том, что при раскопках рядом с костями встречались плиты и камни, он полагал, что здесь были погребения в каменных ящиках [ОАК за 1888, с.СССІ, СССР]. Однако классические каменные ящики делались из поставленных на ребро каменных плит; наличие большого количества камней позволяет говорить о том, что здесь могло быть иное устройство могил

с использованием камня. Следует также помнить, что В.И.Долбежев называл каменными ящиками и склепы, что отмечалось выше.

Материал из раскопок В.И.Долбежева в Кумбулте в 1888 г. разновременен. Среди него есть и материалы первых веков нашей эры, в том числе фибулы I-II вв., а также III-IV вв. (рис.54, 15-17, 21, 22), что позволяет предположить наличие здесь могил этого времени.

В 1889 г. В.И.Долбежев снова проводил раскопки в Кумбулте. Исследованные им могильники (Хор-Гон и Рутха) содержали многочисленные погребения, перерытые местными жителями. На могильнике Хор-Гон В.И.Долбежев насчитал более 150 таких могил. Кроме того, им была заложена траншея и проведены раскопки нетронутых погребений. Открытые им могилы имели вид склепов, которые В.И.Долбежев иногда называл каменными ящиками, отмечая наличие входных отверстий в передней стене [ОАК за 1889 г., с. 59-68]. Могилы были составлены из каменных плит и перекрыты плитами, не выступавшими из земли. Они содержали коллективные погребения - от 4-6 до 10 человек разного возраста и пола. Судя по описаниям материалов, найденных в склепах, они могут быть датированы началом I тыс. до н.э., однако в собрании В.И.Долбежева 1889 г. из Хор-Гона, хранящемся в ГИМе, имеются материалы III-V вв. - сосуды, фибулы, пряжки (рис.54, 1-14, 18-20, 56, 7-10). Все они, возможно, были найдены В.И.Долбежевым среди разграбленных местными жителями могил или приобретены им у местных жителей. Связаны ли они с поздними захоронениями в склепах, установить нельзя.

Керамика и бронзовые изделия III-V вв. имеются и в собрании П.С.Уваровой из Кумбулты (рис.55; 56, 1-6), хранящемся в ГИМе, однако с какими могильными сооружениями они связаны, также не известно.

5 (74). Верхняя Рутха. Могильник Верхняя Рутха расположен на одноименном холме в окрестностях Кумбулты. Исследования здесь проводили П.С.Уварова и В.И.Долбежев. П.С.Уварова отмечала наличие здесь большого количества "каменных камер, крепко и изящно сложенных из огромных плит на извести" [Уварова П.С., 1900, с.235, 236]. Других данных об устройстве могил, к сожалению, нет. В литературу эти могилы вошли как каменные ящики [Кузнецов В.А., 1962, с.91], однако это могли быть и склепы (хотя данных о наличии входных отверстий нет) или гробницы.

П.С.Уварова отмечала "особое изящество погребальных камер" (наличие "камер", воз-

можно, подтверждает факт бытования здесь склепов), а также тот факт, что вещи и черепки из этих могил "совсем иные, чем все то, что добыто до сих пор в могилах Кавказа" [Уварова П.С., 1900, с.236]. Среди инвентаря наиболее известны двупластинчатые фибулы, фибулы-броши, бляшки и части сбруйных наборов (рис.57). Все они выполнены в одной технике: основу составляли бронзовые пластины, покрытые золотой фольгой с тисненым рельефным орнаментом. Пространство между двумя слоями заполнялось белой пастой. Многие изделия, в том числе и фибулы, украшены вставками в гнездах. Вставки были из граната, сердолика, реже янтаря, а иногда из стекла и смальты [Уварова П.С., 1900, с.235, табл.СІ, СІІ, СІІІ]. А.К.Амброз датировал большую часть этих изделий V в. [Амброз А.К., 1989, с. 41], однако он полагал, что некоторые из этих, выполненных в одной и той же технике, вещей относятся не к V в., а к VII в. [Амброз А.К., 1989, с.20, 41, 74]. А.К.Амброз считал, что все эти находки происходят из небольшой группы могил, однако появление здесь почти через 200 лет захоронений с инвентарем, выполненным в той же манере, представляется маловероятным.

В собрании П.С.Уваровой из Верхней Рутхи имеется и ряд изделий из бронзы, которые также можно отнести к рассматриваемому периоду.

В 1889 г. на могильнике Верхняя Рутха В.И.Долбежев исследовал три могилы, сложенные из камней, которые он назвал каменными ящиками. При их описании он отмечал наличие входных отверстий в передней стене [ОАК за 1889 г., с.62], так что это были склепы. Судя по материалам, хранящимся в ГИМе, эти погребения относятся к началу - середине I тыс. до н.э.

6 (75) . Нижняя Рутха. Некоторые сведения об этом могильнике имеются у П.С.Уваровой. Она отмечала, что он имел незначительные размеры, погребенные были положены без ящиков, "прямо в грунт" [Уварова П.С., 1900, с.235]. Больше никаких данных об этом могильнике нет. Вместе с тем П.С.Уварова сообщала, что имеющиеся в окрестностях Кумбулты могильники носят названия Верхняя и Нижняя Рутха, тогда как проводивший здесь раскопки В.И.Долбежев называет их Рутха и Хор-Гон. П.С.Уварова считала возможным настаивать на том, что могильник Хор-Гон В.И.Долбежева - это тот памятник, который получил название Нижняя Рутха у П.С.Уваровой [Уварова П.С., 1900, с.253]. Это заключение представляется спорным, так как В.И.Долбежев раскапывал в Хор-Гоне подземные склепы, а П.С.Уваро-

ва говорит о могильнике с грунтовыми ямами. Поэтому мы рассматриваем оба эти памятника отдельно.

П.С.Уварова отмечала, что в погребениях Нижней Рутхи найден инвентарь, который по своему характеру тождествен инвентарю склепов Хор-Гона, то есть он значительно древнее материалов Верхней Рутхи. Однако в собрании П.С.Уваровой из Нижней Рутхи имеются и некоторые изделия, относящиеся к рассматриваемому периоду - прогнутые подвязные, римские провинциальные т-образные и двупластинчатые фибулы (рис.58, 1-7).

Среди случайных находок из Нижней Рутхи имеются две бронзовые пряжки с головкой зверя на конце язычка (рис.58, 8, 9), которые, по А.К.Амброзу, относятся к V в. [Амброз А.К., 1989, с.31].

7 (76) . Галиат. Селение Галиат расположено на правом берегу р.Айгамути, впадающей в Урух. Окрестности Галиата богаты археологическими памятниками, которые неоднократно подвергались раскопкам разными исследователями - В.Б.Антоновичем, В.И.Долбежевым, П.С.Уваровой, К.И.Ольшевским, В.Л.Тимофеевым, Е.И.Крупновым и др. Конструкция могил не ясна. Имеющиеся здесь каменные ящики (раскопки В.Б.Антоновича) В.А.Кузнецов отнес к X в. [Кузнецов В.А., 1962, с.93]. В ГИМе имеются немногочисленные материалы, в частности, две фибулы и зеркало (рис.59, 1-3), которые можно датировать III в. н.э. Они происходят из собрания К.И.Ольшевского, однако он раскопал в Галиате всего одну могилу, об устройстве которой было сказано только, что она имела свод из камней [Уварова П.С., 1900, с.288]. Фибулы и зеркало среди инвентаря могилы не числятся. Скорее всего это были случайные находки, поэтому данных о погребальном обряде этого времени нет.

В.А.Кузнецов отнес к V-VII вв. материалы из раскопок Иоакимова в Галиате. Среди них - двупластинчатые фибулы и пряжки (одна со вставкой из красного стекла). По данным В.А.Кузнецова, большая часть этих материалов происходит из каменных ящиков [Кузнецов В.А., 1962, с.93, 94], однако точных данных о месте их нахождения нет. К тому же в основной своей массе эти материалы выходят за рамки рассматриваемого периода, относясь ко времени не ранее VI-VII вв.

В ГИМе хранится несколько сосудов из Галиата (рис.59, 4-9), которые можно отнести к рассматриваемому периоду. Они происходят из собрания П.С.Уваровой и коллекции В.И.Долбежева 1886 г. В отчете В.И.Долбежева за 1886 г. никаких данных о

типах погребальных сооружений или других особенностях погребального обряда нет [ОАК за 1886, с.СХХІІІ].

8 (77) . Камунта. Селение Камунта расположено напротив Галиата, на берегу р.Каминдон, притока Сунгута, впадающего в Урух. Среди материалов могильников Камунты, хранящихся в ГИМе, имеются фибулы, пряжки и глиняные сосуды (рис.53, 11-14), датирующиеся в пределах III-V вв., а также бронзовый клепаный котел. Все эти материалы некомплексные, какие-либо данные о погребальном обряде отсутствуют.

Все рассмотренные памятники занимают западную часть горной Осетии - Дигорию. Более восточные районы исследованы в значительно меньшей степени, поэтому представлены единичными памятниками.

9 (78) . Далагкау. Селение Далагкау находится на р.Фиадгон, в верхнем ее течении, в Куртатинском ущелье. П.С.Уварова отмечала наличие здесь следов каменных ящиков, поврежденных и сдвинутых напором аллювиального наноса, а также семейных склепов, наполненных костями, разными предметами из бронзы и множеством бус. Она не приводит больше никаких данных о погребальном обряде, лишь дает перечень некоторых находок [Уварова П.С., 1900, с.160, 161], среди которых есть и фибулы III в. н.э., а также глиняные сосуды (рис.59, 10-13).

В 1890 г. здесь проводил раскопки В.И.Долбежев. Он отмечал, что из-за оползней могилы были разрушены. Поскольку при раскопках попадались обломки плит, он предположил, что здесь могли быть каменные ящики, "но ни формы, ни размеры, ни положение костяков узнать нельзя" [ОАК за 1890 г., с.100]. Материал из этих могил, хранящийся в ГИМе, относится к эпохе раннего средневековья. Среди этих материалов имеются и некоторые изделия рассматриваемого периода (бронзовые пряжки и фибулы), однако с какими видами могильных сооружений можно их связать, сказать трудно, так как каменные плиты применялись при сооружении не только ящиков, но и гробниц и склепов.

10 (79) . Саниба. Селение Саниба расположено на правом берегу р.Геналдон. Раскопки здесь проводили В.Ф.Миллер в 1883 г. и П.С.Уварова. Могилы, по данным В.Ф.Миллера, представляли собой каменные ящики, сложенные из сланцевых плит и тесаных камней на глине [Миллер В.Ф., 1888, с.55-57], то есть это были либо склепы, либо каменные гробницы.

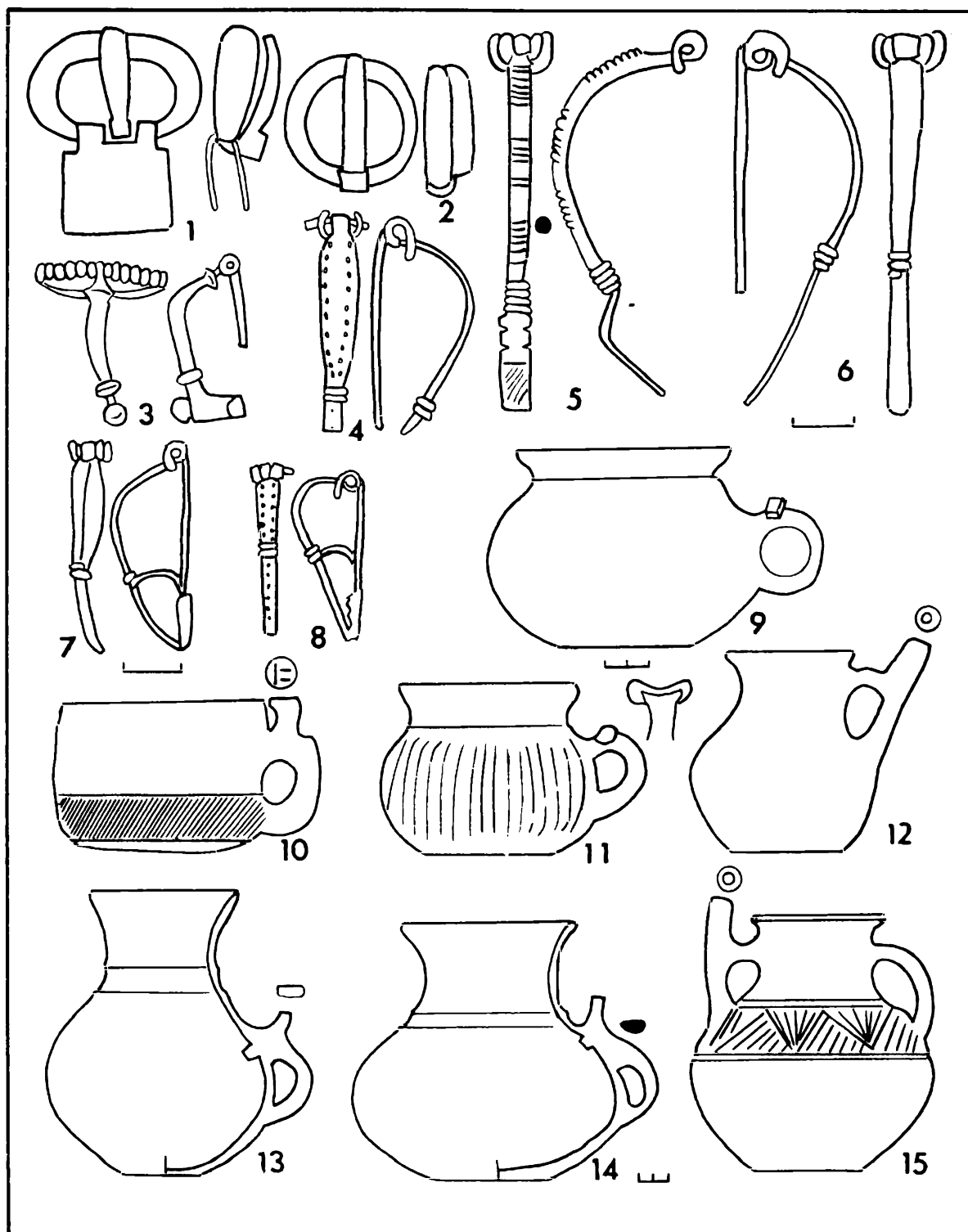
Каменными ящиками называет открытые ею в Санибе могилы и П.С.Уварова, которая

датировала их VI-VII вв. [Уварова П.С., 1900, с.103]. В.А.Кузнецов справедливо, как представляется, передатировал эти погребения, отнеся их к X-XII вв. [Кузнецов В.А., 1962, с.99]. П.С.Уварова, однако, отмечала, что в собрании Эрмитажа находятся фибулы - одна двупластинчатая и две римские провинциальные т-образные фибулы (рис.59, 14, 15) [Уварова П.С., 1900, с.101], характерные для памятников IV-V вв. С какими типами погребальных сооружений они были связаны, уточнить нельзя.

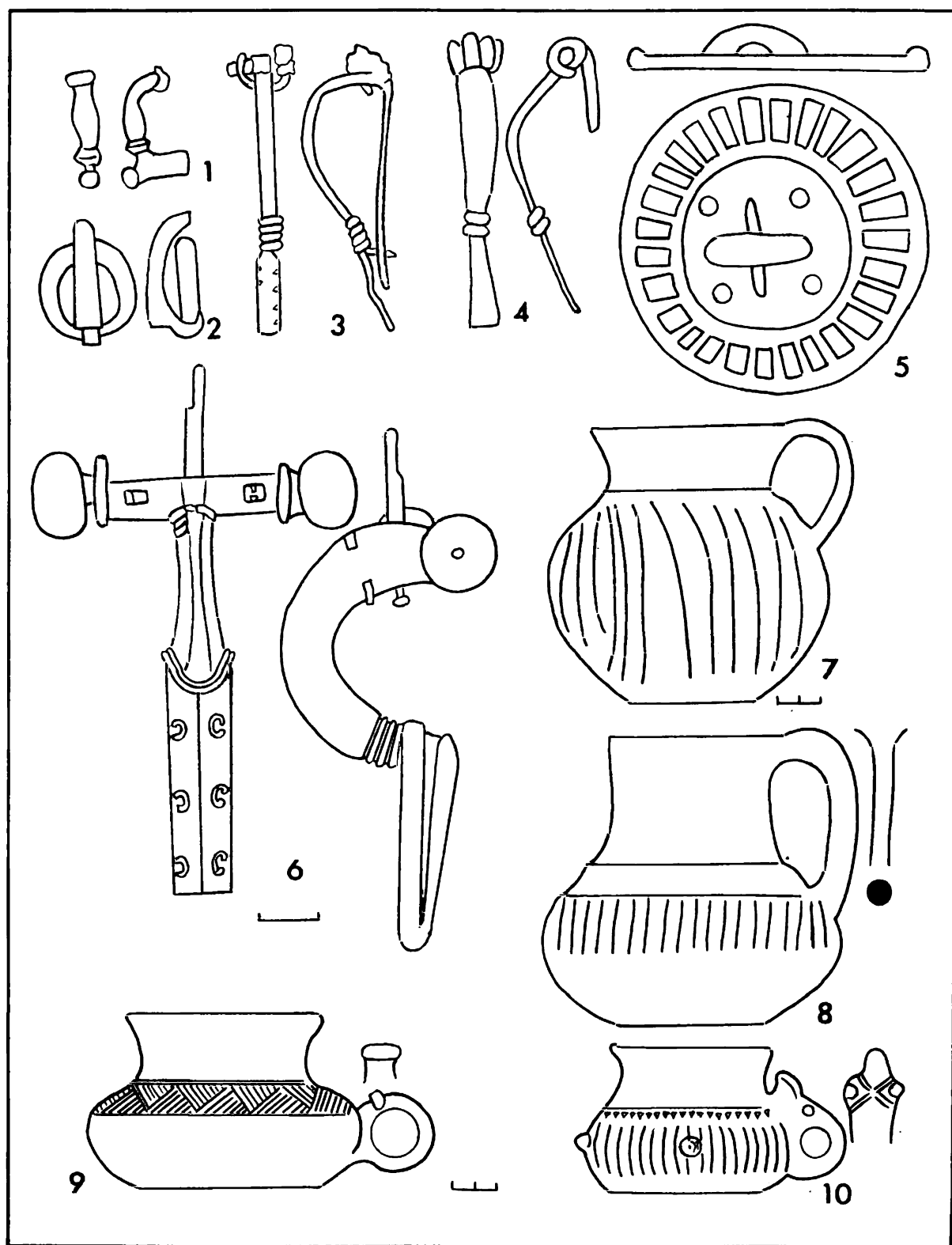
11 (80) . Чми-1. Селение Чми расположено на Военно-Грузинской дороге, на левом берегу р.Терека. В 1887 и 1888 гг. здесь, на могильнике Беахни-Куп, или Царца, проводили раскопки В.И.Долбежев и А.А.Бобринский. Могильник был полностью разрушен оползнями, поэтому каких-либо данных об особенностях погребального обряда нет, хотя А.А.Бобринскому удалось проследить устройство некоторых могил - это были "ямы, обложенные булыжником" [ОАК за 1888 г., с.ССХХХVII]. Найденный А.А.Бобринским и В.И.Долбежевым материал разновременен: он относится к кобанской культуре, сарматскому и раннесредневековому времени.

В 1979 и 1980 гг. в Чми на могильнике Беахни-Куп проводила раскопки М.П.Абрамова. Было открыто 14 погребений, 12 из которых относились к эпохе раннего средневековья. Могильник размещался на крутом склоне горы, поэтому большая часть погребений была разрушена оползнем, однако в некоторых могилах удалось проследить их устройство.

Могилы представляли собой грунтовые ямы, имевшие преимущественно меридиональную ориентировку, что, возможно, связано с направлением склона горы. Лишь одна могила имела широтную ориентировку, еще одна была ориентирована с северо-запада на юго-восток. В устройстве могил использовались дерево и камни, ими обкладывались три стены могилы у дна (за исключением одной, западной, расположенной выше по склону). Для дерева в дне иногда вырывались неглубокие канавки (рис.60, 11; 62, 20). Восточная продольная стена могилы, расположенная ниже по склону, укреплялась сильнее - вдоль нее укладывались более крупные камни. Такая конструкция могил должна была препятствовать их разрушению при оползнях. Возможно, что такое же устройство могли иметь могилы, открытые здесь А.А.Бобринским и В.И.Долбежевым, а также могилы других горных районов Осетии.

Рис.50. Днифарс
 1-8 - бронза; 9-15 - глина

Рис.51. Лизгор
 (6 - Лизгор или Галиат)
 1-6 - бронза; 7-10 - глина

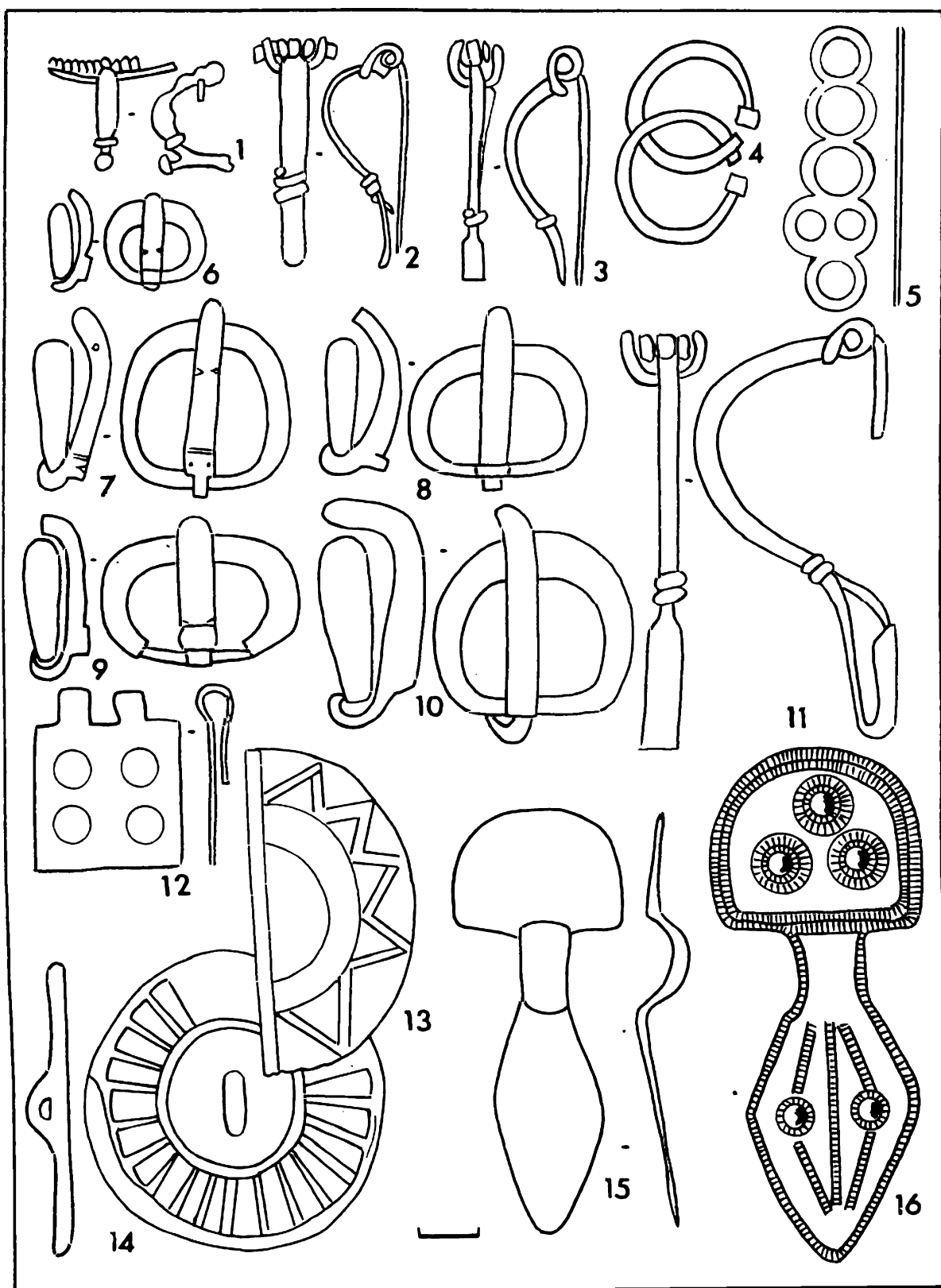

Рис.52. Задальск
1-15 - бронза; 16 - бронза, стекло

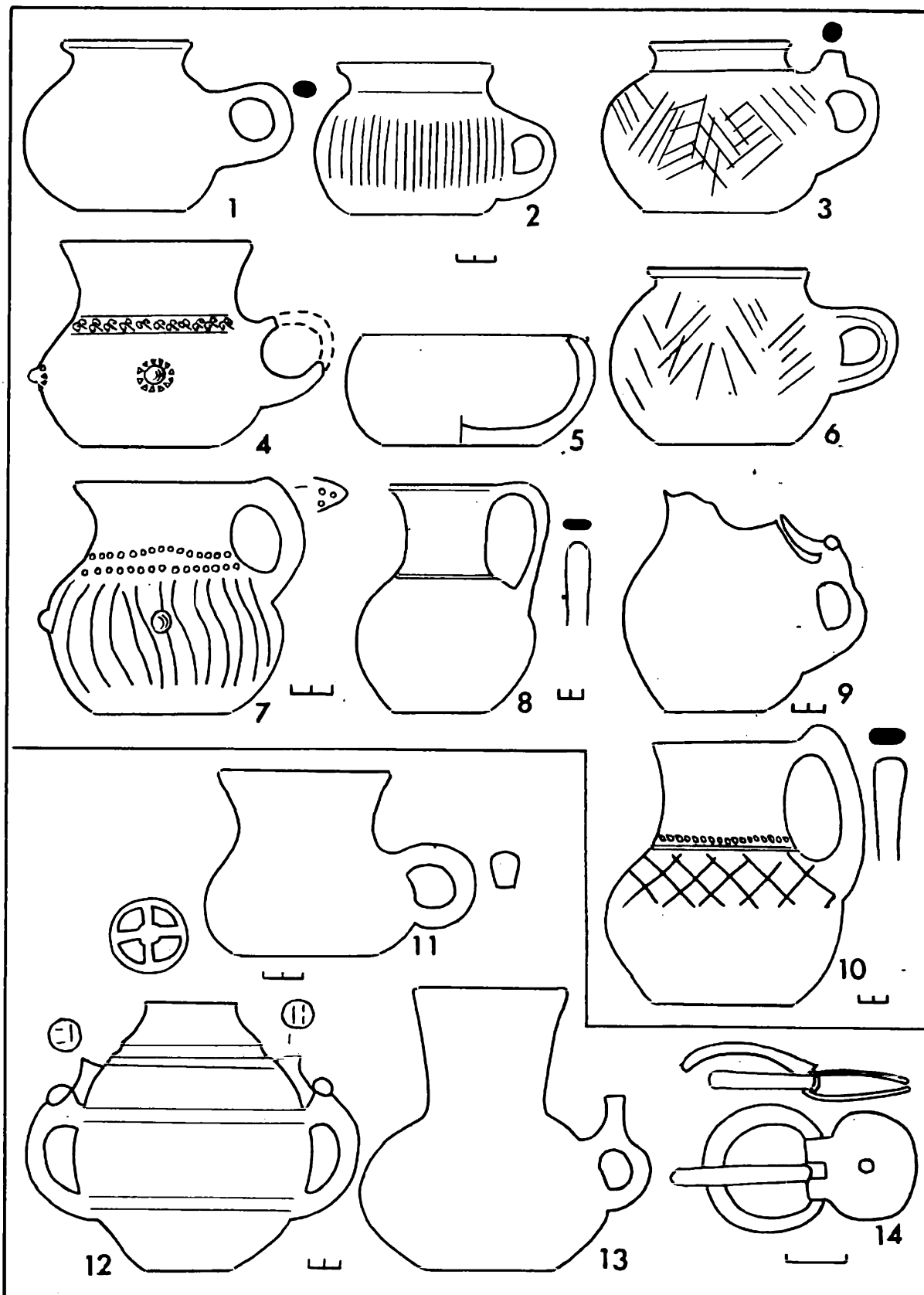

Рис.53. Задалиск (продолжение), Камунта

1-10 - Задалиск; 11-14 - Камунта

1-13 - глина; 14 - бронза

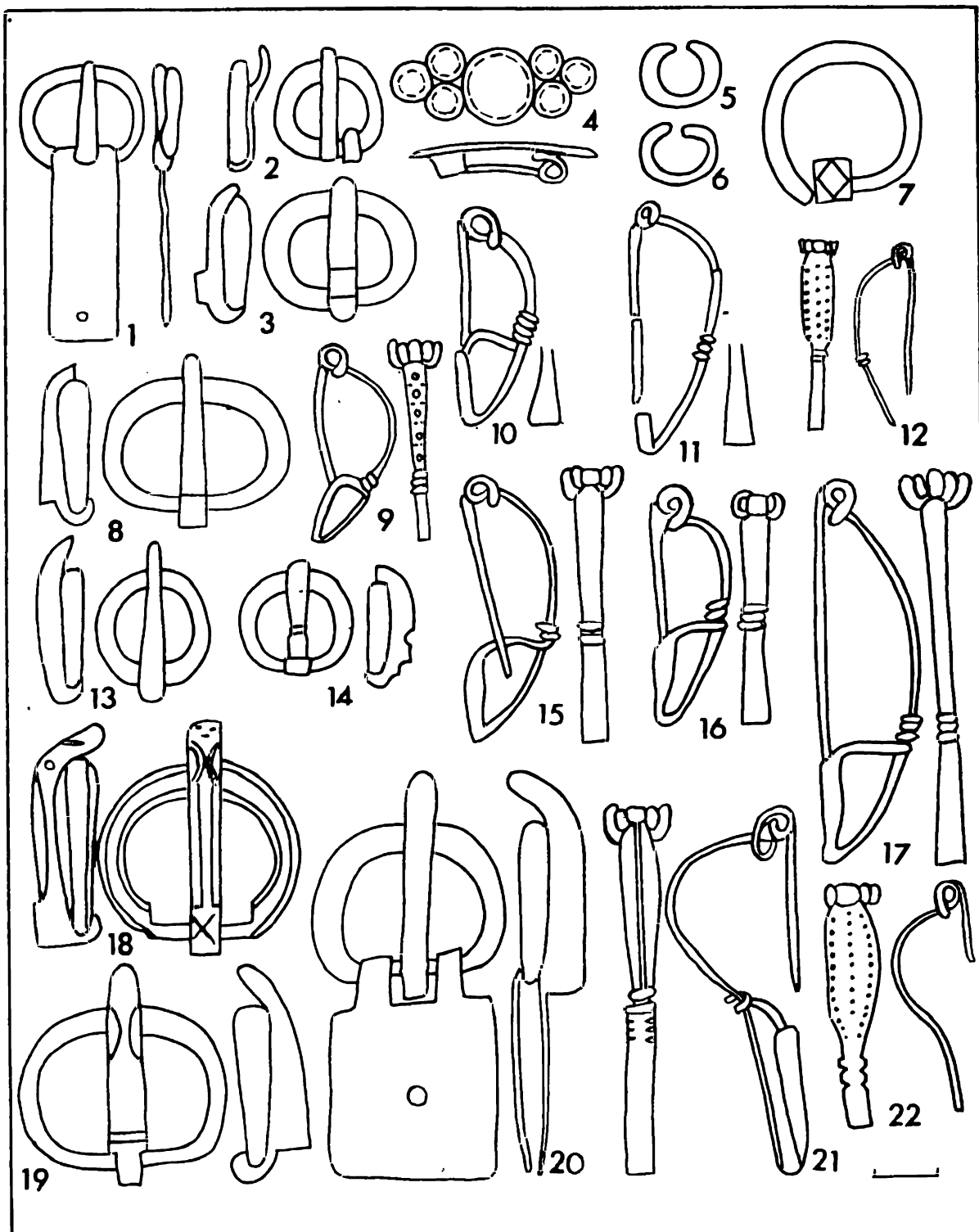

Рис.54. Кумбулта, Хор-Гон, собрание В.И.Долбежева
1-22 - бронза

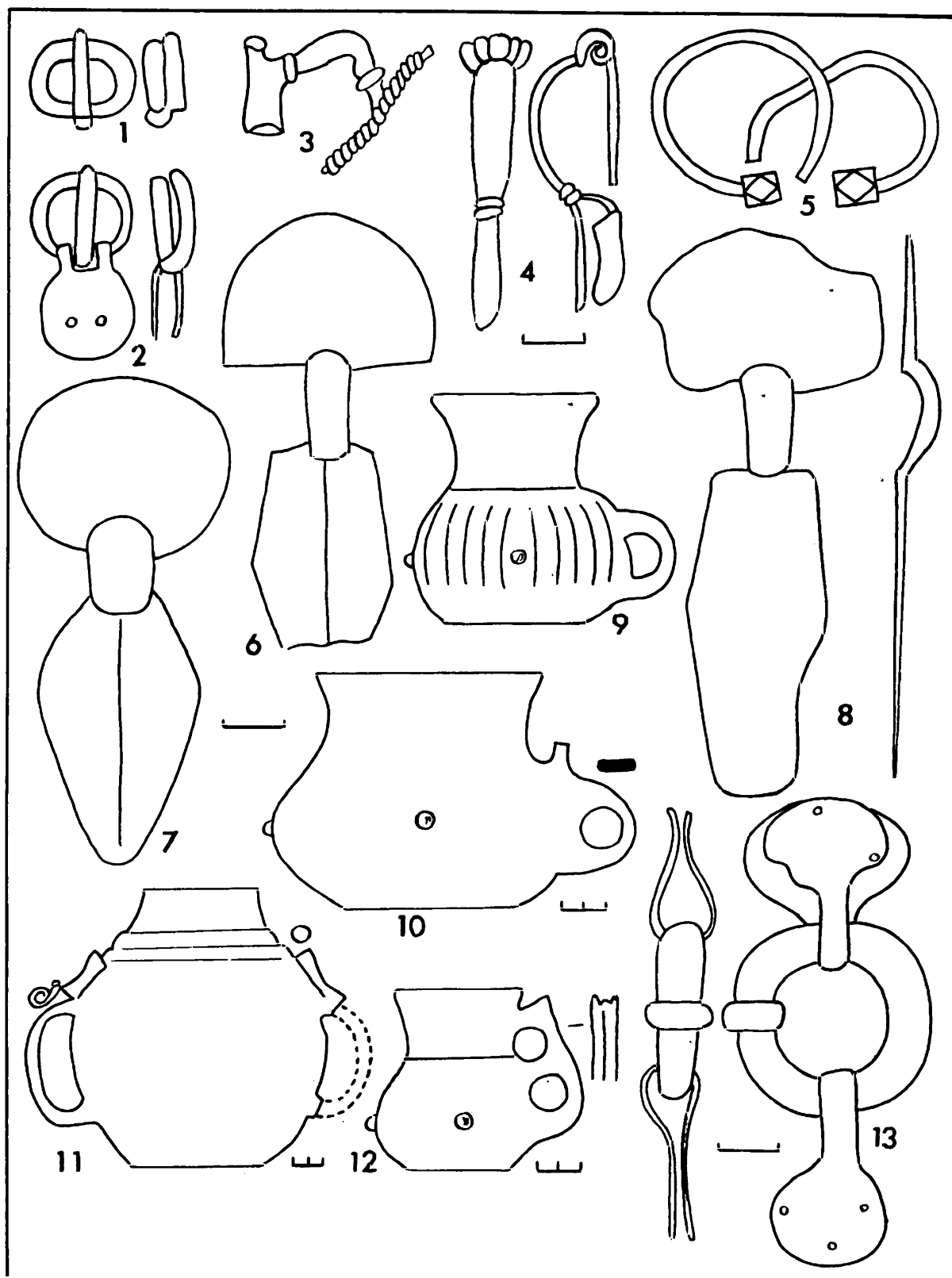
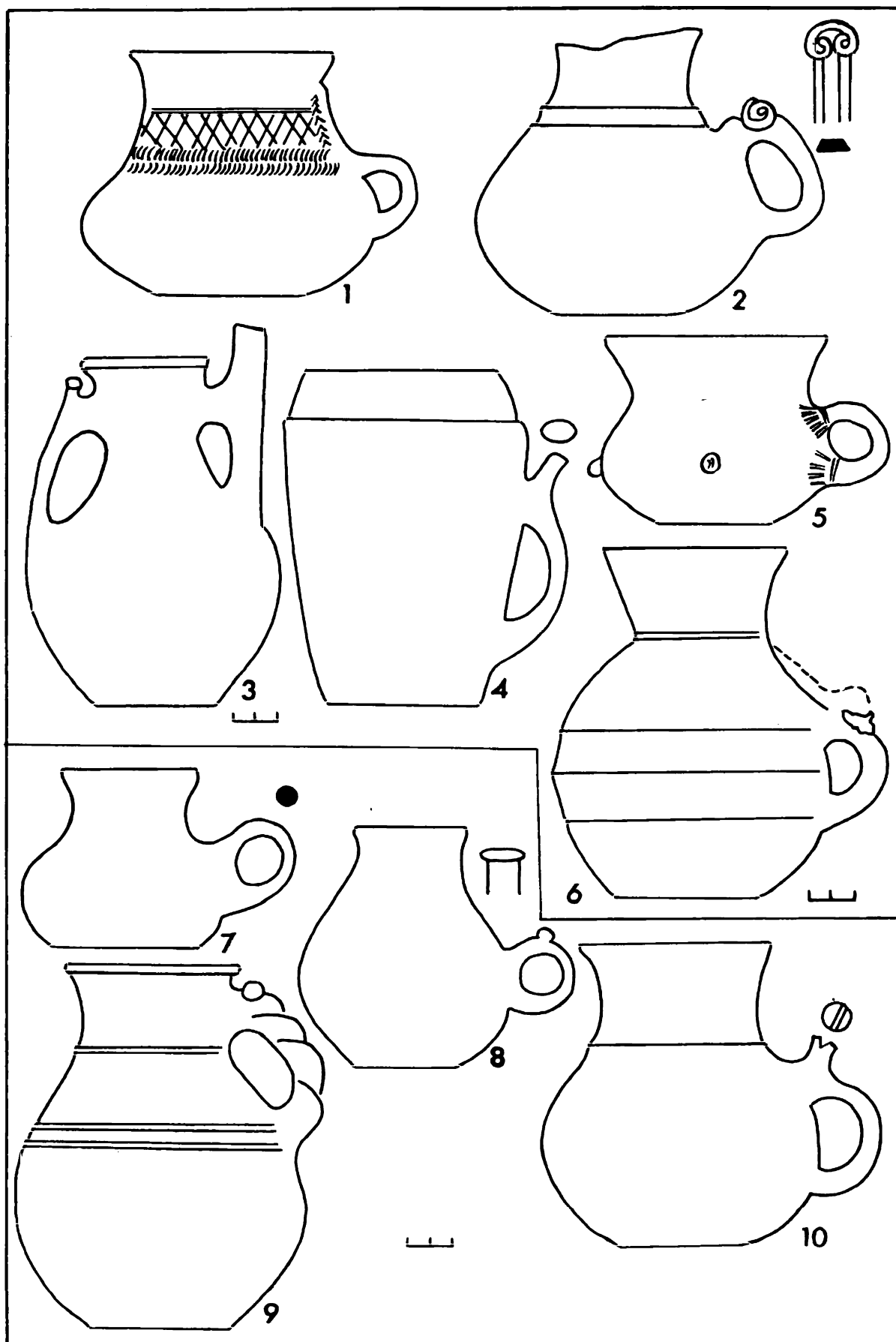

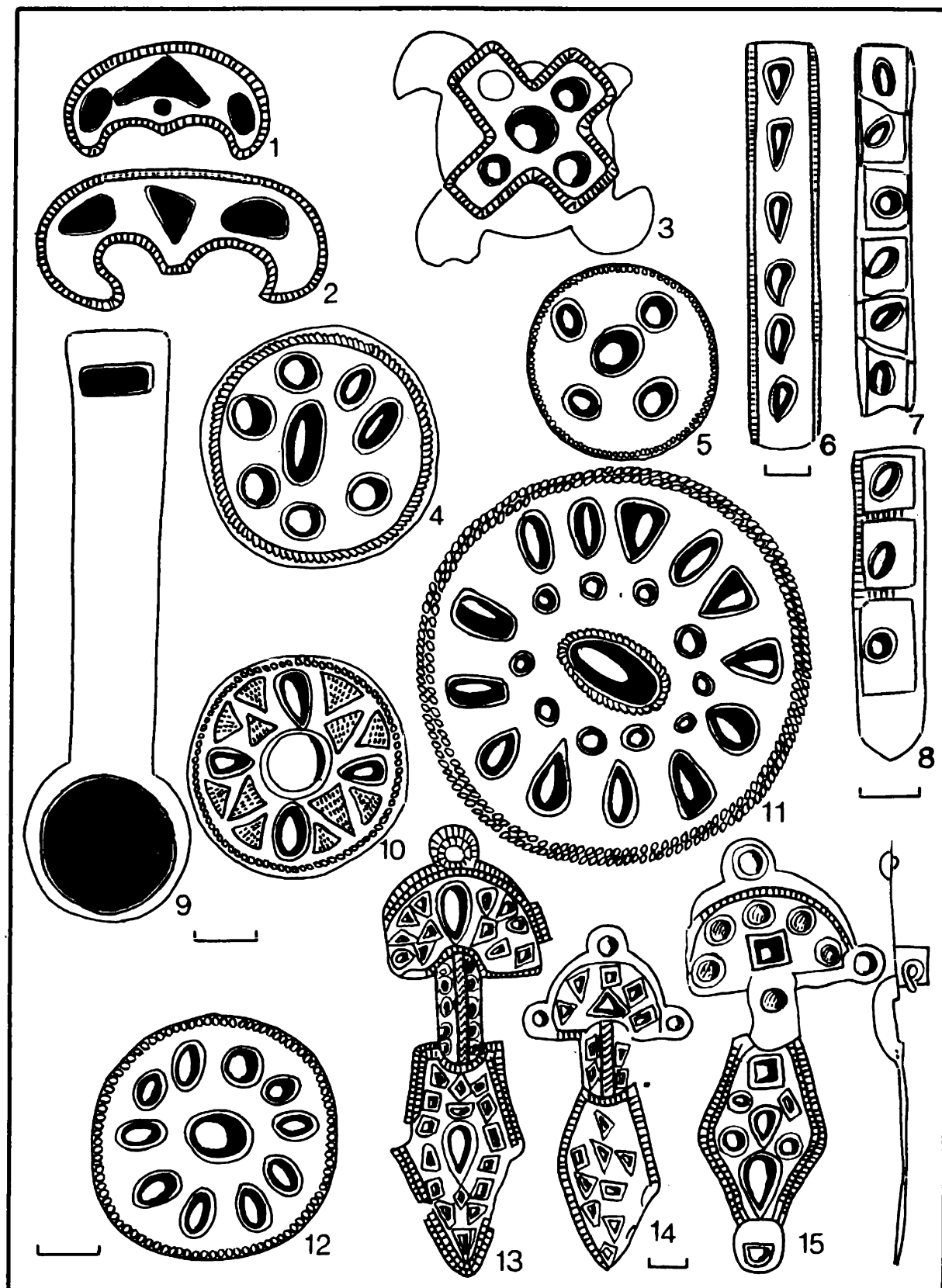
Рис.55. Кумбулга, собрание П.С.Уваровой
1-8, 13 - бронза; 9-12 - глина

Рис.56. Кумбулта

1-6 - собрание П.С.Уваровой; 7-10 - собрание В.И.Долбежева

1-10 - глина

Рис.57. Верхняя Рутха (по П.С.Уваровой, А.К.Амброзу)

1-3 - бронза, золото, гранат; 4, 11, 12 - бронза, золото, сердолик; 5 - золото, гранат; 6-8 - бронза, золото, гранат, сердолик; 9 - бронза, золото, сердолик, стекло; 10 - бронза, золото, янтарь, гранат; 13-15 - бронза, золото, гранат, стекло, смальта

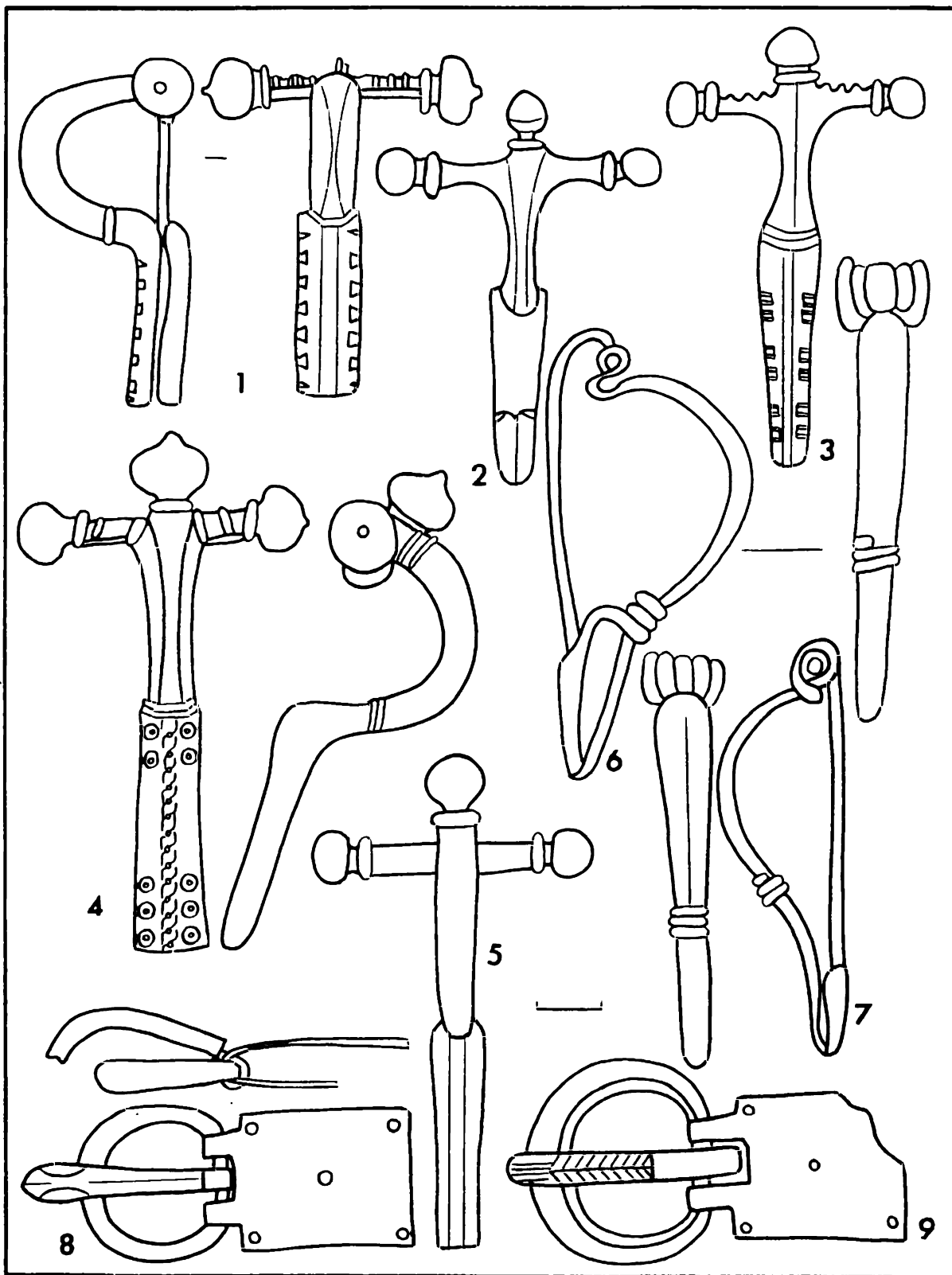
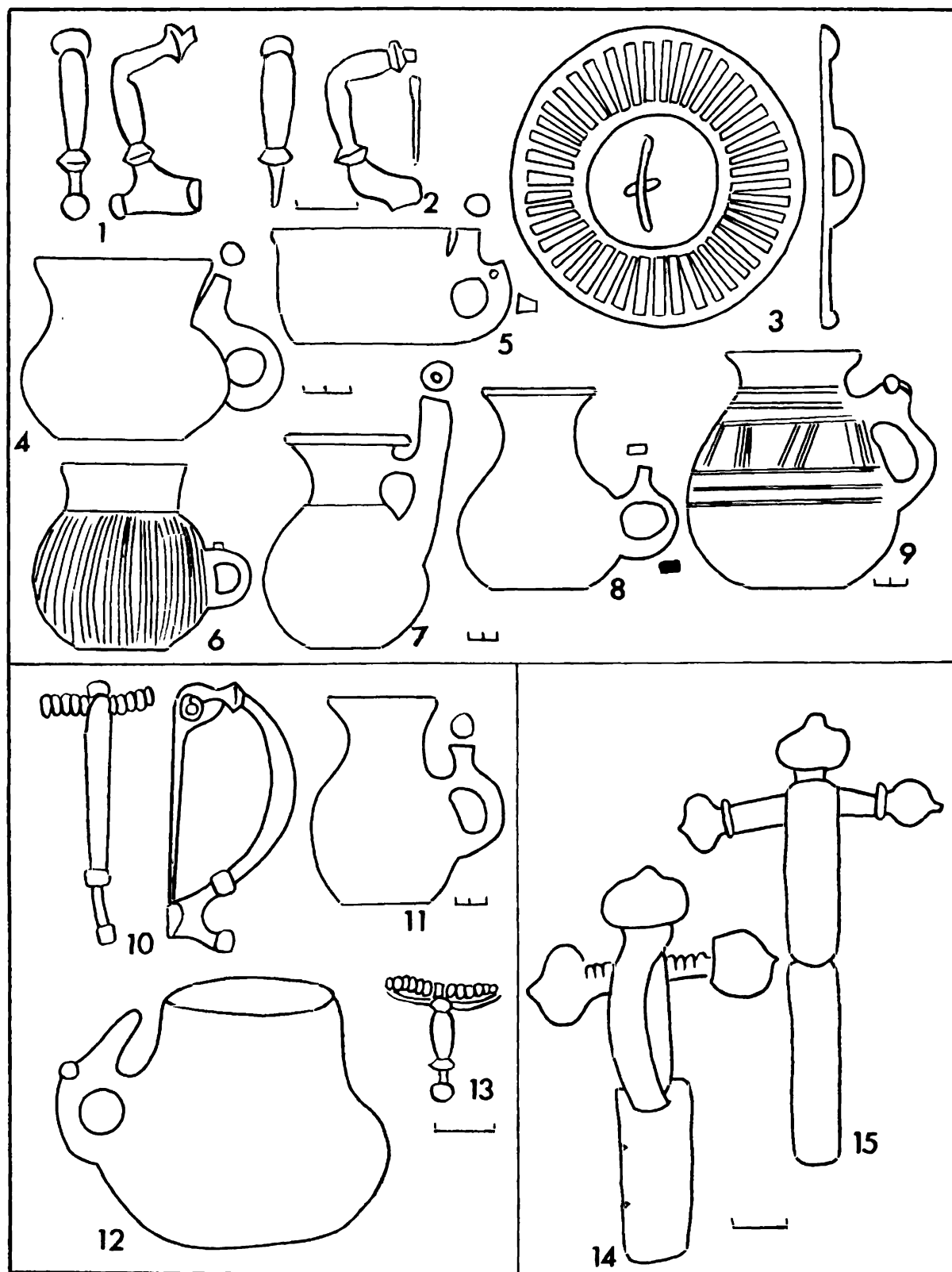

Рис.58. Нижняя Рутха
1-9 - бронза

Рис.59. Галиат, Далагкау, Саниба

1-9 - Галиат; 10-13 - Далагкау; 14, 15 - Саниба (по П.С.Уваровой)

1-3, 10, 13-15 - бронза; 4-9, 11, 12 - глина

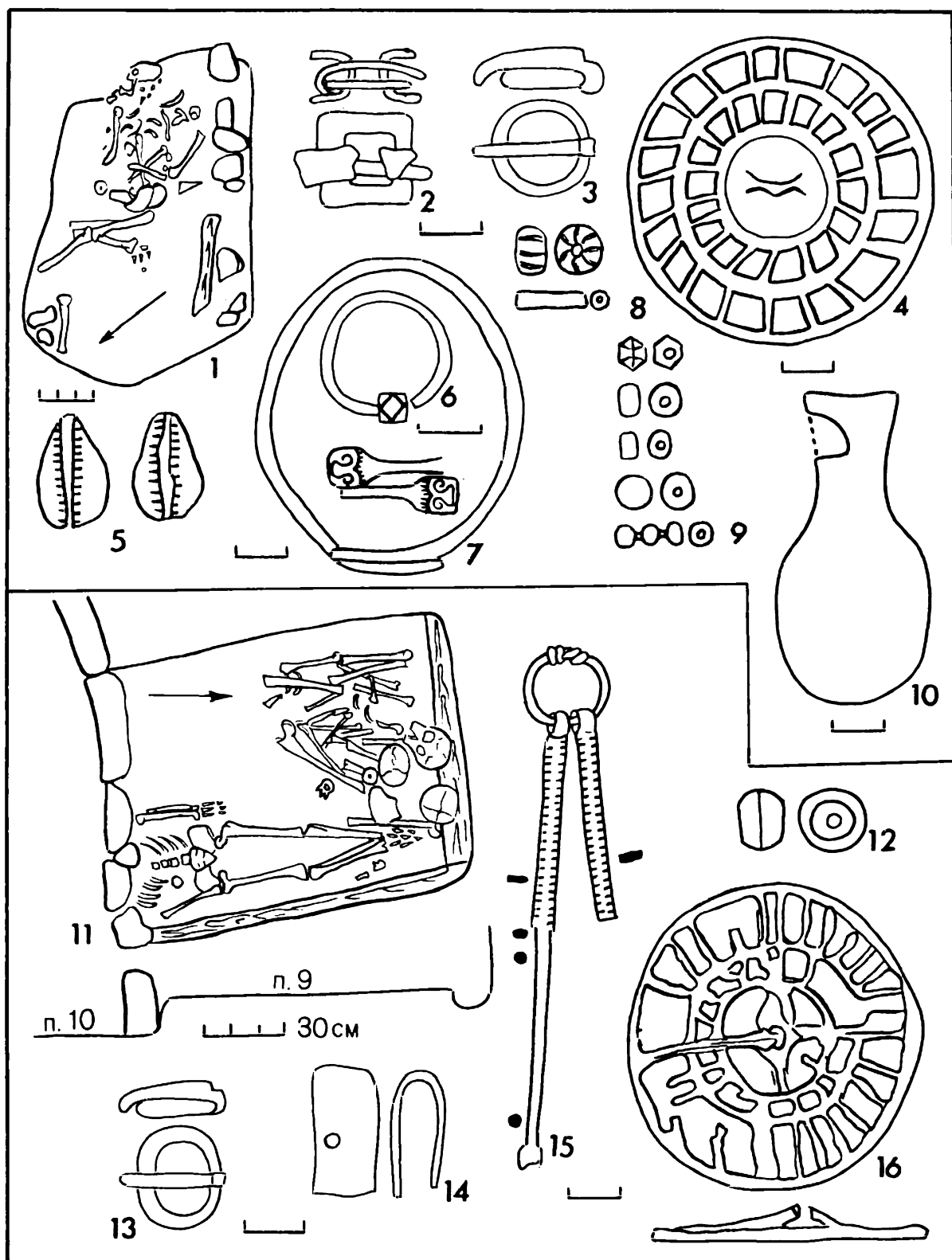

Рис.60. Чми-1, погребения 1, 9

1-10 - погребение 1; 11-16 - погребение 9

2, 4, 6, 7, 14-16 - бронза; 3, 13 - серебро; 5 - раковина; 8-10 - стекло; 12 - сердолик

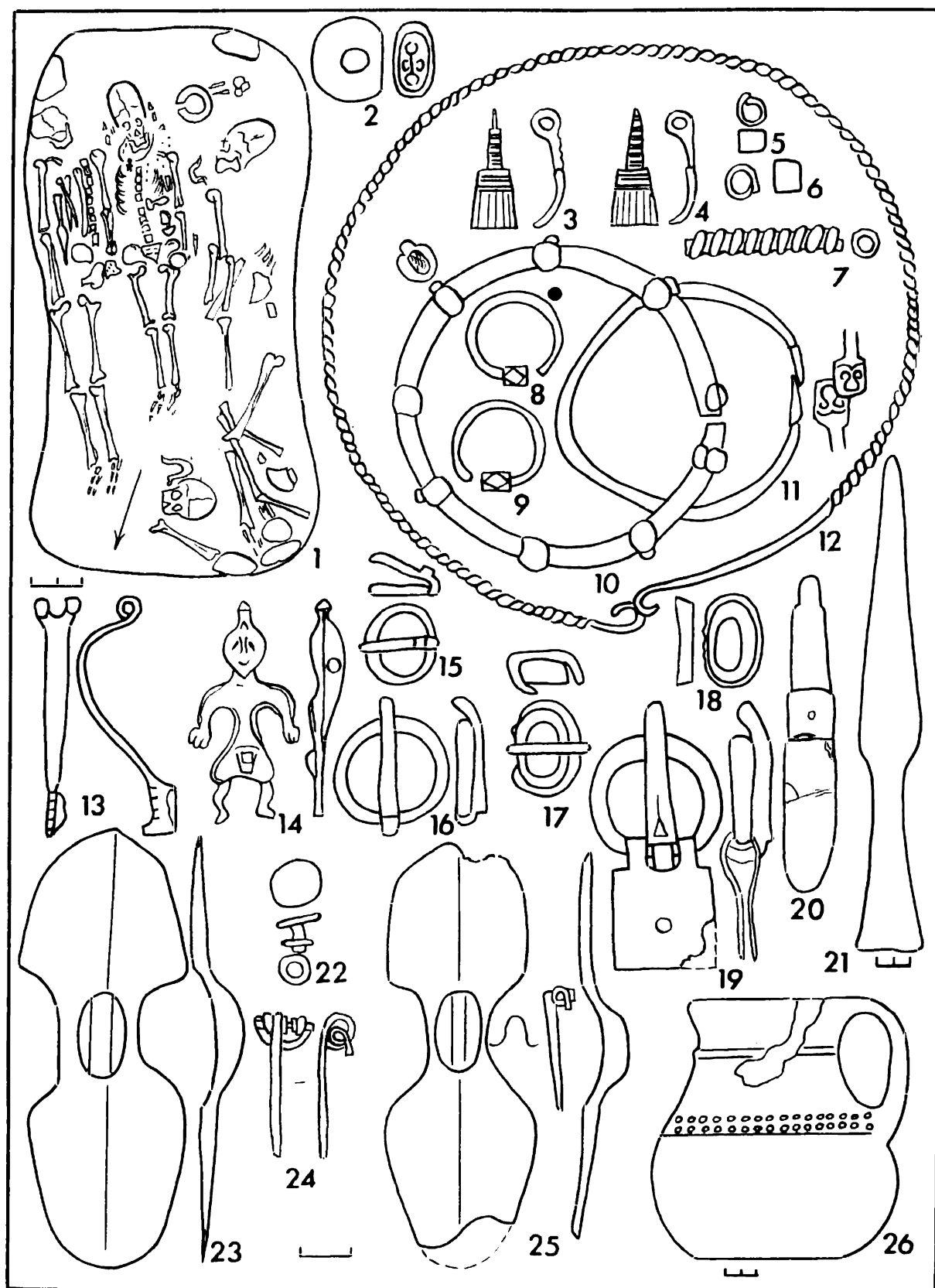

Рис.61. Чми-1, погребение 4

2 - янтарь; 3-7, 10-16, 22 - бронза; 8, 9 - золото; 17-19 - серебро; 20 - кожа, бронза; 21 - железо; 23-25 - серебро, бронза; 26 - глина

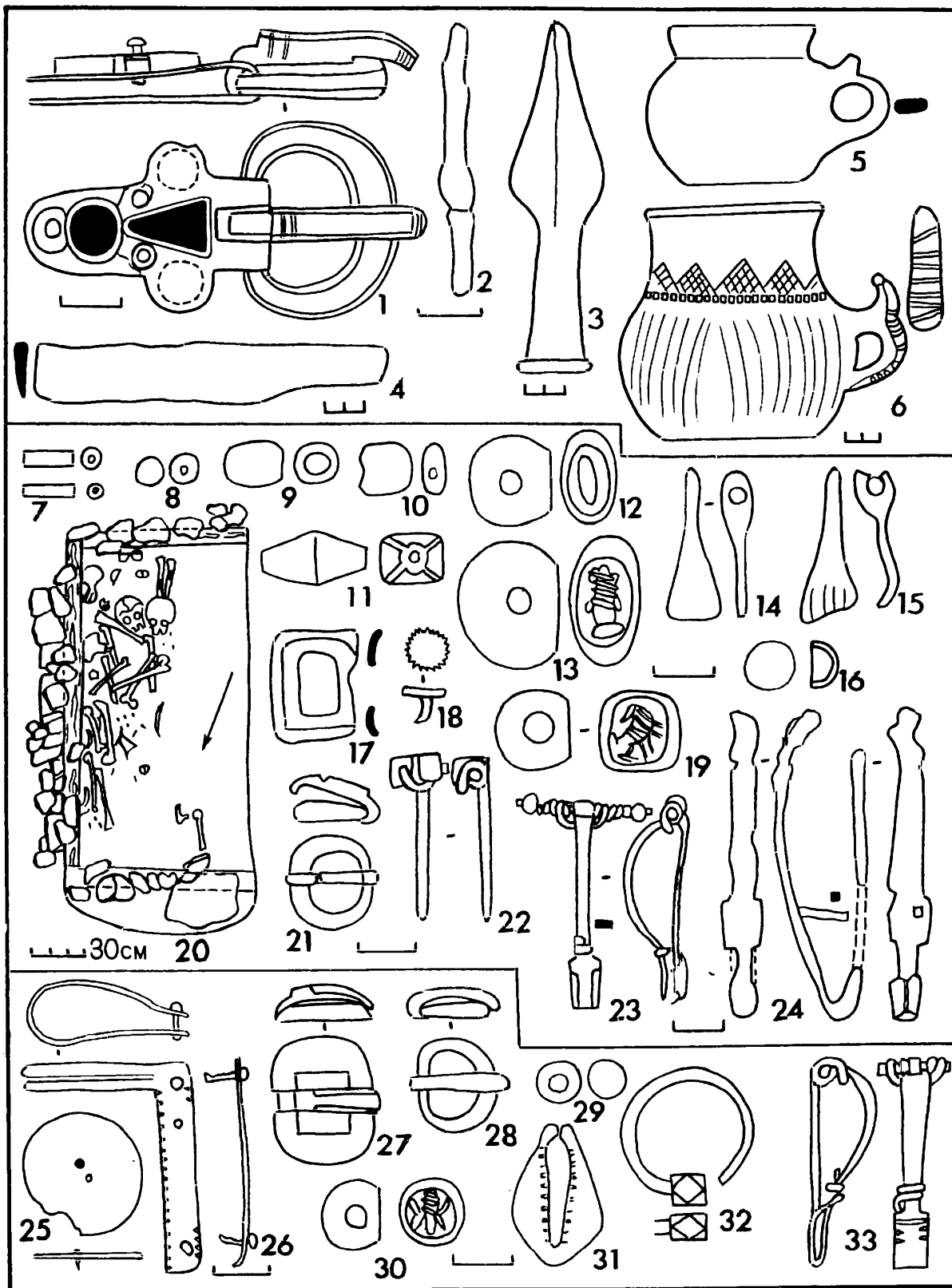

Рис.62. Чми-1, погребения 5, 6, 8

1-6 - погребение 5; 7-24 - погребение 6; 25-33 - погребение 8

1 - бронза, стекло; 2-4, 24 - железо; 5, 6 - глина; 7-10 - стекло; 11, 13, 29, 30 - сердолик; 14-16, 18, 22, 23, 25, 26, 28, 33 - бронза; 17, 21, 27, 32 - серебро; 19 - халцедон; 31 - раковина

В большинстве случаев могилы содержали индивидуальные или парные захоронения (лишь в двух погребениях было по 4-5 скелетов). У погребенных преобладала южная ориентировка. В четырех могилах найдены деформированные черепа, в двух из них - как деформированные, так и недеформированные. Обнаруженный в могилах инвентарь (рис.60-62) позволяет, как представляется, относить их ко времени не позже первой половины VI в. [Абрамова М.П., 1986], однако А.К.Амброз считает, что эти погребения следует датировать VII в. [Амброз А.К., 1989, с.61].

12 (81) . Чми-2. В 1886 г. В.Л.Тимофеев проводил раскопки "в 4-х верстах от Джераховского поста, между Джерахом и Балтою, у аула Чми". Могилы представляли собой склепы, сложенные на глубине 0,5 аршин из камня на извести. Длина склепов 2,5-3 аршин, высота 1,5-2 аршин, ширина 1,5-2 аршин. В каждом склепе было от одного до 8-12 скелетов [Древности, 1888, с.63]. Среди собрания В.Л.Тимофеева 1886 г., хранящегося в ГИМе, имеются материалы кобанской культуры и раннесредневекового времени, а также отдельные находки первых веков нашей эры. Какие из них связаны с этими склепами, установить нельзя.

Таковы памятники горных районов Северной Осетии. В силу того, что данные о погребальном обряде этой группы довольно отрывочны, характеристика его особенностей затруднена. Трудно с определенностью сказать, какие типы погребальных сооружений господствовали здесь в это время. Возможно, что здесь, как и в Кабардино-Балкарии, значительное распространение получили подземные каменные склепы (наличие их мы можем предполагать в пяти из 12 рассмотренных памятников - №№1-3, 9, 12), однако мы не всегда можем с уверенностью относить их к рассматриваемому периоду. Более определенно можно говорить о наличии склепов этого времени в могильниках Дигории (Лизгор, Задалиск). Некоторые могилы имели вид обычных грунтовых ям, стены которых иногда обкладывались камнем и деревом. При этом разные типы погребальных сооружений существовали здесь весь исследуемый период.

Курганные могильники западной группы памятников

Последнюю немногочисленную группу памятников рассматриваемого времени составляют курганные могильники. В отличие от территории восточной локальной группы, где подобного типа могильники, как мы видели, были распространены в III-IV вв. зна-

чительно широко, здесь, на территории западной группы, их было, по-видимому, гораздо меньше. К тому же данные о них у нас совершенно недостаточны для того, чтобы дать хотя бы общую их характеристику или выделить какие-либо их особенности.

В настоящее время нам известны некоторые данные о трех таких могильниках - могильник Кишпек на территории Кабарды и два могильника (у аула Терезе и по дороге Учкекен - Терезе), расположенные к юго-западу от Кисловодска. Все они находятся в северных районах рассматриваемой территории (рис.1).

1 (82) . Кишпек. Селение Кишпек Баксанского района Кабардино-Балкарии находится на правом берегу р.Баксан, в нижнем ее течении. В окрестностях Кишпека имеется несколько курганных групп, относящихся в основном к эпохе бронзы. Раскопки их проводились в 1974 и 1975 гг. под руководством Р.Ж.Бетрозова. В третьей курганной группе несколько обособленно находилось 8 курганов (№№7-14), которые Р.Ж.Бетрозов отнес к эпохе раннего средневековья. Он отметил, что большая часть курганов была полностью распахана, а раньше здесь был большой могильник, состоявший из нескольких десятков насыпей [Бетрозов Р.Ж., 1987, с.11]. Почти все курганы были ограблены, поэтому данные об обряде очень отрывочны. Все курганы содержали по одному погребению. В одном кургане основное погребение находилось на уровне древнего горизонта, однако преобладали могилы в виде грунтовых ям. Наибольший интерес вызывает погребение в кургане 13, сохранившееся достаточно хорошо.

Могильная яма (глубина 2,5 м) была вытянута с севера на юг. Размеры ее 4,8×3,55 м. На дне ямы была подготовлена специальная площадка, на которой размещался погребенный и сопровождавший его инвентарь. Эта площадка (3,6×2,25 м) была обложена тесаными бревнами. Из бревен было, очевидно, и перекрытие, частично сохранившееся. Внутри сруба была перегородка, делившая его на две части: в северной, меньшей по размерам, размещался погребенный с предположительно западной ориентировкой; в южной, дно которой было углублено на 0,3 м и обмазано глиной, размещался инвентарь - оружие (меч, копье), железный шлем из пластин, покрытых серебряными листами, украшенный сердоликовыми вставками в золотых напаянных гнездах, а также предметы конской сбруи, в том числе бронзовые бляшки, обтянутые золотым листом со вставками из синего стекла и

сердолика в напаянных гнездах. Кроме того, здесь же были найдены пряжки, бронзовые фибулы и зеркало, бронзовый котел, железный светильник, глиняные сосуды (рис.63) и другие предметы.

Р.Ж.Бетровов датировал это погребение концом IV - первой половиной V в. [Бетровов Р.Ж., 1980, с.121; 1987, с.25]. Эта дата вызвала возражение со стороны А.К.Амброза, который отнес его ко второй половине III в. [Амброз А.К., 1985, с. 302], и В.А.Кузнецова, который датировал это погребение первой половиной IV в. [Кузнецов В.А., 1987, с.4, 5]. К IV в. относит этот комплекс и М.М.Казанский, основываясь на наличии в нем характерных для этого времени римских пряжек [Казанский М.М., 1994].

Авторы отмечали близость части этих находок к провинциальным римским украшениям (или их имитациям), отражавшим вкусы позднеимперского общества [Амброз А.К., 1989, с.26], что говорит о преобладании не степных, а причерноморских связей [Кузнецов В.А., 1987, с.5]. А.К.Амброз отмечал нехарактерность некоторых особенностей орнаментальных мотивов изделий из Кишпека для искусства Восточной Европы, рассматривая их как приемы римских мастеров. Однако позже изделия, в том числе и украшения сбруи, выполненные в той же технике, что и кишпекские, были найдены в двух погребениях (на Нижнем Дону и у Азова), связываемых с аланами, что позволило некоторым исследователям говорить о, возможно, местном (боспорском) производстве подобных изделий [Белинский И.В., Бойко А.Л., 1991, с.95, 96].

Все остальные курганы Кишпекского могильника были полностью ограблены, из них лишь в одном (№14) был найден инвентарь (серебряная пряжка и фрагменты сосудов), позволяющий считать этот курган синхронным кургану 13. Под насыпью кургана была обнаружена обширная грунтовая яма, имевшая ту же ориентировку, что и могила кургана 13 [Бетровов Р.Ж., 1987, с.19]. В кургане 9 была открыта разрушенная могильная яма, которая, по предположению, могла быть катакомбой [Керефов Б.М., 1987, с.26], однако форма ее не прослежена, поэтому вопрос о наличии здесь катакомбы остается открытым.

2 (83) . Терезе . Аул Терезе находится в 22 км к западу от Кисловодска. На окраине аула, на левом берегу р.Подкумок находится курганный могильник. В 1961 г. при выборке гравия был разрушен курган, содержавший древний инвентарь. После этого местные жители раскопали несколько курганов. В 1961 и 1962 гг. на могильник выезжала

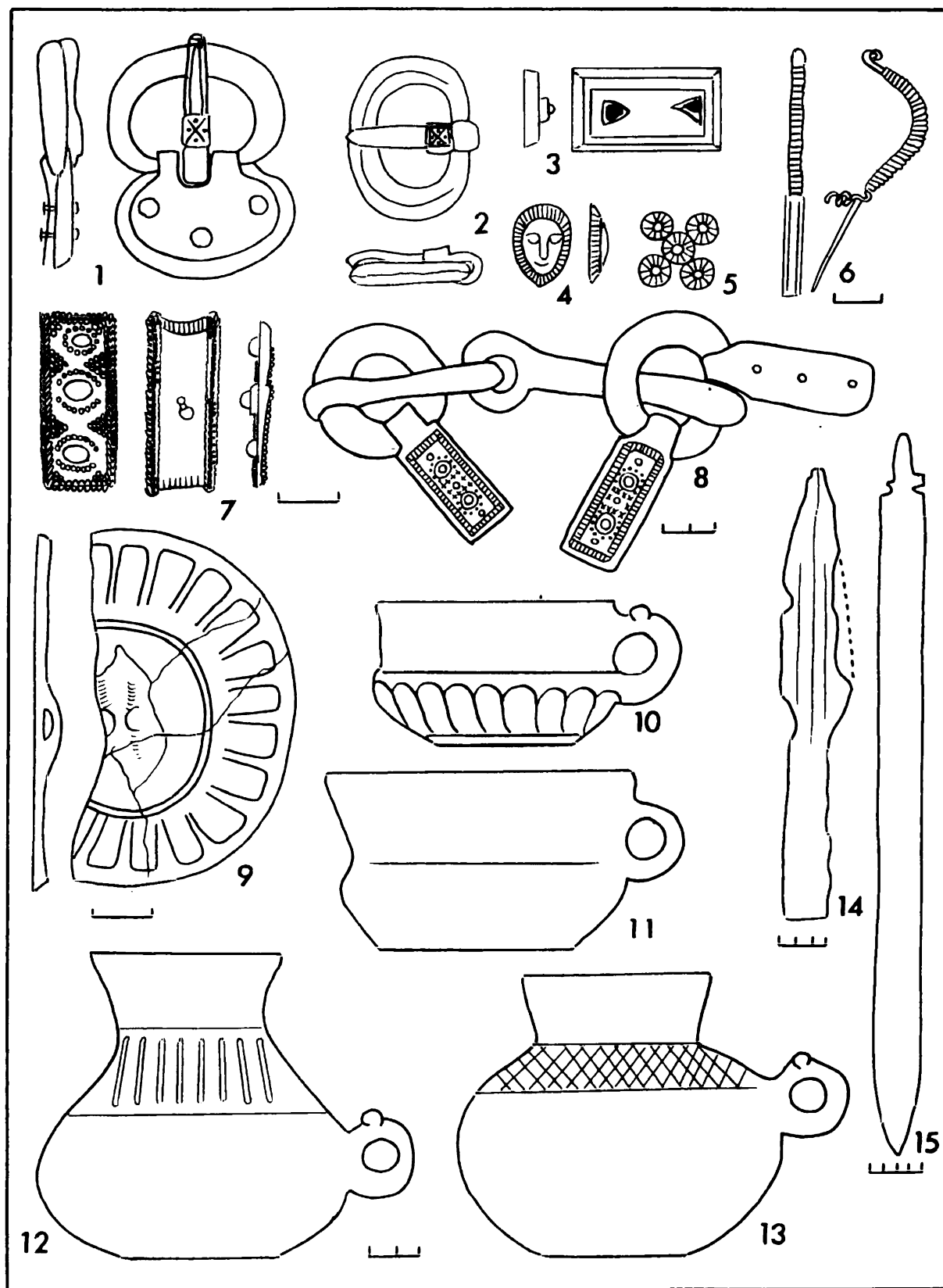
Е.П.Алексеева, которая осмотрела разрушенные курганы и собрала найденный в них инвентарь - железные мечи без навершия и перекрестия, бронзовые котлы, горло амфоры, фрагменты стеклянных и глиняных сосудов, железные и серебряные удила (рис.64, 1-7).

При публикации этих материалов Е.П.Алексеева отмечала наличие в курганах могил двух типов - катакомб и грунтовых ям со стенками, обложенными камнями [Алексеева Е.П., 1966, с.139]. Однако в отчете Е.П.Алексеевой говорится: "по разрушенным бульдозером остаткам курганов трудно было установить, как выглядели погребения. Скорее всего, подбоев здесь не было. Покойники погребались в прямоугольных ямах, различно ориентированных. Стенки были обложены камнями" [Алексеева Е.П. Отчет за 1961 г., с.11]. Поэтому наличие здесь катакомб (и их дата) - вопрос проблематичный. Разрушенные катакомбы могли быть синхронны катакомбам Учкена I-II вв. Что касается ям, обложенных камнями, то некоторые из них могли относиться и к IV-III вв. до н.э. - курганы этого времени со склепами из камня известны, по данным А.Б.Белинского, в близких районах Ставрополя.

Е.П.Алексеева датирует все эти курганы I-IV вв. [Алексеева Е.П., 1976, с.60]. Представляется, что основная масса публикуемых ею материалов относится к периоду III-V вв., поскольку среди них есть амфора III в., стеклянный сосуд IV-V вв. и серебряные удила (рис.64, 1, 3, 7), которые А.К.Амброз датирует V в. [Амброз А.К., 1989, с.42].

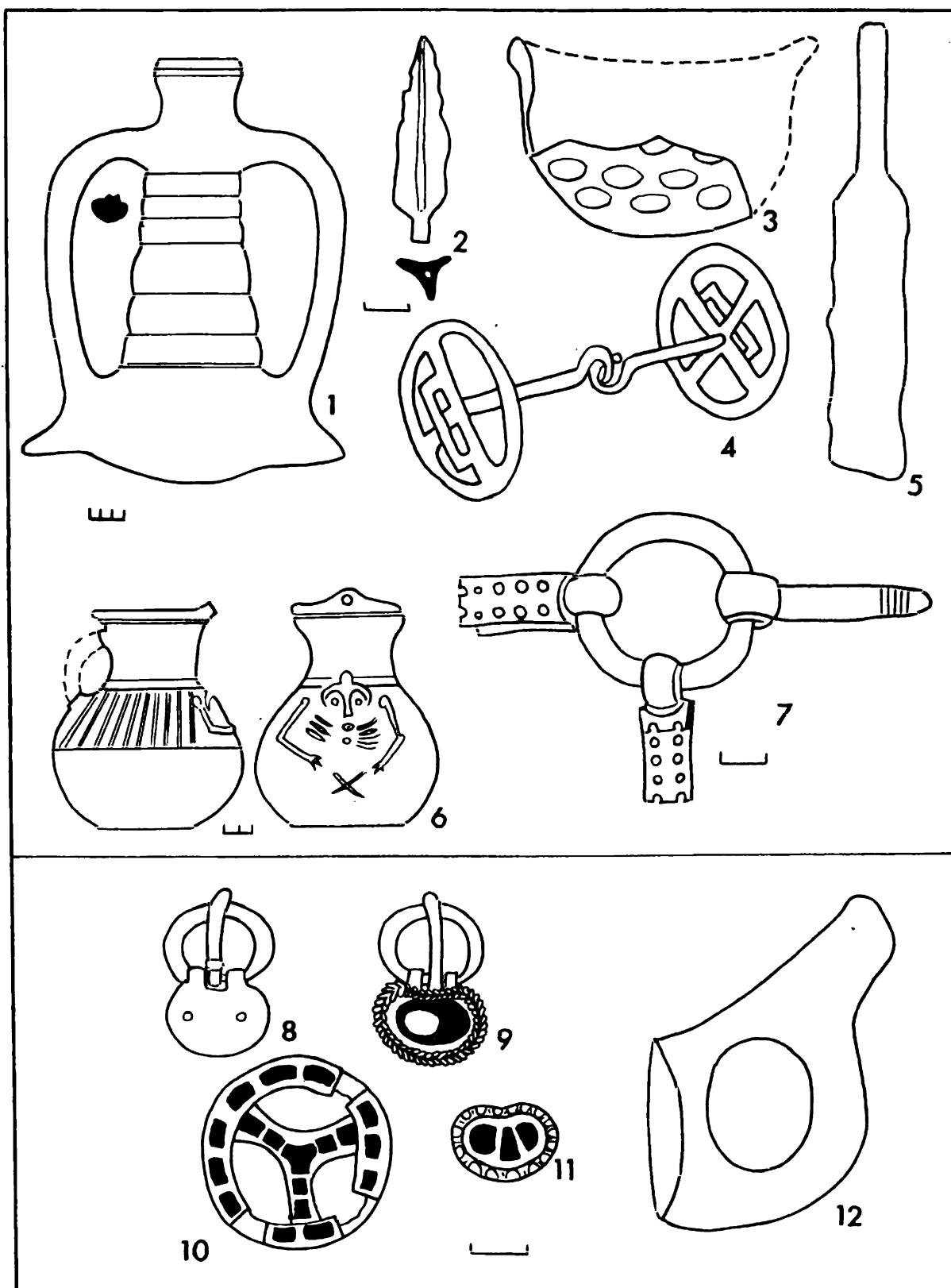
3 (84) . Учкен - Терезе . В 1960 г. был разрушен курган, находящийся между аулами Учкен и Терезе. Найденные в кургане при погребенном вещи были переданы в Карачаево-Черкесский областной музей. Позже они были опубликованы Е.П.Алексеевой. Среди этих материалов было четыре золотых предмета - пряжка с овальным щитком, украшенным зернью и вставкой из альмандина, и три бляшки со вставками из красного стекла (рис.64, 9-11). Кроме того, найдены серебряная пряжка с овальным щитком (рис.64, 8), фрагменты железных предметов (крючок, кусок кольчуги) и стеклянного и глиняных сосудов. Е.П.Алексеева датирует этот комплекс IV в. [Алексеева Е.П., 1966, с.164-167; 1992, с. 154, 155]. Данных о погребальном обряде нет.

Малочисленность наших сведений о курганных погребениях западной группы не позволяет сделать какие-либо обобщения или провести сопоставления их с памятниками, в том числе и курганами, восточной группы.

Рис.63. Кишпек (по Р.Ж.Бетрову)

1, 3-5 - золото; 2 - серебро; 6 - бронза, золото; 7 - золото, сердолик; 8 - железо, бронза, золото, синее стекло; 9 - бронза; 10-13 - глина; 14, 15 - железо

Рис.64. Терезе, Учккен - Терезе

1-7 - Терезе; 8-12 - Учккен - Терезе

1, 6, 12 - глина; 2, 4, 5 - железо; 3 - стекло; 7 - позолоченное серебро; 8 - серебро; 9 - золото, алмадин; 10, 11 - золото, стекло

Тем не менее можно говорить о том, что катакомбный обряд не получил здесь в рассматриваемый период широкого распространения в курганных могильниках, как на территории восточной группы. Накопление новых археологических материалов позволит в дальнейшем дать более развернутую характеристику особенностей погребального обряда этих памятников.

Рассмотрение погребальных памятников III-V вв. центральных районов Северного Кавказа по узким локальным группам подтверждает правомерность первоначального деления их на две локальные группы - восточную и западную. Восточная группа охватывает район Затеречья (преимущественно территорию терско-сунженского междуречья). Западная группа состоит из двух достаточно обособленных районов - северного и южного. Памятники северного района (Кисловодск и его окрестности) близки по погребальному обряду (господству катакомбных могил) к району Затеречья, но имеют свои локальные особенности. К южному району относятся памятники от бассейна Верхней Кубани на западе до течения Верхнего Терека на востоке. По материалам III-V вв. мож-

но говорить о том, что в это время памятники Кабардино-Балкарии и Северной Осетии по особенностям погребального обряда стояли ближе друг к другу, тогда как памятники Верхней Кубани составляли более обособленную группу.

Особого внимания заслуживает вопрос об уточнении границы между двумя локальными группами - восточной и западной, однако он может быть решен только после более подробного рассмотрения особенностей погребального обряда и материальной культуры. Пока можно говорить о том, что выделяются два района с господством катакомбного обряда погребения (Затеречье и район Кисловодска), который принято связывать с ираноязычным населением. Во всех остальных районах (Верхняя Кубань, Кабардино-Балкария, горные районы Северной Осетии) господствовали погребальные сооружения (каменные гробницы, склепы, грунтовые ямы), связываемые с погребальными традициями местных северокавказских племен.

Характеристика хронологических особенностей погребального обряда, соответствовавших каждому из двух выделенных периодов, будет представлена в следующей главе.

Глава 2. Некоторые особенности погребального обряда

Характеристика погребального обряда будет дана отдельно для каждого выделенного периода.

Погребальный обряд III-IV вв.

В пределах каждого периода особенности обряда будут рассматриваться по локальным группам и районам.

Восточная локальная группа. Памятники раннего периода сосредоточены в основном на территории терско-сунженского междуречья (рис.65). Здесь наблюдается господство катакомбного обряда погребения, характерного как для грунтовых, так и курганных могильников. Большая часть этих памятников объединяется как бы в три компактные группы. Первую из них составляют памятники, расположенные на правом берегу Среднего Терека. Это обширные курганные могильники (Братское, Октябрьский, Виноградная), грунтовых катакомб здесь пока не найдено. Вторую группу составляют катакомбные могильники, расположенные на Нижней Сунже в окрестностях Грозного. Здесь также в древности были обширные курганные могильники (Грозный, Алды, Алхан-Юрт, Алхан-Кала), которые в настоящее время почти не сохранились. Наряду с ними здесь известны и грунтовые катакомбные могильники (Сюр-Корт, Черноречье, Петропавловская), которые содержали катакомбы, близкие по устройству к курганным, однако данные о них очень немногочисленны. И третью группу составляют памятники Правобережного района Северной Осетии (Беслан, Зилги) и прилегающих к нему территорий (правобережные районы Владикавказа). Возможно, что для всех этих памятников было характерно сочетание грунтовых и курганных катакомбных могильников, однако достаточно определенно этот вопрос еще не решен.

Катакомбы грунтовых могильников, как правило, близки по своему устройству к курганным катакомбам, при этом катакомбы разных районов Затеречья имеют между собой много общего. Поскольку мы располагаем большими данными об устройстве подкурганных катакомб, рассмотрим их особенности в разных районах.

Все курганы имели однотипное устройство и содержали по одному катакомбному погребению. Все открытые катакомбы относились к типу 1 - камера располагалась перпендикулярно к длинной оси входной ямы (рис.3, 1; 4, 1, 13; 5, 1, 5, 13). Локальные

особенности проявляются в основном в ориентировке катакомб.

У катакомб правобережья Среднего Терека входные ямы имели широтную ориентировку (запад - восток, СЗЗ-ЮВВ, СВВ-ЮЗЗ, реже СЗ-ЮВ), тогда как камеры были вытянуты с севера на юг. Входные ямы имели подтрапиевидную форму, расширяясь к западу, где имелся вход в камеру. Размеры входных ям были различными: средняя длина 2,5-3,5 м, ширина у входа в камеру 0,8-1 м, до 1,5 м. Формы их также разнообразны: есть очень длинные и узкие ямы (4,85×1-1,35 м), есть короткие и широкие (3,5×1,5-1,9 м). Глубина 3,5-4,5 м от уровня древнего горизонта (иногда более 5 м). Для спуска во входных ямах устраивались ступени либо в восточной поперечной стене входной ямы, либо, чаще, вдоль южной продольной ее стены (рис.4, 13; 5, 1, 5, 13). Пол входных ям имел уклон к западу, где находился вход в камеру. Во всех катакомбах имелось четко выраженное входное отверстие, достигавшее высоты 0,4-0,6 м при длине от 0,3-0,4 м до 0,6-0,7 м. Вход в камеру закрывался каменными плитами либо деревянными плахами. В одном случае в качестве заклада был использован обломанный жернов [Габуев Т.А., 1985, с.198]. При переходе в камеру имелась ступень высотой от 0,1-0,2 м до 0,4-0,5 м (в одном случае 0,75 м).

Камеры имели форму неправильного прямоугольника и были расположены перпендикулярно или почти перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Размеры камер различные, что обычно связано с размерами кургана - длина камер от 2 до 3 м, средняя ширина 1,7-2 м. Камеры обычно были значительной высоты (1,75-2 м), хотя встречаются и более низкие (1,2-1,5 м). Своды у многих камер имели стрельчатую форму, иногда у камер были наклонные стенки и узкий горизонтальный потолок. В камерах двух катакомб у Братского обнаружены ниши-столики, на которых стояли глиняные сосуды [Мунчаев Р.М., 1965, с.180, 182].

Все исследованные катакомбы характеризуются тщательностью отделки: сделанные в плотной материковой глине, они отличаются аккуратностью в оформлении различных деталей. Однако если сравнить отдельные катакомбы друг с другом, то можно выявить могилы, сделанные с большей или меньшей тщательностью, что находится в тесной связи с размерами курганов и, следовательно, со статусом погребенного в нем человека.

Все открытые катакомбы были ограблены. Судя по сохранившимся костям, катакомбы содержали индивидуальные, значительно реже парные захоронения, имевшие меридиональную ориентировку. Лишь в одном случае прослежена южная ориентировка погребенного, во всех остальных катакомбах она не установлена.

Среди других особенностей погребального обряда необходимо отметить наличие на дне многих камер тлена от растительной, преимущественно камышовой, подстилки, а также угля, иногда вместе с золой. В трех катакомбах, открытых у Виноградской, пол камер был покрыт слоем золы и угля толщиной от 2 до 20 см [Габуев Т.А., 1985, с.199]. В камере одной катакомбы у Октябрьского было найдено два куса мела. В разграбленном погребении кургана 1 этого могильника найдены разрозненные кости коня. Остатков напутственной пищи в катакомбах не было.

Подкурганные катакомбы Нижней Сунжи по своему устройству были близки катакомбам Среднего Терека. А.А.Бобринский дал такое описание катакомб курганов у Грозного и Алды: входные ямы имели прямоугольную форму и были вытянуты с северо-востока на юго-запад. Длина их 1,2-2,8 м, ширина 1,5 м, глубина 1,4-4,5 м. В двух катакомбах "по бокам" имелись особые земляные ступени для спуска. Вход в камеру почти всегда располагался в северо-восточной стене входной ямы (лишь в одном случае входная яма была ориентирована с севера на юг, вход располагался в южной стене). Входное отверстие имело полукруглую форму, длина его достигала 0,5-1 м. Камеры были ориентированы с северо-запада на юго-восток. Они достигали в длину 2-2,5 м, в ширину 1-2 м при высоте 1,5-2 м. Верхняя часть камер была "сводообразна", в двух катакомбах свод имел форму готической арки. Входное отверстие в камеру закрывалось каменными плитами. В камерах были индивидуальные или парные захоронения. Погребенные лежали на спине, руки и ноги их были вытянуты. В большинстве случаев они имели северо-западную или западную ориентировку, по одному случаю - юго-восточную и северо-восточную. Кости скелетов были разбросаны, так же как и сохранившиеся вещи [ОАК за 1888 г., с.CCLXXII, CCLXXIII].

В отчетах А.А.Бобринского имеются некоторые данные и о других особенностях погребального обряда. В ряде случаев отмечается наличие глиняных сосудов или их фрагментов в насыпи курганов (курганы LVII-LX), однако поскольку курганы были ограблены, установить, связаны эти сосуды с тризной или с инвентарем могил, трудно.

Для двух курганов (LVIII, LXVII) отмечено наличие костей животных, в том числе зубов лошади, так что захоронения коней могли быть характерны для некоторых катакомб этой группы курганов. В кургане LXVIII дно камеры было выложено мелким щебнем, в кургане LXX скелет лежал на толстом слое угля. В двух курганах (LVII и LXI) стены камеры (в кургане LVII и ее свод) были обмазаны глиной [Бобринский А.А. Отчет за 1888 г., с.186-200].

Такие же особенности погребального обряда отмечает А.А.Бобринский и для четырех курганов, раскопанных им у сел.Алхан-Юрт. Расположенные здесь курганы отличались своими большими размерами, имея в высоту до 8 м и более, самые большие из них были окружены квадратным валом и рвом [ОАК за 1888 г., с.CCLV].

Катакомбы алханюртовских курганов также имели большие размеры. Входные ямы достигали в длину 3-4 м при ширине 1-1,15 м и глубине 3,5-5 м. Ориентировка входных ям у катакомб Алхан-Юрта и Алхан-Калы меридиональная - с севера на юг, камеры примыкали ко входным ямам с севера (рис.8, 1, 9), входные отверстия закладывались каменными плитами. Так же, как в курганах у Грозного и Алды, дно камер лежало значительно ниже дна входных ям (А.А.Бобринский отмечал, что входные отверстия находились в верхней части камер). Камеры, ориентированные с востока на запад, имели в длину от двух до более трех метров, среднюю ширину 1-1,2 м, высоту 2,25-2,35 м. По данным А.А.Бобринского, камеры катакомб имели тщательную отделку, что было характерно и для катакомб Среднего Терека. В одном из курганов найдены фрагменты костей животных, в том числе лошади или коровы. Дно камеры в этом кургане было посыпано тонким слоем угля.

Камеры содержали по одному или два скелета, положение которых не восстанавливается, так как все курганы были ограблены.

Таковы особенности погребального обряда подкурганных катакомб Нижней Сунжи. По своему устройству они близки катакомбам Среднего Терека, отличаясь от них ориентировкой могил. Причем по этому признаку здесь выделяются две различные группы: у катакомб Грозного и Алды преобладающим направлением входных ям было северо-восток - юго-запад, тогда как камеры были ориентированы с северо-запада на юго-восток. У катакомб Алхан-Юрта и Алхан-Калы входные ямы имели меридиональную ориентировку, тогда как камеры - широтную. Из-за ограбления катакомб данные

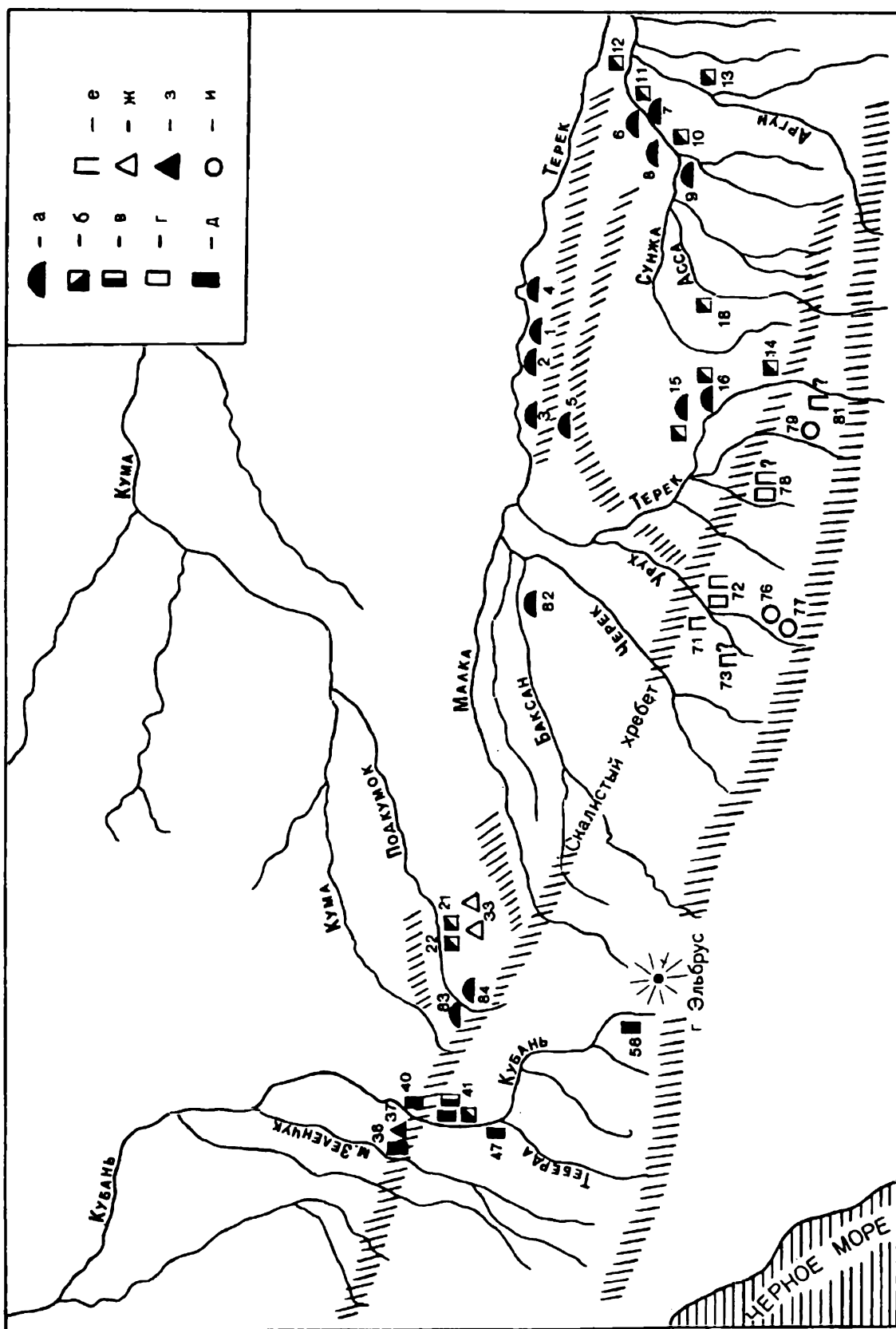

Рис.65. Памятники III-IV вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа

а - курганы; б - катакомбы грунтовых могильников; в - подбои; г - каменные ящики; д - каменные гробницы; е - каменные подземные склепы; ж - грунтовые ямы; з - грунтовые ямы с использованием камня; и - обряд неизвестен

по ориентировке погребенных очень отрывочны.

Для характеристики катакомб третьей группы (Беслан, Зилги, Владикавказ) мы не имеем достаточных данных, так как в подавляющем большинстве своем эти материалы не опубликованы. Можно только отметить, что по своему устройству эти катакомбы аналогичны катакомбам других районов Западноречья, а по ориентировке они, по видимому, близки катакомбам Алхан-Юрта и Алхан-Калы.

По данным Е.В.Жирова, в катакомбах Алхан-Калы были найдены деформированные черепа [Жиров Е.В., 1940, с.85], однако, по видимому, обычай деформации черепов не получил в этот период широкого распространения, хотя нельзя не оговорить тот факт, что из-за ограбления катакомб во многих из них черепа вообще не были найдены.

Западная локальная группа. Характеристика особенностей погребального обряда западной локальной группы будет дана отдельно для каждого из районов.

Кисловодск и его окрестности

Основная масса известных здесь погребений III-V вв. относится к позднему периоду. Ранним периодом (III-IV вв.) датируются лишь единичные погребения из могильников Директорская горка, Буденновская слобода, Клинья. Все эти могильники грунтовые. В предшествующий период (I - начало III вв. н.э.) здесь также господствовали грунтовые могильники с катакомбным обрядом погребения (Подкумский, Железноводский), которые прекратили свое существование в конце II - начале III в. н.э. Характеристика особенностей погребального обряда памятников III-IV вв. затруднена из-за отсутствия достаточных археологических материалов. Погребения с инвентарем III в., найденные в могильниках Директорская горка и Клинья (раскопки В.Б.Виноградова и А.П.Рунча) были обнаружены либо в грунтовых ямах, либо в камерах катакомб с непрослеженной входной ямой (рис.16, 2; 30, Л). Поэтому об устройстве этих могил ничего сказать нельзя. Погребения Буденновской слободы второй половины III в. были обнаружены в катакомбах, однако какие-либо данные об их устройстве отсутствуют.

Могила содержала индивидуальные или парные захоронения. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине или в скорченном на правом боку при ориентировке головой на северо-запад или юго-запад. По данным В.А.Кузнецова, в одной из катакомб Буденновской слободы найдено два дефор-

мированных черепа [Кузнецов В.А., 1990, с.251].

Все эти погребения могут быть датированы III в. н.э. Катакомб или каких-либо других погребальных сооружений, четко датированных IV в., пока в этом районе не открыто. Следующая группа катакомбных могил начинает распространяться здесь с V в., возможно, со второй его половины. Причем в этих могильниках есть, а в большинстве случаев преобладают погребения более позднего периода - VI-VII вв.

Бассейн Верхней Кубани

Погребальные памятники этого района представлены грунтовыми могильниками. В III-IV вв. здесь господствовали каменные гробницы, реже встречались каменные ящики, грунтовые ямы, катакомбы и подбои.

Каменные гробницы - это подземные могилы, стены которых сложены из необработанного камня или мелких плит, положенных плашмя. Могила обычно не имели внешних признаков. Перекрытия состояли из массивных плит, обычно укладывавшихся поперек могилы (рис.43, 13, 14). Дно материковое, либо оно устилалось тонкими каменными плитами. Некоторые гробницы имели в стенах ниши, в которые ставились глиняные, стеклянные или деревянные сосуды. На дне некоторых гробниц были лежанки. Ориентировка могил различная в разных могильниках: широтная или меридиональная с отклонениями (СВ-ЮЗ, СЗ-ЮВ). По видимому, в большинстве случаев ориентировка могил была связана с направлением склона холма или горы, на которых обычно размещались могильники.

Каменные гробницы имели форму довольно узкого (шириной в среднем до 1 м) прямоугольника. Они, как правило, содержали индивидуальные или парные захоронения.

Большая часть гробниц была разграблена, поэтому мы не располагаем достаточными данными об ориентировках погребенных. Судя по всему, они строго не выдерживались, так как в одной могиле погребенные могли иметь противоположные ориентировки север и юг, восток и запад и т.д. Погребенные обычно лежали в вытянутом положении на спине, реже скорченно на боку. У вытянутых костяков преобладало вытянутое положение рук и ног, иногда одна или обе руки были согнуты в локтях, кисти лежали на тазовых костях. В ряде могил ноги у погребенных (обычно мужчин) были перекрещены в голени. В некоторых каменных гробницах (Урч-Кел) у погребенных были деформированные черепа.

Каменные ящики. Погребения в каменных ящиках, стены которых делались из поставленных на ребро каменных плит, были мало характерны для территории бассейна Верхней Кубани рассматриваемого периода. К их числу можно предположительно отнести лишь три могилы Хумаринского могильника, содержавшие захоронения детей и подростка. Ни одно из этих погребений нельзя отнести к разряду классических "каменных ящиков". В погребении 34, находящемся в культурном слое поселения скифского времени, скелет был обложен по бокам очень тонкими мелкими неправильными каменными плитами, стоявшими на ребре (по 3-4) вдоль продольных стен. У поперечных стен имелось по одному более массивному камню (рис.38, 4). Сверху могила была перекрыта плитами. Остатки очень тонких плит найдены и в погребении младенца (№17) этого могильника, одна из плит сохранилась в вертикальном положении. Обе могилы имели близкую ориентировку (ЮВ-СЗ и ЮВВ-СЗЗ) с ориентировкой погребенных головой на юго-восток и северо-запад-запад.

В погребении 14, представлявшем собой подбойную могилу, внутри камеры подбоя, дно которого находилось на 0,5 м ниже дна входной ямы, был устроен каменный ящик, перекрытый плитами (рис.38, 2). В ящике было захоронение ребенка, ориентированного головой на юго-восток.

Грунтовые ямы. Погребения в грунтовых ямах также сравнительно редки. Они найдены в двух памятниках (Хумара и Тамгацик). В Хумаринском могильнике это одно ограбленное погребение, ориентированное с северо-запада на юго-восток и содержавшее несколько человеческих костей.

Устройство могил в Тамгацикском могильнике не совсем ясно: грунтовые ямы имели перекрытия из каменных плит, находившихся на 0,2 м выше дна. В зависимости от того, чем поддерживались эти плиты - материковыми уступами или выкладками камней, это могли быть грунтовые ямы с заплечиками или каменные гробницы. Из пяти раскопанных могил три были ориентированы с востока на запад (при западной ориентировке погребенных) и по одной - север - юг и северо-восток - юго-запад (ориентировка погребенных - юг и юго-запад). Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, руки часто были согнуты, так что одна или обе кисти лежали на тазовых костях. У четырех погребенных ноги были перекрещены в голених. В одном случае череп, по предположению Е.П.Алексеевой, был деформирован.

Подбой и катакомбы. Могилы в виде подбоев и катакомб найдены только в Хумарин-

ском могильнике и не находят аналогий среди других синхронных памятников Верхней Кубани. Исключение составляет могильник Байтал-Чапкан, где помимо т-образных катакомб (тип I), распространившихся в V в., найдена одна ранняя могила (II-III вв. н.э.), синхронная хумаринским и близкая к ним по устройству (тип IV катакомб, у которых камера параллельна входной яме). Позже III в. подбойные могилы и катакомбы типа IV в бассейне Верхней Кубани пока не известны, за исключением одного двухкамерного подбоя Хумаринского могильника, о котором говорилось выше (глава 1) и который предположительно может быть отнесен к V в.

У подбойных и катакомбных погребений Хумаринского могильника господствовала широтная ориентировка (рис.38, 1, 5) с преобладанием восточной ориентировки погребенных. В могилах были индивидуальные, реже парные захоронения (в двух случаях по три и четыре скелета). В некоторых могилах были сопровождающие захоронения коней.

Таким образом, при всем разнообразии типов погребальных сооружений, характерных для памятников бассейна Верхней Кубани, можно говорить о господстве здесь в рассматриваемое время подземных каменных гробниц, бытование которых можно связывать с влиянием погребальных традиций местного населения. Подобные могилы, стены которых (иногда частично) складывались из положенных друг на друга плашмя мелких каменных плит, известны в бассейне Верхней Кубани со скифского времени [Алексеева Е.П., 1971, с.59]. К числу каменных гробниц относятся некоторые погребения этой территории II-III вв. н.э., например, погребение 8 Хумаринского могильника. Этим же временем датируются ранние погребения могильника Узун-Кол (погребения 1 и (или) 2 из раскопок Т.М.Минаевой 1939 г.), в составе инвентаря которых оказалось зеркало-привеска с боковой петлей и рельефным орнаментом (рис.43, 9), а также фрагменты лучковой подвязной фибулы. Однако более широкое распространение каменные гробницы в бассейне Верхней Кубани получили не ранее IV-V вв.

Территория Кабардино-Балкарии

Памятники оседлого населения III-IV вв. здесь пока не открыты. Представляется, что распространение здесь подземных склепов, которые часто датируются IV-V и IV-VI вв., более определенно по имеющимся материалам можно относить к V в. Единственный памятник рассматриваемого периода - Кишпекские курганы - оставлен, очевидно, кочевым населением. Относимые к этому перио-

ду Нальчикские катакомбы датируются более поздним временем.

Горные районы Северной Осетии

Материалы памятников этого региона происходят в основном из дореволюционных раскопок, поэтому данные очень отрывочны, комплексы не сохранились. Кроме того, могилы в большинстве случаев были разрушены оползнями, поэтому представление об открытых здесь памятниках довольно неопределенное. Исследователи отмечали возможность наличия здесь каменных ящиков, поскольку в разрушенных оползнем могилах найдены остатки каменных плит. С другой стороны, надо учитывать тот факт, что многократно проводивший здесь раскопки В.И.Долбежев называл каменными ящиками и подземные каменные склепы: при описании "ящиков" он отмечал наличие в передней стене входных отверстий, что является характерным признаком каменных склепов. Поэтому вопрос о бытовании здесь в рассматриваемый период каменных ящиков остается спорным.

Более определенно можно говорить о существовании здесь *каменных подземных склепов* (Лизгор, Задалиск). Конструкция их остается неизвестной. Имеются данные, что в стенах некоторых склепов устраивались ниши. Все склепы служили семейными усыпальницами и содержали коллективные захоронения - от 3-4 до 10-12 человек и более. У некоторых погребенных в склепах были деформированные черепа, однако поскольку характеристика в изданиях дается суммарная, нельзя с определенностью сказать, что деформированные черепа были найдены именно в ранних склепах. Ориентировка строго не выдерживалась: в склепах Дони-фарса погребенные были ориентированы головой на север, запад и северо-запад, при этом имелись и противоположные ориентировки.

Ранние материалы этих склепов (фибулы, пряжки и др.), хранящиеся в ГИМе, относятся ко II-III и III-IV вв.

Таким образом, в каждом из рассмотренных районов наблюдаются свои особенности погребального обряда, прослеживаемые главным образом в типах погребальных сооружений. На территории восточной локальной группы в этот период наблюдается значительное увеличение численности населения, для которого было характерно господство катакомбного обряда погребения и существование как грунтовых, так и курганных могильников. В районе Кисловодска в это время, по-видимому, проживала небольшая группа населения, у которой сохранились прежние погребальные традиции - наличие катакомбного обряда в грунтовых

могильниках. У населения, жившего в бассейне Верхней Кубани, господствовал местный тип погребальных сооружений - подземные каменные гробницы; те особенности погребального обряда, которые принято связывать с ираноязычным населением (погребения в катакомбах и подбоях), не получили здесь широкого распространения, поскольку известны лишь в одном (Хумаринском) из раскопанных могильников. По всей видимости, население, оставившее этот могильник, переселилось сюда из района Кисловодска. На территории Кабардино-Балкарии мы не имеем памятников оседлого населения рассматриваемого периода. Столь же неясная картина в горных районах Северной Осетии. Можно лишь с определенной долей уверенности говорить, что уже в этот период здесь бытовали каменные подземные склепы, локализовавшиеся в Дигории.

Такова характеристика погребальных памятников раннего периода. Значительные изменения наблюдаются при рассмотрении материалов V в., которые характеризуют следующий исторический этап, связанный с эпохой господства гуннов.

Погребальный обряд V в.

Восточная локальная группа. На территории восточной группы, занимавшей в основном терско-сунженское междуречье, почти полностью исчезают существовавшие здесь ранее памятники с катакомбным обрядом погребения. Единичные памятники сохранились лишь на юге этого района (рис.66). Это Брут, где были обнаружены грунтовой и курганный могильники с однотипными катакомбами, близкими по устройству катакомбам предшествовавшего периода (рис.12, 12), бытовавшим в этом регионе. Это т-образные катакомбы, камеры которых были ориентированы с востока на запад. Подкурганные катакомбы были полностью ограблены, в катакомбах грунтового могильника найдено от одного до трех погребенных, лежавших головой на запад. Вход в камеру закрывался каменными плитами. В одной из подкурганных катакомб в стене входной ямы имелась ниша. В некоторых катакомбах на дне найдены кусочки угля. В одной из катакомб грунтового могильника найдены фрагменты деформированного черепа.

Близкие по устройству катакомбы найдены в грунтовых могильниках Али-Юрт и Мартан-Чу (рис.14, 1, 4, 5), расположенных в правобережных районах Сунжи. Погребенные в этих катакомбах имели либо восточную (Мартан-Чу), либо северо-западную (Али-Юрт) ориентировку. Таким образом,

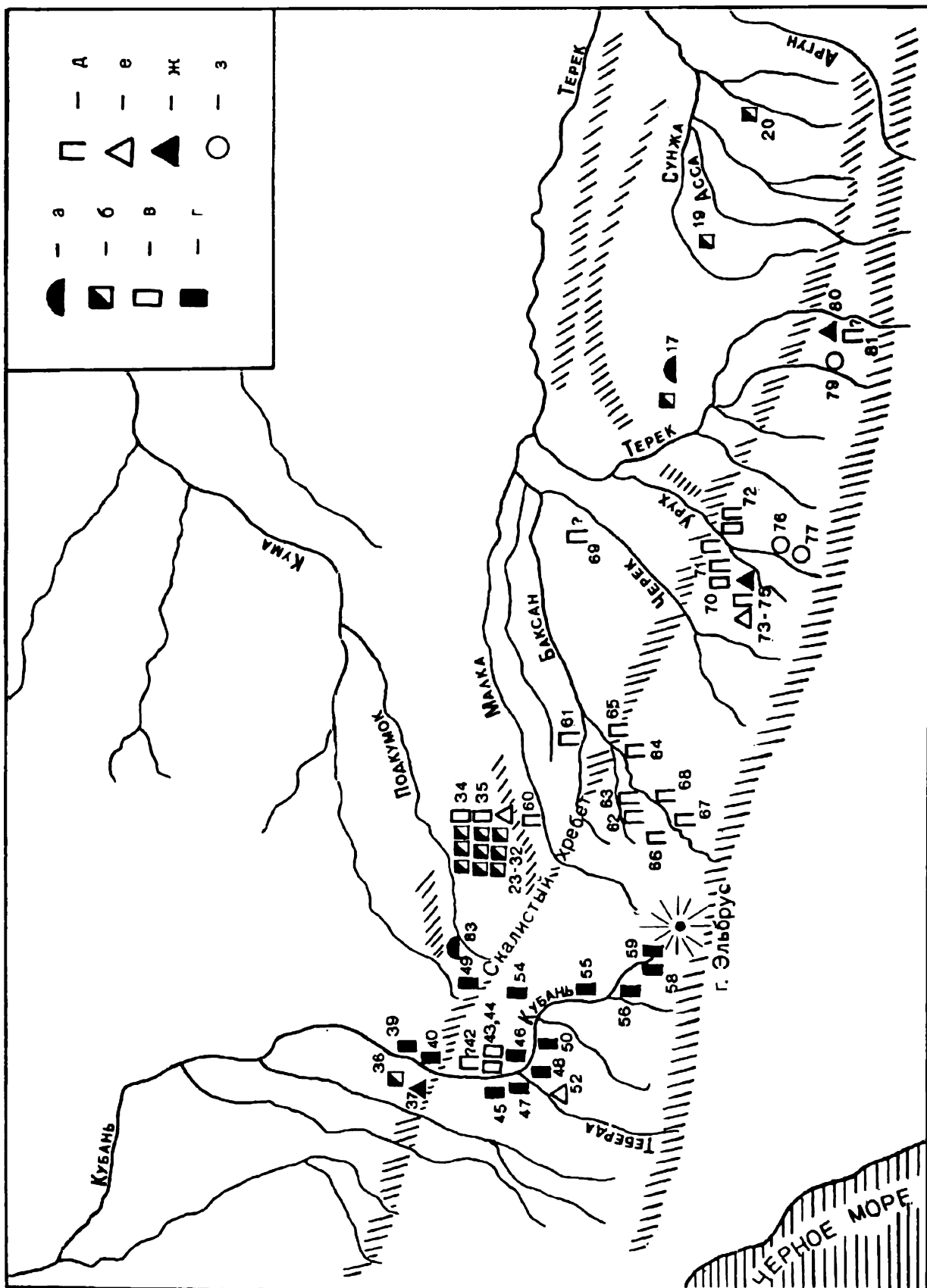

Рис.66. Памятники V в. центральных районов Северного Кавказа

а - курганы; б - катакомбы грунтовых могильников; в - каменные ящики; г - каменные гробницы; д - каменные подземные склепы; е - грунтовые ямы; ж - грунтовые ямы с использованием камня; з - обряд неизвестен

некоторая стабильность ориентировок наблюдается только в пределах одного могильника. В стенах некоторых катакомб имелись ниши. Во всех могильниках найдены деформированные черепа.

Западная локальная группа

Кисловодск и его окрестности

Все обнаруженные здесь памятники позднего периода, за исключением двух (Высокогорный и Корсунский), представляют собой катакомбные могильники. Надо отметить, что в других районах Пятигорья (в окрестностях Пятигорска, Железноводска и др.) катакомбные могильники этого периода пока не известны. Исчезают они в III в. н.э. и в западных районах Северного Кавказа - в Прикубанье, где катакомбный обряд погребения был широко распространен в курганах так называемого "Золотого кладбища" I - начала III вв. н.э. Известны катакомбные погребения, хотя в значительно меньшей степени, и в грунтовых могильниках Прикубанья этого времени. В более поздний период (III-V вв.) катакомбных могильников на Средней Кубани не было.

Иную картину мы наблюдаем на территории Кисловодска, где с V в. начинается новый расцвет катакомбного обряда погребения.

Все рассмотренные *катакомбные могильники* Кисловодска были грунтовыми. Сведения наши об особенностях погребального обряда этой группы катакомб довольно немногочисленны. Планомерным раскопкам подвергались лишь два катакомбных могильника - Мокрая Балка и Клинь-яр. Первый из них фактически выходит за хронологические рамки рассматриваемого периода, так как нижняя его дата приходится на вторую половину или конец V в., причем к этому времени относится лишь несколько могил.

Все катакомбные погребения Кисловодска V-VII вв. связываются с аланами, однако формирование этой поздней группы погребений проследить трудно из-за отсутствия материалов промежуточного периода - III-IV вв. В этой связи большое значение приобретают материалы Клинь-ярского могильника, раскопки которого проводились В.С.Флеровым в 1983-1986 гг. Материалы эти не опубликованы, однако В.С.Флеров любезно ознакомил меня с ними и разрешил использовать некоторые данные в этой работе. Предварительно можно сказать, что это, пожалуй, единственный из стационарно раскопанных могильников в районе Кисловодска, который содержит погребения от I в. н.э. до VII-VIII вв., что представляет несомненный интерес, так как позволяет просле-

дить особенности развития погребального обряда и материальной культуры, характерные для населения этого региона в I тыс. н.э. В целом, эти материалы позволяют говорить о возможном формировании на местной основе тех признаков культуры, которые были характерны для памятников V-VII вв.

Все остальные памятники Кисловодска содержат лишь единичные погребения рассматриваемого периода, причем в большинстве случаев можно говорить не о раскопках, а о доследовании частично разрушенных погребений. Входные ямы у многих катакомб выявлены не были, поэтому характеристика устройства этих могил довольно обща.

По имеющимся данным, в рассматриваемый период господствовали катакомбы типа I, у которых камера была расположена перпендикулярно к длинной оси входной ямы (т-образные катакомбы). Можно говорить о том, что входные ямы были двух типов - в виде колодца узкой прямоугольной формы (рис.22, 1; 24, 1, 17), либо противоположный от входа в камеру конец ямы выходил на склон холма (рис.28, 1). Преобладающим был, по-видимому, первый тип. Входная яма соединялась с камерой при помощи узкого входного отверстия, которое обычно закладывалось каменными плитами.

Камеры чаще всего имели овальную форму и были ориентированы либо с севера на юг, либо с востока на запад (в трех случаях - с северо-запада на юго-восток). В большинстве случаев ориентировка могил была связана с рельефом холмов, на которых размещались могильники. Камеры имели небольшие размеры и содержали индивидуальные или парные захоронения, лишь в единичных случаях в одной камере было захоронение трех человек. На дне некоторых камер под скелетами был прослежен слой угля.

У погребенных преобладало вытянутое положение на спине, реже - скорченное на боку. Однако большая часть могил была разрушена и разграблена, поэтому положение скелетов во многих случаях восстановить нельзя. Среди прослеженных ориентировок погребенных преобладала южная (с отклонениями - юго-запад, юго-восток), все остальные направления (запад, северо-запад, север, восток) единичные. В некоторых катакомбах ряда памятников (№5, 6, 9) найдены деформированные черепа, в стенах камер иногда устраивались ниши. В камере одной из катакомб Берсзовского могильника найден конский череп.

Как исключение в рассматриваемый период на территории Кисловодска встречаются погребальные сооружения в виде *камен-*

ных ящиков, сложенных из поставленных на ребро плит (Высокогорный, Корсунский - рис.30, 5). Они имели различную ориентировку (восток - запад, север - юг, северо-запад - юго-восток) и содержали индивидуальные или парные захоронения.

Таковы особенности погребального обряда могильников Кисловодска. По своему устройству катакомбы этого региона близки к рассмотренным выше катакомбам Затеречья. В обоих районах в это время широкое распространение получили грунтовые могильники (исключение - курганный могильник у Брута в Затеречье), в которых господствовали однотипные катакомбы. В обоих районах имеются сходные ориентировки входных ям и камер, как широтные, так и меридиональные, причем для камер в обоих районах преобладала, по-видимому, меридиональная ориентировка. Камеры обычно содержали по 1-2, реже трех погребенных. Сходство наблюдается и в наличии в некоторых катакомбах ниш для сосудов, следов угольной посыпки на дне камер, а также в наличии в ряде могил деформированных черепов. Все это можно объяснить некоторой близостью тех групп населения, которые проживали в обоих этих районах.

Бассейн Верхней Кубани

В V в. в этом регионе господствовали те же *каменные гробницы*, что и в предшествующий период (рис.40, 1). Они содержали индивидуальные или парные захоронения, хотя были среди них и коллективные могилы. При этом даже парные захоронения в большинстве случаев не были одновременными - в могильнике Гиляч Т.М.Минаева зафиксировала обычай смещения костей первого захоронения при последующем погребении [Минаева Т.М., 1951, с.277], считая, что эти могилы использовались как семейные склепы. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, реже - скорченно на боку и имели различную ориентировку. В некоторых каменных гробницах были найдены деформированные черепа.

Каменные ящики были, как и в предшествующий период, мало характерны. Они найдены только в окрестностях аула Хумара (Пятая шахта, Шестая шахта). Сведения о погребениях в этих могильниках очень кратки, данные об их устройстве или о каких-либо других особенностях погребального обряда отсутствуют.

Грунтовые ямы характерны для могильника Джамагат. Могилы были ориентированы с севера на юг и содержали остатки деревянных гробов, сделанных из досок с пазами. Погребенные имели южную ориентировку. У двух погребенных, по данным Х.Х.Биджиева, были деформированные черепа.

Катакомбы. Погребальные сооружения в виде катакомб найдены только в могильнике Байтал-Чапкан. Для V в. здесь были характерны т-образные катакомбы. Они имели узкие и длинные входные ямы (глубиной до 2-3 м) с преимущественно широтной ориентировкой и камеры с четко выраженным входным отверстием, закрытым каменной плитой. В камерах устраивались лежанки, а в их стенах - ниши для сосудов (рис.31, 1; 33, 1, 7; 35, 1). У погребенных господствовала южная ориентировка, во многих могилах найдены деформированные черепа. В ряде могил обнаружены остатки напутственной пищи - ребра барана.

Что касается других типов погребальных сооружений - подземных (№6) и наземных (№17) склепов, связываемых, как отмечалось, с рассматриваемым периодом, то мы не располагаем какими-либо достоверными данными, позволяющими подтвердить эту датировку.

Территория Кабардино-Балкарии

Открытые на территории Кабардино-Балкарии погребения составляют довольно единообразную группу. Не достаточно ясен тип погребального сооружения в Вольном Ауле; этот памятник и территориально является довольно обособленным (рис.66). На всех остальных памятниках это были *каменные подземные склепы* - прямоугольные сооружения из камня с входным отверстием в передней стене. По своему устройству эти склепы делятся на два типа. У склепов типа 1 входное отверстие выходило на склон горы. Склепы типа 2 имели входной колодец и камеру, стены которой были обложены плитами и имели перекрытия из плит. Из колодца в камеру вело входное отверстие, заложное плитами (рис.46, 5, 6). Близкое устройство с такими же разновидностями имели и катакомбные погребения могильников Кисловодска, также в большинстве случаев располагавшихся на склонах гор и холмов. Более стандартны катакомбы Затеречья, бытовавшие в равнинной местности.

Трудно говорить о количественном соотношении склепов двух типов, открытых на территории Кабардино-Балкарии, так как описания их очень лаконичны, поэтому не всегда ясно, о каком типе склепов идет речь. По этой же причине нет достаточных данных об ориентировках склепов и о многих других их особенностях. В большинстве случаев склепы не имели внешних признаков, хотя иногда над ними находились возвышения, обложенные камнями. Известно, что некоторые склепы, как и гробницы Верхней Кубани, имели в стенах ниши.

Склепы служили семейными усыпальницами, в большинстве случаев они содержали

коллективные захоронения - в них находили по 6-7 или по 8-9 скелетов. Лишь один из склепов Хабаза содержал индивидуальное захоронение. Исследователи отмечают различную ориентировку погребенных - восток, запад, северо-запад, юго-запад, причем она могла быть различной даже в пределах одного склепа: так, в одном из склепов Былыма-1 пять скелетов лежали поперек, а один вдоль склепа. Причем В.Ф.Миллер, раскопавший этот склеп, отмечал восточную и западную ориентировку погребенных, следовательно скелеты, лежавшие поперек склепа, имели противоположные ориентировки.

Погребенные в склепах часто имели деформированные черепа, причем иногда такие черепа были у всех погребенных в склепе, а иногда лишь у некоторых из них.

Таким образом, даже при отсутствии достаточных данных, характеризующих локальные особенности погребального обряда, можно сказать, что главное различие между памятниками бассейна Верхней Кубани и Кабардино-Балкарии состоит в господстве на этих территориях разных типов погребальных сооружений - преобладание каменных гробниц на Верхней Кубани и господство подземных склепов на Баксане и в верховьях Малки. Многие другие черты (наличие в стенах ниш, отсутствие стабильных ориентировок, обычай деформации черепов) присущи в равной степени для погребений обоих районов.

Все известные памятники рассматриваемого периода сосредоточены в западных районах Кабардино-Балкарии - в бассейнах Баксана и Малки. Грунтовые могильники этого времени, происходящие из более восточных районов Кабардино-Балкарии, пока не известны.

Горные районы Северной Осетии

Здесь, как и в предшествующий период, картина довольно неопределенная из-за отсутствия достаточных данных. Однако в ряде могильников (Донифарс, Лизгор, Задалиск и, возможно, Чми) зафиксировано наличие *склепов*. По своему устройству они близки склепам Кабардино-Балкарии, однако достаточно подробных их описаний нет. Известно, что в стенах некоторых склепов устраивались ниши. Могилы типа склепов были, возможно, и в Верхней Рутхе, однако точных данных об этом нет.

Некоторые могилы имели вид обычных *грунтовых ям*. Это, по данным П.С.Уваровой, погребения Нижней Рутхи, однако точная дата этих могил не ясна. Грунтовые ямы с перекрытиями из плит открыты В.Л.Тимофеевым в Донифарсе; грунтовые ямы с конструкциями из дерева и камня (рис.60, 11; 62, 20), препятствовавшими разрушению

могил оползнями, открыты М.П.Абрамовой в Чми. По-видимому, такого же типа могилы были здесь выявлены ранее и В.И.Долбежевым. Грунтовые могилы из Чми содержали индивидуальные или парные захоронения (в двух могилах было по 4 и 5 человек), лежавшие в вытянутом положении на спине, изредка в скорченном на боку. У погребенных преобладала южная ориентировка. В некоторых могилах найдены деформированные черепа.

Каменные гробницы с определенностью в этом регионе не зафиксированы. Предположительно к этому типу погребальных сооружений можно отнести могилы, "сложенные из камней и плит", открытые В.И.Долбежевым в Кумбулте, а также раскопанные В.Ф.Миллером в Санибе. Однако не исключено, что это были склепы или грунтовые ямы с конструкциями из камня как в Чми. Все эти могилы содержали как одиночные, так и коллективные захоронения. Других данных об особенностях погребального обряда нет.

Каменные ящики. Наличие погребений в каменных ящиках отмечено в двух могильниках - Донифарсе и Далагкау. По данным стратиграфии и найденному в могиле материалу каменные ящики Донифарса П.С.Уварова относил к более позднему периоду. Что касается могил Далагкау, то точных данных об их устройстве нет. Могилы были разрушены оползнем, и лишь наличие плит позволило исследователям предположить, что здесь были могилы в виде каменных ящиков. Поэтому вряд ли правомерно говорить с уверенностью о наличии в рассматриваемый период на этой территории погребений в каменных ящиках. В целом же каменные ящики распространяются здесь в более поздний период.

Таким образом, на основании имеющихся у нас довольно отрывочных данных мы можем говорить, что в горных районах Северной Осетии в этот период бытовали погребальные сооружения в виде каменных склепов, а также грунтовые ямы с конструкциями из дерева и камней (типа могил Чми). Наличие здесь каменных гробниц и каменных ящиков в рассматриваемый период с определенностью не отмечается.

По имеющимся материалам можно говорить о том, что большая часть каменных подземных склепов происходит с территории Дигории - западных районов Северной Осетии (бассейн р.Урух). Не исключено, однако, что это объясняется гораздо лучшей в археологическом отношении изученностью Дигории. Тем не менее ранние из рассмотренных склепов (Лизгор, Задалиск), которые можно относить к периоду II-IV или III-IV вв.,

происходят именно из Дигории. Кроме того, данные о раскопках В.Л.Тимофеевым склепов в более восточных районах, на Военно-Грузинской дороге, очень неопределенны, и время бытования этих склепов установить трудно. В Дигории традиция сооружения каменных подземных склепов существовала в течение по крайней мере первой половины I тыс. до н.э. Это подтверждается, в частности, материалами из раскопок В.И.Долбежева в 1889 г. у сел.Кумбулта могильников Верхняя Рутха и Хор-Гон. В обоих могильниках были найдены подземные склепы, которые В.И.Долбежев называл иногда каменными ящиками, отмечая наличие входных отверстий в передней стене [ОАК за 1889 г., с.59-62, 64-67]. Хранящиеся в ГИМе материалы этих раскопок позволяют датировать эти склепы началом - первой половиной I тыс. до н.э. В собрании В.И.Долбежева из Хор-Гона имеются и материалы II-IV вв. н.э. (зеркала, фибулы, пряжки), однако у нас нет точных данных, что они происходят именно из склепов.

Подземные каменные склепы этого региона и по своему устройству и по другим особенностям (наличие в стенах ниш, коллективность захоронений, отсутствие стандартных ориентировок, наличие деформированных черепов) близки склепам Балкарии, что позволяет говорить о некоторой близости в культуре населения этих районов в рассматриваемый период. По типам погребальных сооружений эти два района отличаются от Верхнего Прикубанья, где в это время господствовали погребения в каменных гробницах, неизвестные здесь. В то же время есть и общие черты, сближающие все погребения западной группы в катакомбах, склепах и гробницах, которые уже отмечались (наличие ниш, использование могил для повторных захоронений, наличие деформированных черепов, разнообразие ориентировок).

Таким образом, период, последовавший за гуннским нашествием, характеризовался следующим: почти полным исчезновением могильников с катакомбным обрядом погребения на территории терско-сунженского междуречья (восточная локальная группа); все более поздние катакомбные могильники (за исключением могильника Брут) локализируются в более восточных районах, на правобережье Сунжи. Территория западной локальной группы по данным погребального обряда распадается фактически на три района: Кисловодск и его окрестности; бассейн Верхней Кубани; территория от бассейна Верхней Малки до бассейна Верхнего Терека (возможно, от бассейна Малки до бассейна Уруха включительно). Для каждого из них были характерны разные типы погребальных сооружений - грунтовые катакомбы, каменные гробницы, каменные подземные склепы.

Имеющиеся у нас археологические материалы позволяют говорить о том, что склеповые сооружения с течением времени имели более широкий ареал: раньше всего (II-III вв. н.э.) каменные подземные склепы распространились в горной зоне Северной Осетии, а именно в Дигории, в более западных районах, по имеющимся данным, они появляются позже - в бассейне Баксана, по-видимому, в IV-V вв.; ранние из известных подземных склепов Кисловодска и Верхней Кубани относятся к еще более позднему времени (конец VI-VII вв.). Связано ли это с постепенным расселением носителей этого обряда, сказать трудно.

В рассматриваемый период локальные различия, по-видимому, были более четкими, чем в последующее время. Однако и этот период характеризуется наличием общих деталей обряда в погребениях разных типов на разных территориях. Это позволяет говорить о некоторой близости в культуре населения всех трех районов западной группы, что подтверждается и при рассмотрении инвентаря.

Глава 3. Характеристика погребального инвентаря

Характеристика погребального инвентаря, как и особенностей обряда, будет дана по двум хронологическим периодам.

Период III-IV вв.

При характеристике особенностей погребального обряда памятников раннего периода отмечалось, что основное их число было сосредоточено в Затеречье, тогда как в других районах их было значительно меньше, немногочисленны были и характеризующие их материалы. Поэтому основное представление о характере инвентаря этого периода мы можем получить при рассмотрении материалов восточной локальной группы.

Керамика - наиболее многочисленная и выразительная категория инвентаря, поскольку, несмотря на ограбления большей части погребений, она сохранилась во многих из них.

Восточная локальная группа

Произошедшие в это время изменения коснулись и керамики: распространяется обычай помещения в могилу не одного-двух, а большего количества сосудов. Довольно большую группу (около 17%) составляли погребения с тремя сосудами, а в отдельных могилах было от 4 до 9 сосудов. Что касается их размещения в могиле, то имеющиеся немногочисленные данные позволяют говорить о сохранении старых традиций помещения их у ног и у головы, что встречается примерно одинаково часто, однако выборки очень невелики, поэтому могут быть недостоверными. Известны случаи помещения сосудов в ниши, иногда их находят над могилой и во входной яме, однако в большинстве случаев это связано с ограблением могил.

В погребениях Затеречья был довольно стандартный набор сосудов, который в основном был характерен для памятников Предкавказья предшествующего времени. Этот набор состоял из кувшинов, кружек и мисок, особый отдел составляли своеобразные сосуды с двумя ручками (так называемые "двуручники"). К сожалению, большая часть материалов, происходящих из могильников Беслана и Зилги, не опубликована, поэтому в данной работе не учитывается.

Кувшины. По степени распространенности они занимают второе место после мисок. Они довольно разнообразны по форме, однако среди них выделяется группа кувшинов, имеющих много общих признаков: наличие высокого горла, составляющего от 1/3 до 1/2 части высоты сосуда, цилиндрического или расширяющегося кверху; тулово округлое (рис.67, 2, 3, 9, 10, 13), размещение ручки различное - чаще от края сосуда или

верхней части горла до плечиков. У некоторых из этих кувшинов в верхней части ручки имеется коленчатый изгиб (рис.67, 13), хотя и не так четко выраженный, как на сосудах II-III вв. Эти ручки были овальными в сечении, иногда с одним или двумя продольными ребрами. У других кувшинов ручки размещались на широкой части тулова, в этом случае они обычно бывают зооморфными - с вертикальным отростком сверху, имеющим горизонтальный срез, на котором иногда обозначались глаза и рот (рис.67, 9) резной линией или штампом. Иногда расположенная на широкой части тулова ручка имеет вид кольца (рис.5, 16). Подобное расположение ручек наиболее характерно для кувшинов Беслана и Зилги.

Кувшины этой группы близки к некоторым сосудам Предкавказья предшествующего времени, хотя специфические особенности, характерные для подобных сосудов II - начала III вв. [Абрамова М.П., 1993, с.156-158], теперь почти не прослеживаются. В рассматриваемый период у большей части этих кувшинов наибольшее расширение тулова находится в нижней его трети, тогда как раньше оно располагалось посередине тулова или в верхней его трети. Высота кувшинов от 16 до 22 см.

Все эти кувшины обычно не имеют орнамента, за исключением горизонтальных каннелюр, проходящих в нижней части горла или на тулове (рис.67, 10). Иногда горло отделяется от тулова слабо утолщенным валиком (рис.67, 29). Оба эти приема орнаментации были характерны для подобных кувшинов предшествующего времени.

Ко второй группе можно отнести кувшины больших размеров (высота 35-38 см) с коротким горлом и вытянутым туловом (рис.67, 1, 8). Один подобный кувшин имеет слабо выраженный слив и выступ в верхней части ручки (рис.67, 8).

В некоторых курганах найдены кувшины с высоким сливом. Один из них массивный (высота 33,2 см) с утолщенной нижней частью, довольно грубой выделки, поверхность небрежно залощена. Он имеет круглую в сечении ручку и горло-слив, оформленный в виде морды животного с глазами-налепами; круглые налепы имеются и на широкой части тулова (рис.67, 29). Кувшины с близким оформлением слива известны на территории Дагестана в погребениях III-V вв. [Кильчевская Э.В., Иванов Л.С., 1959, рис.26; Абрамова М.П., 1980, с.116, рис.1, 2].

Второй кувшин с закрытым сливом в виде морды животного имеет меньшие размеры

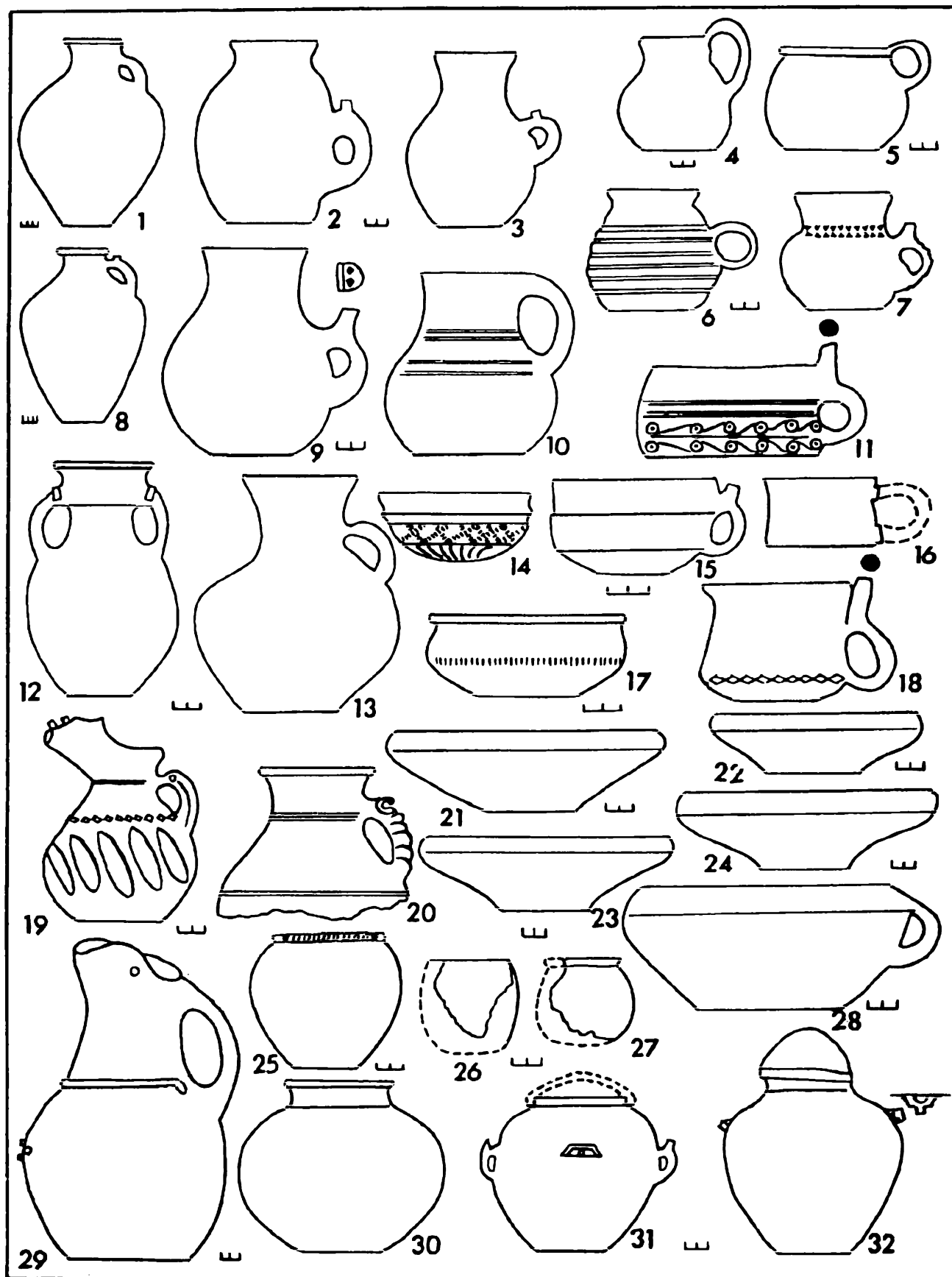

Рис.67. Глиняные сосуды памятников Затеречья III-IV вв. н.э.

1, 21 - Братское; 2, 24, 32 - Владикавказ; 3, 8 - Виноградная; 4, 12, 14, 16, 17, 20, 26, 27, 29 - Октябрьский; 5, 25 - Алхан-Кала; 6, 7, 9, 10, 13, 18, 19, 23, 28 - Алды; 11 - Алхасте; 15, 31 - Беслан; 22 - Чири-Юрт; 30 - Алхан-Юрт

(высота 20 см) и другие пропорции. У него раздутое тулово, украшенное широкими косыми вдавленными полосами и горизонтальными валиками, на нижнем валике имеется штампованный орнамент в виде ромбов (рис.67, 19). Этот черноглиняный сосуд также толстостенный. Оба кувшина сделаны, по-видимому, в подражание сосудам Кавказской Албании, для которых был характерен и подобный орнамент - валики, плоские круглые налепы и др. [Рзаев Н.И., 1964, рис.47-50, 55-57].

Как и в первые века нашей эры, в этот период продолжали бытовать сосуды с трубчатой ручкой. В кургане у Алхан-Калы найден фрагмент подобной ручки от сероглиняного лощеного кувшина. Верхняя перемычка, соединяющая трубку с горлом сосуда, сделана в виде кистей рук человека, как бы охватывающих эту ручку (рис.8, 19). Кисти рук сделаны в виде налепов, пальцы обозначены резной линией.

Довольно своеобразен двуручный кувшин, найденный в кургане 6 у хут.Октябрьского. Это тонкостенный сероглиняный сосуд, сделанный из хорошо отмученной глины, имеет лощеную поверхность. Обе ручки украшены в верхней части прямоугольными налепами (рис.67, 12).

Двуручные сосуды (т.н. "двуручники") характеризуются не только наличием двух ручек, но и достаточно своеобразной формой. Они имеют в большинстве случаев шаровидное тулово, короткое подцилиндрическое горло, обычно закрытое крышкой (рис.67, 31, 32). Ручки размещаются на широкой части тулова или в верхней его части - на плечиках. Они в большинстве случаев имеют вид стилизованных фигур животных, либо ручки заменяются фигурными налепами (рис.67, 32) с небольшими отверстиями (для подвешивания?). Подобные сосуды, игравшие, возможно, роль котелков (средняя высота их 20 см), были особенно характерны для памятников южных районов Затеречья (Беслан, Зилги, Владикавказ, Алхасте) и пока не известны в погребениях Нижней Сунжи и Среднего Терека.

Кружки. Среди них преобладающими в этот период были кружки с цилиндрическим туловом. Подобные кружки были известны и в первые века нашей эры, когда они имели более вытянутые пропорции [Абрамова М.П., 1993, рис.53, 5-12]. Аналогичные кружки в единичных экземплярах встречаются и в рассматриваемый период (рис.10, 9), однако наиболее характерными для этого времени были приземистые кружки, которые можно разделить на две группы. К первой относятся кружки с цилиндрическим туло-

вом и прямыми либо слегка выпуклыми (или вогнутыми) стенками (рис.67, 11, 16). Ручки либо зооморфные с вертикальным отростком и горизонтальным срезом в верхней части, либо имеют вид кольца, располагаясь в средней или нижней части тулова. Ко второй группе относятся кружки с ребром в нижней части тулова и узким дном. Стенки прямые либо слабо вогнутые. Ручки зооморфные, такие же как и у первой группы - в виде кольца или с отростком в верхней части (рис.67, 15, 18).

Высота кружек 5-9 см. В большинстве своем они не имели орнамента, лишь некоторые из них были украшены штампом - циркульный орнамент, ромб (рис.67, 11, 18). Орнамент в виде ромбов мы видели и на одном из кувшинов Алды (рис.67, 19).

Все остальные кружки напоминают по форме кувшинчики - с расширяющимся книзу туловом (рис.67, 6), с округлым туловом и расширяющимся кверху горлом (рис.67, 7), и только небольшие их размеры (высота 9-10 см) позволяют отнести их к разряду кружек. Подобные кружки были известны и в памятниках Кабардино-Пятигорья предшествующего времени [Абрамова М.П., 1993, рис. 53, 1-3]. Характерной их особенностью для данного периода является наличие специфических ручек, расположенных на широкой части тулова - зооморфных и кольцевидных (рис.67, 6, 7, 11, 16). Некоторые из этих кружек орнаментированы горизонтальными каннелюрами и штампом (рис.67, 6, 7, 11).

В единичных экземплярах встречаются в это время и кружки разных форм с ручкой, начинающейся от края сосуда и возвышающейся над ним (рис.67, 4, 5). Подобные кружки были широко распространены в погребениях Кисловодска I - начала III вв. н.э. [Абрамова М.П., 1987, рис.54, 3-5, 7, 8]. Такие кружки обычно не имели орнамента.

Миски. Это наиболее распространенная категория керамики рассматриваемого периода. Ведущей группой среди них являются миски с загнутым внутрь краем (рис.67, 21-24), наиболее характерные и для предшествующего времени. Подобные миски найдены в большинстве катакомб Затеречья, даже ограбленных, некоторые катакомбы содержали по несколько таких мисок. Они имеют разные размеры: высота от 5-6 до 10-13 см, диаметр устья от 15-18 до 26-33 см. Большая часть подобных мисок имеет прогиб стенок в нижней части тулова - черта, которая была характерна для северокавказских мисок и сосудов других форм начиная со скифского времени.

Среди мисок с загнутым внутрь краем, обычно сероглиняных, выделяется одна красноглиняная миска из Алды. Она имеет ребро в верхней части тулова, стенки ее выпуклы, на широкой части находится плоская круглая ручка (рис.67, 28). Поверхность лощеная, высота миски 8,5 см.

В этом же могильнике найдена одна толстенная миска с желобчатым краем. В кургане у Грозного обнаружена миска, имеющая высокий кольцевой поддон (рис.7, 18), что не характерно для других мисок этого времени. На внутренней поверхности дна имеется орнамент из концентрических окружностей, из которых две внешние представляют собой углубленные линии, а четыре внутренние - невысокие рельефные валики. У края миски имеются два симметричных налепа в виде головы барана. Высота миски 10,6 см, диаметр 25 см. Поверхность ее покрыта серыми и черными пятнами и залощена. Внутри миски лежал мел. Аналогии ей имеются в памятниках Дагестана первых веков нашей эры [Смирнов К.Ф., 1961, с.179, рис 10, №148].

Горшки встречаются в погребениях сравнительно редко, хотя и несколько чаще, чем в предшествующий период. Многие из них найдены в фрагментах, так как происходят из разграбленных погребений. Все они имеют отогнутый венчик, иногда украшенный насечками, и расширяющееся кверху тулово (рис.67, 25). Иногда наибольшее расширение приходится на среднюю часть сосуда. Высота горшков от 12 до 25 см.

В могильнике Алхан-Кала найден горшковидный сосуд с коротким подцилиндрическим горлом, отогнутым венчиком и шаровидным туловом (рис.67, 30), высота его 19,2 см. Он отличается от горшков Притеречья тем, что сделан из красной глины и имеет хорошо залощенную поверхность. Этот сосуд находит аналогии среди керамики Дагестана [Смирнов К.Ф., 1961, с.191, рис.21, №283].

Ритуальные сосуды составляют особый отдел керамики рассматриваемого времени. Среди них преобладают различных форм мисочки небольших размеров - круглодонные с прямыми бортиками (рис.67, 14), одна из них орнаментирована зубчатым штампом и бороздками, проведенными лощилом (высота мисочек 3,2 и 5,4 см); мисочки с отогнутым краем, на поддонах и без (рис.67, 17), высота 4-5 см.

Один сосуд в виде вазочки на высоком поддоне имеет подцилиндрическое тулово, украшенное горизонтальными каннелюрами (рис.8, 18).

Помимо мисок к числу ритуальных можно отнести и миниатюрные (высота 5,5-

7,5 см) сосудики в форме горшочков с округлым туловом (рис.67, 27) и сосуды подцилиндрической формы со слабо выпуклыми стенками (рис.67, 26), происходящие из курганов у хут.Октябрьского на Среднем Тереке. Ритуальные сосуды подобных форм известны в памятниках первых веков нашей эры на территории Кабарды [Абрамова М.П., 1993, рис.56, 3Д].

Таковы керамические материалы III-IV вв., найденные на территории восточной локальной группы. Этот период характеризуется как сохранением некоторых старых форм керамики, так и появлением новых ее типов, которые, однако, по некоторым своим признакам также могут быть связаны с керамикой предшествующего времени.

Среди керамики, в первую очередь среди кувшинов, а также среди кружек и мисок распространяются высококачественные образцы, тонкостенные, сделанные на гончарном круге из хорошо отмученной глины, часто светло-серой, поверхность их покрыта очень хорошим лощением. Однако продолжают бытовать и сосуды более низкого качества, характеризующиеся ранними функциями использования гончарного круга, что было характерно для керамики предшествующего времени.

Керамика III-IV вв. в основной своей массе по-прежнему мало орнаментирована, однако выделяется целая группа сосудов, в первую очередь кувшинов, а также частично кружек, богато орнаментированных, при оформлении которых использовались не только старые приемы орнаментации (горизонтальные каннелюры, пролощенные полосы), но и новые - разнообразные налепы, зооморфные мотивы, штампы. Появляются новые формы сосудов, которые составляют единую группу керамики Северо-Восточного Кавказа, включая территорию Дагестана. Это в первую очередь относится к керамике могильников Сунжи.

Поскольку некоторые формы сосудов (кувшинов, мисок, кружек) находят аналогии среди керамики предшествующего времени, то в большинстве случаев они не могут являться хронологическими показателями для рассматриваемого периода. Исключение составляют, пожалуй, "двуручники" и кружки с низким цилиндрическим туловом, неизвестные среди керамики более раннего времени. Более точным индикатором может служить место расположения ручек на сосудах, а также форма ручек. Для периода III-IV вв. особенно показательны размещение ручки на широкой части тулова сосуда, а также своеобразная форма ручек - в виде почти правильного кольца, либо это кольцо, чаще всего овальное, имеет в верхней части вер-

тикальный отросток, круглый в сечении, с горизонтальным или косым срезом; ручка приобретает стилизованный зооморфный вид (рис.67, 9). На срезе иногда обозначены глаза и рот. Такие ручки характерны для кувшинов, кружек и некоторых "двуручников" этого времени.

Вся эта керамика была, несомненно, местного производства, так как фрагменты подобных сосудов были найдены в значительном количестве при раскопках Зилгинского городища [Деопик Д.В., 1988].

Таковы характерные черты керамики восточной локальной группы раннего периода.

Западная локальная группа

Характеристику керамики этого времени западной локальной группы дать более сложно, так как там синхронные памятники исследованы в значительно меньшем числе. В основном это единичные, достаточно разрозненные погребения. Так, в районе Кисловодска к раннему периоду относятся единичные погребения. Найденная в них керамика близка к рассмотренной выше. Это кувшины тех же форм с ручками, расположенными на широкой части тулова (в одном случае на горле) и миски с загнутым внутрь краем (рис.68, 1-3, 6), либо с ребром на тулове и отогнутым краем (рис.68, 4, 5). Подобные миски были характерны для этого региона и в предшествующее время [Абрамова М.П., 1993, рис.64, 1-5, 12, 13].

Среди памятников Верхней Кубани этого времени также преобладают разрозненные погребения. Исключение составляет Хумаринский могильник, подвергавшийся систематическим раскопкам и содержащий группу погребений III в. н.э. Найденная в погребениях керамика (рис.68, 11, 12, 15, 16) близка керамике могильников Кисловодска, в частности Подкумского могильника I - начала III вв. н.э. [Абрамова М.П., 1990]. Помимо этого, здесь четко выделяется группа сосудов - кувшинов и кружек, которые обладают теми же хронологическими признаками, что и сосуды Затеречья этого времени - наличием кольцевидных и стилизованных зооморфных ручек, расположенных на широкой части тулова (рис.68, 7-10, 13, 14, 17, 18). Большая часть найденных здесь сосудов также не имеет орнамента. Лишь единичные сосуды украшены горизонтальными каннелюрами (рис.68, 8, 9), вертикальными пророщенными полосами (рис.68, 17) или косой сеткой, нанесенной ложилом (рис.68, 13). Последний вид орнамента не типичен для сосудов этого времени восточной локальной группы. Характерной особенностью керамики памятников Верхней Кубани является почти полное отсутствие в погребениях этого

времени мисок, которые были ведущей группой керамики Затеречья.

На территории Кабардино-Балкарии памятники этого периода фактически не известны, за исключением курганного могильника Кишпек, в одном из богатых погребений которого найдено 6 сосудов, два из которых (кувшин и миска) были закавказского (абхазского) производства. Четыре остальных сосуда - кувшинчики и кружки (рис.68, 19-22) имели характерные признаки керамики рассматриваемого времени - кольцевидные ручки, расположенные на широкой части тулова. Один из кувшинчиков, орнаментированный косой сеткой (рис.68, 21), близок по форме к кувшину из Хумары (рис.68, 13).

И последний район западной локальной группы - это горные районы Северной Осетии. К сожалению, мы не имеем с этой территории закрытых комплексов. Однако можно сказать, что керамика этого региона имеет наибольшее сходство с керамикой, найденной в могильниках Затеречья. Здесь встречаются все те же ее отделы - кувшины, кружки, "двуручники"; ручки сосудов, расположенные на широкой части тулова, имеют те же формы (зооморфные и кольцевидные) и подобный орнамент - налесты, обозначение глаз и рта на срезах ручек (рис.69, 1-16). Характерны для этой территории и сосуды с трубчатой ручкой (рис.69, 4, 5). Единственное, но весьма существенное отличие - это почти полное отсутствие мисок, столь характерных для памятников Затеречья. Это, возможно, связано с определенными традициями местного населения западной группы, для погребального обряда которого и в более раннее время миски были значительно менее характерны по сравнению с населением Затеречья.

Близость, можно сказать тождественность, керамических материалов Затеречья и горных районов Осетии может быть объяснена расселением племен Предкавказья, происходившим во II-III вв. н.э. Подтверждается это близостью керамических форм, характерных для III-IV вв., по всей территории центральных районов Северного Кавказа - от бассейна Верхней Кубани до бассейна Сунжи. В разных районах распространяются близкие по форме сосуды, обладающие общими хронологическими признаками. Расселение родственных групп населения, живших на территории Кабардино-Пятигорья, в более южные районы привело на какой-то отрезок времени к сглаживанию локальных различий в керамике обеих локальных групп - восточной и западной.

Весь прочий инвентарь, найденный в погребениях раннего периода, из-за ограб-

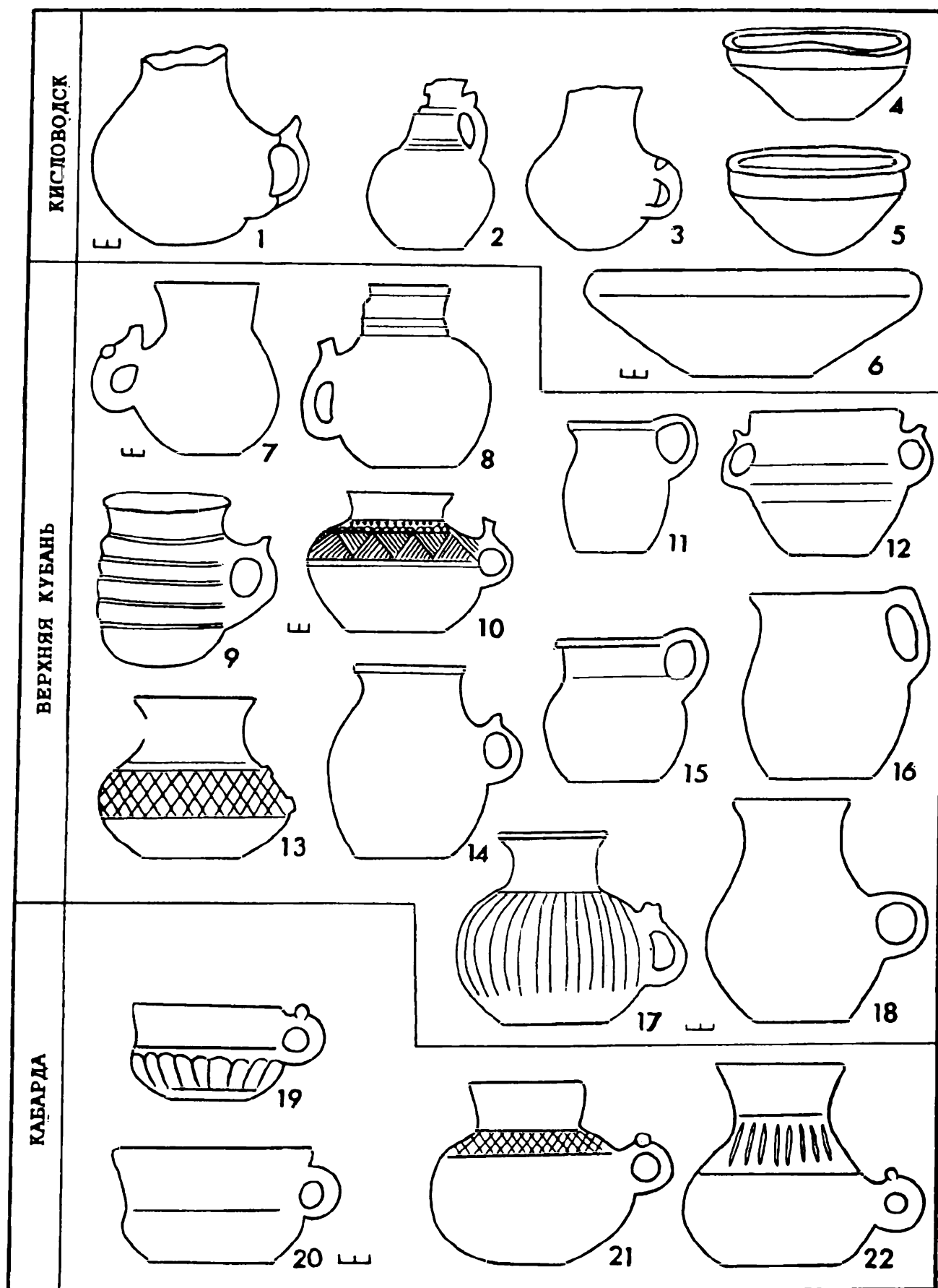

Рис.68. Глиняные сосуды памятников Кисловодска, Верхней Кубани и Кабарды III-IV вв. н.э.
 1, 6 - Директорская горка; 2-5 - Буденновская слобода; 7, 8 - Адих; 9 - Узун-Кол; 10 - Тамгазик; 11-18 - Хумара; 19-22 - Кишпек

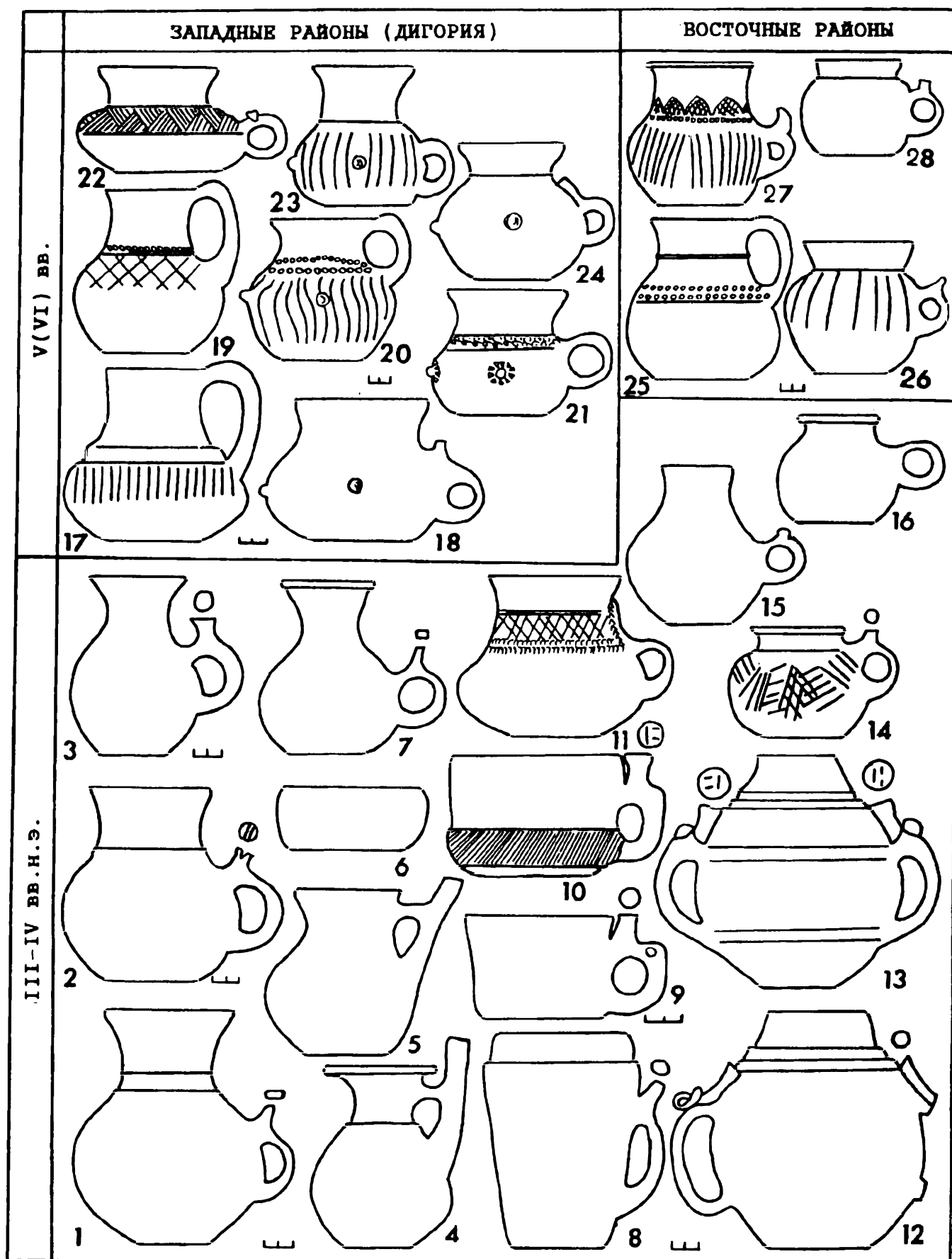

Рис.69. Глиняные сосуды памятников горных районов Северной Осетии III-V вв. н.э.

1, 5, 10 - Донифарс; 2, 8, 11, 12, 15, 18, 23 - Кумбулта; 3 - Далагкау; 4, 7, 9, 24 - Галиат; 6, 14, 16, 19-21 - Задалиск; 13 - Камунта; 17, 22 - Лизгор; 25-28 - Чми

ления большинства из них представлен в значительно меньшей степени, чем керамика. В основном это оружие, предметы конского убора, пряжки, фибулы, зеркала и немногочисленные украшения. Малочисленность этого инвентаря и идентичность его форм, бытовавших на территориях обеих локальных групп, позволяют рассматривать их вместе.

Оружие. Преобладающими видами вооружения были мечи, кинжалы, а также стрелы.

Мечи и кинжалы в этот период представлены двумя типами, характерными и для предшествующего времени (II-III вв. н.э.). Это мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия (рис.70, 1, 2) и подобные мечи с вырезами у основания клинка (рис.70, 3). Длина мечей 85-90 см, кинжалов 30-40 см. Фрагментированное оружие было найдено в курганах у Алхан-Калы и Алды. В одном из курганов у хут.Октябрьского найдена крупная янтарная бусина, являвшаяся, по-видимому, подвеской к мечу [Werner J., 1956, Taf.4, 5; 18, 2] или его навершием [Abramowicz A., Dąbrowski K., Jądzewski K., Nosek S., 1959, Pl.15, 26].

В Кишпекском кургане обнаружен *наконечник копья* (рис.70, 4), длиной 28 см. *Наконечники стрел* отмечены в единичных погребениях этого времени. Наибольшее их количество происходит из кургана 2 у хут.Октябрьского. Здесь найдено три железных и семь костяных наконечников стрел. Все железные наконечники крупные. Один из них плоский листовидный втульчатый (рис.70, 6), длина его 8 см, и два черешковых: один с ромбическим пером и длинным черешком (длина 10,5 см), другой с выпукло-вогнутыми краями и уступом у основания черешка (рис.70, 5, 7), длина его 6 см. Фрагмент железного наконечника стрелы, от которой сохранился только черешок, найден в кургане у Виноградной; еще один железный трехлопастной наконечник (длина 3,5 см) обнаружен в Терезинском кургане.

Все костяные наконечники черешковые, делятся на 2 типа: тип 1 - наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку. Головки плоские четырехгранные, черешки в сечении круглые (рис.70, 8, 9). Тип 2 - наконечники с ромбическими в сечении головками и овальными в сечении черешками (рис.70, 10, 11). Вместе со стрелами в кургане у хут.Октябрьского были найдены обломки костяных накладок на лук, покрытых насечками (рис.70, 12).

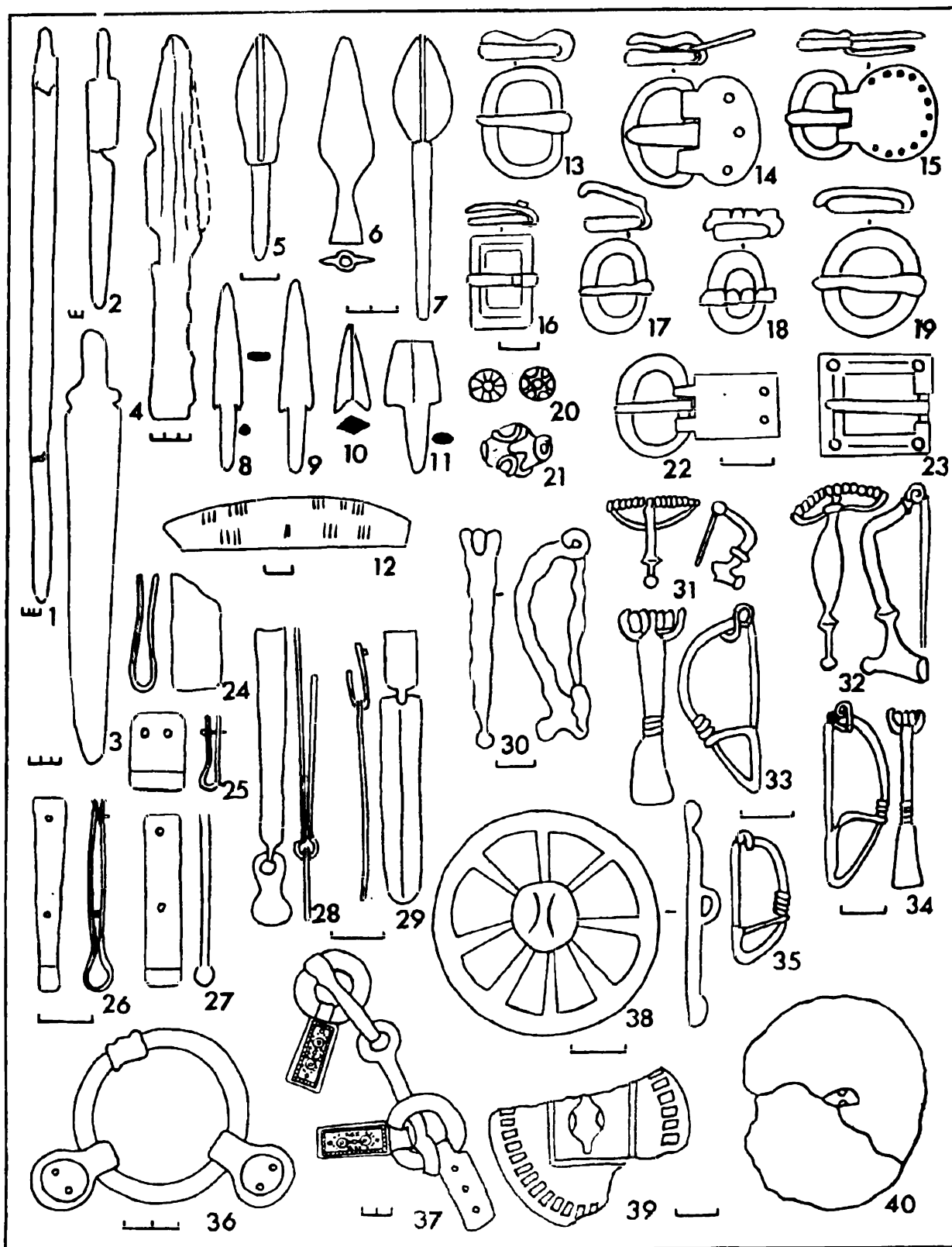
В подкурганных погребениях этого времени (Кишпек, Терезе) найдены фрагменты

кольчуг. В Кишпекском кургане обнаружен *шлем*, сделанный из железных пластин, покрытых листовым серебром. При помощи бронзовых заклепок пластины крепились к железному ободу. Лицевая сторона шлема украшена гнездами с сердоликовыми вставками [Бетрозов Р.Ж., 1987, рис.III, 1). Шлемы, украшенные гнездами со вставками, были известны, в частности, в Венгрии в IV в. н.э. [Thomas Edit B., 1971, S.17-20].

Предметы конского убора получили в этот период большое распространение. В некоторых погребениях найдены кольчатые *удила* (рис.70, 37), кольца от удил с зажимами (рис.70, 36), бронзовые и серебряные шарнирные *подвески ремней* (рис.70, 28, 29). В двух курганах у хут.Октябрьского найдены уздечные наборы с *фаларами* - бронзовыми бляхами, обтянутыми листовым золотом с рельефными изображениями (рис.3, 4, 5). Близкий уздечный набор найден Ф.С.Дзущевым в одной из катакомб Беслана (материал не опубликован). Богатый уздечный набор с фаларами найден в неограбленном погребении Кишпекского кургана [Бетрозов Р.Ж., 1987, рис.V]. к предметам украшений конской упряжи относятся, по-видимому, и многочисленные бляшки, найденные в целом ряде разрушенных погребений разных могильников этого времени, а также многочисленные пряжки, найденные, в частности, в Кишпекке вместе с уздечным набором.

Предметы одежды и украшения. Среди предметов одежды наибольшее распространение получили *пряжки*. Особенно много (23) их найдено в Кишпекском кургане, однако, судя по месту их нахождения, к костюму относились лишь три золотые пряжки, остальные пряжки, сделанные из бронзы, были связаны с уздечным набором. К сожалению, из-за ограбления большинства рассмотренных комплексов местоположение пряжек в могиле установить трудно, поэтому мы не можем отделить пряжки, связанные с костюмом, от портупейных.

Типы бытовавших в это время пряжек - примерно те же, что и в предшествующий период. По-прежнему бытовали пряжки бесщитковые и со щитком. Среди бесщитковых пряжек господствовали овальнорамчатые, круглые найдены в единичном числе. Замена круглорамчатых овальнорамчатыми пряжками проходила, по-видимому, одновременно с распространением щитковых пряжек, поскольку овальная форма пряжки облегчала крепление щитка. Преобладание овальнорамчатых пряжек среди бесщитковых позволяет предполагать наличие в древности щитков у какой-то части этих пряжек, на

Рис.70. Инвентарь погребений III-IV вв. н.э.

1, 2, 27, 34, 36 - Буденновская слобода; 3, 19, 29 - Черноречье; 4, 37 - Кишпек; 5-12, 24, 28 - Октябрьский; 13, 14, 16, 33 - Грозный и Алды; 15, 32, 39 - Алхасте; 17, 18, 25 - Виноградная; 20, 21 - Алхан-Кала; 22, 23, 26 - Братское; 30 - Хумара; 31, 38 - Директорская горка; 35, 40 - Беслан

1-7, 30 - железо; 8-12 - кость; 13-19, 24, 25, 28, 29, 31, 33-35, 38-40 - бронза; 20, 21 - золото; 22, 23, 26, 27, 32 - серебро; 36 - бронза, серебро, железо; 37 - железо, бронза, золото, синее стекло

что указывают и некоторые особенности их формы (рис.70, 13, 17, 18), однако точные подсчеты здесь дать трудно. Большая часть пряжек делалась из бронзы, значительно меньше железных пряжек.

Среди бесщитковых пряжек этого времени имеются единичные прямоугольнорамчатые (рис.70, 16, 23), бронзовые и серебряные. Они имеют слабо прогнутый либо прямой язычок, у основания одного язычка имеется прямоугольный выступ (рис.70, 16). Эта пряжка также, возможно, имела в древности щиток.

Все пряжки, найденные со щитками, имеют прямоугольный, либо овальный щиток (рис.70, 14, 15, 22). В большинстве своем эти пряжки овальнорамчатые, сделанные из бронзы, значительно реже встречаются подобные пряжки из золота, серебра и железа. У многих пряжек на язычке, у его основания, имеется прямоугольный выступ (или плоская площадка), иногда покрытый резным орнаментом - косая сетка или крест (рис.6, 13).

Большинство рассмотренных пряжек имеет прогнутый язычок (рис.70, 13-15), что наиболее характерно для пряжек II-III вв. н.э. Пряжки IV в. другие - они имеют утолщенную переднюю часть кольца и толстый хоботковый язычок, часто имеющий ступенчатый срез сзади (рис.70, 17-19). В отличие от пряжек V в. конец язычка не выступает или почти не выступает за раму кольца [Амброз А.К., 1971, ч.1, с.102].

Среди рассматриваемых материалов пряжек IV в. значительно меньше, чем пряжек III в. Ранние пряжки (если исходить из формы язычка) встречаются в памятниках разных районов Затеречья на правобережье Среднего Терека (Братское - рис.2, 10-12), на Сунже (Грозный, Черноречье, Алды - рис.6, 10, 10, 2, 3) и в более южных районах (Беслан, Алхасте - рис.13, 3). Хорошо известны они и в памятниках разных районов западной локальной группы.

Пряжки IV в. наиболее характерны для катакомб Среднего Терека, где преобладают погребения IV в. Значительно меньше они известны в памятниках Нижней Сунжи (район Грозного) и в более южных районах. Встречаются они в некоторых погребениях Верхней Кубани и горных районов Осетии.

В ряде погребений, содержащих пряжки, найдены бронзовые *наконечники ремней* простейшей формы - в виде согнутой пополам пластины (рис.70, 24). Такие наконечники известны и в погребениях более раннего времени - с конца I в. н.э. Лишь к III в. можно относить появление наконечников с валикообразным расширением внизу. Они найдены как в комплексах III в. (Буденнов-

ская слобода), так и IV в. (Виноградная). Формы их различны от подквадратных (рис.70, 25) до вытянутых прямоугольных (рис.70, 26, 27).

Фибулы. В комплексах III в. господствовали фибулы тех же групп, что и в предшествующий период - сильнопрофилированные фибулы и лучковые подвязные.

Все сильнопрофилированные фибулы не имеют крючка для тетивы - признака, характерного для ранних фибул этой группы. Дужки их часто коленчатые (рис.70, 31, 32). Они относятся к типу II-3, по А.К.Амброзу, который он датирует всем III в., отмечая возможность местного производства этих фибул на Кавказе до конца III - начала IV вв. [Амброз А.К., 1966, с.95].

В вышедшей недавно статье Н.И.Берлизова и В.Н.Каминского, посвященной характеристике северокавказских и среднеазиатских катакомб первых веков нашей эры, значительное место уделяется их хронологии [Берлизов Н.И., Каминский В.Н., 1993]. Авторы выделяют раннюю группу (II в. н.э.) катакомб на Среднем Тереке и Нижней Сунже, в которую включают 5 катакомб Алхан-Калы и одну катакомбу у Братского. Фибулы (4 экз.) содержатся в трех из этих катакомб (Алхан-Кала, курганы 3 и 4; Братское, курган 3), причем две из них сильнопрофилированные (Алхан-Кала, курган 3; Братское, курган 3). Обе эти фибулы, по видимому, не имеют крючка для тетивы. Однако Н.И.Берлизов и В.Н.Каминский, вслед за А.К.Амброзом, относят алханкалинскую фибулу к числу ранних сильнопрофилированных фибул серии I, по А.К.Амброзу, - фибул с крючком [Амброз А.К., 1966, с.40-41]. Между тем приводимый В.Б.Виноградовым рисунок этой фибулы, довольно схематичный [Виноградов В.Б., 1963, рис.28], не дает никаких оснований для подобных заключений. Что касается сильнопрофилированных фибул без крючка, то А.К.Амброз датировал их в пределах II-III вв. н.э. Однако, как показывают материалы центральных районов Северного Кавказа, здесь подобные фибулы были наиболее характерными для комплексов III в. н.э. [Абрамова М.П., 1966, с.101, 102], а скорее, второй половины III в. Поэтому они не могут служить основанием для более ранней даты погребений, в которых они были найдены.

Вторую группу составляют лучковые подвязные фибулы. Для рассматриваемого периода характерны одночленные и двучленные фибулы этой группы (рис.70, 33-35). Среди одночленных фибул II-III вв. А.К.Амброз выделил три варианта (3-5), которые отличаются друг от друга высотой и изгибом дужки, ножка всегда расширена [Ам-

броз А.К., 1966, с.49-51]. Новые северокавказские материалы говорят о том, что фибулы разных вариантов могут сосуществовать в пределах одного комплекса, поэтому критерии для выделения этих вариантов, по-видимому, не столь значимы для хронологических построений [Абрамова М.П., 1996, с.102, 103]. К такому же выводу пришла и В.М.Косяненко на материалах некрополя Кобякова городища [Косяненко В.М., 1987, с.56].

Материалы Северного Кавказа позволяют говорить о том, что фибулы варианта 4, датируемые А.К.Амброзом второй половиной II - началом III в. н.э. [Амброз А.К., 1966, с.50], могли бытовать на Северном Кавказе (или в некоторых его районах, в частности, в горной местности) и во второй половине III в. н.э. Это постоянно следует учитывать при датировке памятников Северного Кавказа с использованием фибул и других датирующих категорий инвентаря, поскольку в силу изолированности многих районов, либо вызванной естественно-географическими условиями, либо связанной с изменением политической обстановки (нашествие алан, гуннов и др.), население этих районов продолжало придерживаться старых традиций, а веяния новой моды либо совсем не доходили до них, либо доходили значительно позже.

Среди лучковых фибул господствующими в рассматриваемый период можно считать двучленные фибулы (рис.70, 33, 34), которые на Северном Кавказе датируются серединой и, скорее, второй половиной III в.

Особую группу составляют фибулы Хумаринского могильника, где в погребениях II-III вв. н.э. найдено 28 фибул. Они рассмотрены в особой статье [Абрамова М.П., 1996], здесь следует только отметить, что, помимо перечисленных выше двух групп фибул - сильнопрофилированных и лучковых подвязных, - в Хумаринском могильнике выделяется группа фибул местного производства железных, преимущественно шарнирных, с кнопкой на конце приемника (рис.70, 30). Большая их часть найдена в комплексах второй половины II - первой половины III в. н.э., но встречаются они и в погребениях второй половины III в.

Найденная в Хумаринском могильнике лучковая подвязная дуговидная фибула с четырьмя серебряными гнездами с сердоликовыми вставками на спинке находит аналогии среди фибул Цебельды в Абхазии. Здесь подобные фибулы имелись среди инвентаря женских погребений конца III - V вв. [Воронов Ю.Н., 1994, с.180, 181]. Фибула Хумаринского могильника также относится к женскому захоронению и по своим особенностям (одночленная) может быть сопостав-

лена с ранними фибулами этого типа из Цебельды, которые датируются концом III - первой половиной IV в.

Рассмотренные фибулы в основной своей массе относятся к периоду второй половины II-III вв. (ранние фибулы преобладают в Хумаринском могильнике), однако подавляющее большинство их датируется всем III в. В тех случаях, когда эти фибулы сочетаются в комплексах с пряжками, эти пряжки имеют признаки II-III вв. (равномерная толщина рамы, прогнутый язычок).

В рассмотренных погребениях с пряжками IV в. фибул найдено не было. В ряде погребений Верхней Кубани (Адиюх, Тамгацик) найдены прогнутые подвязные фибулы (рис.36, 11; 37, 4), известны они и в горных районах Осетии (рис.51, 3; 52, 2).

Украшения составляют очень незначительную группу инвентаря, поскольку большинство погребений было ограблено. Сохранились мелкие золотые *бляшки* - круглые (рис.70, 20), квадратные и треугольные. Некоторые из них имеют напаянные гнезда со вставками из альмандина или красного стекла. К числу украшений относятся и золотые овальные *пронизи* со вставками из граната (рис.70, 21). А.А.Бобринский упоминает массивную золотую *серьгу*, найденную в одной из катакомб Алхан-Юрта. В ряде погребений найдены золотые *серьги* и *привески*, украшенные вставками, зернью и шнуровым орнаментом (рис.2, 2, 3), либо бронзовые *привески* (рис.6, 5), характерные для комплексов второй половины II - первой половины III в. Этим же временем или III в., по-видимому, датируется одна *привеска* с выемчатой эмалью (рис.30, 4) из Кисловодска.

Зеркала. Найденные в погребениях III-IV вв. зеркала однотипны. Это зеркала с центральной петлей. Зеркала варианта 1 этого типа (сильнопрофилированные с широким валиком по краю и умбоновидным выступом-петлей в центре) были характерны для погребений второй половины II - первой половины III в. н.э., однако известны они только на западе рассматриваемой территории (район Кисловодска и Хумаринский могильник на Верхней Кубани). В других районах Предкавказья для этого времени были более характерны зеркала с боковой петлей и рельефным орнаментом, но они не получили широкого распространения в центральных районах Северного Кавказа.

Зеркала варианта 2, преобладающие в рассмотренных комплексах, отличаются от зеркал варианта 1 меньшей профилированностью: они имеют невысокий валик по краю, небольшую петлю в центре и в большинстве случаев (по имеющимся материалам) однотипный орнамент - в виде отрез-

ков лучей, ограниченных концентрическими окружностями (рис.70, 38, 39). Все эти зеркала небольшие, диаметр их 5-6 см. Появившись в середине III в., эти зеркала были характерны для комплексов второй половины III в. (Директорская горка, Хумара, Кишпек, Алхасте) и более позднего времени (IV-V вв.), когда они сосуществовали с подобными зеркалами, имевшими более сложный орнамент.

В одной из разрушенных катакомб, открытых у г.Беслан, найдено зеркало в виде плоского гладкого диска с петлей в центре (рис.70, 40). Диаметр его 5,5 см. Судя по сопутствующему материалу (двучленная дуговидная подвязная фибула), этот комплекс датируется III в. Подобное зеркало найдено в катакомбе второй половины III в. у с.Барановка на Нижней Волге [Скрипкин А.С., 1974, рис.2, 3]. Такое же зеркало, но имеющее слочный орнамент (рис.37, 2), найдено в погребении 1 у сел.Адиух (Верхняя Кубань).

Инвентарь рассмотренных погребений III-IV вв. свидетельствует о том, что в материальной культуре населения центральных районов Северного Кавказа наблюдается полная преемственность с культурой предшествующего периода, что прослеживается в первую очередь в керамике (в наборе сосудов и в их формах), а также в других категориях инвентаря - оружии, фибулах, зеркалах и др. Все это говорит об общей основе населения предшествующего и рассматриваемого периодов. Привносной характер культуры наблюдается лишь в кочевнических комплексах (Кишпек), в которых содержится неизвестный в других памятниках этой территории инвентарь (украшения, предметы конской сбруи, шлем), находящий аналогии в других кочевнических комплексах, связанных с аланами [Белинский И.В., Бойко А.Л., 1991].

Погребения III-IV вв. выделяются по сравнению с погребениями более раннего времени и богатством своего инвентаря. В первую очередь это относится к подкурганным погребениям по всей рассматриваемой территории. Появление больших курганных могильников Затеречья можно связать с быстро идущим процессом социального расслоения общества, который был характерен в рассматриваемый период именно для этого района. Памятники других районов не содержали такого количества богатых погребений этого периода.

Период V в.

Нашествие гуннов и связанные с ним события, приведшие к переселению народов, нашли свое яркое отражение в материалах центральных районов Северного Кавказа.

Как отмечалось, с нашествием гуннов, по-видимому, прекратили свое существование многочисленные памятники терско-сунженского междуречья. Поэтому если в ранний период основные материалы происходили с территории восточной локальной группы, то для характеристики более позднего периода ведущую роль играют материалы западной локальной группы.

Керамика.

Восточная локальная группа. Поскольку памятники восточной группы крайне немногочисленны, достаточно подробная характеристика материалов этого региона затруднена. Керамика, найденная в памятниках восточной группы, представлена главным образом кувшинами, кружками и мисками. В могильниках Брут и Мартан-Чу найдены кувшины с высоким подцилиндрическим горлом и раздутым туловом с наибольшим расширением в средней (рис.71, 5-7) или верхней его части (рис.71, 1). Ручка начинается от края сосуда (рис.71, 1, 2), либо расположена чуть ниже края, доходя до плечиков (рис.71, 5-7). Подобное расположение ручек было у некоторых сосудов Затеречья и в предшествующее время, однако пропорции этих сосудов были иными.

На тулове двух сосудов из Брута, отличающихся высоким горлом и низким туловом, имелся орнамент, нанесенный лощиком вертикальные линии или заштрихованные треугольники (рис.71, 1, 2). Оба эти сосуда были тонкостенными, глина их хорошо промышана, поверхность лощеная. Такое же качество имеет еще один кувшин, найденный в Бруте. По своим пропорциям он приближается к кувшинам предшествующего времени, однако в отличие от них имеет высокий узкий слив (рис.71, 7). Кувшин орнаментирован двумя горизонтальными валиками на горле, украшенными насечками.

Близкие пропорции имеют и два кувшина из Мартан-Чу. Тулова их украшены горизонтальными каннелюрами (рис.71, 5, 6). Подобный орнамент типичен для сосудов Центрального Предкавказья со II-III вв. н.э. В верхней части ручки одного из кувшинов имеются два конических налета, имитирующие уши животного (рис.71, 5) - деталь, которая встречается на керамике этого региона и в конце I тыс. до н.э. [Абрамова М.П., 1993, рис.9, 24].

В могильнике Мартан-Чу найдены две кувшинообразные кружки с коротким горлом и округлым туловом. Кольцевидные ручки располагались на плечиках сосудов (рис.71, 4). Обе кружки не имеют орнамента. Во всех трех могильниках восточной группы найдены миски с загнутым внутрь краем (рис.71, 8-10) и сосуды в виде горшочков,

имевших разные формы. Один из них украшен по краю насечками (рис.14, 14), второй - горизонтальными каннелюрами на широкой части тулова (рис.12, 13).

Таким образом, керамика Затеречья V в., хотя и немногочисленна, свидетельствует о существовании несомненной связи ее с керамикой предшествующего времени, хотя она и притерпела в это время некоторые изменения.

Западная локальная группа. На этой территории наблюдается совершенно иная картина. В это время здесь появляются новые формы сосудов и новые приемы их ornamentации. Наиболее выразительные образцы этой керамики найдены в районе Кисловодска, аналогичная керамика характерна в это время и для памятников бассейна Верхней Кубани.

Керамика эта довольно стандартна. Выделяются два отдела сосудов - кувшины и кружки. Эволюция их форм достаточно подробно разработана Г.Е.Афанасьевым на керамических материалах могильника Мокрая Балка [Афанасьев Г.Е., 1980], подвергавшегося систематическим раскопкам и давшего большое число комплексов, хронология которых также была разработана Г.Е.Афанасьевым [Афанасьев Г.Е., 1979б]. Поэтому ограничимся лишь выделением наиболее характерных групп керамических материалов этого региона.

Самую выразительную группу составляют близкие по форме кувшины и кружки небольших размеров (максимальная высота 16-20 см) с цилиндрическим горлом и шаровидным туловом (рис.71, 20-26). Ручки начинаются от края сосудов и доходят до плечиков. Большая часть этих сосудов была ornamentирована. По характеру ornamentа эти сосуды можно разделить на две подгруппы. К первой подгруппе относятся сосуды, украшенные коническими выступами (налепами), расположенными на широкой части тулова, иногда вокруг выступов проходит ornament из концентрических окружностей, проведенных лощилом, в ряде случаев дополненный штамповым ornamentом (рис.71, 24). На тулове между коническими выступами обычно имеется ornament из пролощенных вертикальных линий, сгруппированных по три или покрывавших все тулово сосудов (рис.71, 23, 24). Некоторые подобные сосуды имеют трубчатую ручку (рис.71, 18). Ко второй подгруппе относятся сосуды подобной формы, не имеющие выступов, все тулово их покрыто ornamentом из вертикальных пролощенных линий. Иногда эти полосы бывают значительно углублены, что создает впечатление рифленой поверхности. У некото-

рых сосудов на горле имеются горизонтальные каннелюры (рис.71, 20-22). В единичных случаях подобные сосуды украшены ornamentом из заштрихованных треугольников, также нанесенных лощилом (рис.23, 7).

Вторая группа сосудов более малочисленна, но не менее характерна. К ней относятся кувшины больших размеров (высота до 40-55 см, хотя есть и подобные кувшины небольших размеров), имеющие высокое горло со сливом. Ручка начинается в верхней части горла и доходит до плечиков. Кувшины имеют вытянутое тулово разных пропорций с наибольшим расширением в верхней или средней его части. У некоторых кувшинов на горле имеется ornament из горизонтальных каннелюр, поясков из наклонных линий, косой сетки и заштрихованных треугольников (рис.71, 15, 27-30). Однако наиболее характерным для рассматриваемого времени является ornament из вертикальных или фигурных рельефных валиков, расположенных на тулове. Иногда валики сочетаются с ornamentальным поясом (резные линии, штамп), расположенным в верхней части тулова (рис.71, 28-30).

Лишь изредка в погребениях этого времени встречаются сосуды с некоторыми признаками, характерными для предшествующего времени - с ручкой в виде кольца или зооморфной фигуры, расположенной на широкой части тулова (рис.71, 12-14).

Все остальные сосуды, найденные в погребениях этого времени, не составляют столь характерных групп и не будут здесь рассматриваться. Можно только отметить, что наряду с кувшинами и кружками в погребениях изредка встречаются сосуды в форме горшков.

Таковы особенности керамики, найденной в погребениях, открытых в окрестностях Кисловодска.

Абсолютно те же особенности имеет керамика, найденная в синхронных памятниках бассейна Верхней Кубани. Здесь господствуют кувшинчики и кружки с цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и ручкой, начинающейся от края сосуда. Для них характерны те же приемы ornamentации - конические налепы, расположенные на широкой части тулова, и вертикальные пролощенные полосы либо вертикальное рифление (рис.72, 7-10, 14, 15). По форме (цилиндрическое горло и округлое тулово) эти сосуды находят некоторые аналогии в керамике Кисловодска и Верхней Кубани предшествующего времени (рис.68, 13, 17). То же можно сказать и об ornamentе из вертикальных пролощенных полос, покрывавших тулово сосуда (рис.72, 4, 9), и косой сетки.

Однако расположение ручек у ранних сосудов другое, - они размещались на широкой части тулова.

Вторую группу сосудов Верхней Кубани составляют кувшины больших размеров с валиками на тулове, к которым сверху примыкал орнаментальный пояс (резные линии и штамп), на горле обычно имелись горизонтальные каннелюры (рис.72, 12, 16, 17).

В ряде погребений этого района найдены миски - с ребром на тулове и прогнутыми стенками в верхней его части (рис.72, 3, 4). Такие миски были хорошо известны в предшествующий период на территории Кисловодска [Абрамова М.П., 1993, рис.55, 10-17; 64, 12, 13] и Верхней Кубани [Алексеева Е.П., 1971, табл. 16а, 4].

В некоторых погребениях бассейна Верхней Кубани обнаружены красноглиняные кувшины с орнаментом в виде волны. Подобные сосуды, характерные для памятников Абхазии, являются импортом.

Территория Кабардино-Балкарии. Судя по всему, те же группы керамики, которые были характерны для памятников Кисловодска и Верхнего Прикубанья, господствовали в это время и на территории Кабардино-Балкарии, в первую очередь в памятниках, открытых в бассейне Баксана и Малки. Обнаруженные здесь склепы (Хабаз, Гижгид и др.) содержали керамику тех же групп: кувшинчики и кружки с ручкой, начинающейся от края сосуда, с подцилиндрическим горлом и округлым туловом, украшенным коническими налепами (рис.72, 20, 28) и вертикальными пролощенными полосами (рис.72, 18, 27). Хорошо представлены здесь и кувшины больших размеров со сливом, орнаментированные вертикальными валиками, расположенными на тулове (рис.72, 23, 30, 31). Найдены здесь и импортные сосуды - красноглиняные узкогорлые лощеные кувшины (рис.44, 10), характерные для памятников Грузии IV в. [Надирадзе Д.Ш., 1975, с.154, рис.5]. Можно предположить, что в горных районах Северного Кавказа подобные сосуды бытовали в IV-V вв.

Горные районы Северной Осетии. Поскольку для этой территории мы почти не имеем материалов, связанных с определенными комплексами, выделение и характеристика керамических материалов позднего периода крайне затруднена. Поэтому наши представления о керамике этого региона весьма приблизительны. Судя по всему, она составляла обособленную группу, с одной стороны, отличную как от керамики восточной локальной группы, так и от керамики Кисловодска и Верхней Кубани, а с другой, - обладающую некоторыми признаками как

той, так и другой (рис.69, 17-28). Здесь сохраняются старые формы, характерные для памятников III-IV вв. и близкие к керамике этого времени Затеречья. Многие из найденных здесь сосудов имели ручки (зооморфные или кольцевидные), расположенные на широкой части тулова (рис.69, 18, 21, 23, 24, 26-28). Однако часто эти сосуды украшались коническими налепами (рис.69, 18, 21, 23, 24), столь характерными для памятников западной группы. Подобные сосуды найдены в многочисленных памятниках Дигории, однако к востоку от Дигории они фактически не известны в погребениях V-VI вв. и очень редки в комплексах более позднего времени.

С другой стороны, в горных районах Осетии пока не найдены большие кувшины, украшенные вертикальными валиками, которые составляют одну из характерных групп керамики более западных районов; нет здесь и классических кувшинчиков, богато орнаментированных (конические налепы, пролощенные полосы), столь характерных для памятников Кисловодска и Верхней Кубани. Зато здесь представлены кувшины с широким горлом, низким туловом и ручкой, начинающейся от края сосуда (рис.69, 17, 19, 20, 25), характерные для памятников Затеречья V в. (и позже).

Учитывая все это, в первую очередь наличие в памятниках Дигории сосудов с коническими налепами, типичных для памятников западной группы и почти неизвестных в восточной, можно сказать, что по керамическим материалам граница между локальными группами (западной и восточной) проходила к востоку от Дигории. Однако выделенные признаки керамики западной группы наиболее четко в рассматриваемый период прослеживаются в районе Кисловодска, в бассейне Верхней Кубани и в бассейне Баксана.

Поскольку, в отличие от раннего периода, весь остальной инвентарь, а не только керамика, обладает на позднем периоде определенными локальными особенностями, мы его будем рассматривать отдельно для каждой из локальных групп.

Восточная локальная группа

Характеристика материалов этой группы затруднена из-за малочисленности открытых здесь памятников позднего периода.

Наиболее выразительные материалы V в. найдены в могильнике Брут, но поскольку все открытые здесь погребения были ограблены, сохранившийся инвентарь достаточно однообразен. Это в первую очередь бронзовые пряжки с признаками V в. - кольца пряжек утолщены спереди не так резко как в IV в., а хоботковые язычки далеко выступа-

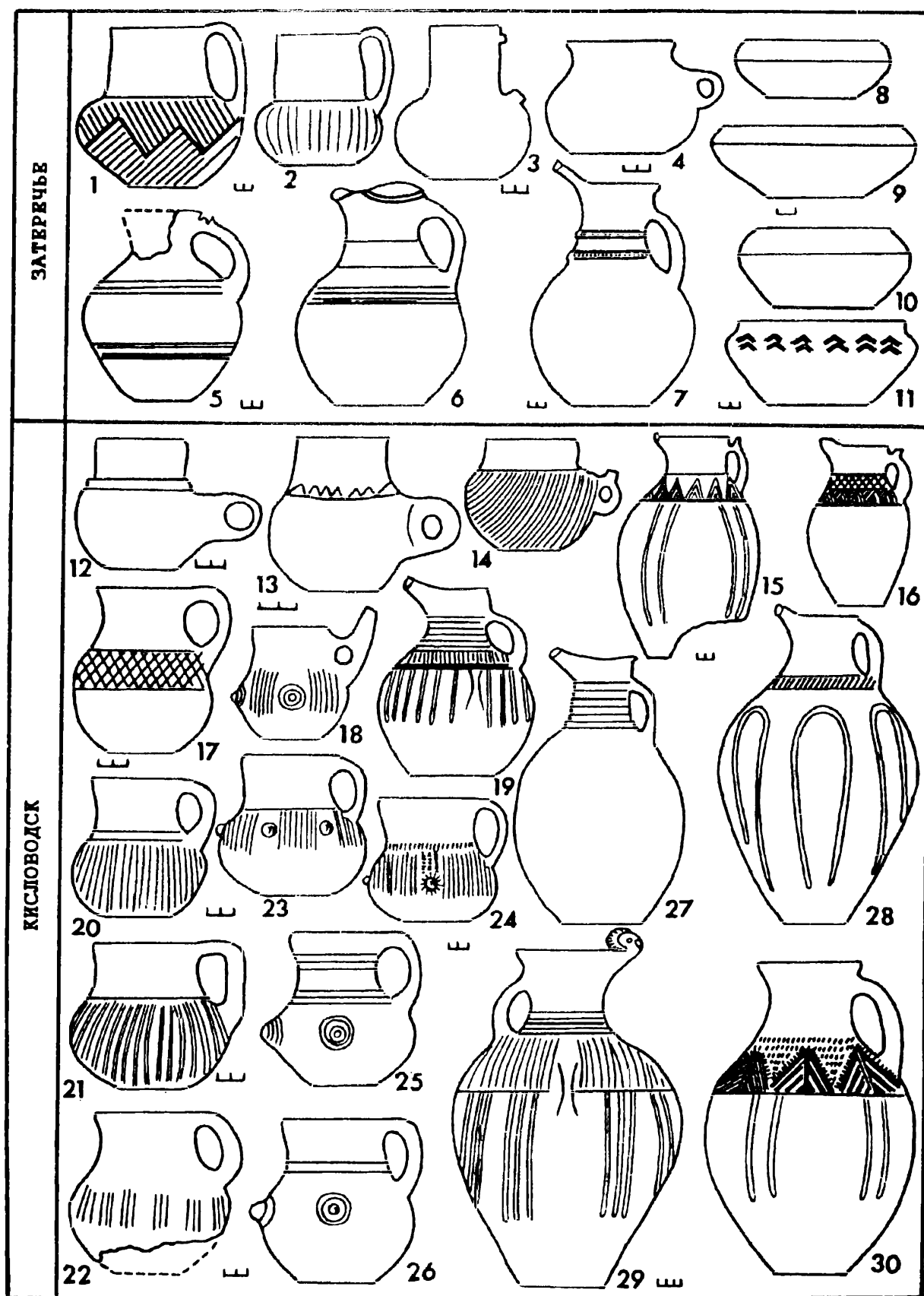

Рис.71. Глиняные сосуды памятников Затеречья и Кисловодска V в.

1-3, 7-9 - Брут; 4-6 - Мартан-Чу; 10, 11 - Али-Юрт; 12, 16, 18 - Лермонтовская скала-1; 13, 21 - Березовка-2; 14 - Замковый; 15, 17, 23, 27, 29 - Лермонтовская скала-2; 19, 24 - Мокрая Балка; 20 - Острый мыс; 22, 30 - Кисловодское озеро-2; 25 - Кисловодское озеро-1; 26, 28 - Георгиевское плато

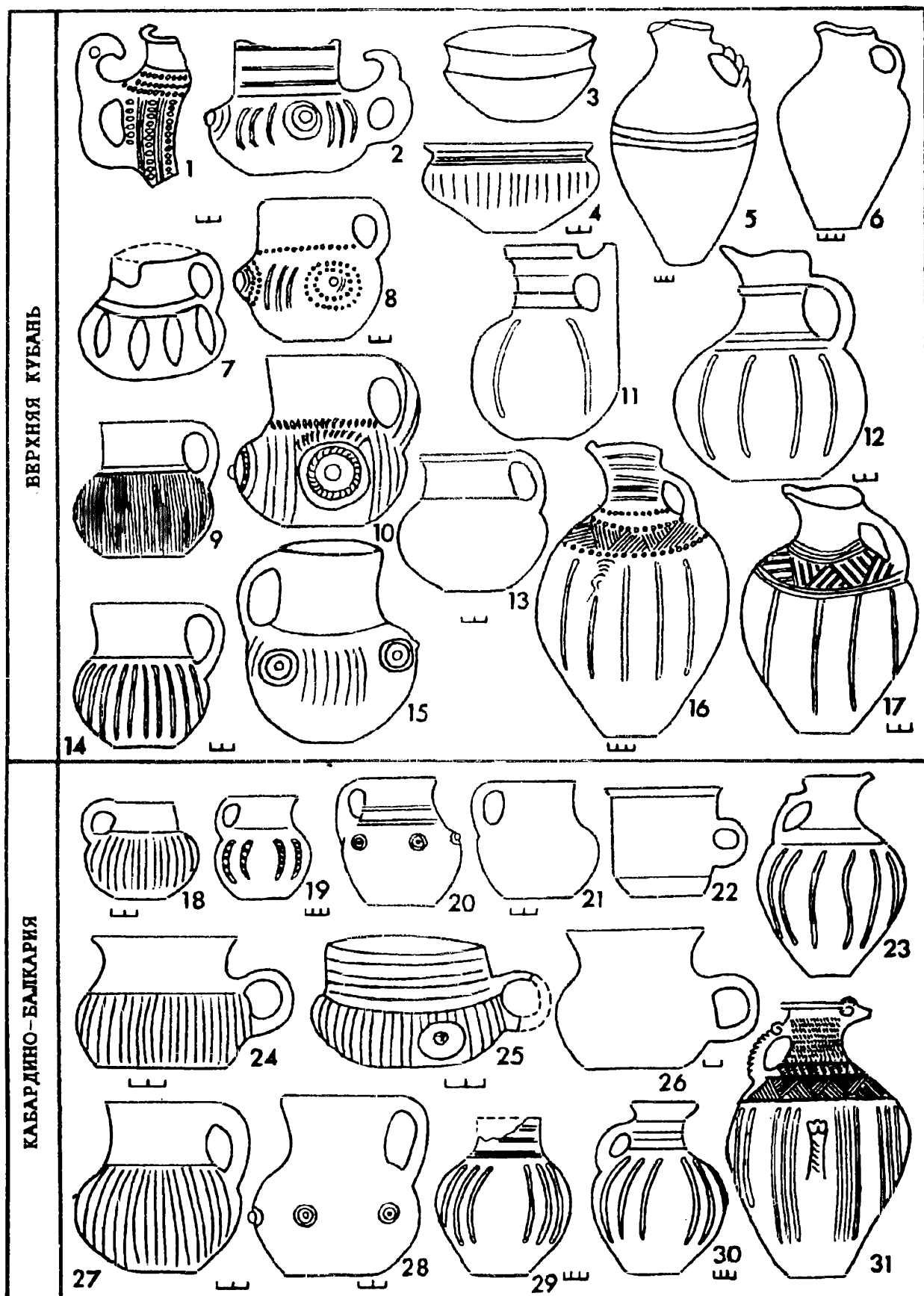

Рис.72. Глиняные сосуды памятников Верхней Кубани и Кабардино-Балкарии V в.

1, 2 - Узун-Кол; 3-6, 8, 11, 13, 14, 16 - Байтал-Чапкан; 7, 15, 17 - Гиляч; 9, 12 - Шестая шахта; 10 - Хумара; 18-21, 23, 29-31 - Хабаз; 22, 26-28 - Гижгид; 24 - Былым; 25 - Мукулан (Тырныауз)

ют за раму пряжки [Амброз А.К., 1971, ч.1, с.103].

Такие пряжки обнаружены в нескольких катакомбах могильника Брут (рис.12, 21-23) и в одной катакомбе Мартан-Чу (рис.14, 6). В одной из грунтовых катакомб Брута обнаружены две серебряные прямоугольнорамчатые штампованные пряжки (рис.12, 18, 19), которые, по мнению А.К.Амброза, свидетельствуют о более поздней дате этого погребения [Амброз А.К., 1989, с.40]. В погребении 1 вместе с литыми пряжками с длинным хоботковым язычком найдена серебряная лунница (рис.12, 24), а в погребении 2 - височная привеска с многогранником (рис.12, 5). В целом, это набор вещей, характерных для рядовых погребений V в. Богатые погребения содержались в курганах этого могильника, однако все они были ограблены. В кургане, исследованном С.С.Куссаевой, были найдены золотые изделия (рис.12, 1-4), состоящие из "поясной пряжки, язычка от ременного пояса, тонких штампованных бляшек круглой и треугольной формы, изящных зигзагообразных нашивок на платье. В единственном числе обнаружена пастовая круглая бусина голубого цвета". Все золотые предметы искусно выделаны, покрыты зернью, а пряжка и бляшка инкрустированы вишневого цвета камнями [Куссаева С.С., 1957, с.185]. Все эти изделия находят прямые аналогии среди золотых украшений гуннской эпохи [Засецкая И.П., 1975, с.38, №5; 56, №40; 60, №51]. Тайники с изделиями гуннского времени (оружием и сбруей) найдены в ограбленных курганах Брута Т.А.Габуевым [Габуев Т.А., 1994]. Остальные погребения Затеречья, предположительно относящиеся к этому времени (Мартан-Чу, Али-Юрт), фактически не содержат никакого, кроме керамики, инвентаря, поэтому характеристика особенностей материальной культуры этого региона в гуннскую эпоху не может быть полной.

Западная локальная группа

На территории западной группы в поздний период наблюдается распространение памятников, характеризующихся новыми элементами материальной культуры. В первую очередь это отмеченные особенности керамических материалов западной группы, своеобразие которых наиболее четко прослеживается в памятниках двух районов - в окрестностях Кисловодска и в бассейне Верхней Кубани.

Рассмотрим другие материалы западной локальной группы.

Оружие. Среди оружия преобладали мечи и кинжалы. Мечи, как и в предшествующий период, длинные (80-90 см) двулезвийные.

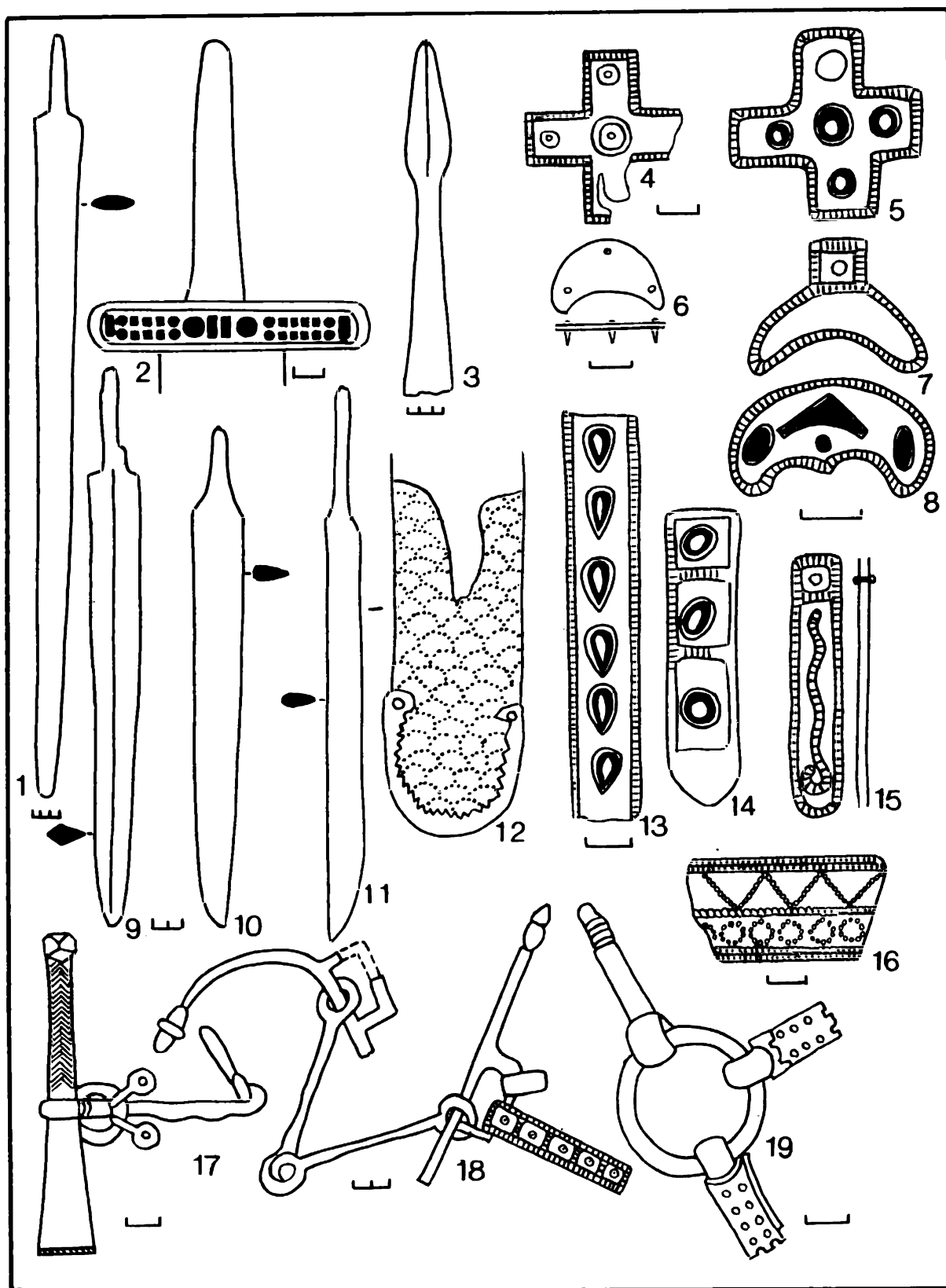
Как правило, они не имеют металлического навершия. Некоторые из них, как и прежде, были без перекрестий (рис.73, 1), однако многие имели прямое перекрестие, что характерно и для большинства мечей, связываемых с памятниками гуннского времени, распространенными на широкой территории. Из богатых погребений происходят мечи, лицевая часть перекрестий которых украшена в ряде случаев перегородчатой инкрустацией. Такой меч, в частности, обнаружен в погребении 10 у Лермонтовской скалы-2 (рис.20, 15). А.К.Амброз, правда, полагал, что часть вещей из этого погребения, в том числе и меч, перекрестие которого было инкрустировано вставками из красного и желтого стекла, была связана с более поздним захоронением, наличие которого он предполагал в этой могиле [Амброз А.К., 1989, с.38]. Длинный меч (88 см) с перекрестием, украшенным сердоликовыми и стеклянными вставками, обнаружен и в одной из катакомб Мокрой Балки (рис.73, 2).

Перекрестия мечей, украшенные инкрустацией, хорошо известны в памятниках гуннского времени [Werner J., 1956, Taf. 1, 2; Засецкая И.П., 1975, рис.6]. Северокавказские находки являются, по-видимому, местным подражанием этой моде, когда стеклянные вставки имитировали каменные. Меч с подобным перекрестием был найден, в частности, в погребении IV-V вв. Буйнакского кургана в Дагестане. Передняя часть перекрестия была украшена перегородчатой инкрустацией с прямоугольными и треугольными вставками из красного и желтого стекла [Абрамова М.П., 1980, с.127, рис. VII, 26].

В Березовском могильнике №2 найден короткий меч или кинжал (длина 35,7 см) без навершия и перекрестия (рис.73, 9).

Помимо двулезвийных, в ряде погребений найдены короткие однолезвийные мечи, которые обычно были без металлических перекрестий (рис.73, 10, 11). Однолезвийные мечи на Северном Кавказе были известны и в предшествующее время начиная со скифской эпохи [Абрамова М.П., 1993, с.71,72]. Позже (VI-VII вв.) они распространились и в степи. А.К.Амброз рассматривал их как прототипы сабель конца VII в. [Амброз А.К., 1981, с.15].

В погребении 17 могильника Байтал-Чапкан однолезвийный меч был найден в бронзовых позолоченных ножнах, покрытых чешуйчатым орнаментом (рис.73, 11, 12). Подобные обкладки ножен известны и в памятниках Польши [Abramowicz A., Dąbrowski K., Jądzewski K., Nosek S., 1959, Pl.15, 28] и Венгрии [Werner J., 1956, Taf.24, 1, 2]. В памятниках гуннского времени находит ана-

Рис.73. Оружие и предметы конского убора из погребений западной локальной группы V в.

1, 16 - Шестая шахта; 2 - Мокрая Балка; 3 - Гиляч; 4, 6, 7, 15, 17, 18 - Лермонтовская скала-2; 5, 8, 13, 14 - Верхняя Рутха; 9 - Березовка-2; 10 - Острый мыс; 11, 12 - Байгал-Чапкан; 19 - Терезе

1, 3, 9-11 - железо; 2 - железо, бронза, стекло; 4, 5 - бронза, золото; 6 - бронза; 7, 15 - серебро; 8, 14 - бронза, золото, гранат; 12, 16 - позолоченная бронза; 13 - бронза, золото, сердолик; 17, 18 - железо, бронза, золото; 19 - позолоченное серебро

логии и окантовка этих ножен [Wegner J., 1956, Taf.20, 5a; 22, 12a]. Подобная окантовка (рис.19, 20) найдена в одной из катакомб Кисловодска.

В погребениях изредка встречались наконечники копий (рис.73, 3). Что касается наконечников стрел или костяных обкладок лука, характерных для степных древностей гуннского времени, то в рассматриваемых северокавказских комплексах они не найдены.

Предметы конского убора были довольно широко распространены в древностях, связываемых с гуннским временем. В разрушенном кургане у Терезе найдены удила в виде колец с зажимами (рис.73, 19), которые датируются V в. [Амброз А.К., 1989, с.42]. В богатом погребении 10 у Лермонтовской скалы-2 найдено трое удила. Одни из них - это удила с длинными пластинчатыми зажимами; псалии с четырехугольной петлей имеют на концах бронзовые головки (рис.73, 18). Эти удила А.К.Амброз датирует V в. Вторые удила близки к первым: они также имеют изогнутые псалии с четырехугольной петлей, в которую продеты овальные зажимы (рис.21, 5). Третьи удила - железные с овальными зажимами и бронзовыми псалиями, заканчивающимися граненой головкой (рис.73, 17). Двое последних удила А.К.Амброз связал с выделенной им поздней группой находок (VII в.) из этого погребения. Однако подобные удила хорошо известны и в комплексах V в. - такие псалии с граненой головкой найдены в Унтерзибенбрунн (Австрия) в комплексе первой половины V в. [Амброз А.К., 1989, рис.6, 12], поэтому их вряд ли стоит относить к столь позднему времени.

С украшениями конской сбруи связаны бляшки разных форм, найденные вместе с рассмотренными удилами и в других памятниках, а также шарнирные подвески, аналогичные таким подвескам предшествующего времени (рис.41, 8).

Бляшки конской сбруи разнообразны по форме - крестовидные (рис.73, 4, 5), многочисленные лунницы (рис.73, 6-8), вытянутые прямоугольные (рис.73, 13, 14) и фигурные бляшки. Лунницы делались из гладкой бронзовой или серебряной пластины. А.К.Амброз отмечал, что лунницы могли украшать не только сбрую, но и быть связаны с ремнями обуви, что было зафиксировано, в частности, в Башкирии [Амброз А.К., 1989, с.32]. Большая часть лунниц и бляшек других форм имеет однотипный рельефный орнамент - веревочный по краям и окружности в центре (рис.73, 4, 5, 7, 8). К предметам конской сбруи относятся и тонкие накладки ремней с рельефным орнаментом (рис.73, 15) [Ам-

броз А.К., 1989, с.32]. Иногда бляшки имели круглые, овальные и треугольные вставки (сердоликовые, гранатовые и др.) в отдельных гнездах или в прорезях золотой фольги, покрывавшей бронзовое изделие сверху.

Многочисленные изделия со вставками наиболее характерны для погребений Верхней Рутхи (Северная Осетия). Подавляющее большинство их выполнено в одной технике: основу составлял гладкий бронзовый лист, который сверху перекрывался золотой фольгой с рельефным орнаментом. Края фольги снизу загибались за края бронзового листа. Пространство между двумя листами заполнялось белой массой. Поверхность украшалась вставками из граната, сердолика или стекла в напаянных гнездах. В такой технике были сделаны различные изделия - двупластинчатые фибулы, различные бляшки, в том числе и бляхи конской сбруи, среди которых имеются крестовидная (рис.73, 5) и прямоугольные вытянутых форм (рис.73, 13, 14).

К предметам конской сбруи можно отнести и некоторые пряжки, найденные в погребениях. Обычно они были сделаны из железа и имели довольно крупные размеры. Железная прямоугольная пряжка, связанная с конской сбруей, найдена в погребении 10 у Лермонтовской скалы-2. Крупная овально-рамчатая железная пряжка со щитком (рис.35, 3) найдена вместе с железными удилами в погребении 29 могильника Байтал-Чапкан.

Седло. В богатом погребении 10 у Лермонтовской скалы-2 была найдена серебряная позолоченная пластина седла, покрытая чешуйчатым орнаментом (рис.20, 18). А.К.Амброз отнес ее к поздней группе инвентаря ("шиповской"), которую он датирует VII в. Основанием для этого послужило наличие бордюра по краю пластины, что, по мнению А.К.Амброза, характерно для поздних образцов таких блях. Однако основные признаки поздних блях, выделенные А.К.Амброзом, это вытянутая их форма и наличие бордюра из 3-образных вдавлений [Амброз А.К., 1989, с.75], и оба эти признака отсутствуют у данной седельной бляхи. По форме эта бляха аналогична подобной бляхе из Новоигорьевки (могила VIII), датированной А.К.Амброзом V в. [Амброз А.К., 1989, рис.7, 13]. К V в. относит бляхи подобной формы и И.П.Засецкая [Засецкая И.П., 1984, с.70-75, рис.2].

Предметы одежды и украшения. Среди предметов одежды наибольшее распространение получили *пряжки*, являющиеся одним из основных хронологических показателей для рассматриваемых древностей.

Характерные признаки пряжек V в. отмечались выше. Это в первую очередь длинный хоботковый язычок, конец которого далеко выходит за края рамы. Такие пряжки найдены в большей части рассматриваемых комплексов (рис.74, 1-9, 11-14). Делались они преимущественно из бронзы или из серебра. Изредка встречаются железные пряжки. Так, две железные пряжки без щитков происходят из погребения 30 могильника Байтал-Чапкан. Одна из них лежала слева у таза погребенного, вторая у правого его локтя.

Среди бронзовых и серебряных пряжек преобладали круглорабочатые и овальнорабочатые - бесщитковые (рис.74, 1, 2), либо со щитками - гладкими круглыми (рис.74, 3), овальными (рис.74, 6) или прямоугольными (рис.74, 4, 5, 7-9). Некоторые из этих пряжек имели на конце язычка стилизованное изображение звериной головы (рис.74, 2, 5), что характерно для пряжек V в. [Амброз А.К., 1989, с.49].

Круглые щитки пряжек часто украшались одной круглой вставкой, заполнявшей почти весь щиток (рис.74, 6, 12), в напаянном гнезде. Вставки делались из сердолика (в окружении рубчатого ободка) или другого полудрагоценного камня, либо это были разноцветные стеклянные вставки (как и на некоторых перекрестиях мечей), имитирующие камни. Иногда овальные щитки пряжек украшались перегородчатой инкрустацией (рис.74, 11). Прямоугольные щитки пряжек инкрустировались двумя способами. Они либо имели вставки в напаянных гнездах (рис.45, 6), либо применялась перегородчатая инкрустация, которой покрывалась почти вся поверхность щитка. Здесь тоже часто использовались не камни, а цветное стекло - голубого, красного (рис.27, 4) и лилово-красного цвета (рис.74, 13).

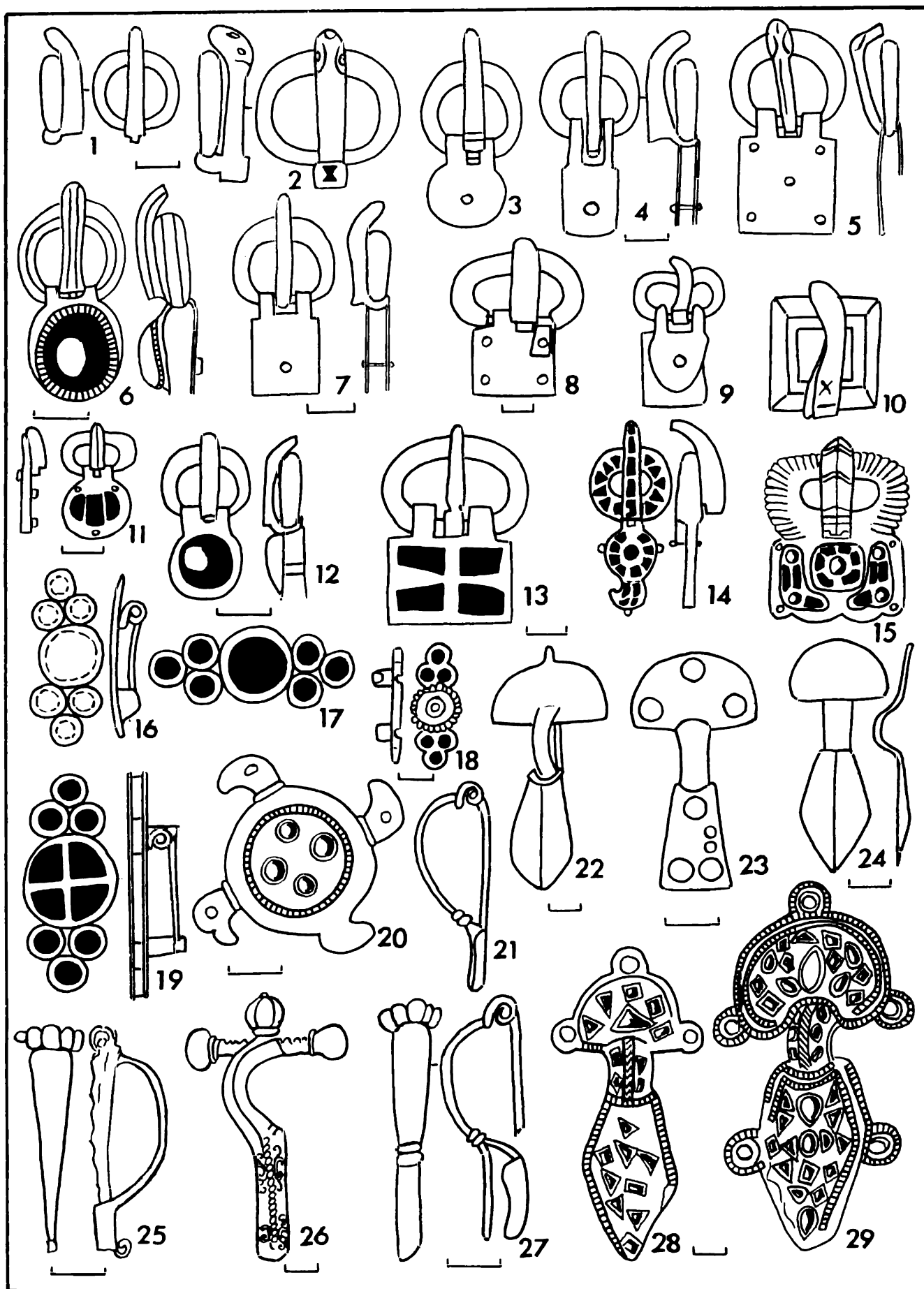
Изредка встречаются пряжки, у которых перегородчатой инкрустацией покрыта вся ее поверхность - не только щиток, но и рама и язычок. Подобная золотая пряжка с алмадинами (рис.74, 14) происходит из погребения 10 могильника Лермонтовская скала-2. Украшенные таким образом пряжки известны в погребениях гуннского времени Керчи и Средней Европы [Амброз А.К., 1989, с.91, рис.5, 34; Mészáros Gy., 1970, fig.10, 11].

В погребении 5 могильника Чми найдена пряжка с фигурным щитком со вставками в круглых и треугольных гнездах (в двух из них сохранились вставки из желтого стекла). Пряжка крепилась к ремню при помощи трех заклепок, размещенных в специально напаянных цилиндрах (рис.62, 1). Таким способом крепились многочисленные пряж-

ки гуннского времени [Амброз А.К., 1989, с.31].

Особую группу составляют пряжки, которые по ряду признаков относятся А.К.Амброзом ко II ("шиповской") группе древностей - тонкие полые пряжки со щитками. А.К.Амброз относил их к числу геральдических, отмечая общие для тех и других черты: рамки и щитки пряжек сделаны из одного куска металла, они имитируют массивные тяжелые пряжки с толстыми широкими рамками [Амброз А.К., 1989, с.76]. Рамы пряжек покрыты поперечными бороздками. Такие пряжки известны в Шипово, есть они и на Кавказе (рис.74, 15). А.К.Амброз включает такие пряжки в число древностей VII в., считая, что пока нет данных для датировки их VI в. [Амброз А.К., 1989, с.76]. Это обстоятельство и позволило ему, очевидно, расценить инвентарь погребения 10 у Лермонтовской скалы-2, в котором была найдена подобная пряжка, и отнести часть инвентаря этого погребения к V в., а часть - к VII в., что уже отмечалось. Однако представляется, что шиповские древности предшествуют материалам с геральдическими пряжками, а не синхронны им. Об этом, в частности, писала И.П.Засецкая, которая датировала их второй половиной V в. [Засецкая И.П., 1994, с.125-131]. Можно допустить существование их и в VI в. По мнению А.В.Богачева, подобные пряжки следует датировать в пределах третьей четверти VI в. [Богачев А.В., 1996].

В целом, выделение поздних признаков и отнесение части инвентаря погребения 10 у Лермонтовской скалы-2 (седельных блях, удилов, мечей, пряжек и др.) к VII в. вызывает возражения. Трудно допустить наличие в одной могиле двукратных захоронений V и VII вв., учитывая к тому же, что оба они содержали изделия с перегородчатой инкрустацией со вставками из алмандинов. Инкрустированные подобными вставками изделия вообще сравнительно редко встречаются на Северном Кавказе, поскольку здесь преобладали предметы местного производства, в которых каменные вставки заменялись цветными стеклами. Вставки из полудрагоценных камней, в том числе из алмадина, были характерны для изделий с перегородчатой инкрустацией, найденных среди древностей гуннского времени Керчи [Засецкая И.П., 1975, с.19, рис.6] и Средней Европы [Fettich N., 1932, S.71; Werner J., 1956, Taf.20, 4, 6, 7]. Поэтому кажется маловероятным появление подобных изделий на Кавказе в одной могиле с перерывом в 200 лет. Возможно, что из трех погребенных в этой мо-

гиле последний был захоронен позже первых двух, как и предполагал А.К.Амброз, однако вряд ли здесь можно говорить о таком большом хронологическом разрыве.

То же самое можно сказать и о полых (штампованных?) пряжках из тонкой бронзовой или серебряной пластины. В большинстве своем они имеют прямоугольную или овальную раму (рис.12, 18, 19; 62, 17). Такие пряжки были найдены в одной из катакомб Брута и в погребениях Чми. А.К.Амброз датировал их VI-VII вв. [Амброз А.К., 1989, с.40]. Представляется, что эта дата завышена, и погребения с подобными пряжками обоих могильников датируются не позже VI в. Подтверждает это и факт сочетания подобной пряжки из Чми с крестовидной фибулой грузинского производства. Подобные фибулы бытовали с V по VII в., однако в VII в. их форма существенно меняется - в погребениях этого времени господствуют прогнутые крестовидные фибулы [Апхазова Н.И., 1979, с.115]. Крестовидная фибула из Чми имеет дуговидную спинку, что не характерно для подобных фибул VII в.

Фибулы. В отличие от комплексов более раннего времени, в которых господствовали фибулы северопричерноморского и боспорского происхождения, в погребениях рассматриваемого периода преобладали фибулы западных образцов - двупластинчатые и прогнутые фибулы.

Двупластинчатые фибулы. В памятниках района Кисловодска и бассейна Верхней Кубани наибольшее распространение получили двупластинчатые фибулы, которые, однако, значительно отличались от средневропейских образцов: они делались из тонкой бронзовой пластины, не имели узорных накладок и длинных осей пружин, заканчивающихся кнопками. Все рассматриваемые северокавказские двупластинчатые фибулы имели местное производство, которое было характерно, по данным А.К.Амброза, для подобных фибул с конца IV-V вв. [Амброз А.К., 1966, с.96].

У многих фибул имелась полукруглая головка и короткая ножка - трапецевидная с расширением в нижней части (рис.74, 23) или ромбическая с расширением в средней

части (рис.74, 22, 24, 28, 29).

При датировке двупластинчатых фибул особое внимание уделяется местонахождению наибольшего расширения ножки: у ранних фибул это расширение находится в нижней части ножки, у поздних - в верхней. Ранними считаются и фибулы с ромбической ножкой. При ромбической форме ножки этот признак, по-видимому, утрачивает свое значение, так как хорошо известны ранние фибулы (V в.) с расширением как в средней [Tejral J., 1973, Taf.II, 56; III, 8, 9; Bierbrauer V., 1980, S.131-142, Abb.11, 12; 15, 1, 2], так и в верхней части [Koenig G., 1980, Taf.60, с. d; 61]. Кроме того, необходимо учитывать отмеченный факт местного производства этих фибул. Они не были литыми, а штамповались из тонкой бронзовой пластины (в частности, фибулы из Чми штамповались из овальных пластин равномерной ширины, так что головки у них по ширине равны верхней части ножки - рис.61, 23, 25). Поэтому все те хронологические признаки, которые выделяются для этих фибул на материалах Крыма или Средней Европы, не могут механически переноситься на северокавказские материалы, хотя во многих случаях они выдерживались.

У большей части северокавказских двупластинчатых фибул была гладкая неорнаментированная поверхность. Однако имеется несколько экземпляров инкрустированных фибул, которые были двухслойными: бронзовая основа покрывалась золотой фольгой, сверху напайвались гнезда с каменными или стеклянными вставками. Такая фибула найдена в погребении 5 могильника Гиляч (рис.74, 29) и четыре подобные фибулы происходят из горных районов Северной Осетии - одна из Задалиска и три из Кумбулты. У фибулы из Задалиска, сделанной из бронзы, имеется тисненый рельефный орнамент, характерный для изделий гуннского времени степной группы, и круглые вставки из цветного стекла в прорезях верхнего листа (рис.52, 16). Три фибулы, найденные в могильнике Верхняя Рутха у селения Кумбулта, выполнены в той же технике, что и сбруйные бляшки из этого могильника, описанные выше - они имеют бронзовую основу и

Рис.74. Пряжки и фибулы из погребений западной локальной группы V в.

- 1, 2 - Мокрая Балка; 3, 8, 10, 22, 29 - Гиляч; 4, 7, 11, 14, 15, 18 - Лермонтовская скала-2; 5 - Нижняя Рутха; 6, 9, 13, 17, 19, 20, 23, 26 - Байтал-Чапкан; 12, 24, 25 - Вольный Аул; 16, 27 - Кумбулта; 21 - Мукулан (Тырныауз); 28 - Верхняя Рутха
1, 3, 5, 8, 10, 16, 21-24, 26, 27 - бронза; 2, 4, 7, 9 - серебро; 6 - бронза, сердолик; 11, 15 - серебро, золото, альмандин; 12, 13, 17, 19, 20 - бронза, стекло; 14, 18 - золото, альмандин; 25 - бронза, железо; 28 - бронза, золото, гранат, "смальта"; 29 - бронза, золото, драгоценные камни, стекло

покрытие из золотой фольги с рельефным орнаментом. Поверхность фибул покрыта гнездами со вставками из граната и смальты (рис.57, 13-15; 74, 28).

Двупластинчатые фибулы, характерные главным образом, как отмечалось, для памятников Кисловодска и Верхней Кубани, встречались и в более восточных районах - на территории Кабарды (Вольный Аул) и в горных районах Северной Осетии, главным образом в Дигории. Далее к востоку они встречаются значительно реже. Наиболее восточным пунктом их распространения является могильник у сел.Чми на Военно-Грузинской дороге (левый берег Терека). Далее к востоку, в районе Затеречья, такие фибулы неизвестны, их нет и в памятниках VI-VII вв., открытых на территории Чечено-Ингушетии. Однако они известны в Дагестане, хотя и там в гуннское время довольно редки: бронзовая фибула своеобразной формы с круглой головкой из Паласа-Сырта [Гмыря Л.Б., 1993, рис.14, 7], также, по-видимому, местного производства; фибулы из Буйнакского кургана [Абрамова М.П., 1980, с.136] и из Ираги, одна из которых, имеющая бронзовую основу, покрытую золотой фольгой, была украшена вставками из альмандина и зеленого стекла [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с.102, 103, рис.49, 18]. Двупластинчатые фибулы известны на территории Дагестана и позже, в частности, в Верхне-Чирюртовском могильнике VII-VIII вв. Эти фибулы были литыми, имели достаточно своеобразную форму и использовались, по мнению Н.Д.Путинцевой, в качестве подвесок [Путинцева Н.Д., 1961, с.263, 264]. Исходя из этого, можно, по-видимому, говорить о том, что основная территория бытования двупластинчатых фибул в центральных районах Северного Кавказа в V-VII вв. совпадает с территорией западной локальной группы, учитывая при этом, что в горных районах Северной Осетии наибольшее их число происходит из памятников Дигории.

Прогнутые подвязные фибулы. Они составляют довольно выразительную группу рассматриваемых фибул. По данным А.К.Амброза, прогнутые подвязные фибулы появляются на Кавказе не ранее второй половины IV в.: это были фибулы, либо являвшиеся дальнейшим развитием фибул лебяжьинской серии, получившие прогиб корпуса, либо некоторые другие местные формы подвязных фибул [Амброз А.К., 1966, с.96].

Все известные северокавказские экземпляры подобных фибул были двучленными, спинки их в большинстве случаев были дуговидными, большая их часть имеет узкую

ножку (рис.74, 21, 27), у некоторых ножка расширена (рис.52, 3, 11).

Как и двупластинчатые, прогнутые подвязные фибулы были характерны лишь для памятников западной группы. Несмотря на местное производство этих фибул на Северном Кавказе, они отсутствуют в восточных его районах - в Затеречье и на территории Дагестана.

Фибулы-броши. Для памятников западной локальной группы характерна еще одна разновидность фибул. Это фибулы-броши, которые довольно стандартны по форме. Это, во-первых, фигурные броши, состоящие из семи круглых гнезд - одно крупное в центре и по три меньшего размера по краям (рис.74, 16-19). Застежки у них пружинные или шарнирные (из двух стоек), как у фибул-брошей первых веков нашей эры. Две подобные пружинные фибулы из бронзы найдены в могильнике Байтал-Чапкан. Одна из них имеет вставки из желтого стекла (рис.74, 19), другая - центральную вставку из зеленого стекла, а боковые из бесцветного (рис.74, 17), все вставки этой фибулы лежали на золотой фольге. Такая же бронзовая фибула найдена в горной Осетии (Кумбулта). Она также пружинная, гнезда не сохранились (рис.74, 16). Миниатюрная фибула подобной формы, сделанная из золота и имеющая вставки из альмандина, найдена в погребении 10 у Лермонтовской скалы-2. Эта фибула имеет застежку в виде шарнира из двух стоек (рис.74, 18).

Кроме того, для раннесредневековых северокавказских памятников характерны круглые фибулы-броши с выступами в виде птичьих голов. В погребении 9 могильника Байтал-Чапкан найдена круглая пружинная фибула с четырьмя выступами в виде птичьих голов. Она имеет 4 вставки из бесцветного стекла (рис.74, 20). Две подобные фибулы имеются в собрании П.С.Уваровой из Верхней Рутхи. Они выполнены в той же технике, что и сбруйные бляшки и двупластинчатые фибулы: бронзовая основа, покрытая золотой фольгой, орнамент - скань и гнезда с гранатовыми вставками (рис.57, 3).

Фибулы и бляшки с птичьими головками, в том числе и фибулы в виде миниатюрных фигур птиц, обычно датируются VI-VII вв., поскольку известно их сосуществование в комплексах с геральдическими пряжками [Амброз А.К., 1989, рис.23; 25; 29]. Однако в Верхней Рутхе они, несомненно, составляют единую хронологическую группу с другими изделиями, в том числе и фибулами V в., выполненными в той же технике, что отмечалось и П.С.Уваровой [Уварова П.С., 1900, с.238, 239].

Кроме трех групп фибул, характерных для памятников западной группы, имеются и фибулы других типов, найденные в единичных экземплярах. Это отмеченная выше крестовидная фибула (рис. 62, 24), а также двучленные шарнирные фибулы с кнопкой (рис. 61, 13) или с завитком (рис. 74, 25), характерные для северокавказских раннесредневековых памятников и не имеющих узкой даты [Амброз А.К., 1966, с.46, 47; 1989, с.35].

И последняя очень интересная группа фибул - это римские провинциальные фибулы с луковичными кнопками, не получившие широкого распространения на территории бывшего СССР. Они известны в Крыму, главным образом в Херсонесе, две подобные фибулы найдены в могильнике Байтал-Чапкан (рис. 74, 26), одна в Балкарии [Миллер В.Ф., 1888, табл. XXIV, 20] и восемь в горных районах Осетии (Дигория) - в могильнике Кумбулта и прилегающих памятниках (рис. 58, 1-5). Типологию и хронологию этих фибул разрабатывали Е. Келлер, который датировал их с 290 по 400 г. н.э. [Keller E., 1971], и Ф. Проттель, предложивший новую хронологию этих фибул - с 265 по 470 г. [Pröttel Ph.M., 1988]. Известные находки таких фибул в Херсонесе, откуда они скорее всего могли попасть на Северный Кавказ, также датируются не позже V в. [Амброз А.К., 1966, с.74, 75]. Так что, по-видимому, этим временем можно датировать и северокавказские экземпляры подобных фибул. Более подробно они рассмотрены в отдельной статье [Абрамова М.П., 1995б].

В некоторых погребениях, относящихся, по-видимому, к VI в., появляются фибулы в виде цикад.

Украшения. Украшения составляют очень многочисленную группу инвентаря. Большая часть погребений, в том числе и самые богатые, были мужскими и содержали в основном оружие и предметы конского убора. Рядовые женские могилы содержали невыразительный материал. Украшения представлены главным образом серьгами и височными привесками. Среди них преобладают калачевидные привески (рис. 75, 1, 3, 4), найденные во многих погребениях. Иногда привески имели вид простых проволочных колец с несомкнутыми концами (рис. 75, 2), у некоторых привесок на конце кольца имелась многогранная бусина (рис. 75, 5). В погребениях Чми найдены бронзовые привески в виде топориков и лопаточек (рис. 61, 3, 4; 62, 14, 15). Близкие по форме топоровидные привески известны в некрополях Боспора и Херсонеса во II-IV вв. н.э. [Алексеева Е.М., 1982, с.26, табл. 42, 6, 7; Зубарь В.М., 1982, с.102, 103, рис. 68, 8-11], характерны они и

для комплексов V в. [Koenig G., 1980, S.232, Taf. 62, f].

В одном из погребений Чми найден бронзовый браслет, на уплощенных концах которого имеются изображения звериной морды (рис. 61, 11). Такие браслеты очень характерны для раннесредневековых памятников Грузии, где они датируются в пределах IV-VII вв. [Апхазава Н.И., 1979, с.120].

Особую группу украшений составляют инкрустированные бляшки, большая часть которых найдена в могильниках Байтал-Чапкан и Верхняя Рутха. Все бляшки по форме круглые, инкрустированы двумя способами - вставками в напаянных гнездах или перегородчатой инкрустацией. Оба эти способа характерны для инкрустированных изделий гуннской эпохи.

В погребении 24 могильника Байтал-Чапкан найдена бронзовая бляшка, покрытая золотым листом с тисненым узором по краю и сердоликовыми вставками в золотых гнездах (рис. 75, 17). Она лежала на груди погребенной женщины. Вместе с ней были найдены две фибулы - бронзовая двупластинчатая раннего типа (с расширением в нижней части ножки) и т-образная фибула с луковичными кнопками, которая по хронологии Ф. Проттеля датируется не позднее 420 г. [Pröttel Ph.M., 1988, Abb. 11]. Несмотря на безусловную возможность более позднего времени бытования подобных фибул на Кавказе, для датировки этого комплекса VII в., как предлагал А.К. Амброз, нет оснований.

Близкие по форме и технике изготовления бляшки происходят из Верхней Рутхи, где они составляют одну группу изделий вместе с рассмотренными выше сбруйными бляхами и фибулами. Все они круглые, четыре из них имеют бронзовую основу, обтянутую золотой пластиной, украшенной гнездами со вставками из сердолика (рис. 75, 19, 22). Диаметр трех блях 6,5 см, 4 см и 4 см. Четвертая бляха (диаметр 3,7 см) имеет вставки из янтаря и граната (рис. 57, 10).

Еще две круглые бляхи из Рутхи имели более высокое качество - они не имели бронзовой основы, были сделаны из золота и украшены "изящной сканью" и вставками из граната и сердолика (рис. 75, 18). На оборотной стороне всех блях имелись маленькие петелки для пришивания.

Подобные бляшки известны и среди степных древностей гуннского времени. Найдены они, в частности, на Ставрополье [Засецкая И.П., 1975, с.52, №33; Охонько Н.А., Отюцкий И.В., 1985, с. 236, 237, рис. 1, 5].

В погребении 1 могильника Байтал-Чапкан найдены две бронзовые бляшки с пере-

городчатой инкрустацией. Они лежали между левым локтем и ребрами погребенного подростка. Обе бляшки (диаметр 4,5 и 2 см) выполнены в одной технике, описанной Т.М.Минаевой - на подстилающий бронзовый лист напаяны перегородки из бронзовой ленточки, образовавшиеся ячейки заполнены белой массой, покрашенной сверху темно-лиловой краской, и покрыты плоскими вставками из желтого стекла (на маленькой бляшке вставки не сохранились). Узор геометрический, состоит из треугольников и кругов. По краям бляшек проходит полый рубчатый ободок (рис.75, 21, 23). Ближайшая аналогия крупной бляшке имеется в погребении 11 у Лермонтовской скалы-2 - и по технике изготовления и по характеру орнамента (рис.75, 20), хотя последняя имеет меньшие размеры (диаметр 2 см). Это погребение содержит стеклянный сосуд с каплями синего стекла, пряжки и другие изделия, позволившие датировать эту могилу V в. [Амброз А.К., 1989, с.36, 37]. К V в. можно отнести и бляшки Байтал-Чапканского могильника.

В двух погребениях могильников Лермонтовская скала-2 и Гиляч найдены золотые прямоугольные инкрустированные бляхи, состоящие из двух половинок. Они инкрустированы вставками из альмандина (рис.20, 17) и стекла (рис.40, 8). Назначение их не выяснено. В обоих случаях они найдены в комплексах V в. [Амброз А.К., 1989, рис.11, 8, 9, 12, 6].

Туалетные принадлежности. К ним относятся туалетные наборы (рис.20, 14, 22, 20) и зеркала.

Зеркала все однотипные - с центральной петлей, мало отличаясь от зеркал III-IV вв. Однако все ранние зеркала имеют небольшие размеры (диаметр 5-6 см) и более стандартный орнамент. На северокавказских материалах наибольшая стандартизация в орнаменте зеркал наблюдается во второй половине III в. н.э., когда эти зеркала имели орнаментальный пояс из радиальных лучей. Уже в IV в. появляются новые элементы в орнаменте зеркал при сохранении старых. Это подтверждается, в частности, материалами Паласа-Сыртского могильника в Дагестане [Гмыря Л.Б., 1993, с.257-259, рис.38]. Рассмотренные выше комплексы V в. содержат, помимо маленьких, и большие зеркала (диаметр от 7-8 до 12 см), которые особенно характерны на Северном Кавказе для памятников более позднего времени. Усложняется в это время и орнамент - поверхность зеркала делится в большинстве случаев на два пояса, которые, помимо радиальных лучей (рис.75, 24), заполняются и зигзагообразными линиями, образующими треугольные

фигуры (рис.75, 25, 27), характерные и для блях с перегородчатой инкрустацией (рис.75, 20, 23). Все эти зеркала обычно имеют концентрические валики, в том числе и по краям зеркала. Однако, как и в предшествующий период, есть небольшие зеркала с гладким (без валиков) диском и рельефным орнаментом из радиальных лучей (рис.19, 15), в центре их имеется полукруглая петля.

В заключение следует коротко остановиться на сосудах из бронзы и стекла.

Бронзовые котлы найдены в ряде погребений западной локальной группы. Один из них литой на высоком поддоне, с цилиндрическим туловом, разделенным п-образными фигурами на четыре плоскости. На ручках имеются грибообразные выступы (рис. 75, 29). По всем своим признакам этот котел входит в группу II котлов "гуннского типа", выделенную Н.А.Боковенко и И.П.Засецкой и датруемую ими концом IV-V вв. - эпохой господства гуннов в Восточной Европе [Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993, с.75, 82, 83, рис.7]. Котел происходит из разрушенного склепа Кабардино-Балкарии (Хабаз).

В склепах Хабаза и в ряде других могил найдены однотипные клепаные котлы, сделанные из трех листов бронзы; они имели цилиндрическое тулово, округлое дно и массивные железные или бронзовые ручки. Все швы скреплены заклепками (рис.75, 28, 30-32). Такие котлы известны в катакомбах Кисловодска, каменных гробницах Верхней Кубани, склепах Кабардино-Балкарии. Наиболее восточная находка - котел из Камунты (Дигория), хранящийся в ГИМе [Уварова П.С., 1900, с.325].

Ближние по форме бронзовые клепаные котлы с отогнутым краем и железной ручкой известны в сарматских погребениях первых веков нашей эры, где они рассматриваются как предметы римского импорта или местные им подражания [Берхин И.П., 1961, с.151, рис.6; Шилов В.П., 1975, с.161-164]. Все эти ранние котелки делались обычно из одного листа бронзы. Они продолжали существовать и в более позднее время - в IV-V вв. [Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н., 1966, с.194, 195, рис.5, 2; Засецкая И.П., 1984, с.76, 77, рис.1, 10], когда также делались из одного или из двух листов бронзы. Однако уже среди этой ранней группы котлов известны единичные экземпляры, сделанные из трех листов бронзы. Подобный котел, в частности, найден в катакомбном погребении III в. н.э. на Нижнем Дону [Кияшко А.В. Отчет за 1985 г., рис.25, 26].

Тем не менее рассматриваемая группа северокавказских котлов достаточно своеобразна. Как представляется, на Северном

Рис.75. Украшения, зеркала, стеклянные и бронзовые сосуды из погребений западной локальной группы V в.

1, 4, 17, 21, 23, 27, 32 - Байтал-Чапкан; 2, 16, 24 - Гиляч; 3 - Мокрая Балка; 5 - Задалиск; 6-9, 11, 15, 20, 25 - Лермонтовская скала-2; 10, 12-14, 26, 28-30 - Хабаз; 18, 19, 22 - Верхняя Рутха; 31 - Шестая шахта
1, 5, 24-32 - бронза; 2 - золото; 3 - позолоченное серебро; 4 - серебро; 6-16 - стекло; 17, 19, 22 - бронза, золото, сердолик; 18 - золото, гранат; 20, 21, 23 - бронза, стекло

Кавказе эти котлы можно связать с комплексами главным образом V в., а возможно, и VI в. Правда, А.К.Амброз отмечает два случая нахождения подобных котлов в комплексах VII в. - в могиле 29 Байтал-Чапкана и в аварском могильнике Чолнок в Венгрии [Амброз А.К., 1989, с.36]. Большой медный котел из могильника Чолнок действительно по форме напоминает северокавказские котлы, но, судя по фотографии, он не имел швов с заклепками [Титов В.С., Эрдели И., 1980, с.131, рис.1], поэтому его нельзя считать идентичным рассматриваемым котлам. Предлагая позднюю дату для котла из погребения 29 могильника Байтал-Чапкан, А.К.Амброз основывался на наличии в этом погребении геральдической пряжки [Амброз А.К., 1989, с.36]. Однако, судя по публикации Т.М.Минаевой, щиток этой железной пряжки, относящейся к ремню уздечки, сохранился плохо [Минаева Т.М., 1956, рис.10, 3], первоначальная форма его неизвестна (рис.35, 3), и вряд ли рама и щиток ее делались из одного куска. Правомерность отнесения ее к числу геральдических вызывает сомнения. Вторая найденная в этом погребении пряжка с круглым щитком и вставкой из сердолика в напаянном гнезде (рис.35, 2), лежавшая на поясе погребенного, имеет все признаки V в., поэтому датировка этого погребения VII в. вряд ли бесспорна.

Имеется, правда, еще один комплекс VII в., в котором, по данным А.П.Рунича, подобный котел найден вместе с бляшками поясного набора. Это подземный склеп 3, открытый у горы Кугуль в районе Кисловодска. Однако, как сообщил А.П.Рунич, представленный в публикации рисунок котла является его реконструкцией [Рунич А.П., 1979, с.240, рис.5, 9], сделанной, очевидно, по аналогии с другими клепаными котлами, известными в погребениях Кисловодска, поскольку в Кугульском склепе котел был найден в совершенно деформированном состоянии [Рунич А.П., 1979, рис.3, 33], вряд ли позволяющим восстановить его форму. Именно этим, возможно, объясняется тот факт, что А.К.Амброз не учитывал эту находку, хотя пользовался в своей работе материалами этого склепа [Амброз А.К., 1989, с.80, 81, рис.23].

Поэтому на основании имеющихся материалов мы можем относить найденные на Северном Кавказе бронзовые клепаные круглодонные котлы к V в., допуская факт существования их в VI в., а возможно, в единичных случаях и в VII в.

В памятниках к востоку от Дигории подобные котлы не найдены.

Стекланные сосуды. В ряде погребений западной группы найдена стеклянная посу-

да, преимущественно стаканы и чаши разных форм (рис.75, 6-16). Подавляющее их большинство украшено каплями синего стекла, что позволяет отнести их к группе стеклянных сосудов Северного Причерноморья IV - начала V в., получивших распространение на Боспоре, в первую очередь в Пантикапее и в Восточном Причерноморье [Сорокина Н.П., 1971]. Широкое их бытование на Боспоре связано, по мнению Н.П.Сорокиной, с появлением среди боспорской знати моды на предметы с инкрустацией. Стеклянные сосуды Причерноморья найдены в наиболее богатых погребениях: сначала (в первой половине - третьей четверти IV в.) они появились в крупных городах, а затем и по периферии [Сорокина Н.П., 1971, с.99, 100].

Таковы материалы, характерные для западной локальной группы позднего периода.

В отличие от раннего периода, когда в культуре в целом продолжались традиции предшествующего времени, памятники позднего периода содержали целый набор вещей, абсолютно не связанных своими корнями с культурой населения предшествующего времени. В комплексах раннего периода были отдельные привносные элементы, происходившие из курганных погребений и отражавшие вкусы кочевнической знати. Это богатый уздечный набор и шлем из Кишпека; на территории восточной группы к их числу относятся фалары (Октябрьский), которые, по мнению М.И.Ростовцева, были характерной принадлежностью конской сбруи у ираноязычных кочевников [Rostovtzeff M., 1929, p.42, 43].

В V в. резко меняется материальная культура у оседлого населения западной группы. В комплексах этого времени найдены такие изделия как двупластинчатые фибулы, предметы конского убора, в первую очередь различные сбруйные бляшки своеобразных форм, удила, оружие, украшения с инкрустацией, стеклянные сосуды и др. Все они входят в круг изделий, связываемых с так называемыми древностями гуннской эпохи. Памятники гуннов в южнорусских степях и их признаки были впервые выделены И.П.Засецкой [Засецкая И.П., 1968], которая и в последующее время уделяет серьезное внимание этой проблеме.

Сопоставив материалы гуннских погребений в степи и синхронных керченских склепов, И.П.Засецкая выделила признаки сходства и различий между двумя этими группами древностей как в наборе украшений, так и в их стилистических особенностях. Так, для степных древностей характерны такие украшения как колты, диадемы и кулоны, а также украшения уздечек в виде накладок

геометрических форм, орнаментированных рядами вставок. На Боспоре среди украшений господствовали золотые венки, гривны, браслеты и фибулы, а также фигурные бляшки уздечек разных форм. Для степных древностей характерны цветные вставки из камня и стекла в отдельных гнездах, тогда как на Боспоре преобладали изделия с перегородчатой инкрустацией. В большом количестве на Боспоре найдена серебряная и стеклянная посуда, не известная в древностях степи и т.д. [Засецкая И.П., 1979; 1982; 1994].

Основываясь на этом, можно сказать, что по многим признакам рассматриваемые северокавказские древности относятся к широкому кругу древностей гуннской эпохи, характерных как для оседлого, так и для кочевого населения, жившего в эпоху господства гуннов на широкой территории Средней и Восточной Европы, что отмечал и А.К.Амброз [Амброз А.К., 1989, с.30].

Сходство со степными памятниками гуннского времени проявляется в господстве характерных украшений конской узды - различных накладок геометрических форм, часто со вставками; в наличии инкрустированных изделий со вставками из камня или стекла в отдельных гнездах. Сходство с керченскими изделиями, характерными для оседлого населения Боспора, прослеживается в наличии изделий с перегородчатой инкрустацией - блях, перекрестий мечей, пряжек, тогда как в степи перегородчатая инкрустация встречалась, по данным И.П.Засецкой, только на пряжках и наконечниках ремней [Засецкая И.П., 1975, с.19]. Как и в Керчи, в рассматриваемых северокавказских погребениях часто встречаются стеклянные сосуды, не характерные для погребений степи [Засецкая И.П., 1979, с.14].

Как в Керчи, так и в северокавказских памятниках, были широко распространены двупластинчатые фибулы, которые применялись в костюме оседлого населения и не были характерны для кочевнических древностей степей.

Такое же деление древностей гуннского времени на две группы, связанные с кочевым или с оседлым населением, характерно и для более западных территорий - Средней и Западной Европы, где эти материалы составляли особый пласт, связанный с эпохой гуннского владычества. Главное различие этих групп, по мнению А.К.Амброза, заключалось в деталях костюма, в основном же это была единая группа от Франции до Дона и Керчи, доходящая на востоке до Волги и центральных районов Кавказа [Амброз А.К., 1989, с.30].

А.К.Амброз отмечал некоторые специфические признаки, характерные для разных районов внутри этого большого объединения: так, в степи пряжки и и сбруйные бляхи обтягивались тисненой золотой фольгой, а на западе они золотились химией и украшались пунсонным орнаментом; наблюдаются различия в размерах и способах орнаментации пластинчатых зажимов сбруи на Западе и в Восточной Европе, что можно связать с особенностями местного производства в каждом из районов [Амброз А.К., 1989, с.34].

Некоторая специфика в технике изготовления этих изделий прослеживается и на Северном Кавказе. Известно, что многие ювелирные изделия, входившие в круг гуннских древностей, были выполнены в единой технике. Эта техника, впервые выявленная на сбруйных бляхах степных древностей, была подробно описана Т.М.Минаевой: основу изделия составляла бронзовая пластина, которая сверху покрывалась золотым листом, крепившимся к основе путем загибания его краев [Минаева Т.М., 1927, с.93, 101, 102]. В такой технике были выполнены бляхи Октябрьского IV в. (рис. 3, 4, 5). Эта же техника была характерна для целого ряда инкрустированных изделий запада [Fettich N., 1932; Alföldi A., 1932, S.73, T.X; Abramowicz A., Daabrowski K., Jażdżewski K., Nосek S., 1959, Pl.15, 3], которые имели значительно более высокое качество - основу изделия в большинстве случаев составлял не бронзовый, а серебряный лист; перекрывавший его золотой лист делался не из фольги, а из тонкой золотой пластины и украшался зернью и филигранью [Fettich N., 1932, S.63].

В такой же технике выполнялись и многие северокавказские изделия этого круга, однако для некоторых из них (блях и фибул) была характерна другая техника, описанная выше: в двухслойных изделиях пространство между двумя листами заполнялось белой массой [Уварова П.С., 1900, с.236, 237]. В такой технике выполнены изделия из Верхней Рутхи и некоторые вещи, найденные в районе Кисловодска (рис.19, 22, 57). Эта техника была характерна для многих северокавказских изделий I тыс. н.э., начиная от золотых бляшек первых веков нашей эры, найденных в "Золотом кладбище" Н.И.Веселовского, и кончая бронзовыми ремennыми бляшками из могильников VIII-IX вв. (Песчанка).

Наличие такой техники говорит о местном северокавказском производстве этих изделий. Вызывает интерес тот факт, что именно в такой технике выполнены украшения Верхней Рутхи, хотя исследовавшая этот могильник П.С.Уварова неоднократно отме-

чала специфику этого памятника: своеобразие могил, "крепко и изящно сложенных из огромных плит", "особое благородство черепов", характер инвентаря - найденные здесь изделия были, по мнению П.С.Уваровой, совсем иными, "чем все то, что добыто до сих пор в могилах Кавказа". Она считала, что найденные здесь вещи аналогичны изделиям из могилы Хильдерика, короля франков (456-481 гг.), открытой в Турнэ [Уварова П.С., 1900, с.236-238]. Однако П.С.Уварова добавляла, что по своей технике северокавказские изделия грубее. Поэтому, по-видимому, можно говорить о местном их производстве.

Составляя единую стилистическую и хронологическую группу, эти изделия из Верхней Рутхи имеют и некоторые различия. По технике изготовления они могут быть разделены на три подгруппы - высококачественные изделия из золота; двухслойные изделия из бронзы, покрытой тонкой золотой пластиной; самое низкое качество исполнения имели двупластинчатые фибулы, бронзовая основа которых покрыта очень тонкой золотой фольгой. Некоторые гнезда на фибулах были заполнены вставками не из полудрагоценных камней, а из смальты. Представляется, что такие различия в технике изготовления этих изделий связаны не с разной их хронологией, а, скорее, с различным социальным статусом погребенных. Все эти изделия происходят из разных могил, которые, как отмечала П.С.Уварова, были достаточно своеобразны. Деление этих изделий на две хронологические группы (V и VII вв.), что было предложено А.К.Амброзом, вряд ли правомерно.

Характеризуя рассмотренные материалы как изделия, относящиеся к известному кругу древностей гуннской эпохи, и отмечая черты сходства и тех и других, необходимо отметить и низкое качество многих северокавказских изделий, даже по сравнению с древностями степей. В отличие от отмеченного выше комплекса своеобразных находок

из Верхней Рутхи и единичных вещей, найденных в других памятниках, многие изделия этого круга выполнены не из драгоценных металлов, а из бронзы; при инкрустации каменные вставки имитируются цветными стеклами; господствующие здесь двупластинчатые фибулы не были литыми, а штамповались из тонкой бронзовой пластины. Все это позволяет говорить о местном, довольно широком производстве этих изделий, охватившем и горные районы, о чем свидетельствуют материалы из северо-осетинских могильников.

Таким образом, своеобразие рассмотренных материалов можно объяснить тем, что после нашествия гуннов территория центральных районов Северного Кавказа попадает в сферу влияния сложившейся новой культуры. Особенно это сказывается на материалах западной локальной группы - от бассейна Верхней Кубани на западе до бассейна Уруха (Дигория) на востоке. Многие изделия этого круга - двупластинчатые фибулы, стеклянные сосуды, бронзовые котлы и др. - не известны на территории восточной локальной группы. Следует, правда, отметить, что в западных районах Затеречья (Брут) имеются материалы (из раскопок С.С.Куссаевой и Т.А.Габуева), которые с несомненностью относятся к кругу древностей гуннской эпохи как по набору предметов, так и по технике их исполнения, что позволяет включать примыкающие к Владикавказу правобережные районы Терека в зону распространения этой культуры.

Этот пласт, выделяемый в основном на материалах памятников Кисловодска и Верхней Кубани, можно датировать V в., допуская вероятность его бытования до конца VI в. Следующий археологический пласт датируется концом VI-VII вв. и характеризуется господством геральдических поясных наборов, что, возможно, связано с появлением на этой территории новых этнических элементов.

Глава 4. Вопросы локализации алан в III-V вв.

Рассмотренные в работе материалы, связанные с особенностями погребального обряда и материальной культуры населения, проживавшего в III-V вв. в центральных районах Северного Кавказа, подтверждают, как представляется, правомерность выделения двух локальных групп - восточной и западной. Однако имеющаяся неравномерность в распределении материалов препятствует получению четкой картины. Это связано с тем, что для раннего периода подавляющее большинство комплексов происходит с территории восточной группы, тогда как для позднего периода, наоборот, наиболее многочисленные и значимые материалы происходят с территории западной группы памятников. Это затрудняет сопоставление ранних и поздних материалов на территории каждой из групп.

Тем не менее можно говорить о том, что на раннем периоде (III-IV вв.) в материальной культуре обеих групп, по-видимому, не было четко выраженных локальных различий, что, возможно, было связано с многочисленными перемещениями различных групп кочевого и оседлого населения Предкавказья во II-III вв. н.э., приведшими к значительной нивелировке материальной культуры. Подтверждает это в первую очередь распространение близких форм керамики на всей рассматриваемой территории - как восточной, так и западной групп, причем в горных районах Северной Осетии, прежде всего в Дигории, керамика по своей форме почти тождественна керамике восточной локальной группы.

Нет для раннего периода четкой картины и с распределением особенностей погребального обряда, в частности, типов погребальных сооружений.

Несомненно, для памятников восточной группы в это время был характерен катакомбный обряд погребения, однако такой же обряд мы видим и в одном из районов западной группы - в окрестностях Кисловодска, хотя там известные нам памятники этого времени крайне малочисленны. Наличие здесь катакомб связано, очевидно, с тем, что катакомбный обряд был распространен на этой территории и в предшествующее время, и здесь, как и на Верхней Кубани, сохранялись старые традиции погребального обряда. Это в свою очередь может говорить о том, что основа проживавшего в этом районе населения оставалась прежней.

Более четко локальные различия прослеживаются в поздний период, когда на территории западной группы распространяется

новый комплекс материальной культуры, что наиболее наглядно видно на материалах Верхней Кубани и района Кисловодска. В более восточных районах западной группы (в горных районах Северной Осетии) эти изменения прослеживаются в значительно меньшей степени, что подтверждается главным образом керамическими материалами: в памятниках этого района керамика имеет признаки керамики как восточной, так и западной групп.

Что касается особенностей погребального обряда, то, как показывают рассмотренные материалы V в., в каждом из районов западной группы при сочетании разных типов погребальных сооружений наблюдается видимое преобладание какого-либо одного типа - каменных гробниц на Верхней Кубани, каменных подземных склепов на территории от Малки до Терека и катакомб в районе Кисловодска. Однако, по имеющимся данным, население в районе Кисловодска в V в. было не особенно многочисленным. Поэтому оно вряд ли могло сыграть существенную роль в проходившем в это время процессе формирования тех групп населения, которые получили наименование "кавказские аланы". По общему признанию, этот процесс протекал после нашествия гуннов, приведшего к переселению ираноязычного населения предгорно-равнинной зоны в горы. Поэтому вначале следует уточнить, какие группы памятников догуннского периода мы можем связать с ираноязычным населением.

В центральных районах Северного Кавказа можно, как представляется, выделить три подобные группы памятников. Это, во-первых, памятники I - начала III в. н.э. Кабардино-Пятигорья (Нижне-Джукатский, Чегемский, Подкумский и др.). Это грунтовые могильники, характеризующиеся господством катакомбного обряда.

Существуют разные точки зрения по поводу того, с чем связано появление и широкое распространение катакомбного обряда на Северном Кавказе: с приходом сюда сарматов или с влиянием традиций местного эллинизированного населения Азиатского Боспора; представляется, что это не имеет в данном случае принципиального значения, поскольку мнение об ираноязычности населения, оставившего эти могильники, основывается не на факте господства у них катакомбного обряда, а на наличии целого ряда других данных, в том числе и таких как факт появления ранних могильников с катакомбным обрядом именно в тех районах Северного Кавказа, где наблюдалось постоянное

обитание ираноязычных племен начиная со скифского времени. Все эти могильники просуществовали до II - начала III вв., когда население, оставившее их, в связи с усилившейся активизацией кочевых аланских племен переместилось в более безопасные и изолированные районы - в горные районы на юг и юго-запад и в районы Затеречья на юго-восток. Это была первая волна передвижения ираноязычных групп населения в горы, которая и привела к некоторой нивелировке локальных особенностей материальной культуры, в первую очередь керамики, наблюдаемой в III-IV вв. в разных памятниках центральных районов Северного Кавказа.

Археологические материалы показывают, что основной поток населения переместился на территорию терско-сунженского междуречья, где во II в. н.э. появляется, а в III-IV вв. широко распространяется катакомбный обряд погребения. Возможно, это связано с тем, что территория терско-сунженского междуречья, судя по тем археологическим данным, которые мы имеем, не была достаточно плотно заселена в предшествующий период - отсюда происходят лишь единичные комплексы I-II вв. н.э. Расселение племен Предкавказья на юго-запад, в бассейне Верхней Кубани, было, по-видимому, менее массовым: Хумаринский могильник, который по целому ряду признаков можно связать с появившимся здесь населением Предкавказья (района Кисловодска), выглядит достаточно изолированным среди других памятников этой территории, оставленных местными племенами.

Поэтому ко второй группе памятников догуннского периода, связываемой с ираноязычным населением, участвовавшим в этногенезе осетин, можно, как представляется, отнести многочисленные памятники терско-сунженского междуречья III-IV вв. Почти полное отсутствие на этой территории катакомбных могильников после гуннского нашествия (за исключением Брута) позволяет говорить о наличии второй волны расселения ираноязычного населения, покинувшего эти места.

Следует отметить еще одну группу катакомбных погребений центральных районов Северного Кавказа, существовавших в догуннский период. Это очень немногочисленная группа катакомб III в. н.э., открытых в районе Кисловодска. Точных данных о наличии здесь катакомбных погребений, относящихся к IV в., мы пока не имеем. Поэтому, по-видимому, применительно к периоду, непосредственно предшествовавшему нашествию гуннов, мы можем говорить лишь об одной, довольно обширной и выразитель-

ной, группе памятников центральных районов Северного Кавказа, которую определенно можно связать с ираноязычным населением, принимавшим участие в формировании раннесредневековых алан Северного Кавказа. Это катакомбные могильники (и городища) Затеречья. Поскольку после нашествия гуннов, а точнее, после появления в Предкавказье кочевых аланских племен никаких новых ираноязычных групп населения здесь не появлялось, мы можем связать вторую волну расселения ираноязычных племен на Кавказе с передвижением тех племен, которые обитали в терско-сунженском междуречье в III-IV вв.

Если обратиться к письменным источникам, то они не дают достаточно точных сведений о локализации северокавказских алан в III-IV вв. Свидетельства античных авторов, касающиеся локализации аланских племен, были рассмотрены ранее [Абрамова М.П., 1993, с.171-178]. Все эти сведения, включая характеристику аланских племен, данную Аммианом Марцеллином (IV в.), относятся к кочевникам аланам. Аммиан Марцеллин отмечал большую подвижность этих племен, которые "с целью грабежа и охоты доезжают ... до Боспора и даже до Армении и Мидии" (XXXI,2,21). По-видимому, в III-IV вв. для античных авторов аланы были теми кочевыми племенами, с которыми постоянно сталкивалась Римская империя на своих границах на Дунае и в Закавказье.

Что касается северокавказских алан, то они значительно отличались от кочевников алан и по своему этническому составу и по образу жизни (наличие оседлости). Никаких данных об оседлых аланах Кавказа III-IV вв. в сведениях античных авторов не имеется, что можно объяснить и достаточной изолированностью того района, памятники которого мы связываем с ираноязычными племенами.

Более определенные сведения, касающиеся северокавказских алан, могут, по-видимому, дать не античные, а армянские источники. В них, в частности, отражено вторжение северокавказских племен на территорию древней Армении в 30-х годах IV в. Во главе войска стоял Санесан (Санатрук), который, по данным Фавстоса Бузанда и Моисея Каганкатваци, был царем маскутов, обитавших на западном побережье Каспийского моря, к югу от Дербента. Оба автора упоминают в составе северокавказского войска (помимо маскутов) гуннов, алан (агван, по Моисею Каганкатваци) и другие племена [Фавстос Бузанд, 1953, с.15; Моисей Каганкатваци, 1861, с.22].

Описываемые события относятся к началу IV в., то есть ко времени до известного на-

шествия гуннов, поэтому упоминаемые во многих источниках "хоны" были либо, как считала К.В.Тревер, какими-то местными племенами [Тревер К.В., 1959, с.192], либо они были представителями ранней волны гуннов, проникшими сюда до основной их массы.

Что касается упоминаемых Фавстосом Бузандом аланских племен, то здесь могут быть разные толкования. Возможно, мы имеем здесь смешение алан с албанами. Такой вариант не исключен, так как вначале при перечислении участников похода Ф.Бузанд не называет алан, так же как не называет их ни один из других авторов, описывавших это событие. Лишь Моисей Каганкатвацци упоминает албан (агван): "Санатрук с войском агванским". Либо надо согласиться с высказываниями тех античных авторов, которые считали, что аланы это прежние массагеты (маскуты). В этом случае в обитавшем на западном побережье Каспийского моря, южнее Дербента, племени маскутов надо видеть представителей аланских племен, которые проникли сюда и осели здесь еще до эпохи гуннского нашествия. Этому, однако, противоречит тот факт, что Фавстос Бузанд перечисляет аланов наряду с маскутами: "громил войска аланов, и маскутов, и гуннов".

Учитывая тот факт, что, по данным письменных источников, вторгшееся в Армению войско состояло из северокавказских племен, можно допустить участие в этом походе представителей той группы населения, которая проживала в это время и на территории терско-сунженского междуречья. Однако это только допустимое предположение, так как никаких сведений о локализации участвовавших в походе алан письменные источники не дают.

Значительные изменения происходят на Северном Кавказе после нашествия гуннов. В районе Кисловодска наблюдается некоторый приток населения, однако это происходит в самом конце рассматриваемого периода - во второй половине или даже в конце V в. На территории терско-сунженского междуречья, наоборот, почти полностью прекращается жизнь оседлого населения. Поскольку для этого населения был характерен катакомбный обряд, естественно было предположить, что после нашествия гуннов носители этого обряда и их памятники будут прослежены в соседних, более безопасных районах - к востоку от Сунжи и к западу от Терека, в горах Северной Осетии, исконной территории осетин.

Действительно, катакомбные погребения V в. известны на территории Чечено-Ингушетии, локализуясь к востоку от Сунжи. Это пока единичные памятники с мало-

выразительным инвентарем. По данным С.Н.Савенко, здесь открыт еще целый ряд могильников, содержащих катакомбы V в., материалы которых пока не опубликованы. Распространение этих памятников с катакомбным обрядом погребения в V в. (и позже) на территории правобережья Сунжи можно связать с переселением сюда ираноязычного населения из района терско-сунженского междуречья после нашествия гуннов.

Если же обратиться к территории, расположенной к западу от Терека, - к горным районам Северной Осетии и Балкарии, то здесь катакомбные погребения отсутствуют, а наибольшее распространение в период после нашествия гуннов получают каменные подземные склепы, близкие по устройству к катакомбам, но, по общепризнанному мнению, не связанные с ними, а представлявшие собой самостоятельную линию развития. Поскольку каменные склепы были известны на Кавказе с древности, они обычно связываются с влиянием традиций местного северокавказского населения. Это мнение господствует, несмотря на то, что непрерывной линии развития подобных сооружений от эпохи бронзы до эпохи раннего средневековья проследить нельзя. Однако есть некоторые данные, подтверждающие наличие подземных склепов со входным отверстием в передней стене в горных районах Осетии, в частности, в могильниках Дигории (Кумбулта) в I тыс. до н.э., скорее всего в начале его, а, возможно, и в первой его половине (раскопки В.И.Долбежева в 1889 г.). Эти данные, так же как и отрывочные сведения о наличии подземных склепов у сел. Балта и Чми на Военно-Грузинской дороге [Абрамова М.П., 1978, с.75], требуют особого рассмотрения. Тем не менее следует, по видимому, согласиться с мнением тех, кто связывает происхождение раннесредневековых склепов Северного Кавказа, как центральных, так и более западных районов, в частности, территории Прикубанья, с влиянием древних кавказских традиций сооружения склепов и дольменов, тем более что использование дольменов в качестве погребальных сооружений практиковалось в Прикубанье вплоть до первых веков нашей эры [Кузнецов В.А., 1962, с.120; Тменов В.Х., 1979, с.9].

Никаких данных о бытовании на этой территории катакомбных могил III-V вв. мы не имеем. Учитывая определенную связь ираноязычного населения догуннского периода, обитавшего в предгорно-равнинной зоне, с катакомбным обрядом погребения, можем ли мы отрицать появление этого населения после нашествия гуннов в горных

районах, основываясь при этом на отсутствии здесь катакомб V-VI вв. С этим следовало бы согласиться, если исходить из общепринятой точки зрения о том, что катакомба - главный критерий при выделении памятников алан на Северном Кавказе. Однако необходимо отметить, что, отстаивая ведущую роль этого признака (катакомбы) при выделении аланских памятников на Кавказе, многие исследователи становятся не столь категоричными при рассмотрении конкретных материалов. Так, Т.М.Минаева, говоря о памятниках Верхней Кубани, относил к аланам не только катакомбный могильник Байтал-Чапкан, но и погребения в каменных гробницах, открытые, например, в могильнике Гиляч [Минаева Т.М., 1951, с.298]. В.Б.Ковалевская говорит об аланской принадлежности населения, оставившего такие близкие по характеру могильники как Чми в Северной Осетии и Едыс в Южной Осетии, отмечая, что помимо катакомб для аланской культуры были характерны и другие типы погребальных сооружений - каменные гробницы, подземные и полуподземные склепы, скальные захоронения и грунтовые ямы [Ковалевская В.Б., 1992, с.32].

Следовательно, в настоящее время вопрос стоит так: северокавказские аланы - это не только те, кто погребен в катакомбах, но все, кто погребен в катакомбах, - аланы. Такое заключение следует сделать из последних работ В.Б.Ковалевской и Г.Е.Афанасьева, посвященных этой проблеме [Ковалевская В.Б., 1992; Афанасьев Г.Е., 1992]. Что касается второй части этого утверждения, то она будет более подробно рассмотрена ниже, а пока обратимся к нашим материалам и посмотрим, какие памятники и какие типы погребальных сооружений мы можем связать с северокавказскими аланами V(VI) вв. Для этого в первую очередь необходимо выяснить, где же локализовали алан в это время древние авторы.

Нашествие гуннов нашло свое отражение в письменных источниках этого времени. На восточных границах Римской империи на Дунае гунны были хорошо известны наряду с аланами, которых они вовлекли в свое стремительное продвижение на запад. Часть аланских племен была, по-видимому, во время гуннского нашествия придвинута к горам Кавказа, однако это событие не нашло в то время широкого отражения в письменных источниках, поскольку не аланы, а гунны представляли тогда угрозу для соседних стран. Так, Псевдо-Арриан (V в.), перечисляя племена, жившие на восточном побережье Черного моря, писал: "От Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называемые керкеты или ториты, а ныне

живут так называемые эвдусианы" [Объезд Эвксинского Понта, 63 (22)]. В.В.Латышев считал, что эвдусианы - это гунны-утургуры, так как под этим именем Прокопий помещал их царство на берегах Черного и Азовского морей [Латышев В.В., 1948, №4, с.232]. Что касается сарматских племен, то Псевдо-Арриан, отдавая дань старой традиции, помещал их на территории волго-донских степей, откуда они в это время были уже сметены гуннским нашествием.

Сведения армянских авторов (Егише Вардапета, Моисея Каганкатваци и др.), относящиеся к этому времени, также посвящены в основном гуннским племенам, локализуемым на западном побережье Каспийского моря, к северу от Дербента. Аланы в это время, очевидно, обитали у гор, а скорее, и в горах Кавказа, отброшенные туда во время нашествия гуннов. Подтверждает это в некоторой степени сообщение Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци), относящееся к V в., который, описывая поход алан в Армению в I в. н.э., говорит, что пленных алан поселили в области, названной Артаз, и дает этому следующий комментарий: наименование Артаз было дано потому, что земля, откуда переведены были пленные аланы, и поныне называется Артазом [Моисей Хоренский, II, LII]. Это высказывание Моисея Хоренского может быть подтверждением того, что в его время (V в.) аланы населяли на Северном Кавказе область Артаз, отождествляемую с Владикавказской равниной [Миллер В.Ф., 1887, с.107].

А.В.Гадло на основании изучения данных письменных источников приходит к выводу о том, что в V в. на Северном Кавказе было три группировки ираноязычных племен: маскуты на западном побережье Каспийского моря, к югу от Дербента; аланы-осы в центральной части Северного Кавказа, они идентифицируются А.В.Гадло с соросгами, "народами Скифии", упоминаемыми Приском [Гадло А.В., 1979, с.50, 51]; третья группа это базилы (или басыиан грузинских источников), одно из подразделений овсов, живших в области Басыиан, расположенной к западу от Дигории (территория современной Балкарии). В дальнейшем, считает А.В.Гадло, эта группа населения волилась в дигорскую часть осетинского этноса и частично была ассимилирована тюркоязычными предками балкарцев [Гадло А.В., 1979, с.67, 68].

Что касается осов (овсов), то этим наименованием, по мнению А.В.Гадло, обозначалась большая группа племен, включавшая и местные и сармато-аланские общности [Гадло А.В., 1979, с.69]. С этим заключением можно полностью согласиться с одним

уточнением: проживавшая на Кавказе "сармато-аланская общность" не идентична "сармато-аланской общности" степей, поскольку проникновение ираноязычных сарматов в горы было не единовременным актом, а длительным процессом, прошедшим несколько стадий постепенного передвижения ираноязычных племен и смешения их с местным населением. Представляется, что этноним "аланы" на Кавказе в эпоху раннего средневековья равнозначен этнониму "овсы" грузинских источников в том значении, как его понимает А.В.Гадло, включая в него и местные кавказские и пришлые ираноязычные племена.

В целом, данная А.В.Гадло интерпретация письменных источников по поводу возможной локализации групп ираноязычного населения на Северном Кавказе в V в. не вызывает возражений. По-видимому, в V в. горные районы Северной Осетии и более западные районы, включая бассейн Баксана, были заняты ираноязычными племенами - не только прямыми потомками сарматов, но и местными племенами, которые в это время могли использовать иранский язык в качестве второго языка, помогавшего осуществлять межплеменные общения [Абаев В.И., 1949, с.121]. Именно в этих группах населения следует видеть формирующихся, а скорее, сформировавшихся уже к V в. северокавказских алан.

Правомерность подобной локализации алан в V в. подтверждается тем, что подобная же локализация их документируется достаточно определенными сведениями письменных источников, относящихся к VI в. Необходимо при этом иметь в виду, что, как показывают археологические материалы, в каждом из рассмотренных районов в VI в. бытуют те же памятники или те же особенности погребального обряда и материальной культуры, что и в V в. Поэтому те данные о локализации аланских племен, которые мы находим в источниках VI в., могут быть распространены и на период V в. Рассмотрим эти сведения.

Византийские источники VI в. продолжают рассматривать гуннов как господствующие племена на Северном Кавказе. Так, Прокопий Кесарийский в "Войне с готами" называет гуннов и массагетов одними из активных участников военных действий армии Юстиниана. Прокопий размещает гуннов и на территории Северного Кавказа, в северо-западных его районах. Описывая вторжение персидского войска в Колхиду, он перечисляет жившие по восточному побережью Черного моря племена - абасги, зихи, за ними сагины, "за сагинами осели многие племена гуннов" [VIII, 4, 5, 7].

Среди соседей гуннов на Северо-Западном Кавказе Прокопий называет алан, размещая их рядом с абасгами, зихами, брухами [VIII, 3, 3-12]. Владения абасгов он доводил до гор Кавказского хребта, за пределами абасгов помещал брухов, которые находились "между абасгов и аланов". На берегу Понта Эвксинского размещались зехи [VIII, 4, 1, 2]. Таким образом, аланы обитали к северу от Кавказского хребта, в западной его части. Что касается общих границ занятой аланами территории, то по поводу этого Прокопий писал: "Отроги Кавказских гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в земли персов и римлян; один из проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот. Всю эту страну, которая простиралась от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимали аланы" [VIII, 3, 4]. Ю.С.Гаглойти очень убедительно, на наш взгляд, показал правоту тех исследователей, которые под "Каспийскими воротами" Прокопия подразумевали Дарьяльское ущелье [Гаглойти Ю.С., 1966, с.137 -141].

Близкую локализацию аланских племен дает и Агафий. Описывая события 555 г., он сообщает о прибытии к колхам византийского военачальника Сотериха для раздачи императорских денег соседним варварам в качестве императорской субсидии, что проводилось ежегодно. Для облегчения выполнения своей задачи Сотерих предложил племенным мисимиям (их локализуют в восточной части Абхазии, рядом со сванами) передать одно из их укреплений, расположенных у самых границ лазов, которое носило название Бухлоон, аланам, чтобы "послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огигать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним" [Агафий, 1953, с.83-87]. Таким образом, Агафий, как и Прокопий, локализует алан в горных районах Северного Кавказа, к северу от сванов.

Более северные области отводились византийскими авторами, в частности, Прокопием, гуннам, очевидно, по старой традиции, так как в это время на Северном Кавказе наблюдается проникновение с востока новых племенных объединений. Ю.С.Гаглойти полагает, что Прокопий применял этноним "гунны" как собирательное понятие, включая в него и аланские племена, и поэтому отводимая им гуннам территория от центральной части Северного Кавказа до Азовского моря была заселена в действи-

тельности не гуннскими, а аланскими племенами. В подтверждение Ю.С.Гаглойти приводит рассказ Прокопия об "унну Амбазуке", который владел какое-то время крепостью у Каспийских ворот. Поскольку имя Амбазук в форме Анбазук встречается в "Картлис цховреба" как имя одного из вождей овсов в I в. н.э. и поскольку оно имеет перевод с осетинского ("равноплечий"), то это, по мнению Ю.С.Гаглойти, подтверждает аланскую принадлежность гуннского военачальника [Гаглойти Ю.С., 1966, с.140, 141]. Однако, не отрицая вероятности высказанных Ю.С.Гаглойти соображений относительно Амбазука, представляется, что нет никакой возможности для использования этих доводов в качестве доказательства того, что под гуннами, обитавшими в Предкавказье, Прокопий подразумевал аланские племена. По-видимому, более прав А.В.Гадло, который считает, что иранское имя гунна, владельца Дарьяла, является свидетельством интеграции ираноязычных и тюркоязычных групп на Северном Кавказе [Гадло А.В., 1979, с.98].

Начиная с эпохи гуннского нашествия в конце IV в. территорию Предкавказья заселяли гунны и множество тюркоязычных племен, сменявших друг друга при своем передвижении с востока. Из византийских авторов не только Прокопий Кесарийский отводил обширные земли Предкавказья гуннам, локализуя аланские племена в горах Северного Кавказа. Феофан Византиец, описывая события 564 г., писал, что "гунны, которых мы обычно называем турками, отправили к Юстину посольство через страну аланов" [Феофан Византиец, 1884, с.188]. В горах Центрального Кавказа размещались аланы, по Феофану Византийскому, и в VIII в. Он сообщал, что Юстиниан послал в Аланию Леона с деньгами, чтобы "возбудить их (аланов) против авазгов". Леон, "перешедши Кавказ, пришел в Аланию" [Феофан Византиец, 1884, с.286].

В источниках неоднократно подчеркивалось, что тюркам легче всего было установить связь с Византией, пройдя через земли алан. Так, византийский автор VI в. Менаандр Византиец, описывая события второй половины VI в., сообщает, что авары, стремясь установить дипломатические отношения с Византией, обратились к аланскому вождю Саросию, который связался с находившимся в Лазике начальствующим над византийскими войсками Юстином и передал ему просьбу аваров [Менаандр Византиец, 1860, с.321, 322]. И здесь аланы локализируются в западной части горной зоны Северного Кавказа, выступая непосредственными соседями закавказских племен. Подтверждает это

и рассказ Менаандра о византийском посольстве, отправленном к "туркам". На обратном пути, стремясь попасть в римские области на Кавказе, чтобы соединиться со своими войсками, посольство должно было пройти через Аланию. Аланы пропустили их с условием, что они сложат оружие, предупредив при этом, чтобы они не ехали "по дороге минди-мианов, потому что близ Суании находятся в засаде персы" [Менаандр Византиец, 1860, с.383]. Из этого рассказа Менаандра явствует, что территория алан на юге непосредственно граничила со сванами.

Таким образом, первые достоверные свидетельства об обитании алан в предгорной и горной зонах центральных районов Северного Кавказа мы находим у византийских авторов. Прокопий Кесарийский, Агафий, Менаандр Византиец локализируют алан в горах Северного Кавказа на территории, непосредственно примыкающей с севера к области сванских племен. Судя по этим источникам, аланы имели непосредственные связи со сванами, лазами, абасгами и другими племенами западных районов Закавказья. К северу от алан все авторы этого времени размещали сначала гуннов, а затем и различные другие тюркоязычные племена. Данные письменных источников позволяют говорить о том, что появление аланских племен в предгорной и горной зоне центральных районов Северного Кавказа связано с вторжением в Восточную Европу гуннских племен.

К VI в. относятся и сведения сирийских источниках о кавказских аланах. Так, Захарий Ритор писал, что за Каспийскими воротами живут "бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский; у них есть города, и аланы, у них 5 городов [Хроника Захария Ритора, XII, 7]. Фиксируя пребывание алан на Северном Кавказе, Хроника Захария Ритора не дает нам данных для более определенной локализации аланских племен, поскольку вопрос о том, что он подразумевал под "Каспийскими воротами" - Дарьяльский или Дербентский проход, остается спорным.

Судя по сведениям письменных источников, в VI в. аланы, жившие в центральных районах Северного Кавказа, представляли собой достаточно сильное самостоятельное объединение, ведущее активную политическую жизнь, участвуя в войнах Византии с Персией, и все это несмотря на полное господство на Кавказе тюркоязычных племен, сменявших друг друга. Данные письменных источников позволяют говорить о сохранении аланами своей независимости в течение всего VI в. Лишь в конце VI в. (576 г.), по свидетельству Менаандра Византийца, тюрки сообщают о подчинении им

алан: они (аланы) "полагались на свои силы и осмелились противустать непобедимому народу туркскому ... За то они и в подданстве у нас, стали нашими рабами" [Менандр Византиец, 1860, с.420]. Все это свидетельствует, по мнению А.В.Гадло, об ослаблении аланского союза на Кавказе в конце VI в. [Гадло А.В., 1979, с.107]. М.И.Артамонов также писал о том, что в конце VI - начале VII вв. население Северного Кавказа было покорено тюрками [Артамонов М.И., 1960, с.137].

Письменные источники позволяют также говорить о наличии среди алан Северного Кавказа двух локальных группировок - восточной и западной. Исходя из сведений Анания Ширакаци (VII в.), восточную часть Алании заселяли собственно аланы, а западную населяли аш-тигоры [Патканов К., 1883, с.30]. Такое деление аланских племен соответствует и современному разделению осетин на иронцев и дигорцев [Миллер В.Ф., 1887, с.105, 106].

Сведения византийских источников VI в. касаются, по-видимому, той западной группы алан, которая была ориентирована на Византию. К этой группе относится население, обитавшее на территории Балкарии, а возможно, и в бассейне Верхней Кубани (к северу от абасгов, брухов, мисимян и сванов) до Дарьяла на востоке (по данным Прокопия). Можно согласиться с точкой зрения Ю.С.Гаглойти, который, рассматривая локализацию алан по Прокопию, считал, что под "пределами Кавказа", о которых говорил Прокопий как о западной границе алан, надо подразумевать Эльбрус [Гаглойти Ю.С., 1966, с.136]. Если это так, тогда западная граница Алании в VI в. проходила по течению Баксана или Малки, берущих начало в Приэльбрусье. Однако существует мнение, что данные письменных источников позволяют включать в состав земли алан и бассейн Верхней Кубани, истоки которой также находятся в Приэльбрусье. Такую точку зрения высказывал, в частности, В.А.Кузнецов. Придерживается этой точки зрения и В.Б.Ковалевская, которая локализует западных алан, основываясь на данных письменных источников VI в., в бассейне Верхней Кубани, на территории Пятигорья и современной Балкарии [Ковалевская В.Б., 1984, с.134].

Говоря о правомерности включения в территорию обитания алан бассейна Верхней Кубани, В.А.Кузнецов приводил в подтверждение этого тезиса целый ряд доводов. Из них к рассматриваемому нами периоду относится один (остальные касаются более позднего пребывания здесь алан). Это свидетельство византийских авторов Феофана и Ме-

нандра, приводимые выше. В.А.Кузнецов считает, что поскольку Саросий имел прямые контакты с византийцами в Лазике, он должен был жить в той части Алании, которая примыкала к Западной Грузии, а такой частью могла быть, по мнению В.А.Кузнецова, прежде всего территория современного Карачая [Кузнецов В.А., 1974, с.83, 84]. Однако лазы жили к югу от сванов, а Сванетия граничила в большей степени с Балкарией, тогда как бассейн Верхней Кубани имеет удобные связи с Абхазией.

Есть, правда, более определенные сведения о том, что Алания непосредственно граничила с Абхазией, но они относятся к началу VIII в. [Феофан Византиец, 1884, с.286-288] и к тому же не доказывают вхождения в Аланию всего бассейна Верхней Кубани - в данном случае речь могла идти лишь о прилегающих к Приэльбрусью горных районах.

Все эти данные не позволяют с определенностью утверждать, что бассейн Верхней Кубани был заселен аланами в V-VI вв. Более уверенно, как представляется, можно, по данным письменных источников, включать в территорию обитания алан междуречье Малки и Терека, связав ее с западной группой алан.

Менее определенны сведения письменных источников, касающиеся восточной группы алан. С ними, по-видимому, следует связывать бассейн Верхнего Терека и прилегающие к нему районы Чечено-Ингушетии. Основанием для этого могут служить некоторые данные, сообщаемые уже не византийскими, а закавказскими источниками (грузинскими и армянскими), касающиеся событий V в., о чем говорилось выше. Из этих сведений самым, пожалуй, существенным является сообщение Моисея Хоренского о том, что аланы живут "и поныне" (в его время - V в.) в области Артаз. Это хорошо согласуется со сведениями Анания Ширакаци (VII в.) о проживании алан в области Ардоз Кавказских гор, откуда течет река Армна [Патканов К., 1883, с.30], которую отождествляют с Терекком. Общеизвестно, что Ардоз - это Владикавказская равнина, как это установил В.Ф.Миллер [Миллер В.Ф., 1887, с.107]. Однако прав, возможно, и А.В.Гадло, считающий, что эта территория была значительно шире. Он полагал, что область Ардоз может идентифицироваться с территорией терско-сунженского междуречья, однако этому заключению противоречит факт почти полного отсутствия памятников, связываемых с аланами, на территории терско-сунженского междуречья после нашествия гуннов. Поэтому более вероятной представляется еще одна гипотеза, высказанная А.В.Гадло по поводу локализации стран

Ихран, упоминаемой в дагестанской хронике "Дербенд-наме" [Гадло А.В., 1984]. И хотя решение этого вопроса выходит за хронологические рамки периода, рассматриваемого в этой работе, необходимо отметить, что высказанное А.В.Гадло предположение не противоречит археологическим материалам.

Анализируя все сведения, имеющиеся в источнике по поводу неоднократно упоминаемой страны Ихран (Ирхан), как наиболее значительной области восточной части Северного Кавказа, имевшей тесные связи с Хазарским каганатом, А.В.Гадло считает возможным видеть в "стране Ихран" политическое объединение северокавказских алан VI-IX вв., связываемое с их восточной, собственно аланской (иронской) группой. Говоря о возможной локализации этой страны, автор обращает внимание на упоминание в челобитной кабардинского князя Сунгалея Янгличевича (1621 г.) "ероханских" людей, которых, по его мнению, следует локализовать в междуречье Ассы и Аргуна. Эти данные помогают, по предположению А.В.Гадло, уточнить локализацию страны Ихран, размещая ее не на территории Дагестана, как это принято, а в более западных районах, связав ее с восточным объединением алан [Гадло А.В., 1984, с.128, 129].

Признавая всю гипотетичность этих предположений, данную версию можно признать допустимой. Во всяком случае, сосредоточие ираноязычного населения в эпоху после нашествия гуннов на территории правобережных районов Сунжи - факт достаточно определенный, что подтверждается распространением там, именно в междуречье Ассы и Аргуна, катакомбных погребений.

Таким образом, данные письменных источников позволяют говорить о наличии двух групп ираноязычного населения, связываемого с северокавказскими аланами, причем по поводу западной группы, локализуемой от бассейна Малки (или Верхней Кубани) до Дарьяла, сведения более точные и четкие, так как касаются различных исторических событий и содержат многочисленные детали (географические названия, упоминания соседних племен и т.д.), которые позволяют локализовать западную группу алан более или менее определенно. Значительно менее точны сведения о локализации восточной группы алан, что и вызывает различные их толкования.

Такую же картину локализации алан мы видим и при рассмотрении данных лингвистики.

В.Ф.Миллер, опираясь на материалы, связанные с распространением иронского и дигорского диалектов осетинского языка, отмечал, что иронский (восточный) диалект

распространен в прилегающих к Среднему Тереку северо-восточных районах Северной Осетии, а также в областях, расположенных по левым притокам Терека - Фиагдону, Гизельдону и Ардону, тогда как дигорский диалект охватывает западную часть Северной Осетии - современную Дигорию, в основном бассейн р.Урух [Миллер В.Ф., 1882, с.30, 31]. Однако данные лингвистики позволяют говорить о том, что дигорский диалект в древности охватывал значительно более широкую территорию и был распространен значительно далее к западу, чем современная Дигория.

Говоря об ираноязычности осетин, В.Ф.Миллер отмечал некоторые заимствования из осетинского языка в языке балкарцев и карачаевцев (названия месяцев, некоторые элементы системы счета, термины, связанные с земледелием и скотоводством), причем все они находят параллели в языке дигорцев, а не иронцев [Миллер В.Ф., 1887, с.9, 10]. Продолживший эту работу В.И.Абаев отметил, что выводы В.Ф.Миллера можно считать абсолютно верными: до прихода тюркоязычных племен на территории Балкарии и Карачая жили аланы, затем произошло их смешение, при котором победил тюркский язык, однако следы старого населения прослеживаются в лексике и топонимике балкарцев и карачаевцев [Абаев В.И., 1960, с.130].

Данные лингвистики подтверждают и другие выводы, сделанные на основании анализа письменных источников, в частности, о проживании аланов рядом со сванами и с абхазами (абасгами). В.И.Абаев отметил наличие важных сходжений в языке сванов и осетин, причем во всех случаях, когда имеются расхождения между иронским и дигорским диалектами, сванский примыкает к дигорскому, поэтому, заключает В.И.Абаев, аланы, которые в прошлом жили в соседстве сванов, были носителями дигорской речи [Абаев В.И., 1949, с.88, 301, 302].

О наличии большого числа аланизмов в языке сванов писал Г.А.Климов, который также отмечал, что они свидетельствуют о контакте сванов с дигорцами, а не с иронцами [Климов Г.А., 1963, с.180-185]. В.Ф.Миллер сообщил, что еще в его время сваны называли Осетией всю область, расположенную к востоку от Эльбруса, в которой раньше проживали предки осетин [Миллер В.Ф., 1962, с.18]. Следует отметить, что территория бассейна Верхней Кубани в эту область не включалась.

В.И.Абаев выделил и целый комплекс сходжений в языке абхазов и осетин, считая, что они восходят к периоду алано-абхазского соседства и культурного общения, однако, исходя из данных письменных источников,

эти прямые контакты алан с абхазами наблюдались в основном в более позднее время, чем рассматриваемый период, - в VII-X вв. [Абаев В.И., 1949, с.309, 310, 322].

Таким образом, данные лингвистики свидетельствуют о том, что значительная группа алан, носители дигорского диалекта, проживала ранее не только в современной Дигории, но и далее к западу - до Приэльбрусья.

Кроме того, используя лингвистические материалы, можно говорить и об обитании алан на землях к востоку от Сунжи: В.И.Абаев установил наличие языковых контактов осетин и носителей вейнахских языков - чеченцев и ингушей. Если в настоящее время чеченцы не имеют общих границ с Осетией, то по языковым данным чеченский язык имеет целый ряд лексических параллелей с осетинским, минуя ингушский, что отражает, по мнению В.И.Абаева, более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей [Абаев В.И., 1959, с.89]. А это могло быть в том случае, если предгорные районы Затеречья в древности были заняты аланскими племенами.

Со сведениями письменных источников и данными лингвистики хорошо согласуются и данные топонимики.

Выделение иранских топонимов на территории горных районов центральной части Северного Кавказа впервые было проведено В.Ф.Миллером, который отметил, что эти топонимы выходят далеко за пределы современной Северной Осетии, встречаясь и в более западных районах, на территории Балкарии (от бассейна Уруха до Приэльбрусья), где аланы проживали до XIII в. Это подтверждается многочисленными названиями рек, перевалов, ущелий, топографическими названиями местностей и т.д. Все это позволило В.Ф.Миллеру сделать заключение о том, что в древности эти земли были заселены предками осетин аланами, причем именно представителями западной группы - дигорцами, так как эти названия находят параллели в языке дигорцев [Миллер В.Ф., 1887, с.7-10]. По данным В.Ф.Миллера, далее к западу такие топонимы редки. Он отмечал, что ему не привелось записать иранские топонимы на Верхней Кубани и ее притоках, но судя по карте, отмечал он, здесь есть иранские топонимы, в подтверждение чего В.Ф.Миллер привел два иранских топонима из долины верховьев Лабы [Миллер В.Ф., 1887, с.9].

Позже выводы В.Ф.Миллера о наличии иранских топонимов к западу от Дигории были подтверждены В.И.Абаевым на более широком материале [Абаев В.И., 1960, с.128-130]. Область распространения иранских топонимов соответствует территории, которая

намечается для западной группы алан по данным письменных источников - от Дарьяла до бассейна Верхней Кубани. В меньшей степени иранские топонимы встречаются в бассейне Верхней Кубани, и время их распространения здесь установить трудно.

Менее определенной выглядит картина по иранским топонимам, открытым на территории восточной группы, как это было и с данными письменных источников. Исследуя нахские топонимы, Ю.Д.Дешериев выделил среди них группу топонимов, заимствованных из иранских языков [Дешериев Ю.Д., 1963, с.51-54]. Эта работа была продолжена В.Б.Виноградовым и К.З.Чокаевым, которые выделили еще одну группу иранских топонимов и объяснили их этимологию [Виноградов В.Б., Чокаев К.З., 1966].

Отметив немногочисленность выделенной ими группы иранских топонимов, авторы сделали ряд выводов, из которых в данной связи представляют особый интерес два - это, во-первых, отсутствие иранских топонимов в междуречье Терека и Сунжи и, во-вторых, преобладание их в правобережных районах Сунжи, то есть к востоку от Сунжи, и на территории Ингушетии, в правобережных районах Терека (в частности, в Джерахском ущелье), ведущих к Дарьялу [Виноградов В.Б., Чокаев К.З., 1966, с.94]. Все это достаточно хорошо согласуется и с археологическими материалами. По-видимому, кратковременность пребывания алан на территории терско-сунженского междуречья, откуда они должны были уйти во время нашествия гуннов, препятствовала закреплению здесь иранских топонимов. Там, где зафиксировано более длительное проживание ираноязычного населения, являвшегося здесь носителями катакомбного обряда погребения, то есть на правобережье Сунжи, иранские топонимы получили наибольшее распространение. Именно здесь и локализует А.В.Гадло страну Ихран.

Что касается территории Ингушетии (правобережных районов Терека), то жившие здесь племена занимали выгодное географическое положение, поскольку Ингушетия не только примыкала к Дарьялу, имея связи с Осетией, Кабардой и Грузией, но и соединялась с Грузией несколькими перевалами, при этом Армхинская трасса была проезжей дорогой, функционировавшей круглый год [Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И., 1968, с.38]. Данные этнографии позволяют говорить о том, что на территории Ингушетии непрерывно протекал процесс перемещения различных групп ингушей, распада старых этнических общностей, возникновения новых. Этот процесс сопровождался интенсивным обменом этнических элементов с соседними

народами, вплоть до перемещения отдельных сел [Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И., 1968, с.82]. Все это предполагает возможность включения территории Ингушетии в область расселения алан, хотя археологических данных, подтверждающих этот тезис, для периода V-VI вв. мы не имеем. Поэтому не исключено, что появление здесь иранских топонимов относится к значительно более позднему времени.

Таким образом, по данным топонимики вся рассматриваемая территория была заселена ираноязычными племенами, однако эти материалы не дают возможности уточнить время их проживания в этом регионе.

Рассмотрение данных письменных источников, лингвистики и топонимики говорит о том, что в древности аланы занимали значительно более широкую территорию по сравнению с той, которую занимают современные осетины. Эти материалы свидетельствуют об обитании западной группы алан в горах Северной Осетии и Балкарии, а возможно, и в бассейне Верхней Кубани. Однако поскольку данные лингвистики и топонимики не могут указать на время распространения здесь иранских наименований, для более достоверной локализации алан в конкретный период, непосредственно следовавший за нашествием гуннов (V-VI вв.), следует опираться в первую очередь на сведения письменных источников. Именно эти сведения позволяют нам локализовать западных алан в этот период на территории центральных районов Северного Кавказа - от течения Верхнего Терека (Дарьяла) на востоке до бассейна Баксана и Малки на западе. Вопрос о включении в область распространения алан в V-VI вв. бассейна Верхней Кубани остается проблематичным. Следует отметить и тот факт, что по данным лингвистики в границы западной группы входила не вся территория Северной Осетии, а лишь западный ее район - Дигория, тогда как земли к востоку от Дигории вплоть до Дарьяла относились к восточной группе.

Установив предполагаемые границы обитания алан в V-VI вв. по данным письменных источников, посмотрим, как же согласуются эти данные с археологическими материалами, в первую очередь с особенностями погребального обряда населения, жившего на этих территориях.

Обращаясь к основной, наиболее определенно зафиксированной нами для VI в. территории обитания алан, а именно, к району от Дарьяла до бассейнов Баксана и Малки, мы видим, что главным типом погребальных сооружений здесь были подземные склепы, а не катакомбы, характерные для ираноязычных групп населения центральных районов

Северного Кавказа в III-IV вв. Поскольку склеповые сооружения известны повсеместно на этой территории и в VI в., мы можем говорить об единой группе населения, проживавшей здесь как в V, так и в VI в. (и позже). Нет никаких сомнений, исходя из данных письменных источников, в том, что эту группу населения следует связать с западной (дигорской) группой северокавказских алан. Поэтому какого бы взгляда мы не придерживались на причины распространения склеповых сооружений в эпоху раннего средневековья в центральных районах Северного Кавказа (связано ли это с возрождением древних местных традиций или распространению их способствовало появление здесь ираноязычных племен с обычаям сооружения катакомб, аналогичных по устройству каменным подземным склепам), независимо от этого мы должны признать, что у северокавказских алан, обитавших в данных районах в V-VI вв., господствовал обряд погребальных сооружений в виде подземных каменных склепов.

Если допустить, что аланы жили в это время на Верхней Кубани, то в этом случае следует признать, что здесь они придерживались местных погребальных традиций (могилы в виде каменных гробниц), что могло объясняться незначительным притоком сюда ираноязычного населения при возможном господстве здесь двуязычия, то есть параллельного употребления родного языка наряду с иранским. А как представляется, именно ираноязычность позволяла выделять группировки алан на Кавказе, особенно на раннем периоде, когда они еще не окончательно оформились политически, а представляли собой достаточно аморфные образования. Первые группы ираноязычного населения появились на Верхней Кубани во II-III вв. н.э., что подтверждается материалами Хумаринского могильника. Однако возможно, что распространение иранской речи хотя бы у части населения Верхней Кубани происходило еще в скифское время, учитывая наличие постоянных "вертикальных" экономических связей населения горных районов и равнин, где в это время господствовали ираноязычные племена.

Что касается населения района Кисловодска V-VI вв., то мы можем рассматривать его как аланское, основываясь на господстве здесь катакомбного обряда погребения, характерного для ираноязычного населения этого региона более раннего времени. Произшедшие к этому времени некоторые изменения в особенностях погребального обряда касаются большей их стандартизации. Однако в целом культура этого населения, жившего здесь в некоторой степени изоли-

рованно среди тюркоязычных племен, была довольно своеобразна, особенно в более поздний период, так как она впитала в себя многие элементы культуры этих племен. Одним из главных критериев при выделении здесь памятников алан является тип погребального сооружения - катакомба.

То же самое мы можем сказать и о памятниках восточной локальной группы, которые связываются с аланами на основании археологических данных (наличие катакомб), поскольку катакомбный обряд господствовал здесь и после нашествия гуннов.

Таким образом, если использовать такой археологический критерий как тип погребального сооружения, то мы можем выделить на исследуемой территории, занятой аланами, три группы памятников позднего периода (при учете спорности вопроса об обитании алан в это время в бассейне Верхней Кубани): первая из них связывается с восточной группой (район правобережья Сунжи) и характеризуется господством катакомбного обряда погребения; вторая и третья группы локализуются в западных районах - в горах на юге (от Дигории до Приэльбрусья) преобладали склеповые сооружения, в предгорьях (район Кисловодска) господствовал катакомбный обряд погребения. Следовательно, четкие различия между памятниками восточной и западной локальными группами по данным погребального обряда не прослеживаются.

Более определенные различия между двумя локальными группами наблюдаются при рассмотрении других археологических материалов, что неоднократно отмечалось многими археологами начиная с А.А.Иессена. Он первый констатировал наличие некоторых различий в культуре западных и восточных алан, несмотря на скудные имеющиеся в то время археологические материалы, связанные с этой тематикой. Он писал о разной ориентации западных и восточных алан: восточные аланы, локализуемые вблизи Дарьяла, имели большие связи с Грузией и Ираном. Западные аланы, наоборот, имели менее удобные связи с Закавказьем и более удобные с Византией, поддержкой которой они постоянно пользовались. Это свое заключение А.А.Иессен подтверждал двумя группами данных: влияние Византии на территории западных районов центральной части Северного Кавказа прослеживалось в более раннем и более широком распространении там христианства по сравнению с более восточными районами. Кроме того, на территории западных районов в эпоху раннего средневековья получили большее распространение византийские монеты, тогда как в

восточных - сасанидские и арабские, шедшие из Закавказья [Иессен А.А., 1941, с.27].

Представляют значительный интерес соображения А.А.Иессена по поводу локализации этих групп и места прохождения границы между ними. Сначала он дает более общее деление: Кабарда, Балкария и более западные районы (очевидно, Верхнее Прикубанье) это западная группа, а Северная Осетия, Ингушетия и Чечня - восточная. Однако ниже А.А.Иессен отмечает, что западные районы Осетии (Дигория) по монетным находкам ближе к Балкарии и входят, соответственно, в западную группу, тогда как восточные районы Осетии, примыкающие к Дарьялу, дают отличную от запада картину [Иессен А.А., 1941, с.27].

Таким образом, исходя из этих отрывочных высказываний А.А.Иессена (он не затрагивал специально вопроса о границах выделяемых им двух групп аланских племен Северного Кавказа), можно заключить, что в западную локальную группу входили районы от бассейна Верхней Кубани на западе до района Дигории включительно на востоке. Предгорно-равнинные районы Чечено-Ингушетии и восточную часть Осетии, примыкавшую к Дарьялу, заселяло, по-видимому, население восточной группы алан. Такое локальное деление, предложенное А.А.Иессеном на основании археологических данных, которые, однако, относятся к более позднему времени, чем рассматриваемый период.

Материалы не только III-IV вв., но и V в. не дают достаточно веских оснований для проведения четкой границы между восточной и западной локальными группами. В первую очередь это объясняется очень плохой изученностью восточных районов Северной Осетии, лежащих в междуречье Уруха и Терека: подавляющее большинство североосетинских памятников исследуемого периода происходит из района Дигории. Какие особенности культуры были у населения более восточных районов Северной Осетии, на имеющихся у нас материалах сказать трудно. Однако, как представляется, есть некоторые данные, позволяющие относить памятники Дигории V в. к западной локальной группе. Это и распространение в Дигории склеповых сооружений, наличие глиняных сосудов с коническими налепами, двупластинчатых фибул, бронзового клепаного котла и др. Особенности культуры населения более восточных районов можно будет установить только после новых археологических исследований памятников горной зоны Северной Осетии. Пока же по имеющимся у нас археологическим данным мы можем считать ядром восточной группы алан V в. (и позже)

археологические памятники Чечни, а именно катакомбные могильники, расположенные на правобережье Сунжи.

По заключению В.Ф.Миллера и В.И.Абаева, дигорский диалект является более древним по сравнению с иронским, отражая переходные нормы от древнеиранских к современным иронским [Абаев В.И., 1949, с.360]. Распространение дигорского диалекта в горах можно связать с первой волной расселения ираноязычных племен, происшедшего, как отмечалось, во II - начале III вв. н.э. Именно к этому времени, по данным В.И.Абаева, завершился процесс перехода от древнеиранской (скифской) звуковой системы к осетинской, то есть сложился звуковой состав осетинской речи [Абаев В.И., 1949, с.215]. Что касается иронского диалекта, то многие отличия его от дигорского сформировались значительно позже - после VIII в. [Абаев В.И., 1949, с.259]. поэтому совершенно ясно, что современные территории, занимаемые дигорцами и иронцами, не могут соответствовать тому локальному делению в культуре ираноязычного населения III-V вв., которое мы выявляем при рассмотрении археологических материалов.

Эти материалы показывают, что при наблюдаемых различиях в культуре населения западной и восточной локальных групп, связанных с его различной ориентацией, вызванной как географическими, так и экономическими факторами, имеются и некоторые общие черты, характерные для всего аланского населения центральных районов Северного Кавказа. Это в первую очередь близость ряда особенностей погребального обряда - сходство типов погребальных сооружений (катакомб и каменных подземных склепов) и отмеченные выше прочие детали погребального обряда. По-видимому, это можно объяснить процессом постепенного расселения тех групп населения, которые придерживались катакомбного обряда погребения.

Бытуя в первые века нашей эры на территории Кабарды и Пятигорья, этот обряд распространялся вместе с его носителями: он сохранился в изолированном районе Кисловодска у оставшихся здесь групп населения и проник на территорию терско-сунженского междуречья, где господствовал в течение двух веков. После нашествия гуннов этот обряд вместе с его носителями переместился в более восточные районы - на правобережье Сунжи. По своим природно-географическим условиям эти земли были близки тем, которые оставили переселившиеся сюда племена, поэтому их культура не претерпела каких-либо существенных изменений и здесь про-

должали сохраняться все прежние ее особенности.

Иную картину мы видим в горных районах Осетии и Балкарии: здесь с расселением алан наблюдается появление новых элементов культуры. По-видимому, это можно объяснить тем, что, переселяясь в горные районы, ираноязычные племена попадали в совершенно новую среду с достаточно устойчивыми местными традициями и в культуре и в хозяйстве. Все это существенным образом меняло весь уклад жизни появившегося здесь населения и приводило к изменениям его культуры.

В отличие от предгорных районов, служивших зоной контакта для оседлых и кочевых племен, причем последние сменялись на этой территории достаточно часто, поэтому культурные традиции обитавшего здесь населения были крайне неустойчивыми и периодически разрушались коренным образом, горные районы имели стабильное население с достаточно консервативным обликом материальной и духовной культуры, влияние которой несомненно сказывалось и на культуре переселившегося сюда населения.

Как установил В.И.Абаев на лингвистическом материале, предками северокавказских алан были не только кочевые племена скифо-сарматского круга, но и автохтонные северокавказские племена, с которыми смешивались пришлые ираноязычные группы населения [Абаев В.И., 1949, с.78,79]. Наличие значительной группы субстратного населения, участвовавшего в этногенезе осетин, подтверждается и данными топонимики. Так, А.Дз.Цагаева отмечала, что далеко не все топонимы Северной Осетии относятся к аланской лексике, немалое количество географических названий восходит к языку аборигенов Центрального Кавказа, то есть к кавказскому субстрату осетинского языка [Цагаева А.Дз., 1971, с. 40]. Таким образом, и данные лингвистики и данные топонимики говорят о наличии по крайней мере двух компонентов, участвовавших в этногенезе осетин - субстратного кавказского и пришлого ираноязычного*.

Возможно, что именно это смешение местных и пришлых этнических элементов и послужило причиной нового расцвета склепового обряда погребения, характерного для эпохи раннего средневековья, особенно начиная с V в.

---

* В последнее время появились работы, в которых утверждается ираноязычность и проживавшего в центральных районах Северного Кавказа субстратного населения [Техов Б.В., 1994; Медойти Д.Н., Чочиев А.Р., 1994], что, как представляется, противоречит всем имеющимся материалам, связанным с археологией, лингвистикой и топонимикой.

В широком распространении здесь склеповых сооружений, начавшемся в рассматриваемый период, возможно сыграл роль и факт близости в устройстве катакомб ираноязычных племен и каменных подземных склепов, что отмечалось Л.Г.Нечаевой, считавшей, что распространение склепов в горах Кавказа связано с появлением там алан, поскольку подземные склепы - это те же катакомбы, но выполненные в камне [Нечаева Л.Г., 1956, с.18]. По-видимому, этот тезис Л.Г.Нечаевой (о близости в устройстве склепов и катакомб говорил ранее и В.В.Бунак [Бунак В.В., 1953, с.307]), казавшийся совершенно неприемлемым, может считаться допустимым исходя из рассмотренных археологических материалов, однако при этом следует помнить, что погребальные сооружения в виде склепов имеют на Кавказе древние корни, и переселение алан с характерным для них катакомбным обрядом погребения могло лишь способствовать быстрому возрождению этой традиции.

Рассматривая вопрос о причинах возникновения и развития склеповых сооружений на Кавказе, В.Х.Тменов справедливо, как представляется, говорит о совокупности определяющих факторов - экономических (малоземелье), социальных и религиозных (культ предков), особо выделяя последний фактор [Тменов В.Х., 1979, с.58-74]. Можно согласиться с мнением В.Х.Тменова о том, что существовало несколько очагов склеповой культуры, каждый из которых развивался самостоятельно: склепы Прикубанья могли иметь своим прообразом дольмены, а склепы Центрального Кавказа - катакомбы (по Л.Г.Нечаевой) или каменные ящики со сводчатым перекрытием [Тменов В.Х., 1979, с.68]. Наличие разных очагов и разъясняет, по В.Х.Тменову, появление у склепов различных локальных признаков.

Эти признаки достаточно хорошо выявлены работами В.И.Марковина, В.А.Кузнецова, И.М.Мизиева, М.Б.Мужухоева, С.Ц.Умарова, В.Х.Тменова и других для средневековых наземных склепов разных районов Северного Кавказа. Что касается раннесредневековых подземных склепов, то они изучены значительно хуже, так как число открытых склепов невелико, а описания их фактически отсутствуют. Это относится в первую очередь к раннесредневековым склепам Северной Осетии, поэтому дать сравнительную характеристику подземных склепов разных районов этого периода можно будет лишь после накопления новых материалов.

С этим же связана трудность выявления причин распространения склеповых сооружений в эпоху раннего средневековья в центральных районах Северного Кавказа. Мож-

но отметить только тот факт, что появление склеповых сооружений, среди которых преобладали подземные склепы, на территории Южной Осетии связывают с переселением туда ираноязычного населения с территории северных склонов Главного Кавказского хребта [Джадтиев Р.Г., 1968, с.247]. Это не значит, конечно, что все раннесредневековые склеповые сооружения Северного Кавказа следует связать с ираноязычным этносом; речь идет о конкретной группе племен, занимавшей определенную территорию в определенное время.

Говоря о возможной связи раннесредневековых подземных склепов горных районов Северного Кавказа, распространившихся к западу от Верхнего Терека, с ираноязычным населением, получившим наименование кавказские аланы, необходимо отметить и тот факт, что склеповые погребальные сооружения в виде наземных склепов господствовали в погребальном обряде осетин, потомков северокавказских алан, вплоть до конца XVIII - начала XIX в., при этом все исследователи склепов отмечали последовательное развитие склеповых сооружений на Кавказе: от подземных через полуподземные к наземным склепам при возможном одновременном сосуществовании некоторых из этих форм. Таким образом, тот факт, что раннесредневековые подземные склепы служили исходной формой для наземных склепов, характерных, в частности, для погребального обряда осетин, является общепризнанным. При этом общепризнанным является и тот факт, что для раннесредневековых алан Северного Кавказа был характерен катакомбный обряд погребения; как и когда произошел переход от катакомбного обряда алан к склеповым сооружениям осетин, - этот вопрос обычно не ставится и не рассматривается. По-видимому, конкретные археологические материалы говорят о параллельном существовании катакомбных и склеповых сооружений у разных групп алан Северного Кавказа, причем склепы были характерны для алан, проживавших в горной зоне.

Выделяя катакомбу в качестве ведущего типа погребальных сооружений у северокавказских алан, исследователи обычно подкрепляют свое мнение и данными антропологии, поскольку работами антропологов, главным образом В.П.Алексеевым, а еще раньше Г.Ф.Дебецом, было установлено, что аланы Северного Кавказа по своему краниологическому типу отличаются от местных северокавказских племен: они имеют узколицый долихокранный тип, отличный от брахикранный типа местного населения и сходный с узколицым долихокранным типом донских алан [Алексеев В.П., 1974, с.108-

114]. Несмотря на то, что уже приходилось достаточно подробно останавливаться на этом вопросе [Абрамова М.П., 1993, с.195-198], следует еще раз отметить, что из-за крайней немногочисленности краниологических материалов проблема, связанная с определением антропологического типа северокавказских алан, еще далека от своего разрешения. Вряд ли можно говорить о том, что узколиций долихокранный тип, приписываемый аланам, характерен на Кавказе только для катакомбных могил начиная с VI в., а возможно, с IV-V вв. [Ковалевская В.Б., 1992, с.23, 24].

Как показала М.М.Герасимова, связываемый с аланами долихокранный тип был найден в разных могильниках - Дуба-Юрт, Мошечевая Балка, Казазово I [Герасимова М.М., 1986, с.28], для которых были характерны разные типы погребальных сооружений - катакомбы, каменные гробницы и грунтовые ямы. Те материалы, которые использовал В.П.Алексеев при выделении антропологического типа, характерного для алан, также происходят из могильников с разными типами погребальных сооружений. Для территории Карачаево-Черкесии (Верхняя Кубань) использовались материалы Байтал-Чапкана (катакомбы), Узун-Кола (каменные гробницы), Адихуха (ямы с обкладкой из каменных плит). Все эти могильники дали узколиций долихокранный тип. В.П.Алексеев не отрицал возможной связи населения, оставившего эти памятники, с населением этого района эпохи бронзы, когда здесь также господствовал местный узколиций тип [Алексеев В.П., 1974, с.114]. Поэтому тезис о том, что этот антропологический тип был характерен на Кавказе только для алан и распространился здесь с приходом алан, представляется проблематичным. Важно подчеркнуть другое - определенные антропологические типы связываются, скорее, не с определенными типами погребальных сооружений, а с конкретными локальными группами населения, что представляется совершенно закономерным.

Основываясь на данных В.П.Алексеева, который рассматривал раннесредневековое население Верхней Кубани как аланское, мы можем заключить, что население этого региона весь раннесредневековый период - с IV-V вв. (Узун-Кол, Байтал-Чапкан) по X-XII вв. (Адиух) составляло в основном однородный массив и не распадалось на различные этнические группировки, которые мы привыкли связывать с определенными типами погребальных сооружений. Независимо от того, считаем ли мы возможным рассматривать население Верхней Кубани IV-V вв. как аланское или нет, все это насе-

ление объединялось по некоторым общим признакам в один антропологический тип, который не изменился коренным образом в течение раннесредневекового периода.

Такое же заключение было сделано и В.В.Бунаком при рассмотрении черепов из склеповых сооружений. Он пришел к выводу, что на протяжении всего периода сооружения склепов краниологический тип горного населения оставался более или менее стабильным [Бунак В.В., 1953, с.336]. Намеченные им различия связаны с локальными особенностями. В.В.Бунак выделил три краниологических комплекса на Северном Кавказе: 1) долихокранный с крупными размерами мозговой коробки и средней шириной лица - узколиций (каспийский тип, тяготеющий к Северо-Восточному Кавказу); 2) брахикранный широколицый; 3) мезоили долихокранный узколиций (понтский) тип.

Все три краниологических типа, по данным В.В.Бунака, прослежены в серии черепов из средневековых склепов; имеющиеся между ними различия - только территориальные. В.В.Бунак считал, что заселение горной полосы произошло во II тыс. до н.э. и на краниологических материалах не прослеживается появление там ираноязычных племен, так как нет никаких следов появления новых элементов, существенно отличающих их от других доскифских типов Северного Кавказа [Бунак В.В., 1953, с.362, 363].

Таким образом, в отличие от Г.Ф.Дебеца и В.П.Алексеева, которые применительно к эпохе раннего средневековья на Северном Кавказе говорили в основном о двух антропологических типах - местном брахикранным и пришлом (аланском) долихокранным [Дебеч Г.Ф., 1948, с.273-276; Алексеев В.П., 1974, с.111-113], В.В.Бунак отмечал, что в средние века на территории Северного Кавказа существовало по крайней мере два различных долихокранных варианта: один был распространен преимущественно в горной зоне, второй в равнинной полосе, главным образом в восточной части Кавказа [Бунак В.В., 1953, с.347]. Один из этих вариантов (западный) он назвал понтским, а второй (восточный) каспийским.

Такое деление краниологических материалов Северного Кавказа поддерживает и М.М.Герасимова, основываясь и на некоторых новых материалах. К каспийскому типу она относит краниологические материалы катакомбного могильника Дуба-Юрт (Чечня), а также Мошечевой Балки (Карачаево-Черкесия) и Казазово I (Краснодарский край) и связывает их с аланами. К понтскому типу она относит краниологические

материалы Северо-Западного Кавказа из могильников Адиух, Гамовское ущелье, Казазово II, Нижний Архыз. Сюда же следует, по-видимому, отнести и более ранние материалы Верхней Кубани (Байтал-Чапкан и Узун-Кол), так как В.П.Алексеев отмечал сходство хронологически разновременных материалов с территории Карачаево-Черкессии (материалов III-V вв. из Узун-Кола и Байтал-Чапкана и материалов X-XII вв. из Адиуха), которые он с определенностью связывал с аланами [Алексеев В.П., 1974, с.113, 160-169]. М.М.Герасимова, напротив, вслед за В.В.Бунаком считает возможным сопоставлять этот тип с населением Северо-Западного Кавказа, поскольку он проявляется здесь и в меотских могильниках, и в "черкесских" курганах XIV-XVI вв., оставленных непосредственными предками адыгских народов, поэтому этот вариант, по мнению М.М.Герасимовой, может быть связан с этногенезом адыгов [Герасимова М.М., 1986, с.27, 28]. Такое заключение М.М.Герасимовой представляется совершенно правомерным и не противоречащим рассмотренным нами археологическим материалам.

Исходя из этого, следует сказать, что решение вопроса определения краниологического типа алан Северного Кавказа не столь бесспорно, как это представляется по археологической литературе. Поэтому следует признать, что пока вряд ли стоит использовать антропологические материалы при выделении памятников алан на Северном Кавказе, учитывая спорность краниологических признаков, связываемых с аланами.

Нельзя признать достоверным и тезис об устойчивом сочетании двух признаков, считающихся характерными для алан Кавказа (тип погребального сооружения в виде катакомбы и наличие узколицего долихокранного типа). К сожалению, мы пока не знаем краниологической характеристики погребенных в катакомбах восточной локальной группы (памятников терско-сунженского междуречья III-IV вв. и правобережья Сунжи V-VII вв.). Сочетание обоих отмеченных признаков есть в Байтал-Чапкане, однако оставившая этот могильник группа населения по своей краниологической характеристике, как отмечалось, могла иметь местные корни на территории Северо-Западного Кавказа [Алексеев В.П., 1974, с.114]. То же самое можно сказать и о Дуба-Юрте, где имеется подобное сочетание, однако наличие долихокранного типа может быть объяснено влиянием местных традиций, так как этот краниологический тип был характерен для коренного средневекового населения Северо-Восточного Кавказа [Гаджиев А.Г., 1975, с.56].

В силу этого представляется спорным вывод Г.Е.Афанасьева о том, что катакомбный обряд погребения свидетельствует об ираноязычности его носителей и что никак нельзя допустить существования традиции погребения в катакомбах у автохтонного населения эпохи раннего средневековья в центральных районах Северного Кавказа [Афанасьев Г.Е., 1992, с.91, 92]. Данные антропологии противоречат этому. С местным населением по антропологическим данным можно связать такой катакомбный могильник Северо-Западного Кавказа как Байтал-Чапкан из-за идентичности его материалов другим краниологическим материалам Верхней Кубани (Узун-Кол, Адиух). С местным населением Центрального Кавказа связывается брахикранный тип, обнаруженный в Змейском катакомбном могильнике в Северной Осетии. Г.Е.Афанасьев объясняет присутствие здесь брахикранного типа наличием брачных связей алан и местного населения [Афанасьев Г.Е., 1992, с.91], однако В.П.Алексеев и К.Х.Беслекоева, исследовавшие черепа Змейского могильника, отмечали, что в составе населения, оставившего Змейский могильник, морфологический тип, характерный для местных автохтонных групп, был преобладающим [Алексеев В.П., Беслекоева К.Х., 1963, с.120]. Они же говорили об идентичности этих черепов черепам из более поздних христианского и мусульманского могильников Верхне-Джугатского городища; антропологический тип этих групп, отмечали авторы, говорит об автохтонном их происхождении [Алексеев В.П., Беслекоева К.Х., 1963, с.121]. Таким образом, речь идет не о какой-либо доле или примеси краниологических признаков местного населения, которая могла бы объясняться брачными связями, а о господстве этих признаков, свидетельствующих об автохтонности этой группы населения.

Если обратиться к территории Северо-Восточного Кавказа, в частности, Дагестана, то здесь антропологические исследования касались лишь одного катакомбного могильника - Верхнечирюртовского. Черепа этого могильника были отнесены Т.С.Кондукторовой к широколицему брахикранному типу, который она связывала с савирами [Кондукторова Т.С., 1967, с.117-129]. В.П.Алексеев, напротив, отрицает савирскую принадлежность этих черепов, сближая их с местным кавказским антропологическим типом, то есть с автохтонным населением Кавказа [Алексеев В.П., 1974, с.32].

Проведенный нами краткий обзор интерпретации антропологических материалов, которые по ряду признаков могут быть связаны и связываются многими исследовате-

лями с аланами, выявляет далеко не однозначную и во многом спорную картину. Во-первых, существуют мнения, что катакомбные могильники, открытые в разных районах Северного Кавказа (Байтал-Чапкан на Северо-Западном Кавказе, Змейский в Центральном, Дуба-Юрт и Верхний Чирюрт на Северо-Восточном Кавказе), были оставлены местным в основной своей массе населением каждой из территорий. Во-вторых, ни в одном из районов Северного Кавказа разные краниологические типы не связываются с каким-либо определенным типом погребального сооружения, наоборот, разные типы погребальных сооружений, расположенные в одном районе, содержат краниологические материалы, принадлежавшие какому-либо одному типу.

В.В.Бунак писал, что "краниологический анализ подтверждает давно уже сделанный вывод о том, что ираноязычные аланы имеют в своем составе те же два или три антропологических элемента, которые констатированы на Северном Кавказе в доаланское время. Этот вывод не исключает, конечно, того, что в различных группах аланов, говорящих на языке аланской ветви, мог преобладать один из древних антропологических элементов" [Бунак В.В., 1953, с.363]. Иными словами, аланы, проживавшие на разных территориях Северного Кавказа, могли иметь разный антропологический тип. Поэтому стремление связать северокавказских алан лишь с одним краниологическим типом вряд ли правомерно. Учитывая к тому же высказанные А.В.Шевченко сомнения по поводу характеристики антропологического типа современных осетин, следует согласиться с его мнением о невозможности в настоящее время, до накопления новых материалов, говорить о происхождении осетин [Шевченко А.В., 1986, с.101-106], следовательно, и о выделении признаков, характерных для северокавказских алан.

Говоря об антропологических материалах, следует остановиться еще на одном вопросе, который, как представляется, также не может пока найти своего решения. Это касается распространения на Кавказе в рассматриваемый период обычая деформации черепов. Этот обычай был характерен и для сарматских и для гуннских племен. У сарматов он был одним из признаков позднесарматской культуры II-IV вв. н.э., связываемой с аланами. Деформированные черепа известны, в частности, на территории Калмыкии в погребениях II-III вв. н.э. В более южных районах этот обычай не получил широкого распространения. Сарматские деформированные черепа известны на левом берегу Среднего Терека в районе Моздока, где они про-

исходят из разрушенных погребений [Арх. исслед..., с.240], найдены такие черепа и в районе Кисловодска в погребениях второй половины III в. н.э. у Буденновской слободы. Они тоже могут быть связаны с проникновением сюда кочевников алан. Как отмечалось, единичные деформированные черепа известны и в катакомбах Сунжи (Алхан-Кала) III-IV вв.

Массовое распространение этого обряда на Северном Кавказе фиксируется лишь в гуннское время, когда деформированные черепа встречались по всей рассматриваемой территории в совершенно различных типах погребальных сооружений - в катакомбах, склепах, каменных гробницах, в грунтовых ямах.

Уже отмечалось, что по своей материальной культуре рассматриваемая территория входила в ту широкую область, которая испытывала значительное влияние так называемых гуннских древностей. Наиболее яркое проявление этого влияния мы видели в материалах памятников Кисловодска и Верхней Кубани, однако многие элементы этой культуры присутствовали и в более восточных районах - от верховьев Малки до бассейна Уруха (Дигория).

Влияние культуры гуннов, а возможно, и проникновение отдельных группировок гуннских племен в зону оседлого населения центральных районов Северного Кавказа, в первую очередь в их западные области, значительно сnivelировали культуру населения разных районов. Поэтому выделение здесь памятников, которые по каким-то конкретным признакам могли быть связаны с определенными этническими группировками, в том числе и с аланами, едва ли возможно.

Археологические материалы показывают, что нашествие гуннов было по своим результатам гораздо более значимым, чем предшествующее ему нашествие алан. Появление кочевых аланских племен в Предкавказье сыграло существенную роль в жизни населения Северного Кавказа - как оседлого, так и кочевого, обитавшего в Предкавказье. Усилившаяся активизация алан привела к значительным перемещениям северокавказского населения, однако в целом не затронула коренным образом характера культуры и не привела к ее гибели. Это объясняется, по-видимому, тем, что аланы принадлежали к тому же кругу ираноязычных племен, что и господствовавшие до них в Предкавказье скифы и сираки. Поэтому общие идеологические основы их культуры оставались прежними, а развитие культуры поступательным.

Нашествие гуннов ознаменовало собой окончание многовекового господства ира-

ноязычных кочевников Предкавказья. Появление гуннов, за которыми пришли многочисленные, непрерывно сменявшие друг друга различные тюркоязычные племена, открыло новый период в истории коренного населения Северного Кавказа, что не могло не сказаться на характере его культуры и на этническом его составе.

Давая характеристику населения Северного Кавказа эпохи раннего средневековья, А.В.Гадло отмечал, что уже в V в. на Северном Кавказе сложился тот состав этнополитических объединений, которые проявили себя в последующие столетия. В эти объединения входили группировки местного населения, гунны, сармато-аланские общности, общности, возникшие на основе утюркских племен Южного Приуралья и Поволжья и др. Совместное существование этих разноэтничных племен и союзов, что было характерно, отмечал А.В.Гадло, не только для Кавказа, но и для Западной Европы периода Великого переселения, и создавало основу их будущей консолидации и культурно-этнического взаимодействия [Гадло А.В., 1979, с.69].

Период V-VI вв. характеризуется постоянным притоком на Северный Кавказ новых разноэтничных группировок, поскольку и аланы и гунны и более поздние волны кочевников, появлявшихся на Кавказе, на самом деле представляли собой конгломерат различных этнических группировок, участвовавших в военных походах и миграциях. Все это приводило к тому, что создававшиеся на Северном Кавказе объединения имели по большей части политический, а не этнический характер. Так, по данным армянского историка Егише, автора середины V в., на территории Северо-Восточного Кавказа размещалась страна гуннов, называемых им хайландурами [Егише, 1971, с.333-334]. Говоря о "царстве гуннов", сложившемся на Северо-Восточном Кавказе, и отмечая близость картины, наблюдаемой на территории как восточных, так и западных районов Кавказа, А.В.Гадло характеризовал состав этого царства как сложное этническое образование, возникшее на местной основе, в котором собственно гуннский элемент растворялся в ираноязычном окружении и поглощался древним аборигенным населением [Гадло А.В., 1979, с.150-152].

Такая же картина наблюдалась, по видимому, и в более западных районах, в частности, в бассейне Верхней Кубани и Баксана. Как представляется, широкое распространение обычая деформации черепов на Северном Кавказе можно связать с периодом именно гуннского времени (и позже), причем не только в центральных районах

Северного Кавказа, но и на территории Северо-Восточного Кавказа - деформированные черепа найдены, в частности, в некоторых памятниках Дагестана этого времени (Паласа-Сырт, погребения IV-V вв. Буйнакского кургана). Однако трудно при этом объяснить тот факт, что на территории Дагестана, где по письменным источникам четко фиксируется "страна гуннов", распространение обычая деформации черепов отмечается значительно меньше, чем в центральных районах Северного Кавказа. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что в распространении этого обряда на Кавказе принимали большее участие ираноязычные племена, а не гунны. Такое заключение, однако, находится в некотором противоречии с теми материалами, которые мы имеем для памятников сарматского времени на Северном Кавказе, почти не содержащих деформированных черепов.

Учитывая характерность этого обряда и для кочевых аланских и для гуннских племен и возможность совместного их проживания на одной территории, можно говорить о том, что наличие деформированных черепов в совершенно различных типах погребальных сооружений, обнаруженных на территории, которая по письменным источникам отводится аланам, подтверждает факт тесного взаимодействия культур местного и пришлого населения, а это, в свою очередь, затрудняет выделение на археологических материалах середины I тыс. н.э. каких-либо этнических показателей.

И данные письменных источников и антропологические материалы свидетельствуют о формировании в это время определенных территориальных образований, которые объединяли в себе совершенно различные этнические элементы при возможной главенствующей роли некоторых из них. Эти объединения носили, скорее, политический характер, так как каждое из них имело свою политическую ориентацию, что сказывалось и на их экономике и культуре. При этом некоторые элементы культуры оставались прежними, особенно в тех районах, где имелись достаточно сильные традиции местного населения. Поэтому появление здесь новых этнических элементов или включение этих районов в новые политические объединения не меняло здесь общей картины, связанной с особенностями культуры проживавшего здесь населения, к примеру, некоторых черт погребального обряда. Можно спорить о том, относилась ли территория бассейна Верхней Кубани к землям кавказских алан в V-VI вв., однако вхождение ее в границы Алании в более позднее время вполне допустимо, однако и в V, и в VII вв. здесь наблю-

дается господство местных традиций (в погребальном обряде это сохранение и преобладание прежних типов погребальных сооружений - каменных гробниц).

Вопрос об этническом составе населения бассейна Верхней Кубани в середине и второй половине I тыс. н.э. рассматривался Х.Х.Биджиевым. Он считает, что можно говорить об обитании здесь алан в VI-VII вв., основываясь на наличии среди памятников этого времени целого ряда катакомбных могильников, датируемых не позже рубежа VII-VIII вв., когда здесь началось господство Хазарии [Биджиев Х.Х., 1993, с.100, 101].

Занимаясь изучением истории и культуры тюркоязычных народов Северного Кавказа, в частности, бассейна Верхней Кубани, в эпоху раннего средневековья, Х.Х.Биджиев совершенно справедливо отмечал, что на археологических материалах невозможно выделить тюркские могильники из числа других раннесредневековых памятников, поскольку тюркоязычные племена, проникая в эти земли, вступали в тесный контакт с местными и ираноязычными племенами и воспринимали некоторые элементы их культуры; лишь такие специфические детали как рунические надписи, каменные изваяния, поминальные комплексы и др. являются яркими свидетельствами пребывания здесь тюркоязычных племен [Биджиев Х.Х., 1993, с.213, 214]. В то же время основные признаки погребального обряда, такие как типы погребальных сооружений, остаются здесь прежними.

Такую же картину мы видели и при попытке выделения памятников аланских племен на разных территориях по данным погребального обряда - в некоторых районах типы погребальных сооружений сохраняли те же особенности, что и в предшествующее время. Поэтому несколько противоречивым

представляется высказывание Х.Х.Биджиева по поводу алан на Верхней Кубани: выступая против безоговорочной связи раннесредневековых памятников Верхней Кубани с аланами, что представляется правомерным, он в то же время считает тип погребального сооружения в виде катакомбы главным критерием для выделения памятников алан, а отсутствие катакомб, в частности, в могильниках Кяфарского городища, считает важным доводом, препятствующим отнесению этого городища аланам [Биджиев Х.Х., 1993, с.211, 212]. Однако катакомбных погребений нет и во многих других районах, занятых аланами. Не говоря уже о том, что, по данным М.Г.Магомедова, катакомбы могут рассматриваться в качестве погребальных сооружений хазар [Магомедов М.Г., 1983, с.90, 91]. Поэтому вряд ли этот критерий может быть решающим.

Таким образом, рассмотренные археологические материалы, а также данные письменных источников, лингвистики и топонимики позволили сделать заключение о возможной связи рассмотренных в работе памятников с аланами. Если исключить бассейн Верхней Кубани, где обитание алан в это время представляется довольно спорным, на всей территории господствовали два основных типа погребальных сооружений, очень близких по устройству, - катакомб в предгорьях и каменных подземных склепов в горах. Найденные на этих территориях другие типы погребальных сооружений, относящиеся к рассматриваемому периоду, также, как представляется, следует связывать с аланами. В каждом из районов аланы имели свой этнический состав, так как создававшиеся на Северном Кавказе объединения включали многочисленные этнические группировки.

Заключение

Рассмотренные археологические материалы центральных районов Северного Кавказа III-V вв. позволили выделить два хронологических периода и две локальные группы памятников - восточную и западную.

Для первого периода (III-IV вв.) имеющиеся у нас материалы не дают возможности воссоздания четкой картины. Это объясняется в первую очередь немногочисленностью комплексов этого времени с территории западной локальной группы, что не позволяет провести сопоставление признаков разных групп. Однако имеются некоторые данные, свидетельствующие о близости материальной культуры на всей исследуемой территории. Это можно объяснить многочисленными перемещениями племен Предкавказья в связи с усилившейся активизацией сарматских кочевников алан во II - начале III в. н.э. Эти перемещения привели к нивелировке культуры населения разных районов центральной части Северного Кавказа. Подтверждает это, в частности, такой факт как распространение керамики, тождественной по форме и способам орнаментации керамике терско-сунженского междуречья III-IV вв., в горной зоне Северной Осетии, в том числе и в западных ее районах - в Дигории. Это может свидетельствовать о том, что отдельные группы, по-видимому, ираноязычные, населения Предкавказья появились в горах еще до нашествия гуннов. Можно также предполагать, что проникновение ираноязычных племен в горные районы Северной Осетии послужило причиной распространения там, в первую очередь в Дигории, погребальных сооружений в виде каменных подземных склепов. Однако скудность наших сведений, касающихся памятников Северной Осетии обоих периодов, не позволяет говорить об этом со всей определенностью.

С значительно большей уверенностью для этого раннего периода можно говорить о наличии, по имеющимся материалам, двух групп ираноязычного населения, обитавшего в более северных районах. Одна из них жила на территории терско-сунженского междуречья, вторая, очень немногочисленная, в районе Кисловодска. Для обеих этих групп был характерен катакомбный обряд погребения.

Подавляющее большинство остальных памятников оседлого населения этого периода, локализуемых преимущественно в горной зоне, следует, возможно, связать с местными племенами этих регионов. Исключение составляет Хумаринский могиль-

ник на Верхней Кубани, в котором господствовали подбойные и катакомбные погребения.

В целом, ранний период характеризуется устойчивостью старых традиций в каждом из районов; в материальной культуре наблюдается значительная ее нивелировка по всей исследуемой территории.

Прослеженное на различных материалах (данных археологии, лингвистики, топонимики) деление древностей алан на две группы (восточную и западную) можно связать, как представляется, с более поздним, временем - с периодом после нашествия гуннов, когда в центральных районах Северного Кавказа наблюдаются значительные изменения. Они хорошо прослеживаются при рассмотрении материалов V в., связанных как с материальной культурой, так и с особенностями погребального обряда. В материальной культуре это появление нового комплекса, который можно отнести к кругу древностей гуннов,- специфичный набор украшений, конской узды, оружия, фибул и др., часто с применением инкрустации, а также стеклянных и бронзовых сосудов. В центральных районах Северного Кавказа этот набор дополняется и своеобразным набором глиняных сосудов, украшенных характерным орнаментом.

Все эти находки наиболее полно представлены в западных районах - главным образом в районе Кисловодска и в бассейне Верхней Кубани. По-видимому, они были в достаточной степени распространены и в более восточных районах - в памятниках, открытых на территории Балкарии, о чем свидетельствуют материалы, хотя и немногочисленные, происходящие из подземных склепов этой территории. Более восточные районы западной группы изучены в археологическом отношении значительно слабее, поэтому трудно в настоящее время очертить ареал этого комплекса.

Есть основания полагать, что в горных районах этот комплекс был распространен на восток вплоть до Дигории включительно, поэтому район Дигории можно рассматривать как пограничную зону, так как в керамике этого региона наблюдаются черты, характерные для керамики как восточной, так и западной групп.

В предгорно-равнинной зоне границу этого комплекса следует, по-видимому, отодвинуть далее к востоку, однако в археологическом отношении, особенно применительно к периоду V-VI вв., этот район изу-

чен очень плохо. Фактически мы не имеем памятников этого времени на территории к востоку от Баксана вплоть до течения Терека, а вернее, до бассейна Сунжи. И лишь характерные для памятников гуннского типа находки, открытые в Бруте С.С.Куссаевой и Т.А.Габуевым, позволяют предполагать, что ареал этого комплекса охватывает, по-видимому, и правобережные районы Терека.

В этой связи представляют значительный интерес раскопки, проводимые Б.Х.Атабиевым в Черекском (бывш. Советском) районе Кабардино-Балкарии. Материалы, полученные в результате этих раскопок, помогут уточнить недостаточно ясный в настоящее время вопрос - могут ли быть сопоставимы найденные здесь материалы с тем описанным выше археологическим комплексом, который был характерен для памятников Кисловодска и Верхней Кубани в V-VI вв. Если ответ будет отрицательным, то находки гуннского типа из курганов Брута можно рассматривать как в достаточной степени случайное явление, как, в частности, можно интерпретировать и характерные для гуннских древностей комплексы, найденные в Дагестане, например, в Ирагинской гробнице V в. [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, рис.49, 50]. Однако появившиеся некоторые сведения, касающиеся раскопок на Черке [Атабиев Б.Х., 1996, с.16, 17], позволяют говорить о возможном включении в границы распространения рассматриваемого комплекса и территории Кабарды, доводя эти границы на востоке до правобережных районов Терека (Брут).

Если обратиться к более восточной группе памятников, локализуемой на правобережье Сунжи, то для них был характерен совершенно другой набор инвентаря, поскольку жившее здесь население придерживалось местных культурных традиций. И хотя относящиеся к V в. находки здесь немногочисленны, известные с этой территории комплексы VI-VII вв. свидетельствуют о значительных различиях в культуре населения этой территории и населения западных районов (окрестностей Кисловодска и бассейна Верхней Кубани).

Говоря о том, что на территории западной группы был распространен комплекс, связанный с кругом гуннских древностей, следует подчеркнуть тот факт, что сам набор этих признаков в данном конкретном случае не может служить критерием для выделения памятников алан западной группы, поскольку этот набор был распространен значительно шире, чем ареал алан, и, несомненно, не был связан с каким-либо одним этносом, особенно там, где мы имеем дело с оседлым населением. Поэтому близость материальной

культуры населения Верхней Кубани, района Кисловодска и бассейна Баксана не может быть решающим критерием для включения бассейна Верхней Кубани в пределы территории алан V в. Более значимым в этом смысле представляется керамический материал: характерный для памятников западных районов специфический набор сосудов был широко распространен и в памятниках Верхней Кубани. Поэтому если в будущем удастся установить, что эта своеобразная керамика действительно сформировалась в среде западной группы алан (а для этого, как представляется, надо доказать, что в районе Кисловодска, где проживало ираноязычное население, эта керамика появилась раньше, чем на Верхней Кубани), тогда можно будет более определенно говорить с включении бассейна Верхней Кубани в границы расселения алан.

Обращаясь к данным погребального обряда, можно сказать, что фактически на основной территории распространения алан начиная с V в. господствовали близкие по форме погребальные сооружения - катакомбы и каменные подземные склепы. К сожалению, на рассматриваемой нами территории центральных районов Северного Кавказа остается много белых пятен (районы Кабарды, горной зоны Северной Осетии, Затеречья и др.), где не выявлено достаточное количество характерных для этого времени комплексов. Поэтому ареалы катакомб и склепов на имеющихся материалах установить трудно. Это, в свою очередь, затрудняет воссоздание целостной картины, поскольку большая часть из рассматриваемых групп памятников мало информативна. Поэтому все сделанные нами выводы могут отражать лишь общую тенденцию развития особенностей культуры населения, жившего на этих территориях.

Исходя из этого, следует сказать, что катакомбы бытовали в северных районах рассматриваемой территории, то есть там же или почти там же, где они были зафиксированы и в предшествующее время - в районе Кисловодска, в Затеречье и, возможно, на территории Кабарды [Атабиев Б.Х., 1996, с.17]. Наличие здесь катакомбного обряда объясняется проживанием в этих районах тех же групп населения, что и в предшествующий период, причем этот обряд может здесь служить показателем ираноязычной основы обитавшего здесь населения: на эту основу наслаивались и другие этнические компоненты - местные для территории Затеречья и Кабарды и, по-видимому, тюркоязычные для более поздних периодов в районе Кисловодска. Что касается склеповых сооружений, то они были характерны для

памятников горных районов этого времени. При этом граница между ними проходила, по-видимому, в районе Скалистого хребта.

Оба эти типа погребальных сооружений следует на данных территориях связывать с аланами. Конечно, говорить о преобладании в это время склеповых сооружений в горных районах, в частности, в горах Северной Осетии, трудно, так как сведения об этой территории не достаточно ясны, а данные дореволюционных и современных исследований говорят о наличии здесь и других типов погребальных сооружений, например, грунтовых ям с каменной обкладкой стен, которые сосуществовали здесь со склеповыми сооружениями. Поэтому необходимо отметить, что с аланами следует связывать не только склепы, но и все другие типы погребальных сооружений этой территории, учитывая полиэтничность объединений Северного Кавказа в гуннское время и факт, отмеченный еще Аммианом Марцеллином для сарматских кочевых племен, когда ведущее племя распространяло свое название на соседние племена.

Археологические материалы, относящиеся к первой половине I тыс. н.э., позволяют говорить о том, что самые древние из известных нам склепов этого периода происходят из горных районов Северной Осетии (Лизгор и Задалиск в Дигории и, возможно, Чми на Тереке). Традиция сооружения склепов сохраняется здесь в середине I тыс. н.э. и позже. И одновременно, в середине I тыс. н.э., склеповые сооружения распространяются в более западных районах - в долине Баксана и на Малке. На территории, расположенной между долиной Баксана и Дигорией, никаких памятников рассматриваемого периода пока не открыто. В районе Кисловодска и на Верхней Кубани появление подземных склепов относится, по имеющимся материалам, к еще более позднему времени к VI-VII вв. Таким образом, те данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить, что распространение склепового обряда в центральных районах Северного Кавказа в I тыс. н.э. происходило из горных районов Северной Осетии на запад и северо-запад.

Ограниченность имеющихся у нас материалов не дает возможности наметить четкие границы локальных групп. Эти материалы показывают, что мы не можем выделить в древностях алан рассматриваемого периода две локальные группы по сочетанию данных погребального обряда и материальной культуры. Это связано с тем, что при условии исключения бассейна Верхней Кубани, где обитание алан в середине I тыс. н.э. представляется достаточно спорным, памятники всей остальной территории по данным по-

гребального обряда делятся на две зональные группы: северную (предгорную) с господством катакомб и южную (горную) с господством каменных подземных склепов; оба эти типа погребальных сооружений в данном случае, по-видимому, можно рассматривать как разновидности одного обряда.

Если исходить из особенностей материальной культуры, то в этом случае выделяются две другие группы памятников - восточная и западная. Такое деление является, по-видимому, более значимым, поскольку оно подтверждается не только археологическими, но и другими материалами - сведениями письменных источников, данными лингвистики и топонимики. Однако четкие границы этих локальных групп на имеющихся материалах установить очень трудно. Если говорить о конкретных памятниках, то к восточной группе пока с определенностью можно отнести лишь памятники, локализующиеся в междуречье Сунжи и Аргуна, которые несомненно составляют своеобразную группу и характеризуются наличием местных локальных особенностей как в обряде, так и в инвентаре.

Что касается западной локальной группы, то к ней, по-видимому, можно отнести памятники окрестностей Кисловодска, бассейнов Малки и Баксана и, возможно, Дигории. О культуре населения, проживавшего в это время на левобережье Терека, к востоку от Дигории, мы не имеем достаточных данных.

Такое же локальное деление подтверждается и более поздними археологическими материалами, о которых упоминал А.А.Иессен [Иессен А.А., 1941, с.27]. Как мы видели, данные лингвистики и топонимики также говорят о единой группе населения, обитавшей на всей этой территории, отводимой западным аланам (дигорцам).

Жители восточных районов Осетии (Куртатии и Тагаурии) были, по-видимому, больше связаны с населением прилегающих равнинных районов Северной Осетии, расположенным по обоим берегам Терека, в том числе и на территории правобережных районов (в Затеречье). Поэтому и в экономическом отношении и по особенностям своей культуры эти районы - от восточных границ Дигории на западе до течения Аргуна на востоке - могли составлять близкий по своим особенностям массив. Именно здесь, в восточных районах Северной Осетии, господствует иронский диалект осетинского языка. Возможно, что подобное деление на две локальные группы наметилось еще в середине I тыс. н.э., хотя по имеющимся материалам оно четко не прослеживается.

Уточнению места прохождения границы между восточной и западной локальными

группами препятствует факт недостаточной археологической изученности памятников горных районов Северной Осетии и территории Кабарды. Поэтому решение этого вопроса дело будущего.

Рассмотренные археологические материалы показывают, что локальное деление аланской культуры, предложенное И.М.Чеченовым и В.А.Кузнецовым, в основу которого положен характер могильников и городищ - господство земляных катакомб и городищ с земляными оборонительными сооружениями в восточной группе и скальных катакомб и городищ с каменными оборонительными сооружениями в западной [Чеченов И.М., 1971, с.205, 206; Кузнецов В.А., 1973], не может быть распространено на все периоды существования аланской культуры Северного Кавказа. Если такое деление и допустимо, то только для позднего периода существования аланской культуры - с VIII в., так как скальные захоронения, характерные для западного варианта, охватывавшего бассейн Верхней Кубани, начали распространяться здесь в конце VII - начале VIII в. До VIII в. для всей территории, занимаемой аланами, были характерны обычные ("земляные") катакомбы (о характере городищ говорить трудно, так как почти все они, за редким исключением, не подвергались раскопкам). Поэтому для этого периода, а точнее, для более подробных этапов этого периода (III-IV вв., V-VI вв., конец VI-VII вв.) должны быть какие-то свои критерии при выделении локальных вариантов.

Говоря о том, что в III-V вв., судя по имеющимся материалам, носителей катакомбного обряда погребения можно связывать с ираноязычным этносом, следует отметить, что этот вывод касается только центральных районов Северного Кавказа и не распространяется на территорию Дагестана,

материалы которого требуют особого рассмотрения. Кроме того, необходимо отметить, что именно в этот период, период становления аланской культуры, происходило значительное сокращение доли катакомбных сооружений в погребальном обряде алан. Этот обряд сохраняется только у тех групп населения, которые проживали в V-VI вв. в тех же или примерно в тех же районах, где население с подобным обрядом проживало и прежде.

В следующий период (конец VI-VII вв.) картина несколько меняется, так как, во-первых, шире распространяется обряд склеповых сооружений, который появляется в это время и в районе Кисловодска и на Верхней Кубани, а, во-вторых, на территории распространения склепов становятся известными, хотя и немногочисленные (за исключением района Кисловодска), погребения в катакомбах.

С чем можно связать их появление - с расселением ираноязычных алан других территорий Кавказа (района Сунжи и Кисловодска), где катакомбный обряд сохранялся и в V-VI вв., или с расселением каких-то групп тюркоязычного населения, учитывая имеющиеся мнения о связи катакомбного обряда не только с ираноязычным, но и с тюркоязычным этносом (Ю.А.Заднепровский, М.Г.Магомедов), в сочетании со сведениями 576 г. о покорении алан тюрками, - вопрос достаточно сложный и требующий детального изучения северокавказских материалов VI-VII вв.

Предложенная интерпретация рассмотренных материалов во многом гипотетична, однако сами эти материалы свидетельствуют о том, что существующие решения многих вопросов далеко не так однозначны, как представлялось до сих пор.

Литература

- Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.
- Абаев В.И., 1959. Осетино-вейнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный. Т.1, вып.2.
- Абаев В.И., 1960. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Абрамова М.П., 1975. Катакомбные погребения IV-V вв. из Северной Осетии // СА. №1.
- Абрамова М.П., 1978. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. №1.
- Абрамова М.П., 1980. Большой Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. МАД. Махачкала. Т.9.
- Абрамова М.П., 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. №2.
- Абрамова М.П., 1986. Раннесредневековый могильник у с.Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.
- Абрамова М.П., 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II-III вв. н.э. // КСИИ. Вып.197.
- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в.до н.э. - IV в. н.э.). М.
- Абрамова М.П., 1995а. Катакомбные могильники III-V вв. н.э. центральных районов Северного Кавказа // Аланы. История и культура. Alanica. Владикавказ. III.
- Абрамова М.П., 1995б. Римские провинциальные фибулы IV-V вв. на Северном Кавказе // Историко-археологический альманах. Армавир, М. №1.
- Абрамова М.П., 1996. Фибулы Хумаринского могильника II-III вв. н.э. // Историко-археологический альманах. Армавир, М. №2.
- Агафий, 1953. О царствовании Юстиниана. М.-Л.
- Акритас П.Г., 1957. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье // Уч.зап.КБНИИ. Нальчик. Т.ХI.
- Алексеев В.П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
- Алексеев В.П., Беслекоева К.Х., 1963. Краниологическая характеристика средневекового населения Северной Осетии // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА. Вып.114.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып.ГI-12.
- Алексеева Е.П., 1955. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК. Вып.60.
- Алексеева Е.П., 1961. Археологические раскопки в районе селения Верхний Чегем в 1959 г. // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик. Вып. IX.
- Алексеева Е.П., 1966. Памятники меотской и сарматской культур Карачаево-Черкесии // Труды КЧНИИ. Ставрополь. Вып.V. (сер.ист.).
- Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнич. и соц.-экон. развития. М.
- Алексеева Е.П., 1976. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск.
- Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып.ДI-30.
- Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. №2 (ч.1), №3 (ч.2).
- Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.
- Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М.
- Апхазова Н.И., 1979. Материальная культура раннесредневековой Грузии. Тбилиси (на груз. яз.).
- Аржанцева И.А., 1987. Работы на Зилгинском городище // АО-1985.
- Аржанцева И.А., Деопик Д.В., 1989. Зилги - городище начала I тыс. н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Уч. зап. комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. М.
- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
- Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.-Л.

- Атабиев Б.Х., 1996. Раскопки у селения Зарагж Кабардино-Балкарской республики // АО-1995. М.
- Афанасьев Г.Е., 1976. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа (по материалам могильника Мокрая Балка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Афанасьев Г.Е., 1979а. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. №3.
- Афанасьев Г.Е., 1979б. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып.158.
- Афанасьев Г.Е., 1980. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. М.
- Афанасьев Г.Е., 1992. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ. Алапса-П. Владикавказ, Цхинвал.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 1970. Могильник №1 у Лермонтовской скалы близ Кисловодска // СА. №4.
- Батчаев В.М., 1984. Гуннский котел из селения Хабаз // СА. №1.
- Белинский И.В., Бойко А.Л., 1991. Тайник позднесарматского времени кургана 2 могильника "Аэродром-1" // Историко-археологич. исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Азов Рост. обл. Выпуск десятый.
- Березин Я.Б., 1983. Работы в Предгорном районе Ставропольского края // АО-1981.
- Берлизов Н.Е., Каминский В.Н., 1993. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. СПб. №7.
- Берхин И.П., 1961. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АС ГЭ. Вып.2.
- Бетров Р.Ж., 1980. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Бетров Р.Ж., 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археол. исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Т.3.
- Биджиев Х.Х., 1979. Исследование средневековых памятников Карачаево-Черкесии и об этнической принадлежности некоторых из них // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста.
- Биджиев Х.Х., 1982. Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск.
- Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.
- Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск.
- Биджиев Х.Х., Гадло А.В., 1975. Исследования в Карачаево-Черкесской автономной области // АО-1974.
- Биджиев Х.Х., Тоторкулов Н.Х., 1994. Могильник Джамагат в Карачаево-Черкесии // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск.
- Богачев А.В., 1996. К вопросу о поздней дате древности "гуннского круга" // РА. №3.
- Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993. Происхождение котлов "гуннского типа" Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. СПб. №3.
- Бунак В.В., 1953. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник МАЭ. М.-Л. Т.XIV.
- Виноградов В.Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.
- Виноградов В.Б., 1967. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Уч. зап. КБНИИ. Нальчик. Т.XXV.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1976. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО-1975.
- Виноградов В.Б., Мамаев Х.М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Грозный. Т.III.
- Виноградов В.Б., Савенко С.Н., 1978. Исследования в низовьях р.Мартан // АО-1977.
- Виноградов В.Б., Савенко С.Н., 1991. Новые материалы из катакомбных могильников IV-V вв. н.э. района г.Грозного // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.). Грозный.
- Виноградов В.Б., Чокаев К.З., 1966. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный. Т.VIII, вып.2. Языкознание.

- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
- Воронов Ю.Н., 1994. Захоронения женщин с брошами в могильниках Апсолии (Абхазия) // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV.
- Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н., 1966. Находки из погребений IV-V вв. в Крыму // СА. №3.
- Габуев Т.А., 1985. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. №2.
- Габуев Т.А., 1994. Погребение аланского воина // Эхо Кавказа. М. №2(5).
- Гаглойти Ю.С., 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. М.
- Гаджиев А.Г., 1975. Древнее население Дагестана. М.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.
- Гадло А.В., 1984. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники "Дербенд-наме" // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Герасимова М.М., 1986. Этногенетические аспекты палеоантропологии Северного Кавказа эпохи средневековья // XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе.
- Гмыря Л.Б., 1987. Погребальный обряд Паласа-сыртского могильника // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
- Гунба М.М., 1978. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси.
- Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1974. Археологические памятники средневековья у с. Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА. №2.
- Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.-Л.
- Деопик В.Б., 1961. Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Деопик Д.В., 1988. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н.э. по материалам городища Зилги // Материальная культура Востока. М. Ч. II.
- Державин В.Л., Малышев А.А., Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Сударев Н.И., 1988. Работы Дагестанской экспедиции // АО-1986.
- Дешериев Ю.Д., 1963. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный.
- Джадтиев Р.Г., 1968. Склепы верховьев р. Лиахвы // СА. №3.
- Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
- Древности, 1888. Труды МАО. М. Т. XII.
- Ермоленко М.И., 1913. Могилы седой старины Нальчикского округа Терской области // ТСУАК. Ставрополь. Вып. I.
- Жиров Е.В., 1940. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. VIII.
- Засецкая И.П., 1968. О хронологии погребений "эпохи переселения народов" Нижнего Поволжья // СА. №2.
- Засецкая И.П., 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.
- Засецкая И.П., 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып. 158.
- Засецкая И.П., 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
- Засецкая И.П., 1984. О дате мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.
- Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев.
- ИАК, 1913. Прибавление к выпуску 52. СПб.
- Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. Вып. 3.
- Казанский М.М., 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV.
- Кильчевская Э.В., Иванов Л.С., 1959. Художественные промыслы Дагестана. М.
- Климов Г.А., 1963. О лексике осетинского происхождения в сванском языке // Этимология. М.
- Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.
- Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.

- Ковалевская В.Б., 1992. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Alapisa-II. Владикавказ, Цхинвал.
- Ковалевский М.М., 1886. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М. Т.1.
- Коковцев П.К., 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.
- Кондукторова Т.С., 1967. Антропологическая характеристика черепов из Верхне-Чирюртовского могильника // Вопросы антропологии. М. №25.
- Косяненко В.М., 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. №2.
- Крупнов Е.И., 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды ГИМ. Вып. XII.
- Крупнов Е.И., 1946. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик.
- Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. Вып. 106.
- Кузнецов В.А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // СА. №2.
- Кузнецов В.А., 1974. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археолого-этнографический сборник. Нальчик. Вып. I.
- Кузнецов В.А., 1975. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // МАДИСО. Орджоникидзе. Т. III.
- Кузнецов В.А., 1978. Христианство в Алании до X в. // Известия ЮОНИИ. Тбилиси. Вып. XXIII.
- Кузнецов В.А., 1980. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе. Т. XXXVI, вып. 1.
- Кузнецов В.А., 1986. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1987. Предисловие к кн: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Т. 3.
- Кузнецов В.А., 1990. Погребение III в. н.э. из Кисловодска // СА. №2.
- Куссаева С.С., 1957. Археологические находки последних лет в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Орджоникидзе. Вып. XIX.
- Латышев В.В., 1947-1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ.
- Литвинский Б.А., 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.
- Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Мамаев Х.М., 1986. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV - первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Медойти Д.Н., Чочиев А.Р., 1994. Еще раз о "кавказском" субстрате // От скифов - до осетин. Материалы по осетиноведению. М. Вып. I.
- Менандр Византиец, 1860. Продолжение истории Агафиевой. Пер. С. Дестуниса. СПб.
- Миллер В.Ф., 1887. Осетинские этюды. М. Т. III.
- Миллер В.Ф., 1888. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. Вып. 1.
- Миллер В.Ф., 1962. Язык осетин. М.-Л.
- Минаева Т.М., 1927. Погребения с сожжением близ Покровска // Уч. зап. СГУ. Саратов. Т. VI, вып. 3.
- Минаева Т.М., 1950. Могильник Байтал-Чапкан // МИСК. Ставрополь. Вып. 2-3.
- Минаева Т.М., 1951a. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. Вып. 23.
- Минаева Т.М., 1951b. К истории археологических обследований в верховьях р. Кубани // Уч. зап. СГПИ. Саратов. Т. VII.
- Минаева Т.М., 1955. Городище Адикх в Черкесии // КСИИМК. Вып. 60.
- Минаева Т.М., 1956. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. Вып. XXVI.
- Минаева Т.М., 1960. Поселение в устье р. Узун-Кол // СА. № 2.
- Минаева Т.М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.
- Минаева Т.М., 1982. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
- Моисей Каганкатваци, 1861. История агван. Пер. К. Патканова. СПб.
- Мунчаев Р.М., 1965. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. №2.
- Надирадзе Д.Ш., 1975. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси.
- Нечаева Л.Г., 1956. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

- Нечаева Л.Г., 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.
- Нечаева Л.Г., 1970. Катакомбы могильника Былым // АО-1969.
- ОАК за 1886. СПб, 1891.
- ОАК за 1888. СПб, 1891.
- ОАК за 1889. СПб, 1892.
- ОАК за 1890. СПб, 1893.
- ОАК за 1897. СПб, 1900.
- ОАК за 1898. СПб, 1901.
- Охонько Н.А., Отюцкий И.В., 1982. Богатое захоронение гуннского времени у г.Зеленокумска // СА. №4.
- Памятники армянской агиографии. Пер. и прим. К.С.Тер-Давтян. Ереван, 1973. Вып.1.
- Патканов К., 1883. Из нового списка "Географии", приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб. Вып.ССXXVI.
- Пигулевская Н.В., 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.
- Пигулевская Н.В., 1958. Сирийская легенда об Александре Македонском // Материалы Первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте. Ташкент.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
- Прокопий Кесарийский, 1880. История войн римлян с персами. Пер. С.П.Дестуниса. СПб.
- Прокопий из Кесарии, 1950. Война с готами. Пер. С.П.Кондратьева. М.
- Путинцева Н.Д., 1961. Верхнечирюртовский могильник // МАД. Махачкала. Вып.II.
- Рзаев Н.И., 1964. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку.
- Рунич А.П., 1969. Аланские катакомбные могильники V-VIII вв. в г.Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Орджоникидзе. Т.II.
- Рунич А.П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. №3.
- Рунич А.П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. №4.
- Скрипкин А.С., 1974. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. Вып.140.
- Скрипкин А.С., 1976. Две бронзовые пряжки из Суловского курганного могильника // СА. №3.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Смирнов К.Ф., 1961. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент// МАД. Махачкала. Т.II.
- Сорокина Н.П., 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. №4.
- Сорокина Н.П., 1979. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. Вып.158.
- Сысоев В.М., 1898. Поездка на р. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. Вып.VII.
- Сысоев В.М., 1904. Археологические экскурсии по Закубанью // МАК. Вып.IX.
- Сысоев В.М., 1913. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Тифлис. Вып.43.
- Текеев Г.Х., 1977. Раскопки в Амгате // АО-1976.
- Техов Б.В., 1994. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов - до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып.1.
- Титов В.С., Эрдели И., 1980. Первые итоги раскопок Венгеро-Советской экспедиции на территории ВНР // СА. №1.
- Тменов В.Х., 1979. Город мертвых (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе.
- Тревер К.В., 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып.VIII.
- Фавстос Бузанд, 1953. История Армении. Пер. и комм. М.А.Геворгяна. Ереван.
- Феофан Византиец, 1884. Летопись. Пер. В.И.Оболенского и Ф.А.Терновского. М.
- Флеров В.С., 1987. Работы в урочище Клинь-Яр близ Кисловодска // АО-1985.
- Флеров В.С., Нахапетян В.Е., 1988. Работы в Клинь-Яре // АО-1986.
- Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И., 1968. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси. Т.II.
- Цагаева А.Дз., 1971. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.

- Чеченов И.М., 1971. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тез. докл., посвящ. итогам полевых исследований 1970 г. в СССР. Тбилиси.
- Чеченов И.М., 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. Т.3.
- Чехович М.И., 1914. Краниологическое исследование серии черепов из Куркужинского могильника // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ. №4.
- Шевченко А.В., 1986. К краниологии населения Предкавказской Алании X-XII вв. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Abramowicz A., Dąbrowski K., Jądzewski K., Nosek S., 1959. Periode des migrations des peuples // Inventaria archaeologica: Pologne. Lodz. Fasc.II.
- Alföldi A., 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung // AN. Budapest. T.IX.
- Bierbrauer V., 1980. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5.Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6.Jahrhundert. Wien.
- Fettich N., 1932. Der 2.Schatz von Szilagy-Somlyo // AN. Budapest. T.VIII.
- Keller E., 1971. Die Spättrömischen Grabfunde im Südbayern. München. Band.148.
- Koenig G., 1980. Archäologische Zeugnisse westgotischer Präsenz im 5.Jahrhundert // Madrider Mitteilungen. Heidelberg. 21.
- Mészáros Gy., 1970. A regőlyi Korai népvándorláskori fejedelmi sir // AE. 97, k.1. Budapest.
- Minajeva T.M., 1929. Zwei Kurgane aus der Volkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // ESA. Helsinki. IV.
- Pröttel Ph.M., 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz. 35-1.
- Rostovtzeff M., 1929. The Animal Style in South Russia and China. Oxford.
- Tejral J., 1973. Mähren im 5.Jahrhundert. Brno. Thoma
- Thomas E., 1971. Helm, Schilde, Dolche. Budapest.
- Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.

Архивные материалы

- Алексеева Е.П. Отчет об археологической разведке в районе аула Жако Хабезского района Черкесской авт. обл. в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №671.
- Алексеева Е.П. Отчет об археологической экспедиции в окрестностях аула Жако Хабезского района Черкесской авт. обл. в 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №787.
- Алексеева Е.П. Отчет о работе археологической экспедиции КЧНИИ около аула Учкекен Мало-Карачаевского района Карачаево-Черкесской авт. об. 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №2449.
- Березин Я.Б. Отчет о разведках на территории Ставропольского края в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №15177-15179.
- Березин Я.Б. Отчет об археологических работах в Ставропольском крае за 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №16744-16746.
- Биджиев Х.Х. Отчет археологической экспедиции КЧНИИ о раскопках могильника "Джамагат" в Тебердинском ущелье Карачаево-Черкесской авт. обл. в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №7121.
- Бобринский А.А. Журнал раскопок, произведенных в Керчи и на Кавказе в 1888 г. // Архив ИИМК. ДАК №64 за 1888 г.
- Бурков С.Б. Отчет о спасательных раскопках Чернореченского могильника №1 в Заводском районе г.Грозного ЧИ АССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №13643.
- Габуев Т.А. Отчет о раскопках Северо-Осетинского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №14111.
- Габуев Т.А. Отчет о работе Северо-Осетинского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №16000.
- Дзуцев Ф.С. Отчет о раскопках 1988 г. в Правобережном районе СО АССР (Бесланский катакомбный могильник) // Архив ИА РАН. Р-И. №13576.
- Дзуцев Ф.С. Отчет о раскопках Бесланского могильника в Правобережном районе СО АССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №15061-15064.

- Кияшко А.В. Отчет о работе археологического отряда Волгоградского Гос. пед. института в районе станицы Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской обл. в сезон 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №11246.
- Мизиев И.М. Отчет об археологических работах в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской авт. обл. в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №3747.
- Минаева Т.М. Отчет об археологических раскопках в 1954 г. на городище Адиох в Черкесской авт. обл. // Архив ИА РАН. Р-И. №946.
- Нечаева Л.Г. Отчет о работе отряда по изучению склеповых сооружений Северного Кавказа в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №4221.
- Рунич А.П. Отчет об археологических разведках в районе Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Минвод в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №1480.
- Рунич А.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавминвод в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №1720.
- Рунич А.П. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских "Минеральных вод" в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №2036.
- Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-И. №5249.
- Текеев Г.Х. Отчет о работе археологической экспедиции Карачаево-Черкесского областного музея летом 1976 г. на Амгате // Архив ИА РАН. Р-И. №6143.

Список сокращений

АО	- Археологические открытия
АС ГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭС	- Археолого-этнографический сборник
ВДИ	- Вестник древней истории
ГИМ	- Государственный Исторический музей
ЖМНП	- Журнал Министерства народного просвещения
ИАК	- Известия Археологической комиссии
ИА	- Институт археологии Российской Академии наук
КБНИИ	- Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КБИИФЭ	- Кабардино-Балкарский институт истории, философии и экономики
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КЧНИИ	- Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
МАД	- Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО	- Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАИЭТ	- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК	- Материалы по археологии Кавказа
МАО	- Московское археологическое общество
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	- Материалы по изучению Ставропольского края
ОАК	- Отчет Археологической комиссии
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГПИ	- Саратовский государственный педагогический институт
СГУ	- Саратовский государственный университет
СМОМПК	- Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа
СОНИИ	- Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
ТСУАК	- Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ЧИННИИЯЛ	- Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЮОНИИ	- Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
АЕ	- Archaeologiai Értesítő
АН	- Archaeologia Hungarica
ESA	- Eurasia Septentrionalis Antiqua

Научное издание

Мая Павловна Абрамова

РАННИЕ АЛАНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА III–V вв. н.э.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры.

Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 20,75. Тираж 500 экз. Заказ 7606Р. Изд. № 112.

Отпечатано с оригинала-макета в Отделе научно-технической информации
Пушкинского научного центра РАН.